4Р
В35с

В. Л. Воронцова

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ УДАРЕНИЕ XVIII–XX вв.

Формы словоизменения

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт русского языка

В. Л. Воронцова

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ УДАРЕНИЕ

XVIII–XX вв.

Формы словоизменения

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва
1979

В монографии представлено описание развития ударения в формах словоизменения существительных и глаголов русского языка на протяжении XVIII—XX вв. Прослеживаются основные закономерности и тенденции в истории русского ударения.

Ответственный редактор
Р. И. АВАНЕСОВ

Вера Леонидовна Воронцова

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ УДАРЕНИЕ XVIII—XX вв.
(Формы словоизменения)

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства Е. В. Фурманова
Художник Э. Л. Эрман. Художественный редактор Т. П. Поленова
Технический редактор О. Г. Ульянова
Корректоры Л. И. Кириллова, Г. Г. Петропавловская

ИБ № 15073

Сдано в набор 02.02.79. Подписано к печати 25.07.79. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 17,22. Уч.-изд. л. 18,9. Тираж 3850 экз. Тип. зак. 98. Цена 2 р. 10 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука» 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

В $\frac{70102-261}{042(02)-79}$ 495—79. 4602010000 © Издательство «Наука», 1979 г.

ВВЕДЕНИЕ

В исследовании проблемы «Современное русское литературное ударение» существуют два плана: синхронный, с общей задачей описания современной акцентной системы, предполагающий поиски закономерностей размещения ударения в пределах различных разрядов слов и совершенствование приемов описания этих закономерностей, и диахронно-нормативный с сосредоточением внимания на вопросах складывания современной акцентной системы и ее отдельных звеньев в процессе развития русского литературного языка, на вопросах изменения акцентной нормы.

Первый план акцентных исследований имеет давнюю традицию — необходимость его всегда диктовалась практическими нуждами изучения ударения.

Второй план можно рассматривать как сравнительно новый в науке. Известно, что факты русской акцентуации в историческом сопоставлении до недавнего времени использовались только как материал для реконструкции и истории праславянской акцентной системы.

С. И. Ожегов [1] справедливо говорил об отсутствии обобщающих теоретических работ, посвященных изучению исторических закономерностей развития русского ударения, и об отсутствии специальной дисциплины — русской акцентологии, имеющей свои специфические задачи в отличие от славянской акцентологии.

Неразработанность вопросов истории русского литературного ударения объяснялась в значительной степени неразработанностью ударения предшествующей эпохи древнерусского ударения и ударения нового времени (нач. XVIII в.).

В последние десятилетия с появлением ряда работ по данной проблематике [2] положение существенно ме-

---

[1] См.: *Ожегов С. И.* Очередные вопросы культуры речи. — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 1. М., Изд-во АН СССР, 1955.

[2] *Колесов В. В.* История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Изд-во ЛГУ, 1972; *Хазагеров Т. Г.* Развитие типов ударения в системе русского именного склонения.

няется. Хотя исследователи и сейчас признают, что исторической акцентологии как самостоятельной науки не существует и что в этой области лишь происходит известное накопление материала, однако можно считать, что и уже имеющиеся результаты дают возможность предпринять систематическое исследование истории русского ударения второй половины XVIII—XX вв.

Литературу по этой проблеме, появившуюся также преимущественно в последние десятилетия, можно назвать обширной и ограниченной одновременно. Обширной, поскольку она включает сравнительно большое число исследований, посвященных истории русского литературного ударения — от специальных исследований на эту тему [3] до многочисленных работ более частного характера, в которых рассматривается изменение ударения в отдельных разрядах слов. Ограниченной можно считать ее, если иметь в виду степень разрешения общей задачи — последовательное исследование этапов становления русской акцентной системы, выявление закономерностей акцентного развития отдельных категорий слов, определение перспектив акцентных изменений.

Задача настоящей работы — проследить развитие русской акцентной системы на временном срезе: вторая половина XVIII—XX в. Это временное ограничение вполне понятно. Исторические исследования в области норм современного русского литературного языка закономерно ограничиваются обычно этим периодом как периодом формирования современного русского литературного языка. Справедливо считается, что на этой основе могут быть изучены тенденции развития русского литературного языка и определены закономерности, свойственные нашей эпохе. В дополнение к теоретическим обоснованиям, диктующим такое ограничение, в нашей теме присоединяются еще и практические: только со второй половины XVIII в. можно в большом объеме привлечь

Изд-во МГУ, 1973; *Черных П. Я.* Язык Уложения 1649 года. М., Изд-во АН СССР, 1953; *Stang Chr.* La langue du livre «Ученіе и хитрость ратного строенія пѣхотныхъ людей». Oslo, 1952; *Stang Chr.* Slavonic accentuation. Oslo, 1957.

[3] См., например: *Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX в. М., Учпедгиз, 1954; *Kiparsky V.* Der Wortakzent der Russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962; *Шелюто Г. А.* Русское ударение, ч. I. Ужгород, 1962.

для исследования ударения данные стихотворной речи, которые, помимо показаний словарей и грамматик, часто ограниченных в том или ином отношении, являются единственным источником наших сведений об ударении в прошлом.

Кроме ограничений временных рамок исследования в данной работе необходимо ввести и ограничение круга обследуемого материала. Характер этого ограничения определяется самой ролью ударения в русском языке.

Р. И. Аванесов, из основных положений которого мы исходим в понимании этой роли, характеризует русское ударение как сложное явление, имеющее существенное значение для разных сторон структуры языка. Разноместность делает ударение индивидуальным признаком слова и отличает данное слово от других слов, т. е. относится к сфере лексикологии. Подвижное ударение является признаком данного слова в его данной грамматической форме. При регулярности передвижений ударения с одного места на другое в разных формах данного грамматического типа слов подвижное ударение становится принадлежностью соответствующей парадигмы, т. е. относится к сфере грамматики. Однако самый характер ударения, средства его выделения относятся к фонетике так же, как относится к фонетике и роль ударения как фактора, определяющего собой в значительной мере звуковой облик данного слова, в особенности в области вокализма [4].

Однако и сам грамматический аспект исследования ударения, который закономерно вычленяется на основе признания связи ударения со словом не только как с лексической и фонетической, но и как с грамматической единицей, предполагает наличие двух планов: словоизменительного и словообразовательного. Ввиду большого объема материала, относящегося к тому и другому плану исследования, мы считаем возможным ограничиться рассмотрением здесь только изменений ударения в пределах словоизменительных категорий, полагая, что исследование изменений ударения на морфологическом и словообразовательном уровнях и в принципе должно вестись отдельно, поскольку эти изменения вызваны раз-

[4] *Аванесов Р. И.* Ударение в современном русском литературном языке. М., Учпедгиз, 1955, с. 31.

ными причинами и обнаруживают различные тенденции. Это связано с ролью ударения как дополнительного (добавочного) грамматического средства [5], которая различна в словообразовании и словоизменении.

Только большим объемом материала обусловлено ограничение исследования формами словоизменения имен существительных и глаголов — основных грамматических разрядов слов.

Противопоставленные по ряду грамматических признаков, имена существительные и глаголы и в акцентном отношении обнаруживают, как будет показано далее, определенные различия. Исследование строится на основе учета этой противопоставленности.

Основной материал, на котором строится настоящая работа, дает акцентологическая картотека Института русского языка АН СССР (картотека создавалась в течение 1954—1961 гг.). Картотека включает более 150 000 карточек с примерами и 60 000 слов, зафиксированных в списках. Основной материал картотеки — примеры из стихотворных текстов XVIII—XX вв.[6] Разумеется, пользуясь стихотворными данными, очень ценным, а часто просто единственным источником для изучения истории ударения, необходимо принимать во внимание всю ту «особенность» поэтического материала, о которой неоднократно говорилось в научной литературе, в частности Л. А. Булаховским: большую, чем объективно существующая в литературном языке, вариативность, возможность стилистического использования ударения, например, намеренную его в некоторых случаях архаизацию и т. д.

Однако, как справедливо пишет Н. А. Еськова, характеризуя материалы картотеки, «при умелом использовании всех других возможных сведений (в первую очередь — данных словарей и грамматик) стихотворный материал позволяет установить достаточно верную и точную картину развития системы русского ударения за последние полтора—два столетия» [7].

---

[5] *Аванесов Р. И.* Ударение в современном русском литературном языке . . .

[6] Описание состава акцентологической картотеки сделано Н. А. Еськовой. См.: Картотека по современному русскому ударению. — В кн.: Лингвистические источники. Фонды Института русского языка. М., «Наука», 1967.

[7] Там же, с. 167.

В данной работе материалы акцентологической картотеки дополняются показаниями следующих словарей XVIII—XIX вв.: «Словарь Академии Российской». СПб., 1789—1794 (далее — Сл. Акад. Рос. 1794), «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный». СПб., 1806—1822 (далее — Сл. Акад. Рос. 1822), «Словарь церковно-славянского и русского языка». СПб., 1847 (далее — Сл. 1847). Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1—4, 3-е изд. СПб.—М., 1903—1909 (далее — Сл. Даля). «Словарь русского языка, сост. Вторым отделением АН. 1891—1929» (далее — Сл. Акад.). Из современных словарей использован главным образом «Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова» (М., 1934—1940, далее — СУ) как первый современный словарь, фиксирующий те значительные изменения акцентных норм, которые произошли в 30-х годах нашего столетия, и словарь—справочник «Русское литературное произношение и ударение» (Под. ред. Р. И. Аванесова, С. И. Ожегова. М., 1959, далее — $АО_{59}$)— как следующий этап нормализации ударения, отражающий нормы 50-х годов. Данные других словарей привлекались по мере необходимости.

Из грамматик XIX в. использована Русская грамматика Востокова. СПб., 1831 и 1859 (далее — Грамматика Востокова), где представлены все типы подвижности ударения и приведены исчерпывающие для данного периода списки слов с тем или иным типом подвижного ударения. В сочетании с поэтическими материалами и материалами словарей данные Грамматики Востокова дают достаточно полную картину акцентных норм на временном срезе: начало — первая половина XIX в. В работе использованы также материалы и выводы ряда опубликованных исследований.

Мы не предполагали давать полного описания всей акцентной системы имен существительных и глаголов на разных этапах. Работа ориентирована на исторические сдвиги в акцентной системе и потому здесь рассматриваются только «подвижные» звенья этой системы.

В области именного ударения:

1) непроизводные имена существительные жен. рода на *-а(-я)* и некоторые группы производных имен, испытывающих колебания в ударении (с суф. *-от(а)*, *-ин(а)* и др.);

2) непроизводные имена существительные жен. рода с основой на мягкий согласный; отдельные производные имена существительные (с суф. *-ость*);

3) непроизводные имена существительные муж. рода; некоторые группы производных имен;

4) непроизводные имена существительные ср. рода.

В области глагольного ударения:

1) глаголы непродуктивных классов;

2) глаголы продуктивных классов (глаголы с инфинитивом на *-ить*, *-овать*, *-ировать*).

Названные группы слов представляют основной объект исследования и определяют основные главы работы.

Результаты уже проведенных исследований и имеющийся в картотеке материал позволяют выявить подвижные элементы в этих подвижных звеньях, т. е. круг слов, изменивших свое ударение в процессе развития литературного языка. Можно считать, что уже и по отношению к начальному моменту исследования (вторая половина XVIII в.) известны списки слов, акцентная история которых нас интересует.

Наша задача — проследить их акцентную судьбу в русском литературном языке, сопоставив нормы ударения на этапах: вторая половина XVIII—нач. XIX в.—середина XIX в.—начало XX в. — современная эпоха.

В анализе и описании материала возможны разные пути. Мы принимаем за исходное то состояние, которое сложилось к начальному этапу исследования — второй половине XVIII века, последовательно прослеживая все дальнейшие изменения.

Рассматривая акцентные изменения, происходящие в процессе развития литературного языка, исследователи обычно связывают их с особенностями взаимоотношения литературного языка с северными и южными народными говорами на различных исторических этапах, а также с влиянием церковнокнижного произношения (Л. А. Булаховский и др.).

В работах последних лет закономерно ставится вопрос о системных отношениях, которые прежде всего и определяют направление акцентных изменений. Диалектные и другие влияния лишь наслаиваются на эти изменения.

У В. В. Колесова вопрос о системных отношениях ставится совершенно четко. «Изучение материала показывает, что нет универсальной причины изменения словес-

ного ударения. На каждом этапе изменение определяется основными потребностями конкретной системы, причем фонетические причины преобразования ограничиваются праславянской эпохой, а стилистические свойственны только литературному языку» [8].

В нашей работе мы закономерно ограничиваемся рамками русского литературного языка, привлекая показания церковнокнижного языка только в тех конкретных случаях, где это возможно и где этого требует анализ материала. То же можно сказать об использовании диалектных данных.

Как показывают исследования, многие акцентные процессы в говорах представляют известную параллель тому, что происходит в литературном языке, и это дает возможность выявить некоторые общие закономерности акцентного развития. Было бы очень важно сопоставить в этом плане все те подвижные звенья акцентной системы, о которых говорилось выше. Однако это особая задача, и в данной работе она не может быть поставлена. Отдельные сопоставления, если это оказывается возможным, даются.

Деление работы на два основных раздела — «Акцентные процессы в именном словоизменении» и «Акцентные процессы в глагольном словоизменении» — диктуется как самим морфологическим членением материала, так и тем разным направлением акцентных изменений, которые обнаруживают именные и глагольные словоформы.

В первом разделе материал распределяется по главам в соответствии с морфологической характеристикой имен существительных. Во втором — отдельно рассматриваются акцентные изменения в кругу глагольных форм прош. времени и глагольных форм наст. времени, а также те изменения, которые наблюдаются в формах инфинитива (и свойственны всей системе форм). Такая группировка материала рациональна, поскольку направление акцентных изменений в кругу этих форм различно и обусловлено, как будет показано далее, разными причинами.

В раздел об именном ударении включается и глава, в которой рассматриваются изменения ударения в пред-

---

[8] *Колесов В. В.* Именная акцентуация в древнерусском языке. Автореф. докт. дис. Л., 1969, с. 30.

ложно-именных сочетаниях. Строго говоря, этот материал не относится к теме данной работы, поскольку для современного языка предложно-именное ударение представляет не план парадигматики, а план синтагматики ударения. Однако современное положение есть результат определенных акцентных процессов, действие которых протекает в рассматриваемый период и еще достаточно активно в XIX в., потому эта группа представляет интерес для настоящего исследования.

Как уже отмечалось, основной материал, на котором строится работа, дают словари, грамматики и поэтические произведения. Однако мы располагаем и известным уникальным, хотя и очень небольшим по объему (если иметь в виду сам список слов и форм), акцентологическим материалом — данными опроса по программе «Вопросника по современной русской морфологии» (М., 1963). Распределение акцентных вариантов, выявленное по этим данным, указывает на те же направления акцентных изменений, которые прослеживаются в процессе анализа основного материала и подтверждают, как правило, сделанные выводы об акцентном развитии тех или иных групп слов. Представляется, однако, целесообразным выделить этот материал отдельно, как аспект особого рассмотрения, поскольку он дает возможность не только видеть движение акцентных норм на основе различного распределения акцентных вариантов у лиц разного возраста, но и позволяет проследить особенности употребления акцентных вариантов в зависимости от других социальных характеристик говорящих — их социальной принадлежности, образования, географического фактора — места наиболее длительного пребывания. Все это существенно дополняет картину наблюдаемого сейчас акцентного варьирования.

Рассмотрение названных материалов составляет содержание третьего раздела «Современные акцентные процессы в свете статистических данных».

В задачу работы не входит выработка какой-либо особой, удобной для намеченного анализа терминологии. Мы пользуемся здесь теми понятиями и определениями, которые сложились в науке. Прежде всего это понятие акцентуационной (акцентной) парадигмы. Термин «акцентуационная парадигма» (далее — АП) используется в том значении, которое придавал ему В. М. Иллич-

Свитыч [9], т. е. как характерную для определенной группы слов, относящихся к какой-либо грамматической категории, совокупность акцентных отношений в различных формах слова, своего рода «акцентуационную кривую» грамматической парадигмы.

В характеристике акцентных парадигм также исходим из определений В. М. Иллича-Свитыча [10], которые широко используются в работах по акцентологии: баритонированная АП — ударение на основе (баритонеза) характеризует все формы слова (например, *гри́ва*, *гри́вы*, *гри́ве*, *гри́ву* и т. п.); окситонированная АП предполагает ударение на флексии в тех случаях, когда флексия наличествует (*двор*, *двора́*, *двору́*, *дворо́м* и т. п.); подвижная АП — разноместность ударения в различных формах слова (*вода́*, *воды́—во́ду*, *во́ды* и т. п.). Использование этих терминов может вызвать возражение, поскольку они выработаны для исторической акцентологии и не уместны как будто при анализе современного состояния ударения. Мы полагаем, однако, что в данной работе употребление приведенных терминов правомерно и даже необходимо, поскольку это обеспечивает известную преемственность в анализе акцентного материала. Ведь цель работы, в сущности, проследить движение акцентуационных парадигм, принимая за исходное то их состояние, которое сложилось к позднему древнерусскому периоду. Под движением АП мы имеем в виду как изменение состава слов, акцентуируемых по данному типу в тот или иной период, так и изменения в самой совокупности акцентных отношений. Последнее характеризует подвижную АП и связано с развитием так называемого типа новой подвижности (с противопоставлением по ударению форм ед. и мн. числа) и появлением ряда вариантов подвижности, обусловленных разными условиями переакцентовки слов в их движении к новому типу подвижности. В характеристике этих разных типов ударения в современном языке мы опираемся на работу А. А. Зализняка «Русское именное словоизменение» (М., «Наука», 1967), используя и предложенные им индексы для обозначения типов (схем) современной акцентуации: схема *а* — ударение на основе; схема *в* — ударение на флексии; типы подвижности: схема *с* (*по́ле*,

[9] *Иллич-Свитыч В. М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., Изд-во АН СССР, 1963, с. 4.
[10] Там же.

пбля — мн. *поля́*, *поля́м*; *дуб*, *ду́ба* — мн. *дубы́*, *дуба́м*; *дом*, *до́ма* — мн. *дома́*, *дома́м*); схема *d* (*число́*, *числа́* — мн. *чи́сла*, *чи́слам*; *беда́*, *беды́* — мн. *бе́ды*, *бе́дам*); схема d^1 (*вода́*, *воды́*, вин. *во́ду* — мн. *во́ды*, *во́дам*); схема *f* (*губа́*, *губы́* — мн. *гу́бы*, *губа́м*); схема f^1 (*нога́*, *ноги́*, вин. *но́гу* — мн. *но́ги*, *нога́м*); схема *e* (*волк*, *во́лка* — мн. *во́лки*, *волка́м*).

Об основных тенденциях развития русского литературного ударения

В работах, посвященных исследованию русского литературного ударения в диахроническом плане, обычно обсуждается в той или иной форме вопрос о тенденциях развития русского ударения, который имеет как теоретический, так и практический интерес.

По одной из имеющих распространение точек зрения, путь русского ударения в будущем может стать подобным пути развития ударения в польском и чешском языках, перешедших от разноместности и подвижности к фиксированному ударению. Замена подвижного ударения неподвижным и разноместного — фиксированным рассматривается как общий процесс, характерный для балтийских и славянских языков. Отмечается, что разные языки лишь в разной степени следуют этой тенденции [1].

Большое значение придается таким фактам изменения ударения слов в процессе развития русского литературного языка, которые свидетельствуют о передвижении ударения к началу слова, поскольку это обычное положение ударения во всех славянских и балтийских языках с фиксированным ударением (кроме польского). М. Олехнович [2] рассматривает этот тип акцентных изменений (перенос ударения на один или два слога ближе к началу слова) как одну из тенденций развития русского ударения, отмечая, что процесс охватил уже довольно многочисленные группы слов, главным образом с неподвижным ударением на окончании или на последней гласной основы. Это, например, страдат. причастия прош. времени от глаголов на *-ать* (*-ять*): *и́збранный* вместо *избра́нный* и *и́з-*

[1] *Суперанская А. В.* Ударение в собственных именах в современном русском языке. М., «Наука», 1966, с. 13; *Olechnowicz M.* Teoretyczne zasady dystrybucji rosyjskiego akcentu wyrazowego. Łódź, 1974, с. 104.

[2] *Olechnowicz M.* Op. cit., с. 101.

брана вместо *избрана́* при *избра́ть*, страдат. причастия прош. времени от глаголов на *-ить*: *повúнченный* при *повинти́ть*, *заснежённый* и *заснéженный* при *заснежи́ть*; страдат. причастия прош. времени от глаголов на *-ти* (*-ть*): *на́йденный* вместо *найдённый*; страдат. причастия прош. времени от глаголов на *-нуть*: *за́ткнутый* при *заткну́ть*; префиксальные отглагольные существительные: *во́зглас* вместо *возгла́с*, существительных на *-а́рь*: *мы́тарь* вместо *мыта́рь* и т. д.

Хотя подобного рода изменения и очень многочисленны, они не охватывают всей массы отмечаемых переакцентовок. М. Олехнович выделяет еще два направления акцентных изменений: изменение типа ударения и выравнивание ударения в парадигме. Первое иллюстрируется фактами передвижения ударения на суф. *-ение* в словах типа *плавлéние*, *назначéние* (старое *плáвление*, *назнáчение*), на гласный *и* в словах на *-льщик*, *-льщица*, *-льня* (*парúльщик*, *парúльщица*, *парúльня* при *пáрить* и старом *пáрильщик* и т. д.), именах на *-тель* (*заготовúтель*, *утешúтель* при старом *заготóвитель*, *утéшитель*), то же в прилагательных на *-льный* (*гладúльный*, *парúльный*) и *-тельный*; перемещением ударения на формант *-ее*, *-ейш-* в формах степеней сравнения (*длиннéе* вместо *длúннее*, *сильнéйший* вместо *сúльнейший* и др.). Второй тип изменений демонстрируют имена жен. рода на *-а* типа *изба*, ограничивающие наосно́вное ударение в формах вин. падежа ед. числа (*úзбу*) и наконечное ударение (*стенáм*, *стенáми*, *стенáх*) в формах мн. числа, а также формы прош. времени глаголов непродуктивных групп, производных от *брать*, *лить* и под., которые выравнивают ударение в парадигме по форме инфинитива, страдат. причастия на *-тый*.

Поль Гард в статье, специально посвященной рассматриваемой теме [3], находит иные основания для выявления тенденций развития русского ударения, суть которых — тоже признание ограничения подвижности русского ударения.

Гард называет две основные тенденции в развитии ударения: ограничение исконной подвижности ударения

[3] *Carde P.* L'évolution de l'accent russe: quelques tendances. — Institut de linguistique générale et d'études orientales et slaves. Cahiers de linguistique, d'orientalisme et de slavistique 3—4. Université de Provence (Отд. оттиск).

(имеется в виду передвижение ударения между двумя крайними слогами слова — начальным и конечным); развитие предконечного и предсуффиксального ударения. В первом случае речь идет: 1) об изменениях ударения в конце слова и энклитиках (например формы *начался́*, *занялся́*, которые в современном языке конкурируют с формами с корневым ударением; формы типа *несете́*, сохранившиеся только в северных диалектах); 2) об изменениях ударения в начале слова: а) ограничении ударения на предлоге, б) ограничении ударения на глагольной приставке (*со́брал*, *про́гнал*, *со́звал* и *про́лил*, *до́тдал*); 3) об изменении ударения в основе слова, где различные изменения обнаруживают тенденцию к ограничению передвижения акцента между границами еще более узкими: не только между началом и концом слова, но также между начальным слогом корня и начальным слогом окончания. Речь идет о группе имен на *-ость* типа *новость* (*новосте́й*) и *область*, среди которых слов с подвижным ударением меньшинство; акцентных процессах в кругу имен жен. р. на *-а*, где исконная подвижность ударения, определявшая движение ударения в кругу форм ед. (*голова́*, *го́лову*) и форм мн. числа (*го́ловы—голова́м*), имеет, по словам Гарда, тенденцию модифицироваться для большинства слов.

Вторая из называемых Гардом тенденций — развитие предконечного и предсуффиксального ударения — вытекает из следующих фактов изменения ударения: 1) в глагольных флексиях: а) конкуренции между наконечным и предконечным ударением в формах наст. времени глаголов на *-ить* (*вари́ть,—варю́*, *вари́шь* и *варю́*, *ва́ришь*), б) конкуренции суффиксального и предсуффиксального ударения в страдат. прич. прош. вр. на *—анный* и *-нутый*, где предсуффиксальное ударение генерализуется в противоположность суффиксальному в претерите (*отобра́л—отобранный*, *перегну́л—пере́гнутый*), в) переакцентовки причастий на *-енный* (*положённый—полбженный*), г) переакцентовки причастий на *-енный* без палатализации (*найдённый—на́йденный*); 2) во флексиях существительных: а) колебаний в акцентовке форм мн. числа существительных на *-а* с фиксированным наконечным ударением в формах ед. числа, где предконечное ударение в формах мн. числа (*сирота́—сиро́ты*) генерализовано в большом числе слов; б) генерализации предконечного ударения в формах мн. числа имен ср. рода (*колесо́—колёса*); в) ко-

лебаний ударения в кратких формах прилагательных *высоко́* и *высо́ко*, *далеко́* и *далёко*, то же в формах мн. ч. в противоположность формам жен. р., где ударение всегда на флексии; 3) ударения дериватов, где тенденция к установлению предсуффиксального ударения выявляется в течение всей истории русского языка (тип *семе́йство*, *сви́нство*, сравнительно с немногочисленными типа *божество́*); ударения интернациональных слов (*геоло́г* при старом *геоло́г*, *термо́метр* при старом ударении на *-метр*, *авто́бус* при старом *автобу́с* и др.).

При различии самих исходных позиций и намеченных тенденций оба автора сходны в одном — стремлении свести число однотипных акцентных изменений к минимуму и поэтому в одной плоскости рассматриваются и факты изменения ударения формообразовательного и ударения словообразовательного, а также примеры изменения ударения в заимствованиях. Между тем, если понимать тенденцию не только как образец однонаправленных изменений, но изменений, связанных с действием каких-то общих причин, разнородные факты следует не объединять, а разграничивать.

Выделяя морфологический аспект исследования ударения, который как особый и представлен в работе, т. е. имея в виду факты изменения формообразовательного ударения, полагаем, что основной тенденцией следует признать тенденцию «грамматикализации» ударения, понимая под этим факт развития дифференцирующей функции русского ударения. Это вытекает из теоретических предпосылок, которые представляются нам правильными — понимания ударения как дополнительного (добавочного) грамматического средства, сопровождающего основное средство образования грамматических форм — аффиксацию [4].

Следует подчеркнуть, что в трудах московских ученых-фонологов роль ударения как дополнительного грамматического средства не только постулировалась по отношению к современному (синхронному) состоянию языка. Делалась известная попытка проецировать ее и на истори-

[4] *Аванесов Р. И., Сидоров В. Н.* Очерк грамматики русского литературного языка, ч. 1. Фонетика и морфология. М., Учпедгиз, 1945; *Аванесов Р. И.* Ударение в современном русском литературном языке. М., 1955; *Он же.* Русская литературная и диалектная фонетика. М., «Просвещение», 1974.

ческий материал — изменения в морфологической системе. У В. Н. Сидорова взгляд на акцентные процессы, как тесно связанные с общими грамматическими процессами, выражен вполне определенно [5].

В. Н. Сидоров рассматривал как одну из наиболее общих закономерностей историко-морфологического развития тенденцию к противопоставленности множественного числа единственному. Сложившись в результате разрушения и утраты категории двойственного числа и превращения общей категории в бинарную, основанную на противопоставлении двух ее членов, эта тенденция, по мысли В. Н. Сидорова, продолжала действовать на протяжении всей последующей истории русского языка, действует и в современном русском языке, обусловив и обусловливая собой множество общих и частных закономерностей морфологического развития.

Соединившись с уже сложившейся тенденцией к выдвижению грамматического рода в качестве признака, определяющего распределение существительных по типам склонения, тенденция к противопоставлению множественного числа единственному повлекла за собой тенденцию к стиранию родовых различий во множественном числе, а это в свою очередь привело к тенденции выделения форм множественного числа всех существительных в особый, самостоятельный тип склонения. Трехчастная парадигма, характерная для древних типов склонения (с треть-парадигмами ед., двойств. и мн. числа), с разрушением категории двойственного числа должна была превратиться в двухчастную (с полупарадигмами ед. и мн. числа), а затем — с началом действия рассматриваемой тенденции — в одночастную. Поскольку флективное противопоставление множественного числа единственному оказалось недостаточным, оно было дополнено еще двумя средствами противопоставления: противопоставлением по основе и по месту ударения.

Подобное мнение об общем направлении грамматических процессов высказывал Н. Н. Дурново: «Связь между формами ед. и мн. числа в русском языке несколько отличается от той, которую мы находим в индоевропейском, а также в языках архаизирующего типа и даже

---

[5] Сообщение А. Б. Пеньковского на Сидоровских чтениях в Институте русского языка АН СССР.

в общеславянском. Формы мн. числа в новых образованиях редко связываются с формами ед. числа: инновации в склонении чаще всего происходят в результате аналогии и не выходят за пределы одного числа; кроме того, взаимное влияние различных категорий склоняемых слов в ед. числе различно на уровне ед. и мн. чисел» [6].

Важно отметить, что при таком подходе к акцентным процессам — с учетом основных грамматических тенденций — находят объяснение многие факты, которые до сих пор не были объяснены достаточно удовлетворительно. В первую очередь это вопрос о причинах появления и большой продуктивности типа новой подвижности в кругу имен жен. рода на *-а* (*игра́*, *игры́*, *игру́* — мн. *и́гры*, *и́грам*), под который подводятся и имена, принадлежащие к старой подвижной АП, окситонированной АП и отчасти — баритонированной АП.

Существующие объяснения акцентной перестройки имен на *-а* как связанной только с фонологическими причинами — необходимостью различать род. падеж ед. (*игры́*) и им. мн. числа (*и́гры*) и дальнейшим выравниванием ударения в формах мн. числа [7] всегда оставляют место для сомнений. Ср., в частности, ряд возражений, высказанных В. Г. Скляренко в связи с изучением истории ударения имен *а*-основ в украинском языке. Если связывать это явление с фонологическим выравниванием, то возникает вопрос, почему такое перемещение ударения не наблюдалось раньше, хотя причина существовала; трудно допустить, чтобы выравненная акцентная парадигма подверглась влиянию парадигмы невыравненной и др. [8]

Вопрос становится гораздо более ясным, если в акцентной перестройке имен на *-а* видеть одну из сторон общего грамматического процесса размежевания форм ед. и мн. числа.

На основе изложенной концепции В. Н. Сидорова может получить более четкое разрешение и другой слож-

[6] *Дурново Н. Н.* О склонении в современном великорусском литературном языке. — ВЯ, 1971, № 4, с. 93.

[7] *Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX в. М., Учпедгиз, 1954, с. 150. Ср. также: *Jakobson R.* The relationship between genitive and plural in the declension of Russian nouns. — In: *Jakobson R.* Selected writings, v. 2. The Hague, 1971.

[8] *Скляренко В. Г.* Історія акцентуації іменників *а*-основ української мови. Київ, 1969.

ный вопрос в истории русского языка — о продуктивности форм на *-а* (*-я*) в им. падеже мн. числа существительных муж. рода. Главное здесь — тоже переход к новому типу подвижности (современная схема *с*), обусловленный тенденцией к противопоставленности форм ед. и мн. числа; флексия *-а* выступает как средство осуществления этой противопоставленности. Дело в том, что ударяемая флексия *-ы* (*-и*), тоже способная осуществлять такое противопоставление (ср.: *дар*, *да́ра* — мн. *дары́*, *дара́м*), присоединима к узкому кругу слов (односложных) и потому не способна обеспечить реализацию названного процесса в больших масштабах; флексия *-а* не имеет такого ограничения, она может перевести в подвижность типа *с* гораздо более широкий круг лексики. В этом причина ее продуктивности. Правы, на наш взгляд, те лингвисты (А. Б. Пеньковский) которые возражали против понимания форм на *-а* как индуктора наконечного ударения в парадигме мн. числа. Формы на *-а* не открывали процесса передвижки ударения с основы на флексию, а завершали его.

В связи со сказанным следует упомянуть, что Т. Г. Хазагеров развивающуюся дифференциацию форм числа с помощью акцентных средств предлагает рассматривать как частный случай использования акцентуации в качестве средства выражения количественных отношений вообще, т. е. количественных отношений типа: число в именах существительных и местоимениях-существительных, степень в прилагательных, вид, а также некоторые способы действия в глаголе. Количественные отношения, лежащие в основе этих категорий, по Хазагерову, столь универсальны и актуальны в повседневном употреблении, что языковое сознание особенно охотно связывает с ними формальные различия — независимо от того, какой была мотивация этих различий в предшествующую эпоху — и охотно генерализует эти формальные различия [9].

Исследования исторического плана последних лет [10] убедительно свидетельствуют о развитии дифференцирую-

[9] *Хазагеров Т. Г.* Ударение как средство дифференциации грамматических форм. — ВЯ, 1973, № 4.

[10] См.: *Колесов В. В.* История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Изд-во ЛГУ, 1972; *Хазагеров Т. Г.* Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. Изд-во МГУ, 1973; *Он же.* Ударение как средство дифференциации. . .

щей функции русского ударения. На материалах нашей работы это подтверждается прежде всего, как уже упоминалось, всей акцентной историей имен жен. рода на *-а*, которая представляет собой преимущественное взаимодействие старой подвижной (тип *вода́*, *во́ду*, *во́ды*, *вода́м*) и старой окситонированной (*сестра́*, *сестру́*, *сестры́*, *сестра́м*) АП с основным содержанием: формирование на основе этих двух парадигм новой АП, представляющей новый тип подвижности: ударение на флексии во всех формах ед. числа и ударение на корне во всех формах мн. числа (*сестра́*, *сестру́*—*сёстры*, *сёстрам*). Формирование нового типа подвижности относят к середине XIX в. (на том основании, что Востокову этот тип еще не известен, а Грот его нормирует) [11].

Время устойчивого закрепления типа новой подвижности, когда он становится уже численно значительным, по-видимому, — начало XX в. Судя по рекомендации Толкового словаря русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, в тридцатых годах XX в. тип новой подвижности не только существовал уже вполне реально, но и численно был довольно значительным. Сюда включались некоторые имена с исконной подвижностью и большая часть имен старого славянского окситонного класса (исключения постепенно ликвидируются). К настоящему времени у всех имен старого славянского окситонного класса ударение оказалось преобразованным: от окситонии они в полном своем составе перешли (или переходят) к новой подвижности, «перегнав» по результатам акцентной перестройки группу подвижно-ударяемых имен (последние представляют больше традиционных отклонений от типа новой подвижности). В орбиту действия новой подвижности вовлекаются многие старые заимствования (*серьга*), в том числе из церковнославянского (*глава*, *страна*), а также новые заимствования, получившие первоначально ударение на флексии. Включаются сюда и многие производные имена на *-от(а)*, *-ин(а)* и др.

Заметим здесь, что изменение акцентуации имен *а*-основ, определяющее вхождение их в тип новой подвижности, предполагает:

а) развитие ударения на флексии в форме вин. падежа ед. числа у подвижно-ударяемых имен;

---

[11] *Колесов В. В.* Указ. соч., с. 70.

б) развитие ударения на корне в им.-вин. падежах мн. числа у имен окситонированной АП;

в) развитие корневого ударения в косвенных падежах мн. числа у имен той и другой парадигмы.

Таким образом, факты, определяемые П. Гардом [12] и М. Олехновичем [13] как действие разных тенденций (ограничение старой подвижности *голова́—го́лову*, *го́ловы*, *голова́м* и развитие предконечного ударения: *сирота́—сиро́ты* — по Гарду; выравнивание парадигмы: *избу́*, как *изба́* и *и́збам*, *и́збами*, *и́збах*, как *и́збы* и передвижение ударения на слог вперед: *ско́бы* — по Олехновичу), есть, по сути дела, результат действия одной тенденции.

Увеличение числа лексем, принадлежащих к подвижной АП, наблюдается и в кругу имен существительных ср. рода. Основу протекающих здесь акцентных процессов также составляет развитие противопоставленности форм ед. и мн. числа, при этом имена ср. рода «открывали» названное направление акцентной перестройки, что определялось условиями их морфологической трансформации. Ср. установившееся в качестве нормы ударения: *лета́*, *лета́м*, вместо *ле́ты* (и *ле́та*), *ле́тами*; *войска́*, *войска́м*, вместо *во́йска*, *во́йскам*; *зеркала́*, *зеркала́м* вместо *зе́ркалы*, *зе́ркалам* и др.

Особой же активностью отличается расширение подвижной АП в кругу имен существительных муж. рода — при флексии *-ы* в им. падеже мн. числа (*дар*, *да́ра*, *дары́*, *даро́в*) и особенно при флексии *-а* (*го́род*, *го́рода—города́*, *городо́в*). Под этот тип подвижности подводится в процессе развития литературного языка ряд слов с неполной акцентной противопоставленностью форм ед. и мн. числа (тип *е*): *век —ве́ки*, *веко́в*; *дом—до́мы*, *домо́в*; *гроб—гро́бы*, *гробо́в* (сейчас этот тип остается на положении «реликтового»: слова, принадлежащие к нему, исчисляются списком: *бог*, *волк*, *вор*, *зуб* и др.; ряд слов с основой на мягкий согласный типа *голубь* и др.) и переводится значительное число слов из баритонированной АП (преимущественно заимствования); некоторые из них переводятся через этап неполной подвижности (ср. современное *порт—по́рты*, *порто́в*; *фронт—фро́нты*, *фронто́в*, и др.).

---

[12] *Garde P.* Op. cit.
[13] *Olechnowicz M.* Op. cit.

В то же время имена существительные старых *i*-основ жен. рода, имеющие в качестве образца подвижности только неполную акцентную противопоставленность (*ветвь*, *ве́тви* — мн. *ве́тви*, *ветве́й*), не представляют единого направления акцентных преобразований. В этой группе сохраняет известную продуктивность и подвижность, но наряду с этим возникает и тенденция к закреплению неподвижного ударения на основе, выравнивание ударения по именительному падежу: *ве́твей*, *гру́дей*, *две́рей*, *ки́стей*, *но́востей* и т. д. Многочисленные пометы *не*, отнесенные к такому ряду фактов в словаре «Русское литературное произношение и ударение» под ред. Р. И. Аванесова, С. И. Ожегова (М., 1959), свидетельствуют о значительной распространенности процесса выравнивания.

Возможно, что дело здесь именно в неполной акцентной противопоставленности форм ед. и мн. числа. Заимствование же «чужой» флексии *-а* в им. мн. числа, которая выравнивала бы полупарадигму множественного в акцентном отношении (ср. *скоростя́*, *дробя́* и др.), остается фактом ненормативным.

Наряду с расширением типов подвижности, определяющих акцентную противопоставленность форм ед. и мн. числа, происходит сокращение тех типов подвижности, которые не представляют подобной акцентной противопоставленности или выявляют акцентную обособленность одной формы в полупарадигме ед. числа. Это форма вин. ед. в группе имен жен. рода на *-а*, (*вода́*, *воды́*. *во́ду*) и местного ед. (*степь*, *сте́пи*, *о сте́пи*, но *в степи́*) в группе имен жен. рода на *-ь*. Эти формы, представляющие известную акцентную «аномалию», обнаруживают тенденцию к выравниванию. Отсюда распространенные колебания типа *и́збу́*, *до́ску́*, *в сте́пи́*, *в но́чи́* и т.д. Число слов, устойчиво удерживающих традиционное ударение, сравнительно невелико.

В этом процессе выравнивания ударения можно видеть тенденцию к колонному ударению в полупарадигме ед. числа (Олехнович), но, надо думать, это только внешнее выявление действующей тенденции грамматикализации ударения: ликвидация грамматически не оправданных акцентных отступлений.

То же можно сказать об ударении на предлоге, которое еще в древнерусском было принадлежностью подвижной

АП[14] и которое, постепенно ограничиваясь, перешло из акцентных явлений парадигматического плана в явления плана синтагматического.

Глаголы обнаруживают иную направленность в своем акцентном развитии. Если в именах это, как было показано, увеличение доли подвижности, то в глаголах с очевидностью выступает тенденция к неподвижности.

Как показывают исследования[15], в древнерусском языке круг подвижно-ударяемых глаголов был шире. Уже к концу XVIII—началу XIX в. многие факты отмечаемой в древнерусском подвижности не находят места[16]. В дальнейшем процессе развития литературного языка происходит последующее заметное сокращение доли подвижного ударения.

Об этом свидетельствует прежде всего изменение ударения в формах прош. времени непродуктивных групп глаголов, производных от *дать*, *лить*, *жить* и под., основным содержанием которого является закрепление корневого ударения вместо префиксального (и аффиксального в глаголах с частицей *-ся*) в формах муж., ср. рода и мн. числа: *пр́одал*, *пр́одало*, *пр́одали*, *продался́*; *на́лил*, *на́лило*, *на́лили*, *налился́*; *про́жил*, *про́жило*, *про́жили*, *прожился́* и под.

Выявление названной тенденции отличается значительной сложностью; она в разной степени касается разных форм, но и в пределах тех же форм действие ее избирательно, поскольку оно зависит от факторов морфонологического характера, лексического и стилистического[17], но направленпе действия вполне определенно.

Некоторые глагольные группы демонстрируют факт ограничения подвижности ударения в кругу форм наст.

---

[14] *Колесов В. В.* Указ. соч.

[15] *Хазагеров Т. Г.* Развитие типов ударения. . .

[16] Например, префиксальное ударение в глагольных формах наст. времени непродуктивных глагольных групп *сбл́жет*, *пб́мрут* и т. д., которое для XVII в. признавалось явлением совершенно закономерным (*Пирогова Н. К.* Развитие типов ударения в глаголах первого непродуктивного класса. — «Филолог. науки», 1959, № 2).

[17] См., например: *Булаховский Л. А.* Сравнительно-исторические заметки к ударению русского глагола. Возвратные глаголы. — В кн.: Доклады и сообщения Ин-та рус. яз. АН СССР. М.—Л.; 1948, вып. 1; *Он же.* Русский литературный язык первой половины XIX в.; *Молчанова С. Ф.* Ударение подвижного типа в формах прошедшего времени глаголов. — Учен. зап. Ярославского пед. ин-та, вып. XXVIII (XXXVIII), 1958 и др.

времени — замены его постоянным ударением на флексии, хотя в целом подобные случаи гораздо менее значительны. Это ряд глаголов на *-нуть*: *дерзнуть* (ср. стар. *дерзну́—де́рзнет*), *дохнуть* (стар. *дохну́—дбхнет*), производные от *вернуть* (ср. стар. *поверну́—пове́рнет*, *отверну́—отве́рнет*) и др.; глагол *идти* (ср. стар. *иду́—и́дет* и в производных *найду́—на́йдет*, *сойду́—сбйдет* и т. п.), глаголы *клевать*, *плевать*, совать (ср. стар. *сую́—су́ет*, *плюю́—плю́ет*, *клюю́—клю́ет*) [18].

К тому же результату — ограничению подвижности — ведет и известный в литературной традиции с конца XVIII в. процесс уподобления глаголов 1-й непродуктивной группы (тип *писать — пишет*) продуктивным глаголам того же класса (тип *играть — играет*). Известно, что неустойчивое, переходное положение этой группы ведет к появлению в языке ряда «изобилующих» глаголов, образующих формы по типу глаголов 1-го продуктивного класса и 1-й непродуктивной группы (*махать—машут* и *махают*). Процесс ассимиляции глаголов непродуктивной группы, как показывают исследования, продолжается и усиливается, захватывая новые глаголы.

Особое положение среди глаголов занимает, однако, группа глаголов на *-ить* с подвижным ударением (тип *ходи́ть*, *хожу́—хо́дишь*), где подвижность не только не ограничивается, но, напротив, обнаруживает в процессе развития литературного языка тенденцию к значительному расширению [19]. Все эти факты тоже находят объяснение при подходе к ним с той же функционально-морфологической точки зрения. Сопоставление славянских языков позволяет сделать вывод: в тех языках, где ударение не может быть использовано как грамматическое средство, сильно развито чередование фонем в грамматической роли — как средство подчеркнуть флексии и выделить их; и наоборот: широкое использование в морфологии ударения ограничивает использование чередования фонем (А. И. Бодуэн де Куртене)[20].

---

[18] *Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX в.; *Хазагеров Т. Г.* Развитие типов ударения. . .

[19] *Воронцова В. Л.* О нормах ударения в глаголах на *-ить*. . . — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 2. М., Изд-во АН СССР, 1959.

[20] Цит. по кн.: Русский язык и советское общество (Проспект). Алма-Ата, Изд-во АН Казахской ССР, 1962, с. 68.

Распространение этого положения на соотношение ударения и чередования фонем внутри отдельных частей речи в русском языке [21] объясняет с этих позиций диахроническую продуктивность разноместного ударения у существительных (морфологические чередования здесь в современном языке сравнительно редки) и тенденцию упрочить систему неподвижного ударения у глаголов (чередование фонем присуще огромному числу лексических единиц). В первом случае различия по ударению все более становятся дополнительным средством противопоставления ед. и мн. числа; во втором — наблюдается тенденция упрочить систему неподвижного ударения, выключить ударение из числа продуктивных глагольных различий. Но это в целом. Отдельные же глагольные группы могут обнаруживать свои особые закономерности. Так, принцип грамматической целесообразности, который в глагольном ударении не имеет большого значения, может быть существенным для глаголов *и*-класса, поскольку способствует разграничению изъявительного и повелительного наклонения: *дру́жите — дружи́те*, *гру́зите — грузи́те* [22].

Действие общей тенденции грамматикализации ударения, определяющей акцентное развитие разных морфологических групп слов, имеет, как мы видим, различное внешнее выражение. Это может быть и передвижение ударения к началу слова: *сестра́—се́стры*, *се́страм* вместо старого *сестры́*, *сестра́м* (в том числе и развитие предконечного ударения: *острота́—остро́ты* вместо старого *остроты́*, *остота́м*); *степь—в сте́пи* вместо *в степи́*;

---

[21] Русский язык и советское общество.

[22] Ср. доводы в пользу этого: *Горбачевич К. С.* Вариативность ударения в форме инфинитива. — РЯШ, 1974, № 5. На материале говоров это очень убедительно показано С. В. Бромлей (*Бромлей С. В.* Форма 2-го лица множественного числа изъявительного наклонения в русских говорах северо-восточной диалектной зоны. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1974. М., «Наука», 1976).

Точка зрения Н. К. Пироговой (*Пирогова Н. К.* О некоторых тенденциях в развитии типов глагольного ударения. — Вестн. МГУ, 1959, № 3), по которой развитие подвижности в группе глаголов на *-ить* следует рассматривать только как переходный этап на пути развития корневого ударения, подвергается критике. См.: *Бромлей С. В.* О следах общеславянской *с* парадигмы в акцентной системе русского глагола (по материалам говоров). — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1976. М., 1978.

варить—варю́, *ва́ришь* вместо *вари́шь*, но и наоборот, передвижение к концу — развитие флективного ударения: *бал—балы́*, *балбв* вместо *ба́лы*, *ба́лов*; *дерзну́ть—дерзне́т* вместо старого *де́рзнет*; *идти—иде́т* вместо *и́дет* и т. д.; передвижение ударения к концу слова и развитие корневого ударения: *нали́ть—нали́л*, *нали́ли* вместо *на́лил*, *на́лили*. Перемещение ударения может характеризовать все формы полупарадигмы мн. или ед. числа (ср. стар. *ну́жда* — мн. *ну́ждыˊ*, современное *нужда́*, *нуждыˊ* — мн. *ну́ждыˊ*) или же только одну форму: ср. *зола*, *золу́*, старое *зо́лу*; *гроб—гробыˊ*, *гроббв*, старое *гро́бы*, *гроббв* и т. д. Но сами эти факты, эти группы однотипных изменений нельзя рассматривать как тенденции изменения ударения.

Тенденция грамматикализации, о действии которой свидетельствуют многочисленные примеры изменения ударения в процессе развития литературного языка, не является, однако, всеобъемлющей. Это связано с влиянием различных факторов системного характера и характера узуального.

К языковым факторам, определяющим особенности акцентуации слова и ограничивающим в определенных случаях действие названной тенденции, относится, как показывают исследования, морфонологический фактор (число слогов, место ударения в исходной словоформе, характер конечной согласной, беглость или небеглость гласной в основе), морфологический (наличие определенных суффиксов) и семантический. Эти факторы определяют, в частности, синхронические закономерности в акцентуации односложных имен существительных муж. рода [23].

Так, переход к подвижности (усвоение схемы *c*) в кругу односложных имен существительных муж. рода осуществляется в пределах слов, обладающих таким морфонологическим признаком, как начальное ударение в исходной словоформе (*ко́локол*, *ма́стер*, *бал*) и определенным семантическим признаком: названия нерасчлененных однородных масс (а также деревьев), абстрактных понятий, пространств, поверхностей, направлений (семантические группы, «сильно склонные к *c*»); названия коллективов,

---

[23] *Зализняк А. А.* Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода. — В кн.: Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. Изд-во МГУ, 1977.

оград, четко отграниченных территорий, помещений, больших вместилищ, термины родства (семантические группы, «умеренно склонные к *с*») [24] и т. д.

Среди акцентных изменений имен существительных муж. рода достаточно часты случаи перехода к ударению на флексии (схема *в*). В группе односложных имен существительных муж. рода эти изменения даже преобладают. Очевидно, в подобной замене ударения нет грамматической целесообразности, но существенным оказывается влияние морфонологического фактора, определяющего процесс формального уподобления. Переход к флективному ударению характерен, например, для некоторых групп непроизводных (и заимствованных) имен с суффиксами или суффиксоподобными элементами типа *-ак* (*-як*), *-ун*, *-ык* и др., которые уподобляются соответствующим русским суффиксам, определяющим акцентный тип с ударением на флексии [25]. Отметим некоторые примеры слов, известных в литературной традиции с ударением, отступающим от современного: *байба́к—байба́ка*, *гама́к—гама́ка*, *кизя́к—кизя́ка*, *коньяк—коньяка*, *маяк—маяка*, *рюза́к—рюза́ка*; *-ун*: *чугу́н—чугу́на*; *-ык*: *язы́к—язы́ка* и др.

Последовательно расширяющийся с XIX в. круг слов с ударением на флексии представляют имена на *-аж*. Ср. старое ударение: *эта́ж—эта́жа*, *фура́ж—фура́жа*, *багаж—багажа*, *блинда́ж—блинда́жа* и др. [26] Действие морфонологического фактора имеет место и в кругу односложных имен существительных муж. рода. Ударение на флексии (схема *в*) получают имена существительные с исходом основы на согласную *+т*, на *щ* [27].

В изменении глагольного ударения, как было показано, принцип грамматической целесообразности выявляется слабо. В глагольном ударении наиболее активным оказывается именно воздействие аналогии, формального уподоб-

---

[24] *Зализняк А. А.* Указ. соч. с. 77, 80.

[25] Известно, что в акцентологической традиции, начиная с Востокова, всегда придавалось большое значение концовке слова. Именно на этой основе (Востоков, Грот, Огиенко и др.) велись поиски «правил», определяющих расстановку ударения. «Финали» слов и сейчас признаются важным конструктивным признаком слова, определяющим и его акцентные возможности.

[26] *Ожегов С. И.* Существительные на *-аж* в русском языке. — В кн.: *Ожегов С. И.* Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., «Высшая школа», 1974.

[27] *Зализняк А. А.* Указ. соч.

ления, что наблюдается и в кругу форм одного глагола (выравнивание ударения по инфинитиву) и разных глагольных групп [28]. Как правило, последние изменения не имеют единого направления (ср. *уменьши́ть* → *уме́ньшить*, но *усугу́бить* → *усугуби́ть*). Определенную роль играют здесь семантико-словообразовательные связи и слоговая структура [29].

Хорошо известно, что не все изменения, «запрограммированные» системой языка, реализуются. Это в значительной степени определяется явлениями узуального порядка. Поэтому в числе факторов, определяющих «судьбу» акцентных вариантов, необходимо назвать и такой, как диапазон стилистической окрашенности. В свое время Я. К. Грот писал: «. . . не зависит ли степень гибкости слова от степени его употребительности и народности? . . . Наблюдения над словами всех разрядов показывают нам, что чем более в них жизненности, чем более они усвоены народом, тем легче они подвергаются переходу ударения, если только такому переходу не противятся другие, более сильные и постоянные законы языка» [30]. Это замечание Грота, в котором устанавливается связь, хотя и в самом общем виде, акцентологических изменений со степенью лексического освоения слова и широтой его употребления, не устарело и до настоящего времени. Более поздние обращения лингвистов к этому вопросу приводят, в сущности, к тем же выводам [31].

В названной статье А. А. Зализняка отмечаемая многими лингвистами зависимость между ударением слова и степенью его освоенности в языке получает четкую формулировку на основе введения понятия «прагматического фактора» как одной из закономерностей, определяющих акцентуацию имен существительных (в частности, акцентуацию односложных имен существительных муж. рода).

---

[28] См. об этом: *Горбачевич К. С.* Вариантность слова и языковая норма. Л., «Наука», 1978, с. 59—60.

[29] Там же, с. 60 и сл.

[30] *Грот Я. К.* О русском ударении вообще и об ударении имен существительных. — В кн.: *Грот Я. К.* Труды. Филологические разыскания, т. 2. СПб., 1899, с. 328.

[31] *Ожегов С. И.* Существительные на *-аж* в русском языке; *Суперанская А. В.* Ударение в собственных именах в современном русском языке. М., «Наука», 1966.

Суть его в противопоставлении привычного и чуждого, что внешне выражается в противопоставлении тривиального и нетривиального склонения и тривиального (ударение на основе — схема *а*) и нетривиального (подвижное ударение — схема *с*, *е*, *f*, *d*, или флексийное — схема *в*) ударения: чуждому соответствует тривиальное склонение и ударение, привычному — нетривиальное склонение и нетривиальное ударение [32].

Поскольку противопоставление чуждого и привычного, подчеркивает А. А. Зализняк, индивидуально, его эффект тоже индивидуален. Отсюда колебания, различия в акцентуации слов, употребительных в разных речевых сферах, те различные типы конфликтов, которые наблюдаются между индивидуальной и нормативной акцентуацией. В литературе фиксируется обычно наиболее распространенный тип конфликта, когда тривиальной нормативной акцентуации противостоит нетривиальная акцентуация в речи индивида или группы (профессиональной или иной) [33].

Существует и другой тип конфликта: тривиальное ударение в индивидуальной речи при нетривиальном нормативном. Такое соотношение естественно, когда говорящий только познакомился со словом, имеющим в литературном языке нетривиальное ударение, и вообще когда такое слово является для него чуждым, непривычным [34].

Однако в ряде случаев этим обусловлены не только частные, индивидуальные отклонения от нормативной акцентуации, но и смена самой акцентной нормы. Такова судьба устаревших, потерявших актуальность слов; например, слова *бес*, *дух*, *стан* имели в литературной традиции подвижное ударение типа *е*: *бес—бе́сы*, *бесо́в*; *дух—ду́хи*, *духо́в*; *стан—ста́ны*, *стано́в* (так дано в Грамматике Востокова), но уже СУ (а затем и все другие словари) дает их с ударением на основе. К подвижной парадигме принадлежали и слова *струг*, *тать*, тоже имеющие сейчас ударение на основе. Интересен пример акцентовки церковнославянизма *град*. Уже у поэтов XVIII в. это слово было употребительно с подвижным ударением: *градо́в*, *града́х* (Ломон.), *градо́в*, *града́м*, *града́х* (Тред.), *градо́в* (Карамз.),

---

[32] *Зализняк А. А.* Указ. соч., с. 73 и след.
[33] *Зализняк А. А.* Указ. соч., с. 92.
[34] Там же, с. 93.

хотя это ударение не было, видимо, образцовым. В XIX в. ударения *градо́в*, *града́м* и т. д. закрепляются в литературной традиции (у Востокова приводится как норма). В дальнейшем слово *град* отходит от подвижности.

Наиболее последовательно подобное «обратное» акцентное развитие демонстрируют глаголы на *-ить*. У ряда глаголов этой группы развивается ударение на флексии вместо подвижного при общем направлении развития, как было сказано — к подвижности. Это касается таких книжных глаголов как *поглоти́ть* (развивается ударение *поглоти́т* вместо *погло́тит*), *побуди́ть* 'склонить к действию' (развивается ударение *побуди́т* вместо *побу́дит*), ряда глаголов от *клони́ть—преклони́ть* (*преклони́т* вместо *прекло́нит*), *склони́ть* (*склони́т* вместо *скло́нит*), *уклони́ться* (*уклони́тся* вместо *укло́нится*) и др. Некоторые из подобных ударений приняты в качестве литературной нормы: *поглоти́т*, *побуди́т*, *вкуси́т*, *искуси́т* и др. Образцом для такой перестройки служат, видимо, такие книжные (церковнославянизмы по происхождению) глаголы, как *влачи́ть* (*влачи́т*), *разврати́ть* (*разврати́т*), *устрани́ть* (*устрани́т*) и др. Дополнительным фактором, усиливающим ощущение книжности, служит наличие страдательного причастия с книжным же ударением, тем более в церковнославянской огласовке, ср. *поглоще́нный*, *побужде́нный*, но и *склоне́нный*, *прекло́нённый* и т. д.

Таким образом, действие тенденции грамматикализации оказывается осложненным действием ряда факторов. Поэтому эта тенденция не всегда очевидна, но можно все же с уверенностью сказать, что в том сложном и неустойчивом состоянии современного ударения, которое обусловлено многими историческими причинами, основным «ориентиром» является постепенно формирующийся в языке принцип грамматической целесообразности.

I

АКЦЕНТНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ИМЕННОМ СЛОВОИЗМЕНЕНИИ

Глава первая

ИЗМЕНЕНИЕ УДАРЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ЖЕНСКОГО РОДА НА -а (-я)

В настоящей главе делается попытка, опираясь на уже известное об общем характере акцентных преобразований имен *а*-основ и отчасти известный материал, выявить детали взаимодействия акцентных парадигм, важные для уяснения процессов формирования акцентных норм и характеристики современной нормы.

В акцентной истории имен этой группы в русском языке многое уже известно: определено общее направление взаимодействия акцентных парадигм, причины, вызывающие это взаимодействие, выявлен и самый круг лексем, изменивших (или меняющих) свою акцентовку. Однако в этой истории еще много и «белых пятен», если иметь в виду задачу изучения реального течения акцентных процессов в данной группе слов в русском литературном языке периода формирования его норм.

В древнерусском языке, как это установлено исследователями [1], имена *а*-основ были распределены между тремя акцентными парадигмами: баритонированной, оксито-

[1] См.: *Колесов В. В.* История русского ударения. Именная акцентуация. Изд-во ЛГУ, 1972. Результаты этого исследования, имеющего целью изучение именной акцентуации в общевосточнославянском языке эпохи распадения общеславянского единства — мы рассматриваем как характеристику исходного состояния именных АП, движение которых предстоит далее проанализировать. См. также: *Хазагеров Т. Г.* Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. Изд-во МГУ, 1973; и др.

нированной и подвижной [2]. Совершенно определенными признаками подвижности ударения в древнерусском языке признается наличие ударения на корне в вин. ед. и им. -вин. падежах мн. числа при ударении на флексии в остальных падежных формах: *вода́*, *воды́*, *воде́*, *во́ду*, *водо́й*, *воде́*, мн. *во́ды*, *вода́м*, *вода́ми*, *вода́х*. Предполагается возможным для древнерусской эпохи в число этих признаков включить и корневое ударение в дат. ед. числа (*во́де*) [3]. В рассматриваемый нами период подобные факты отражения почти не находят и поэтому специально не рассматриваются [4].

В исследованиях последних лет не только установлены типы акцентных парадигм в классе *а*-основ и определен лексический состав их в древнерусском языке, но выявлено и основное направление взаимодействия акцентных парадигм в процессе дальнейшего развития литературного языка. Как отмечалось (с. 19), это взаимодействие характеризует преимущественно подвижную и окситонированную АП, а основное его содержание — формирование на основе этих двух парадигм новой акцентной парадигмы, представляющей новый тип подвижности: окситония всех форм ед. числа и баритония всех форм мн. числа. Конечным результатом этого изменения является, таким образом, полная акцентная противопоставленность форм ед. и мн. числа.

К выводу о развитии акцентной противопоставленности форм ед. и мн. числа как основном содержании акцентных

---

[2] Наличие этих акцентных парадигм в древнерусском языке сомнений не вызывает. По отношению же к общеславянскому вопрос о числе АП не находит однозначного решения. Обзор и оценку мнений по этому вопросу см., например: *Колесов В. В.* Указ. соч., с. 7—8; подробнее см.: *Скляренко В. Г.* Історія акцентуації іменників *а*-основ української мови. Київ, «Наукова думка», 1969.

[3] *Колесов В. В.* Указ. соч., с. 43; *Хазагеров Т. Г.* Указ. соч., с. 69—70.

[4] Формы дат. падежа ед. числа с ударением на корне как единичные примеры отмечены у поэтов XVIII в. (например, у В. Майкова). Ср. и известное у Крылова ударение *к зи́ме*, которое Булаховский рассматривал как архаизм (см.: *Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX в. М., Учпедгиз, 1954, с. 160). Диалектно данное явление известно более широко. Ср. отмеченные С. П. Обнорским *к ве́сне*, *к зи́ме*, *к гло́ве* и др. (*Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке, вып. 1. Л., Изд-во АН СССР, 1927, с. 264—265).

процессов, протекающих в кругу имен существительных *а*-основ, приходят многие исследователи. Очевидно, этот процесс совершенно определенен и не может получить никакого иного истолкования. Однако причины его видят в разном: в усилении влияния южновеликорусских элементов на литературный язык; в количественном преобладании в славянских языках основ с подвижной парадигмой, с чем связывается трансформация окситонированного типа; в необходимости унификации ударения вин. падежа ед. числа, поскольку оно воспринимается как очевидная аномалия и др. [5] Представляется, что все эти объяснения справедливы, но для отдельных групп фактов, поскольку разные исследователи улавливают в них только отдельные стороны сложной трансформации акцентных типов.

Не может считаться вполне удовлетворительным (во всяком случае он тоже оставляет место для сомнений) и фонологический подход к объяснению наблюдающихся акцентных перемещений в кругу имен *а*-основ, попытка связать акцентную перестройку имен в составе окситонированной АП с необходимостью различать род. ед. и именит. мн. числа (*игра́*, *игры́* — мн. *и́гры*). Как мы отмечали, названные акцентные процессы легче и логичней объясняются с позиций изложенной грамматической концепции В. Н. Сидорова, по которой эти изменения, ведущие к развитию акцентной противопоставленности форм ед. и мн. числа, следует связывать с общим процессом расхождения форм ед. и мн. чисел.

Основное содержание акцентных процессов в именах *а*-класса, как подчеркивают исследователи [6], — не просто изменение подвижной и окситонированной АП, а именно сложный процесс их одновременного изменения в одну и ту же новую АП.

Формирование новой подвижности, по Колесову, следует представлять следующим образом:

I	II	III	IV
О → ОП →	(баритонеза дат. мн.) →	— →	НП
П → ОП →	(баритонеза дат. мн.) →	ПП →	НП [7]

---

[5] Обзор и оценку этих мнений см.: *Колесов В. В.* Указ. соч., с. 67—68; *Хазагеров Т. Г.* Указ. соч., с. 65.

[6] *Колесов В. В.* Указ. соч., с. 68—69.

[7] Принятые В. В. Колесовым сокращения: О — окситония, П — подвижность, ОП — ограниченная подвижность (корневое уда-

Не все этапы, как показывает Колесов, являются хронологически общими для окситонированных и подвижно-ударяемых имен. Совпадает только I этап (ударение на корне лишь в им.-вин. падежах мн. числа с наконечным ударением в вин. ед. числа). II этап раньше представлен у имен подвижной АП (результат аналогического влияния ударения дат. ед., возможного первоначального у подвижно ударяемых имен). III этап (баритониза вин. ед. и всех форм мн. числа) у окситонированных имен не представлен. Поэтому в целом скорее переход к новой подвижности завершили имена окситонированного класса.

Если формирование типа НП (новой подвижности) относят к середине XIX в. (на том основании, что Востокову этот тип еще не известен, а Грот его нормирует), то это верно, по мнению Колесова, только лишь для исконно подвижных имен, поскольку уже с середины XVIII в. (редкие примеры встречаются в XVII в.) этот тип образуют некоторые имена старого окситонного класса.

«Таким образом, на разных этапах развития индуцирующими оказываются различные исходные а. п. — попеременно то О-, то П-тип. «Подталкивая» друг друга, они стремятся к последовательной реализации акцентного принципа, наиболее соответствующего современной морфологической модели. Попутно они подбирают те исконно баритонированные имена, которые . . . отходили от баритонезы» [8].

В литературном языке изучаемого периода формирования типа новой подвижности, количественное его увеличение представляет один из важнейших акцентных процессов.

Изменение акцентуации имен *а*-основ, определяющее вхождение их в новую АП, предполагает: а) развитие ударения на флексии в форме вин. падежа ед. числа у по-

---

рение в им.-вин. падежах мн. числа при ударении на флексии во всех других падежных формах); ПП — промежуточно-подвижный тип (с накоренным ударением не только во всех формах мн., но и вин. ед. числа); НП — новая подвижность.

[8] *Колесов В. В.* Указ. соч., с. 70. Известно, что формирование типа новой подвижности не является процессом собственно русским. Исследователи отмечают формирование этого типа на всей восточно-славянской территории, при этом в украинском и белорусском языках процесс хронологически предшествует русскому. См.: *Иллич-Свитыч В. М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., Изд-во АН СССР, 1963, с. 97.

движно-ударяемых имен; б) развитие корневого ударения (или ударения на основе, если речь идет о производных именах) в им.-вин. мн. числа у имен окситонированной АП; в) развитие корневого ударения в косвенных падежах мн. числа у имен той и другой парадигмы.

На фоне этих «направленных» изменений в процессе развития литературного языка наблюдаются и некоторые «контризменения», идущие вразрез с общим процессом: а) развитие корневого ударения в форме вин. ед. числа у некоторых окситонированных имен; б) развитие флективного ударения в форме именит.-вин. мн. числа у ряда подвижно-ударяемых имен. Как правило, эти изменения единичны и малоустойчивы в литературном языке; в некоторых случаях с ними связываются стилистические разграничения.

Весь анализируемый далее материал представляется целесообразным рассматривать в пределах названных групп изменений (по формам) с тем, чтобы далее сделать некоторые общие сопоставления, выявить типы подвижности [9] и их лексический состав на разных синхронных срезах: конец XVIII в.—первая половина XIX в.—вторая половина XIX в.—начало XX в.—современный период.

Представляется, что такой «двойной» аспект рассмотрения позволит выявить общую картину этапов развития новой подвижности и при этом не упустить из виду отдельных фактов, существенных для характеристики складывающейся нормы.

---

[9] Преобразование подвижной и окситонированной АП в направлении новой подвижности различно по интенсивности для отдельных лексем и групп лексем. Устойчивостью литературной традиции объясняется и временна́я неравномерность развития нового типа акцентовок у отдельных форм. Это определяет наличие переходных типов подвижности: сохранение старого ударения в вин. падеже ед. числа при развившемся новом ударении в косвенных падежах мн. числа; или установление нового ударения на флексии в вин. ед. числа, но при этом сохранение флективного ударения в косвенных падежах мн. числа. Таким образом, вместо одного типа подвижности развиваются четыре типа, которые имеют место и в современном языке. В обозначении А. А. Зализняка это схема с индексом f^1, соответствующая традиционной подвижности, схема d, представляющая новую подвижность, схемы f и d^1, представляющие «переходные» типы (См.: *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М., «Наука», 1967, с. 164—165).

Рассмотрим изменения подвижной акцентной парадигмы. Они касаются форм: 1) вин. падежа ед. числа; 2) косв. падежей мн. числа; 3) им.-вин. падежа мн. числа.

1. Состав слов, принадлежавших к подвижной АП в древнерусском языке, трудно установить точно. Иллич-Свитыч приводит сравнительно небольшой список славянских имен с исконной (или рано приобретенной) подвижностью, известных в русском: *борода*, *вода*, *голова*, *гряда*, *земля*, *зима*, *зола*, *коса* 'волосы', *кроха*, *нога*, *овца*, *полоса*, *роса*, *рука*, *сноха*, *соха*, *цена* [10].

Колесов (с разной степенью вероятности) относит к подвижной АП в древнерусском гораздо более обширный список слов. Кроме названных у Иллича-Свитыча, сюда включаются: *блоха*, *верста*, *весна*, *вина*, *волна* 'вода', *глума*, *гора*, *гроза*, *десна*, *дора*, *доска*, *душа*, *заря*, *игла*, *изба*, *икра*, *коза*, *кума*, *лоза*, *луна*, *межа*, *нора*, *пола*, *пора*, *пчела*, *пята*, *руда*, *свобода (слобода)*, *середа*, *сковорода*, *слана* 'иней', *слеза*, *смола*, *сторона*, *стрела*, *строка*, *черта*, *щека* [11].

Список Хазагерова лишь отчасти совпадает с приведенными (*блоха*, *верста*, *весна*, *волна*, *гроза*, *гряда*, *десна*, *зола*, *игла*, *коза*, *лоза*, *овца*, *пола*, *роса*, *сковорода*, *слеза*, *соха*, *стрела*, *строка*), но, с другой стороны, он и шире, поскольку включает, кроме того, слова *борозда*, *железа*, *звезда*, *косма*, *метла*, *ноздря*, *оса*, *семья*, *свинья* [12].

Если ориентироваться на представленные списки слов, исключив некоторые слова, неизвестные литературному языку позднего времени, следует признать закономерным для начала рассматриваемого периода корневое ударение в следующих формах вин. падежа ед. числа: *блóху*, *бóроду*, *бóрозду*, *вéрсту*, *вéсну*, *вóду*, *вóлну*, *гóлову*, *гóру*, *грóзу*, *грядý*, *дéсну*, *дóску*, *дýшу*, *жéлезу*, *звéзду*, *зéмлю*, *зúму*, *зóлу*, *зóрю*, *úглу*, *úзбу*, *úкру*, *кóзу*, *кóсму*, *кóсу*, *крóху*, *кýму*, *лóзу*, *лýну*, *мéжу*, *мéтлу*, *нóгу*, *нóздрю*, *нóру*, *óвцу*, *óсу*, *пóлосу*, *пóлу*, *пóру*, *пчéлу*, *пя́ту*, *рóсу*,

---

[10] *Иллич-Свитыч В. М.* Указ. соч., с. 98—103. Здесь и далее слова приводятся в общем списке, без разделения по характеру корня, поскольку для дальнейшего рассмотрения это несущественно.

[11] *Колесов В. В.* Указ. соч., с. 37—66. По мнению Колесова, сомнения ученых относительно принадлежности некоторых слов списка к подвижной АП основаны только на недостатке данных.

[12] *Хазагеров Т. Г.* Указ. соч., с. 58—63.

ру́ду, *ру́ку*, *сви́нью*, *се́мью*, *се́реду*, *ско́вороду*, *сле́зу*, *сло́боду*, *смо́лу*, *сно́ху*, *со́ху*, *сто́рону*, *стре́лу*, *стро́ку*, *це́ну*, *че́рту*, *ще́ку*.

Поэтическими материалами XVIII в. засвидетельствовано употребление следующих форм вин. падежа ед. числа с накоренным ударением: *бло́ху* (неизв. автор XVIII в.*), *ве́рсту* (Левшин*), *ве́сну* (Марин.*), *во́лну* (Тред., Хераск.), *го́ру* (Богд., Ломон., Тред.), *гро́зу* (Сум., Богд., Хераск.), *гря́ду* (Хемн.), *до́ску* (Рад.), *ду́шу* (Чулк.), *зве́зду* (Держ., Тред.), *зе́млю* (Держ.), *зи́му* (Держ., Ломон., Карамз.), *зо́рю* (Ломон.), *и́глу* (Держ.), *и́збу* (Сум.), *ко́зу* (Ломон., Хераск.), *ло́зу* (Сум.), *но́ру* (Тред.), *о́вцу* (Сум.), *по́лу* (Богд., Н. Осипов*), *по́ру* (Тред.), *ро́су* (Богд., Ломон.), *сви́нью* (Кантемир*, Хемн.), *се́мью* (Капнист*), *сле́зу* (Держ.), *со́ху* (Держ., М. Попов*), *стре́лу* (Держ., Хераск.), *стро́ку* (Капнист*, Хемн.), *це́ну* (Ломон.) [13].

Для ряда слов, данные о которых в этих материалах отсутствуют, но исходная (по отношению к рассматриваемому периоду) акцентная характеристика известна, вывод об употребительности накоренного ударения в вин. падеже ед. числа в этот период можно сделать, исходя из более поздних (начало—первая треть XIX в.) показаний поэтов и данных грамматик (прежде всего Грамматики Востокова). Это относится к формам *бо́роду*, *бо́розду*, *го́лову*, *же́лезу*, *зо́лу*, *кро́ху*, *ко́смы*, *но́гу*, *о́су*, *по́лосу*, *ру́ку*, *ру́ду*, *се́реду*, *ско́вороду*, *сло́боду*, *смо́лу*, *сто́рону*, *ще́ку*. В целом этот круг форм оказывается несколько у́же, чем можно было бы предполагать, исходя из определенного для древнерусского языка состава подвижной АП. Так, сюда не включаются, в частности, формы *де́сну*, *и́кру*, *ку́му*, *лу́ну*, *но́здрю*, *пче́лу*, *пя́ту*, *че́рту*. Этот факт, если только он не говорит о чрезмерном расширении состава подвижной АП для древнерусского языка [14], может свидетельствовать о том, что эти ударения не были нормой литературного языка XVIII в. Их употребительность, если она была

---

[13] Звездочкой помечены примеры, приведенные Т. Г. Хазагеровым и не отмеченные в наших материалах (*Хазагеров Т. Г.* Указ. соч., с. 58—61).

[14] В задачи данной работы не входит уточнение этого вопроса. Что же касается таких слов, как *луна*, *черта* то, судя по более поздним материалам, есть больше оснований относить их к окситонированной АП. В работе они включаются в соответствующий список.

реальной, ограничивалась, видимо, только рамками «диалектного варьирования» [15].

Данные литературного языка первой половины XIX в., сравнительно с приведенными, уже вполне реально указывают на вытеснение из литературного языка ряда форм вин. падежа ед. числа с ударением на корне. Так, ударения *ве́рсту*, *ве́сну*, *во́лну*, *гро́зу*, *и́глу*, *звёзду*, *сле́зу*, *стре́лу*, отмеченные у поэтов XVIII в., в Грамматике Востокова не приводятся [16]. У поэтов первой половины XIX в. эти ударения, если и встречаются, то только как единичные примеры. Отмечено, например, *гро́зу* (Гнед., Жук., Крыл., Мей); *стре́лу* (Крыл., Озер.); *во́лну* (Гнед., Шевыр. и др.). Л. А. Булаховский [17] ударения *гро́зу* и *стре́лу* рассматривает в группе фактов, свидетельствующих, по его мнению, о более позднем влиянии подвижного типа на старый с конечным ударением вин. падежа ед. числа и квалифицирует их как диалектные. В свете приведенных данных здесь можно скорее видеть процесс вытеснения накоренного ударения в диалектные сферы. Колебание ударения в вин. падеже ед. числа, которое имеет место уже у поэтов XVIII в. ср.: *весну́* (Держ., Ломон., Сум., Хераск., Чулк.); *волну́* (Держ.), *гряду́* при *гря́ду* (Хемн.), *зарю́* (Держ.), *овцу́* (Богд.), *стрелу́* (Держ. и др.), позволяет отнести начальный этап наступления флексийного ударения в этих формах к более раннему временно́му периоду, чем это принято считать.

Грамматика Востокова нормирует для первой половины XIX в. следующий ряд форм вин. падежа ед. числа с накоренным ударением (из числа рассматриваемых): *бло́ху*, *бо́роду*, *бо́розду*, *во́ду*, *го́лову*, *го́ру*, *гря́ду*, *до́ску*, *ду́шу*, *же́лезу*, *зе́млю*, *зи́му*, *зо́лу*, *и́збу*, *ко́зу*, *ко́сму*, *ко́су*, *кро́ху*, *зо́рю*, *ло́зу*, *но́гу*, *но́ру*, *бвцу*, *бсу*, *по́лосу*, *по́лу*, *по́ру*, *ро́су*, *ру́ду*, *ру́ку*, *сви́нью*, *се́мью*, *се́реду*, *скворо́ду*, *сло́боду*, *смо́лу*, *со́ху*, *сре́ду*, *сторону*, *стро́ку*, *цену*, *щеку* [18].

---

[15] Отдельные случаи такого варьирования действительно имеют место. Ср. отмеченные С. П. Обнорским (Указ. соч., с. 269—274) *ко́пну*, *ме́тлу*, наряду с *ве́рсту*, *ве́сну*, *во́ду*, *го́лову*, *го́ру* и др.

[16] *Востоков А.* Русская грамматика. Спб., 1831, § 183.

[17] *Булаховский Л. А.* Указ. соч., с. 159.

[18] Круг форм с корневым ударением, отмеченных здесь, уже, как было сказано, того, который принимался за исходное. Список Востокова включает и ряд других форм: *бо́рону*, *гу́бу*, *ко́ру*, *ну́жду*, *ска́лу*, *спи́ну*, *сре́ду*, *сте́ну*, *сто́пу*, *хло́поту*, *щёглу*. Включение сюда ряда слов, определенно относимых к окситонирован-

Поэтический материал уже и первой половины XIX в. представляет, однако, ряд отступлений от зафиксированных грамматикой норм — также в сторону наконечного ударения вин. ед. числа. Наиболее яркий пример здесь — ударение *семью́*. Преобладание его уже у поэтов первой половины XIX в. вынуждает Булаховского рассматривать как ненормативное именно ударение *се́мью* — вопреки рекомендации Востокова. То же обстоятельство, по-видимому, обусловливает и включение следующего замечания по поводу ударения *бо́вцу* и *сви́нью*: «Согласно "Русской грамматике„ Востокова, для его времени закономерными были ударения *бо́вцу* и *сви́нью*» [19].

У поэтов первой половины XIX в. находим целый ряд примеров ударений, колеблющихся в связи с распространением флективного ударения в вин. падеже ед. числа. Наиболее частые колебания *зи́му* (Крыл., Пушк.) и *зиму́* (Бат., Бест., Глин., Дельв., Крыл., Мей, Пушк.); *и́збу* (Гриб., Дельв., Катен., Крыл., Мей, Пушк., Язык.) и *избу́* (Глин., Крыл., Мей, Пушк.); *ко́су* 'волосы' (Акс., Бенед., Ерш., Мей, Пушк.) и *косу́* (Пушк.); *ко́су* 'орудие' (Изм.) и *косу́* (Венев); *но́ру* (Гнед.) и *нору́* (Жук.).

Ударение на флексии менее часто в формах вин. ед. числа *доску́* (отмечено у Полеж. наряду с обычным у поэтов *до́ску*), *зарю́* (Полеж. наряду с обычным *зо́рю*), *землю́* (Гнед., Гриб. наряду с обычным *зе́млю*); а также: *золу́* (Пушк.), *полу́* (Пушк.), *росу́* (Дельв.), *сторону́* (Крыл.), *строку́* (Полеж.), *цену́* (Бест., Лерм., Мей). Ср. очень редкое *голову́* (наряду с обычным *го́лову*) у Лермонтова и Ростопчина [20].

Как правило, все эти колебания имеют место и у поэтов второй половины XIX в., а также у поэтов XX в. Однако при этом меняется (и в некоторых случаях очень значительно) соотношение самого числа отмеченных употреблений форм вин. падежа ед. числа с накоренным и флективным ударением. Так, число примеров ударения

ной АП (*скала*, *стена*, *стопа*, ср. также *коса* 'орудие') и к баритонированной (*губа*, *нужда*) свидетельствует о продолжавшемся влиянии традиционной подвижности. У слова *стена* подвижность имела распространение уже и в древнерусском языке. Это дает основание рассматривать его далее в составе подвижной АП.

[19] *Булаховский Л. А.* Указ. соч., с. 160.

[20] Этот последний случай Л. А. Булаховский рассматривает как «особняком стоящий», как «оставшийся без влияния на литературный язык» (Там же).

избу́ в соотношении с *и́збу* составляет у поэтов XIX в. 1 : 2, у поэтов XX в. — 1,5 : 1; *косу́* и *ко́су* 'волосы' — 1 : 6 у поэтов XIX в., у поэтов XX в. — 1 : 3; *косу́* и *ко́су* 'орудие' — 1: 1, у поэтов XX в. — 2 : 1; *нору́* и *но́ру* — 1 : 1, у поэтов XX в. — 2 : 1; *строку́* и *стро́ку* — 1 : 1, у поэтов XX в. — 8 : 1. Некоторые колебания у поэтов XX в. уже не представлены или отмечены как единичные: *золу́* и *зо́лу*, *овцу́* и *о́вцу*, *росу́* и *ро́су*, *семью́* и *се́мью*, *руду́* и *ру́ду*.

Соотношение числа употреблений флективного и корневого ударения остается примерно одинаковым у форм *доску́* и *до́ску*, *зарю́* и *зо́рю*, *зиму́* и *зи́му*, *полу́* и *по́лу*, *щеку́* и *ще́ку*. Как у поэтов XIX в., так и у современных поэтов отмечены только единичные примеры ударения на флексии *землю́*, *пору́*, *полосу́*, *сторону́*. Только у поэтов XX в. отмечены единичные же примеры ударения *бороздо́у*, *соху́*, *сковороду́*, *гору́* и др. Ударение *цену́*, которое у поэтов прошлого века было довольно значительным, у современных поэтов, по материалам картотеки, зарегистрировано как единичное.

Постепенное, хотя медленное и неравномерное для разных словоформ, развитие наконечного ударения в вин. ед. числа в литературном языке ведет, естественно, к дальнейшему изменению нормативных оценок — за счет признания ненормативным корневого ударения еще в ряде форм. Так, В. И. Чернышев [21] дает для своего времени уже несколько иной (более суженный), сравнительно с Востоковым, список слов, имеющих в вин. ед. числа корневое ударение: *блоха*, *борода*, *борозда*, *вода*, *голова*, *гора*, *гряда*, *доска*, *душа*, *заря*, *земля*, *зима*, *зола*, *изба*, *коза*, *коса*, *косма*, *лоза*, *нога*, *нора*, *овца*, *оса*, *пола*, *полоса*, *пора*, *рука*, *свинья*, *семья*, *середа*, *сковорода*, *слобода*, *соха*, *среда*, *сторона*, *цена*, *щека*, при этом слова *зола*, *овца*, *свинья*, *семья* признаются допускающими в вин. падеже ед. числа двоякое ударение. В целом, вместо 53 слов с нормативным в Грамматике Востокова накоренным ударением в вин. ед. числа у Чернышева остается 40, из них ударение устойчиво только в 36.

---

[21] *Чернышев В. И.* Законы и правила русского произношения. Цит. по кн.: *Чернышев В. И.* Избр. труды, т. 1. М., «Просвещение», 1970. Имеется в виду круг слов, принимаемых как исходный материал.

Хотя расхождение между списком Востокова и Чернышева значительно (53 слова и 40), все же эти списки еще очень близки, поскольку Чернышев в своих рекомендациях ориентировался на литературную традицию языка XIX в., отвергая, по-видимому, только очень явные «раритеты». Можно предполагать, однако, что нормы литературного языка начала XX в. претерпевали в отношении рассматриваемого явления более значительные изменения.

Так, судя по произносительным рекомендациям СУ, т. е. по нормам 30-х годов, из списка слов с нормативным, по Чернышеву, корневым ударением в вин. ед. числа совершенно определенно выводятся: *блоха*, *гряда*, *зола* (*зо́лу* имеет помету «устар.»), *коза*, *лоза*, *овца*, *оса*, *пола*, *свинья*, *семья* (*се́мью* имеет помету «простор.»), *сковорода* [22]; для слова *заря* признается возможным двоякое ударение, но при этом *зо́рю* 'рассвет' определяется как более редкое, а *зо́рю* 'военный сигнал' (в сочетании с глаголом *бить*) помечается как «военное, устаревшее». Слова *косма* и *середа* вообще выводятся за пределы литературного языка (*косма* не упоминается, *середа* имеет помету «разг.»). Двоякое ударение допускается в словах *борозда*, *изба*, *нора*, *полоса*, *слобода*, *соха*, *среда* (с разграничением значения: 'окружение' — среду́, 'день недели' — сре́ду). СУ возвращает в этот список слово *кроха*; с двояким ударением дается *роса* и *строка*. Нормы 50-х годов XX в. в том виде, как они представлены в $АО_{59}$, указывают на еще бо́льшее сужение круга форм вин. ед. числа с нормативным корневым ударением. Словарь включает уже только 21 форму вин. падежа ед. числа с устойчивым корневым ударением. Из числа рассматриваемых включаются: *бо́роду*, *во́ду*, *го́лову*, *го́ру*, *до́ску*, *ду́шу*, *зе́млю*, *зи́му*, *зо́рю* 'военный сигнал', *ко́су* 'волосы', *кро́ху* 'крошка', *но́гу*, *по́ру*, *ру́ку*, *сре́ду*, 'день недели', *сто́рону*, *це́ну*, *ще́ку* и 4 (*и́зо́ю*, *ко́су́* 'орудие', *по́лосу́*, *стро́ку́*) с колеблющимся.

Из приведенных поэтических материалов можно видеть, что ударение некоторых слов и из этого списка колеблется (*ще́ку* и *щеку́*, *до́ску* и *доску́*, *ко́су* и *косу́* и др.). В устной речи подобные колебания имеют более широкое распростра-

---

[22] Это коснулось даже слов *гора*, *цена* и *щека*, что материалами никак не оправдывается. Естественно, что в более поздних нормативных словарях восстанавливаются прежние рекомендации: *го́ру*, *це́ну*, *ще́ку*.

нение. Этим объясняется введение некоторых запретительных помет в $АО_{59}$: *не доскý*, *не порý*, *не ценý*.

Таким образом, вне «сферы действия» флективного ударения в форме вин. ед. числа остается очень небольшая группа слов, ограниченная семантически: *борода*, *голова*, *душа*, *нога*, *рука*; некоторые другие единичные слова: *вода*, *гора*, *земля*.

Хотя все приведенные факты свидетельствуют об ограничении корневого ударения в формах вин. падежа ед. числа было бы неверным, думается, расценивать эти формы как бесперспективные. Дело в том, что уходя из литературного языка, они продолжают употребляться в просторечии, что не исключает возможности рецидива этого ударения в том или ином слове в литературном языке. Интересный в этом отношении материал представляет исследование, проведенное А. С. Афанасьевой [23], которое показывает, что в городском просторечии подобных существительных с «перемещенным» ударением больше, чем в литературном языке. Причину более устойчивого сохранения архаических форм здесь автор видит в возможности использования ударения в лексико-семантических целях.

Более широкое использование двух типов ударения в лексико-семантических целях является, по мнению автора, вообще спецификой просторечия. Некоторые примеры более или менее устойчивого закрепления корневого или флективного ударения за словоформами с определенным значением имеют место, как было показано, и в литературном языке. Это *сре́ду* ‘день недели’ в отличие от *среду́* ‘окружение’ (ср. *се́реду*, устар., простор.); *ко́су* ‘волосы’ и *косу́* ‘орудие’, *зарю́* ‘рассвет’ и *зо́рю* ‘военный сигнал’: *бить зо́рю*.

На фоне развившихся и продолжающихся в литературном языке колебаний имеют место и случаи акцентно-метонимического отталкивания типа *бороду́* (в обозначении лица) при обычном *бо́роду*; *голову́* в значении ‘руководитель’ при обычном *го́лову*, а также случаи акцентного отграничения собственных имен типа *Ивана Горы́*; *Зиму́* [24].

---

[23] *Афанасьева А. С.* Структура акцентуационной парадигмы двусложных существительных женского рода на *-а* (*-я*) в городском просторечии. — Изв. Воронежского пед. ин-та, т. 81, 1968.

[24] Станция Зима́ в Иркутской обл.

2. Закономерное ударение на флексии в формах косвенных падежей мн. числа [25] в кругу слов с исконной подвижностью в литературном языке XVIII в. удерживается очень устойчиво. Поэтический язык XVIII в., по крайней мере, судя по материалам картотеки, не представляет ни одного случая отступления от этого ударения.

Зарегистрированы следующие формы с ударением на флексии: *водáм* (Богд., Держ., Ломон., Сум., Тред.); *водáми* (Богд., Карамз., Ломон., Тред.); *водáх* (Богд., Держ., Карамз., Сум., Тред.); *волнáм*, *волнáми* (Держ., Ломон., Карамз.), *волнáх* (Богд., Держ., Карамз., Ломон., Тред.); *горáм* (Богд., Держ., Ломон., Сум.), *горáми* (Держ., Ломон.), *горáх* (Богд., Держ., Ломон., Тред.); *грозáх* (Тред.); *доскáм* (Держ.), *доскáми* (Чулк.); *душáм* (Держ., Ломон., Тред.), *душáми*, *душáх* (Карамз.); *зарям* (Держ.), *зарямú* (Держ., Тред.); *звездáм* (Ломон., Сум., Чулк.), *звездáми* (Держ., Карамз., Ломон., Тред.), *звездáх* (Держ., Тред.); *землям* (Хемн.), *землями* (Держ., Дмитр.), *землях* (Ломон., Сум.); *избáх* (Богд.); *овцáм* (Богд., Сум., Чулк.), *овцáми* (Богд., Ломон.), *овцáх* (Дмитр.); *росáх* (Чулк.); *рудáми* (Дмитр.); *слободáм* (Тред.); *стенáм* (Богд., Держ., Ломон., Тред.), *стенáми* (Ломон., Тред.); *стенáх* (Богд., Сум., Тред.); *стрелáм* (Ломон., Чулк.), *стрелáми* (Ломон., Карамз.), *стрелáх* (Богд.); *ценáм* (Чулк.).

Список слов с подвижным ударением Востокова (см. с. 37) дает основание считать нормативным и для начала XIX в. ударение на флексии в формах косвенных падежей мн. числа у всех слов с предполагаемой исконной подвижностью [26]. Подобный вывод можно сделать и относительно слов *волна*, *гроза*, *игла*, *икра*, *ноздря*, *пчела*, *слеза*, *стрела*, которые Востоков вводит в состав слов, имеющих «переносное» ударение только в им.-вин. падежах мн. числа. Это подтверждается и поэтическими материалами. В поэтическом языке не только начала XIX в.,

---

[25] Рассматриваются формы дат., твор. и предл. падежей.

[26] В списках слов с подвижным ударением у Востокова отсутствуют *верста* и *весна*. Означает ли это, что здесь уже преобладало корневое ударение в косвенных падежах мн. числа, хотя подобное ударение и не составляло особого «типа», на основании имеющегося материала решить трудно, во всяком случае ударение *верстáх* отмечено у поэтов (Пушк., Полеж., Полон.), ударение *веснáм*, *веснáми*, *веснáх* не встретилось.

но и далее, наконечное ударение форм косвенных падежей мн. числа очень устойчиво, хотя у поэтов уже первой половины XIX в. отмечаются отдельные случаи накоренного ударения (наряду с обычным ударением на флексии). Далее отметим только эти отступления, полагая, что общий нормативный фон ясен. Это *на вóлнах*, отмеченное у Пушк., Лерм.; *вóлнами* (Лерм.); *гóрах* (Гнед., Лерм.); *звéздам* (Лерм.); *звéздами* (Кюх.); *звéздах* (Лерм.); *зóрям* (С. Акс.); *úглах* (Полеж.); *úзбам* (Пушк.); *нóрах* (Гог.); *рóсами* (Дельв.); *стéнам* (Гнед., Лерм.); *стрéлах* (Лерм.). Колебания продолжаются (а некоторые возникают вновь) и у поэтов второй половины XIX в., но и здесь случаи накоренного ударения существуют только как определенная «инкрустация».

Специфика поэтического материала (какие-то слова здесь часты, какие-то редки, какие-то неупотребительны) не дает возможности вполне последовательно проследить происходящие акцентные изменения в рассматриваемых формах. И все-таки, полагаясь на имеющийся материал, можно утверждать, что основной сдвиг в акцентовке форм косвенных падежей мн. числа, более или менее массовый переход их к корневому ударению происходит только в начале XX в. и закрепляется в современном периоде. Это хорошо видно на примере форм, представленных в картотеке сравнительно большим числом примеров. Так, ударения *нóрам*, *нóрами*, *нóрах* у поэтов XIX в. единичны, у поэтов начала XX в. их соотношение со старыми *норáм*, *норáми*, *норáх*, примерно, 1 : 1, у современных поэтов примеров флективного ударения нет; ударения *звéздам*, *звéздами*, *звéздах* у поэтов XIX в. единичны, у поэтов начала XX в. их соотношение с ударениями *звездáм*, *звездáми*, *звездáх* 1 : 1, у современных поэтов ударения *звездáм*, *звездáми*, *звездáх* единичны. Подобные изменения в соотношении числа употреблений накоренного и флективного ударения можно видеть и на примере форм *водам*, *водами*, *водах*; соотношение ударений *вóдам* и *водáм* у поэтов начала XX в. 2 : 1, у современных — 20 : 1; *вóдами* и *водáми* у поэтов начала XX в. 2 : 1, у современных — 10 : 1; *вóдах* и *водáх* у поэтов начала XX в. 1 : 1, у современных поэтов отмечено только ударение *вóдами*. Развившееся к началу XX в. колебание ударения в формах *волнам*, *волнами*, *волнах*; *стенам*, *стенами*, *стенах*; *строкам*, *строками*, *строках* демонстрируются примерно

равным соотношением корневого и флективного ударения у поэтов начала XX в.; у современных поэтов это соотношение или сохраняется (формы *волнам*, *волнами*, *волнах*) или изменяется за счет некоторого увеличения числа употреблений корневого ударения: *стéнами* и *стенáми* 1,5 : 1; *стéнах* и *стенáх* 1,5 : 1; *стрóками* и *строкáми* 2 : 1 и т. д.

В целом ряде форм ударение на флексии у поэтов и начала XX в. вообще не употребительно или встречается в виде единичных примеров. Отмечено, например, только *дýшам*, *дýшами*, *дýшах* (старое ударение *душáм* сохраняется только во фразеологическом сочетании «поговорить по душам») [27]; *зóрям*, *зóрями*, *зóрях*; *úзбам*, *úзбах*; *кóсам*, *кóсами*, *кóсах*; *рóсам*, *рóсами*, *рóсах*; *стрéлам*, *стрéлами*, *стрéлах*.

Сравнительно редкие примеры корневого ударения и преимущественно у современных поэтов отмечены в формах: *бóронах*, *дóскам*, *дóсками*, *дóсках*; *гóрам*, *гóрами*, *гóрах*; *пóлосами*, *пóлосах*.

Как уже отмечалось, список слов с подвижным ударением В. И. Чернышева несколько ýже того, который представлен в Грамматике Востокова. Исключение из этого списка ряда слов должно означать, видимо, признание у них не только нормативности флективного ударения в вин. падеже ед. числа, но и нормативности корневого ударения в косвенных падежах мн. числа (иначе эти слова должны были бы попасть в список слов с иным типом подвижности: *вдовá—вдóвы—вдовáм*), т. е. признание суще-

---

[27] См. интересный пример разграничения обычного сейчас и «фразеологизованного» ударения:

Скажем: — Батюшка Царь — Государь!
Мы пришли да за матушкой Правдой. . .
По *душáм* потолкуй, не ударь,
Правду дай,
не обидь,
мир обрадуй. . .
Царь по *дýшам* ударил. . . и в них,
Не считать если самую малость,
В *дýшах* тех, кто остался в живых,
Ничего от царя не осталось.

Н. Алексеев. Первая баррикада

ствования нового типа подвижности. Чернышев этот тип новой подвижности не фиксирует, хотя наличие его уже в третьей четверти XIX в. свидетельствуется Гротом: «Хотя этот переход ударения (речь идет об ударении типа *вдовá—вдóвы*. — *В. В.*) не составляет общей принадлежности всех подобных имен, однако ж можно сказать, что ему подлежит большая часть женских двусложных имен, у которых в единственном числе ударение на последнем слоге. Но это явление у двусложных имен иногда отличает только именительный падеж множественного числа, например, в слове *горá*, *гóры* и, напротив — *горáм*, *горáми*, *горáх*; иногда же оно принадлежит всем падежам множественного числа: *íгры*, *íграм и жóны*, *жóнам*. Этот последний случай реже. Часто в косвенных падежах множественного числа возможны оба ударения, например, *слёзам* и *слезáм*, *скáлами* и *скалáми*» [28]. Последние слова Грота характеризуют новый тип подвижности как еще весьма неустойчивый. Возможно, что не все исследователи этот тип видели или считали нужным его отмечать. Время реального формирования типа новой подвижности, когда он становится уже численно значительным, по-видимому, начало XX в., о чем свидетельствует, как было показано, и поэтический материал. Судя по рекомендации СУ, в тридцатых годах XX в. тип новой подвижности не только существовал уже вполне реально, но и численно был довольно значительным. Из слов с исконной подвижностью в его состав определенно входили: *гроза*, *игла*, *коза*, *лоза*, *овца*, *оса*, *пола*, *пчела*, *руда*, *семья*, *стрела*, *смола*, *цена* (нормативное ударение на флексии в вин. ед. и нормативное же ударение на корне в косв. падежах мн. числа — схема *d*, по Зализняку). Испытывали колебание *звезда*, *свинья*, *сковорода* (флексийное ударение форм ед. числа и двоякое ударение в косв. падежах мн. числа); *весна*, *заря*, *изба*, *нора*, *роса* (корневое ударение косв. падежей мн. числа, но двоякое ударение в вин. ед. числа); *верста*, *соха* (колебание ударения и в вин. ед. числа и в косв. падежах мн. числа).

Устойчивая закрепленность корневого ударения в вин. падеже ед. числа при развившемся корневом ударении

---

[28] *Грот Я. К.* О русском ударении вообще и об ударении имен существительных. — В кн.: Труды, т. 2. Филологические разыскания. СПб., 1899, с. 394.

в косв. падежах мн. числа определяет существование «переходного» сравнительно с новой подвижностью типа: *земля*, *коса*; ударение колеблется в словах *зима*, *вода*, *душа*, поскольку в косв. падежах мн. числа возможно еще по СУ ударение на флексии.

К типу традиционной подвижности, по данным СУ, по-прежнему принадлежат *борода*, *голова*, *доска*, *кроха*, *нога*, *рука*, *слобода*, *среда* 'день недели', *сторона*; к «переходному» типу, в связи с развившимся только ударением на флексии в вин. падеже ед. числа (схема *f*, по Зализняку), относятся: *блоха*, *волна*, *гора*, *гряда* *железа*, *среда* 'окружение', *щека*; колебания между этими типами подвижности испытывают: *борозда*, *полоса*, *строка*.

Произносительные рекомендации $АО_{59}$ показывают, что в 50-х годах число слов, составляющих тип новой подвижности, возрастает за счет ряда слов с колеблющимся ударением: *весна*, *звезда*, *нора*, *роса*, *свинья*, *соха*; слов, составляющих некоторые «переходные» типы: *волна*, где корневое ударение в формах мн. числа допускается; *среда* 'окружение'. Становится численно более значительным «переходный» тип, связанный с закреплением ударения на корне в косв. падежах мн. числа: сюда включаются *зима*, *вода*, *душа*.

Многочисленные пометы *не*, относимые к формам косв. падежей мн. числа с корневым ударением в $АО_{59}$, свидетельствуют о дальнейшем расшатывании в современном языке типа традиционной подвижности. Ср.: *не блóхам*, *не дóскам*, *не жéлезам*, *не пóлосам*, *не срéдам* 'день недели', *не стрóкам*.

Последовательных изменений в акцентовке форм им.-вин. падежей мн. числа в рассматриваемый период не наблюдается. Можно отметить отдельные случаи появления флективного ударения вместо закономерного корневого. В большинстве своем они встречаются у поэтов XVIII или XIX в. Отмечая ударение *цены́* у Батюшкова, Л. А. Булаховский квалифицировал его как «случай вторичный в данной истории», поскольку «древность ударения винит. падежа ед. числа *цену́* сомнительна» [29]. Если верно взяты исходные данные, т. е. верна гипотеза о принадлежности приведенных слов к подвижной АП, подобная характеристика может быть отнесена к ударениям *гряды́*

[29] *Булаховский Л. А.* Указ. соч., с. 153.

'облаков' (Глин., Тим.); *гряды* 'в огороде' (Лерм.); *души́* (Ломон.); *зари́* (Держ., Гриб., Полеж.); *земли́* (Мерзл.); *норы* (Бат.); *семьи́* (Пушк., Мей). Эти ударения не оказывают никакого устойчивого влияния на литературную традицию.

Вопрос об исконности в славянских языках окситонированной АП не решен окончательно. Высказываются в большей или меньшей степени обоснованные сомнения в том, была ли окситония полной или из этого типа акцентовки выпадали формы им.-вин. падежа мн. числа, имевшие корневое ударение (*жёны* при *жена́м*, *жена́ми*, *жена́х*), т. е. исконной была так называемая ограниченная подвижность [30]. Для рассматриваемого нами позднего периода истории русского языка этот вопрос принципиального значения не имеет. Мы ориентируемся здесь на древнерусский материал, принимая его показания за исходное состояние.

Существование окситонированной АП в древнерусском языке сомнений не вызывает, хотя и для этого периода окситония признается явлением непродуктивным: окситонированная АП разрушается. «Поскольку в древнерусском, — пишет В. В. Колесов, — восстанавливаются: 1) сохранение окситонезы у имен с редуцированным в корне, 2) диалектное изменение окситонезы в подвижность у имен с кратким корнем и 3) диалектное изменение окситонезы в баритонезу у имен с долгим корнем (наиболее последовательно у имен **jā*-основ), невозможно говорить о продуктивности окситонированной а. п. в нем — она стала вариантом подвижной или баритонированной а. п., являясь функцией количества предударных гласных» [31]. Исконная славянская лексика, послужившая материалом для всех акцентных изменений, довольно долго сохраняет,

---

[30] Подробный разбор различных мнений на этот счет представлен, как отмечено, в работе В. Г. Скляренко. Сам автор приходит к выводу о правомерности считать корневое ударение в формах им.-вин. падежа мн. числа явлением праславянским, а случаи флективного ударения, которые имеют место в русском языке и в меньшей степени в украинском, рассматривать как церковнославянское влияние. Отставание русского языка сравнительно с украинским в изменении окситонированного ударения на корневое в им.-вин. падеже мн. числа в литературном языке объясняется, по мнению Скляренко, засилием церковнославянской акцентной традиции.

[31] *Колесов В. В.* Указ. соч., с. 36.

по Колесову, ударение эпохи разложения интонационных отношений. Напротив, слова, заимствованные после соответствующих изменений, характеризуются «определенным и выразительным акцентным безразличием»: *о́рда́*, *де́ньга́*, *ка́мка́*, *тю́рьма́*. «Никакой закономерности в колебании ударения этих слов — обнаружить не удается, хотя примеры многочисленны» [32].

Имея в виду приведенную характеристику, мы считаем необходимым и в исследовании позднего периода истории имен окситонированной АП сохранять разграничение: общеславянская лексика, поздние заимствования, производные имена существительные.

Рассмотрим изменения окситонированной акцентной парадигмы. Они касаются форм: 1) им.-вин. падежа мн. числа; 2) косв. падежей мн. числа; 3) вин. падежа ед. числа.

1. Вопрос о составе слов, принадлежавших к окситонированной АП в древнерусском языке, окончательно не решен. Существуют колебания в оценке исконной акцентуации ряда слов. Опираясь на работы, где эти вопросы обсуждаются специально [33], но внеся некоторые коррективы, связанные с принятым уже решением о включении ряда слов со спорной акцентной характеристикой в состав подвижной АП, неупотребительностью некоторых слов, приводимых в исследованиях, в русском литературном языке (или неупотребительностью у них форм мн. числа), принимаем за исходное следующий состав окситонированной АП (общеславянская лексика и некоторые ранние заимствования): *беда*, *вдова*, *вина*, *война*, *дуга*, *дыра*, *жена*, *змея*, *игра*, *коса* ‘орудие’ [34], *лиса*, *лука*, *пила*, *река*, *свеча*, *сестра*, *скала*, *скорлупа*, *скула*, *слуга*, *стрекоза*, *сова*, *стопа*, *струя*, *судьба*, *судья*, *толпа*, *трава*, *тропа*, *труба*, *тюрьма*, *узда*, *черта*, *щепа*.

В литературном языке XVIII в. у всех этих слов в форме им.-вин. падежа мн. числа устойчиво удерживается закономерное флективное ударение. В поэтических материалах отмечено: *беды* (Богд., Держ., Дмитр., Сум.,

---

[32] *Колесов В. В.* Указ. соч. с. 36—37.

[33] *Иллич-Свитыч В. М.* Указ. соч.; *Колесов В. В.* Указ. соч.; *Хазагеров Т. Г.* Указ. соч.

[34] Слово *коса*, видимо, рано подверглось влиянию ударения слова *коса* ‘волосы’. По данным материалам оно должно рассматриваться (и рассматривается) как подвижно-ударяемое.

Тред.); *вины́* (Держ.); *вдовы́* (Дмитр., В. Майк.); *войны́* (Сум.); *дуги́* (Держ.); *дыры́* (Е. Люценко*); *жены́* (Ломон.); *змей* (Карамз., Н. Осипов *); *игры́* (Держ., Сум.); *лисы́* (В. Майк.*); *луны́* (Держ.), *свечи́* (Чулк.); *сестры́* (Богд.), *скалы́* (Держ., Хераск.); *слуги́* (Тред., Хемн.); *скулы́* (В. Майк.*, Н. Осипов*); *стрекозы́* (Е. Костров*), *совы́* (Держ., Хераск.); *стопы́* (Мурав., Тред.); *струи́* (Богд., Держ., Ломон., Сум., Тред., Чулк.); *судьбы́* (Держ., Карамз., Рад.*, Тред.); *судьи́* (Держ., Ломон., М. Попов*, Сум., Хемн.); *толпы́* (Богд., Карамз., В. Петр.*); *травы́* (Карамз.*); *трубы́* (Сум., Тред.); *щепы́* (Богд.). Случаи корневого ударения очень немногочисленны: *же́ны* (Держ., В. Майк.*); *зме́и* (Держ.); *и́гры* (Богд., Держ.); *слу́ги* (Фонв.*); *стру́и* (Держ., Чулк.); *сто́пы* (Мурав., Петр.); *тру́бы* (Сум.*) [35].

У поэтов первой половины XIX в. ударение на флексии в им.-вин. падеже мн. числа у названных слов остается значительно преобладающим [36]. Однако и корневое ударение в этих формах уже не является редкостью. Отмечено *вдо́вы* (Пушк.), *же́ны* (Пушк.), *зме́и* (Глин., Полеж.), *и́гры* (Гриб., Полеж., Пушк.); *ска́лы* (Пушк., Кюх., Лерм. и др.); *слу́ги*, *све́чи* (Пушк.), *се́стры* (Пушк., Полеж.); *стру́и* (Шевыр.), *су́дьи* (Глин., Гриб., Пушк.); *тра́вы* (Крыл.), *у́зды* (Пушк.), при этом ударения *вдовы́*, *жены́*, *игры́*, *слуги́*, *травы́*, *узды́* в поэтических материалах этого периода не встречаются; в других случаях число употреблений форм с корневым ударением преобладает (*се́стры*) или примерно равно числу их употреблений с ударением флективным (*зме́и—змей*, *све́чи—свечи́*). Ударение на флексии заметно преобладает в им.-вин. падеже у слов *скала*, *струя* и остается единственно употребительным в этих формах у слов *беда*, *вина*, *война*, *судьба*, *толпа*, *щепа*.

Востоков вводит в свой список слов, имеющих только в им. падеже мн. числа «переносное» ударение, следующие слова из числа рассматриваемых: *вдова*, *дуга*, *дыра*, *жена*,

[35] Ряд форм в материалах не представлен. Окончное ударение у некоторых из них зафиксировано в памятниках XVI—XVII вв.: *вины́*, *лукй́*, *рекй́*, *скорлупы́*, *пилы́*, *тюрьмы́*, *узды́*. При этом новое ударение на корне отмечено только в *ре́ки* и *слу́ги* (*Хавагеров Т. Г.* Указ. соч., с. 51 и сл.).

[36] Большой материал приведен Булаховским (*Булаховский Л. А.* Указ. соч., с. 150—154). В дополнение можно указать на ударения *вины́* (Гриб., Дельв., Козл., Крыл., Кюх., Пушк.); *войны́* (Крыл., Мерзл.*); *стопы́* (Полеж., Пушк.).

игра, *лука*, *пила*, *река*, *свеча*, *сестра*, *скула*, *слуга*, *сова*, *судья*, *трава*, *труба*, *тюрьма*, *узда*[37]. Данные поэзии первой половины XIX в. этой их акцентной характеристике не противоречат. Можно отметить лишь более устойчивое употребление флективного ударения в им. падеже мн. числа у ряда слов (*сестра*, *свеча*, *судья*) как специфику поэтической речи.

Тот факт, что в списке Востокова отсутствуют слова *беда*, *вина*, *война*, *змея*, *лиса*, *скорлупа*, *стопа*, *стрекоза*, *струя*, *судьба*, *толпа*, *тропа*, *черта*, *щепа*, означает, по-видимому, признание нормативности наконечного ударения: *беды́*, *вины́*, *войны́*, *змеи́*, *лисы́*, *скорлупы́*, *стопы́*, *стрекозы́*, *струи́*, *судьбы́*, *толпы́*, *тропы́*, *черты́*, *щепы́*. Это подтверждается в отношении ряда слов поэтический материал. У поэтов не только первой, но и второй половины XIX в. и даже начала XX в. подобные ударения сохраняются и в некоторых случаях очень устойчиво. Так, ударения *беды́* и *вины́* обычны у поэтов второй половины XIX в. и встречаются еще у поэтов начала XX в; ударение *струи́* намного превосходит по числу употреблений ударение *стру́и* у поэтов второй половины XIX в., а у поэтов XX в. соотношение этих ударений — 1 : 1; ударения *су́дьбы*, *то́лпы* и *тро́пы* появляются только у поэтов начала XX в. (при этом численные соотношения таковы: *толпы́* и *то́лпы* — 13 : 1; *тропы́* и *тро́пы* — 1 : 1); отмечено только ударение *щепы́*. Наметившиеся сдвиги в акцентовке форм им.-вин. падежа мн. числа получают окончательное закрепление, по-видимому, только в нормах 30-х годов. СУ нормализует корневое ударение в этих формах почти у всех слов рассмотренной группы. Наряду с нормативным корневым ударением словарь отмечает, однако, как устаревший вариант *скалы́*, *судьи́* и *толпы́*, как более редкий *тропы́* и как равноправный *стопы́*, *струи́*. Флективное ударение остается нормативным у слова *черта*.

Таким образом, ударение в форме им.-вин. падежа мн. числа у слов этой группы оказалось преобразованным почти полностью.

2. Замена флективного ударения корневым в формах дат., творит. и местн. падежей проходит в группе слов, принадлежавших к окситонированной АП, медленнее.

---

[37] *Востоков А. Х.* Указ. соч., § 183.

В литературном языке XVIII в. отмечено закономерное ударение на флексии в этих формах: *бедáм* (Богд., Ломон., Сум., Тред.), *бедáми* (Богд., Ломон.), *бедáх* (Богд., Держ., Карамз., Сум., Тред.); *винáх* (Богд.); *войнáм* (Карамз.), *войнáми*, *войнáх* (Ломон., Карамз., Сум.); *дугáми* (Н. Львов*); *женáм* (Богд., Держ., Чулк.), *женáми* (Держ., Карамз.), *женáх* (Держ., Тред.); *змеями* (Держ.); *игрáм* (Рад., Тред.), *игрáми* (Богд., Держ., Тред.), *игрáх* (Богд., Тред.); *рекáм* (Карамз., Сум., Тред.), *рекáми* (Дмитр., Ломон.); *рекáх* (Ломон.); *сестрáм* (Богд., Держ.), *сестрáми* (Богд.); *скалáми* (Держ.); *слугáми* (Богд.); *стопáм* (Мурав.); *струям* (Сум.), *струями* (Карамз., Сум., Чулк.), *струях* (Ломон., Карамз., Сум., Тред.); *судьбáм* (Богд., Тред.), *судьбáми* (Богд., Держ., Сум.), *судьбáх* (Богд.); *толпáми* (Держ., Сум., Тред.), *толпáх* (Тред.); *тропáм* (Держ.); *трубáми* (Ломон.).

Исключение в этом ряду акцентовок составляет только ударение *и́грам* и *и́грах*, отмеченное у Державина.

Список слов Востокова с «переносным» ударением в им.-вин. падежах мн. числа (см. с. 49—50) характеризует как нормативное для начала XIX в. ударение на флексии во всех словах списка: *вдовáм*, *вдовáми*, *вдовáх*; *дугáм*, *дугáми*, *дугáх*; *дырáм*, *дырáми*, *дырáх*; *женáм*, *женáми*, *женáх*; *игрáм*, *игрáми*, *игрáх*; *пилáм*, *пилáми*, *пилáх*; *рекáм*, *рекáми*, *рекáх*; *свечáм*, *свечáми*, *свечáх*; *сестрáм*, *сестрáми*, *сестрáх*; *скулáм*, *скулáми*, *скулáх*; *слугáм*, *слугáми*, *слугáх*; *совáм*, *совáми*, *совáх*; *судьям*, *судьями*, *судьях*; *травáм*, *травáми*, *травáх*; *трубáм*, *трубáми*, *трубáх*; *тюрьмáм*, *тюрьмáми*, *тюрьмáх*; *уздáм*, *уздáми*, *уздáх*. На тех же основаниях, которые выдвигались для признания нормативности флективного ударения в им.-вин. падеже мн. числа (с. 50), можно предполагать нормативность его и в следующих формах косвенных падежей мн. числа: *бедáм*, *бедáми*, *бедáх*; *винáм*, *винáми*, *винáх*; *войнáм*, *войнáми*, *войнáх*; *змеям*, *змеями*, *змеях*; *лисáм*, *лисáми*, *лисáх*; *скорлупáм*, *скорлупáми*, *скорлупáх*; *стопáм*, *стопáми*, *стопáх*; *стрекозáм*, *стрекозáми*, *стрекозáх*; *струям*, *струями*, *струях*; *судьбáм*, *судьбáми*, *судьбáх*; *толпáм*, *толпáми*, *толпáх*; *тропáм*, *тропáми*, *тропáх*; *чертáм*, *чертáми*, *чертáх*; *щепáм*, *щепáми*, *щепáх*.

Ударение на флексии во всех перечисленных формах очень устойчиво в литературной традиции. В поэтическом языке первой половины XIX в., по крайней мере, можно

отметить только отдельные отступления от этих акцентовок: *жéнам* (Гнед., Гриб., Пушк.); *жéнами* (Гнед.); *жéнах* (Гриб.); *úграм*, *úграми*, *úграх* (Гриб., Кюх., Полеж., Пушк.); *скáлам* (Барат, Мерзл., Озер.), *скáлах* (Глин.); *трáвами* (Мей), *трýбами* (Жук., Пушк.).

Судя по поэтическим материалам, резкий сдвиг в акцентовке форм косвенных падежей мн. числа — переход их к корневому ударению — происходит, как и у подвижноударяемых имен, в начале XX в. Во всяком случае, если у поэтов второй половины XIX в. случаи корневого ударения были еще редкими, ср.: *жéнам* (Плещ.), *жéнами* (Курочк.); *úграм* (Плещ.), *úграх* (Майк.); *сéстрам* (Курочк.); *скáлам* (Майк.); *скáлах* (Фет); *трýбами* (Курочк., Плещ.), то у поэтов начала XX в. они имеют уже достаточно широкое распространение. В наших материалах представлены, например, ударения *бéдам*, *дýгами*, *рéкам*, *рéках*, *скáлам*, *скáлах*, *струями*, *струях*, *тóлпами*, *тóлпах*, *трýбами*, *тюрьмам*. По отношению к словам частотным в поэзии (*струя*, *скала*, *река*) можно проследить и изменение в соотношении традиционных и новых ударений. У поэтов начала XX в. эти соотношения примерно равны, у современных поэтов ударение на флексии становится редкостью.

По данным поэтической речи (конечно, неполным и, вероятно, дающим несколько больший крен в сторону традиции, чем непоэтическая литературная речь того же времени) тип новой подвижности в начале прошлого века определенно был представлен только одним словом из состава старого окситонного класса — словом *игра*: отмечено *úгры* (при неупотребительном уже *игры́*) и *úграм*, *úграми*, *úграх*, при неупотребительном (или почти неупотребительном, поскольку единичные примеры есть) *играм́*, *играми́*, *играх́* [38].

С учетом колебаний ударения сюда может быть отнесено и слово *жена*: устойчивое ударение *жéны* в им. падеже мн. числа, распространенное ударение *жéнам*, *жéнами*, *жéнах* при употребительном еще, однако, и *женáм*, *женáми*, *женáх*. Меньше оснований говорить о присоединении к этому акцентному типу слова *скала*, поскольку

---

[38] Именно этот единственный пример подобного распределения ударения в именах жен. рода на *-а* см.: *Будде Е. Ф.* Опыт грамматики языка А. С. Пушкина. — Сб. ОРЯС, т. 77. СПб., 1904, с. 1117.

в течение всего XIX в. известны колебания в акцентовке и формы им.-вин. и косв. падежей мн. числа, а также, таких слов, как *трава* и *труба* (последние плохо представлены в материалах). У Грота (с. 45) фигурируют только два примера (*игра* и *жена*) как иллюстрация нового акцентного типа, когда «перемещённое» на корень ударение принадлежит всем падежам мн. числа. В других случаях, по Гроту, возможны оба ударения: *слёзам—слезáм*, *скáлам* и *скалáм*.

Через интервал менее, чем в 100 лет (рекомендации СУ), к типу новой подвижности оказываются принадлежащими уже почти все имена старого окситонного класса: *беда*, *вдова*, *вина*, *война*, *дыра*, *змея*, *игра*, *лиса*, *лука*, *свеча*, *скула*, *слуга*, *сова*, *стрекоза*, *трава*, *труба*, *узда*. Исключение составляют слова *скала*, *стопа*, *струя*, *судья*, *толпа*, *тропа*, где, как отмечено (с. 52) продолжает употребляться (в ряде слов с определенными ограничениями) ударение на флексии во всех формах мн. числа, а также *дуга*, *жена*, *река*, *сестра*, *скорлупа*, *судьба*, где флективное ударение возможно только в косв. падежах мн. числа; ударение на флексии остается нормативным для слов *черта*, *щепа*. По нормативным установкам 50-х годов (рекомендации $АО_{59}$), из состава названных исключений выводятся: *дуга*, *жена*, *сестра*, *скала*, *скорлупа*, *стопа* ‘единица стиха, куча чего-н.’, *судья* и *толпа*; ударение на флексии в косв. падежах мн. числа у слова *судьба* и во всех падежных формах мн. числа у слова *струя* характеризуется как еще возможное, но устаревшее; у слов *тропа* и *щепа* флективное ударение сохраняется только в косв. падежах мн. числа. Колебание в акцентовке форм косв. падежей продолжается у слова *река*.

Таким образом, у всех имен старого славянского окситонного класса ударение оказалось преобразованным: от окситонии они в полном своем составе (за единичными исключениями *черта*, *стопа* ‘часть ноги’) перешли (или переходят) к новой подвижности, «перегнав» по результатам акцентной перестройки группу подвижно-ударяемых имен (последние представляют больше традиционных отклонений от типа новой подвижности). Старое ударение сохраняется в некоторых словоформах, входящих в состав определенных «речений»: *какими судьбáми*, *всем сестрáм по серьгáм*.

Хотя окситонированная АП характеризуется как непродуктивная в классе имен *а*-основ [39], на всем протяжении развития литературного языка состав ее все же пополняется — за счет заимствований и производных слов. Среди заимствованной лексики наиболее значительное место занимают заимствования из тюркских языков, кроме них — некоторое число церковнославянизмов, полонизмов, заимствований из греческого и др. Присоединению ряда слов такого типа к окситонированной АП предшествует в ряде случаев период акцентных колебаний, характеризующий, как было сказано, их «акцентное безразличие». В. В. Колесов отмечал его для ранней эпохи, но это можно наблюдать и в поздний период. Ср., например, в словарях XVIII в. колебание *софá* и *сóфа*; в словарях XIX в. *кобурá* и *кобýра*, *конурá* и *конýра*, *арбá* и *áрба*, *киркá* и *кúрка* ‘орудие’, *дохá* и *дóха*, соврем. *пиалá* и *пиáла* и др.[40]

Принадлежность же многих из этих слов к окситонированной АП оказывается временной: они втягиваются в орбиту действия новой подвижности.

Трудно, если не невозможно, установить, какие факторы определяют переход слов этой группы к новому типу акцентуации. Выше было показано, что общеславянская лексика тип новой подвижности усваивает почти в полном своем составе. В кругу разного рода заимствований влияние этого типа акцентуации более избирательно. Можно думать, что переход к новому типу акцентуации в какой-то мере зависит от сферы преимущественного употребления слова. Во всяком случае, такие, например, заимствования из старославянского, которые малоупотребительны (*брада*, *бразда*) или ограничены в своем употреблении книжными сферами (*ладья*, *мечта*, *суета*), сохраняют старое ударение на флексии, а такие, как *глава*, *страна*, имеющие широкое употребление, переходят к типу новой подвижности.

Из числа тюркизмов и других заимствований акцентной перестройке в этом направлении подверглись многие слова. Среди них *арба*, *колбаса*, *кошма*, *орда*, *доха*, *кирка*, *серьга*, *софа*, *пастила*, *просвира*, *скамья*.

---

[39] В современном языке она представлена ограниченным числом слов и принадлежит к разряду «списочных» явлений. В Грамматике современного русского литературного языка (М., «Наука», 1970), например, приведено 116 таких слов (см. § 1031).

[40] Словарь современного русского литературного языка в 17-ти т.

Все названные слова в картотеке представлены с разной степенью полноты, и их «акцентная история» поэтому может быть выявлена с разной степенью тщательности. Можно предположить, что акцентная перестройка этих слов, как и акцентная перестройка общеславянских окситонированных слов, относится к самому концу XIX—нач. XX в.

Так, ударения *глáвы*, *стрáны*, *глáвам*, *стрáнам* и т. д. у поэтов XIX в. еще большая редкость (ударение *глáвах* как единственный пример отмечено у Пушк., *глáвы* — у Тимоф.; *стрáны*, *стрáнам*, *стрáнах* отмечено у Тимоф., Плещ.); у поэтов даже начала XX в. редки, напротив, эти формы с ударением флективным. Современные словари, и уже СУ, характеризуют их как устарелые.

Как единичные у поэтов XIX в. встречаются и ударения типа *бóрды* — у Рыл., Случ., Тим.; *скáмьи*, *скáмьях* — у Тим. (при этом отмечено только *сéрьги*). По рекомендации СУ, новый тип ударения твердо устанавливается у ряда слов такого типа (*арба*, *доха*, *колбаса*, *кошма*, *орда*, *пастила*); допускается двоякое ударение в слове *скамья*, в формах косвенных падежей слов *просвира* и *софа*; сохраняется устойчивое ударение на флексии в косв. падежах мн. числа слова *серьга*.

Тип новой подвижности расширяет и, видимо, будет расширять сферу своего влияния, вовлекая и другие слова данной группы. Зализняк называет, например, в числе слов, обнаруживающих тенденцию к переходу в тип новой подвижности (схема *d*) и реализующих ее в сферах нелитературной речи, слова *кайла*, *тура*, *графа*, *острога*, *егоза*, *пиала*, *кобура*, *конура*[41].

Некоторые из подобных фактов отмечены и у поэтов: ударение *кобýры* у Багр., *по грáфам* у Анис., кроме того — *кúшки* у Сельв, *сýмы* у Сурк. и др.

В сферу влияния новой подвижности вовлекаются некоторые производные имена и даже целые группы таких имен. Это имена с суффиксами *-от(а)*, *-ин(а)*, *-изн(а)*, образованные от основ прилагательных. Названные имена, как известно, не едины по своей семантике. Здесь наряду со словами с основным для слов данной группы значением — качества, свойства, абстрактного признака —

[41] *Зализняк А. А.* Указ. соч., с. 166.

имеются слова со значением предметным (*высота*) и личным (*сирота*). Характерной особенностью таких имен является наличие у них форм мн. числа или возможность окказионального их образования. Ударение в этих формах, если они имеют место, в литературном языке XVIII и XIX вв. — закономерно флективное. В поэтическом языке отмечено, например, *высоты́* (Держ., позднее — Бенед., Глин., Гриб., Дельв., Крыл., Пушк. и др.); *высота́м* (Бенед., Глин., Дельв., Жук., Пушк. и др.); *высота́ми* (Глин.); *высота́х* (Барат., Бестуж., Глин., Гриб., Жук., Крыл., Кюх., Лерм., Пушк. и др.); *красоты́* (Богд., Держ., Карамз., Ломон., Сум., Тред., позднее — Бат., Глин., Гнед., Гриб., Дельв., Крыл., Лерм., Пушк. и др.), *красота́м* (Богд., Держ., Дмитр., Карамз., позднее — Апухт., Пушк.); *красота́ми* (Держ., Тред., позднее — Бат., Жук., Крыл.); *красота́х* (Карамз., позднее — Жук., Полеж.); *сироты́* (Богд., позднее — Тим.); *сирота́м* (Жук., Козл., Мерзл., Некр., Плещ. и др.); *сирота́ми* (Жук., Мерзл., Некр. и др.); *сирота́х* (Изм., Мерзл. и др.); *тяготы́* (Княжн., позднее — Майк.); *тягота́м* (Тютч.); у имен с *-ин(а)*: *глубины́* (Карамз., позднее — Жук., Козл., Крыл., Майк., Язык.); *глубина́х* (Держ., позднее — Жук., Лерм., Майк. и др.). Отдельные случаи ударения на основе, свидетельствующие о начале акцентной перестройки имен этой группы, встречаются уже у поэтов второй половины XIX в., например, *краса́ты* у Курочк., Толст., Тютч.; *сира́ты* у Курочк.; *си́ротам* у Случ. и др., однако, основной этап перестройки здесь, как и у всех имен на *-а* — конец XIX—нач. XX в. Акцентный сдвиг в этой группе имен лучше всего выявляется на примере окказиональных образований, в то время как традиционно употребляемые формы (типа *высоты́*, *красоты́*, *глубины́* и под.) более устойчиво сохраняют старое ударение на флексии (во всяком случае, еще у поэтов нач. XX в. эти старые ударения употребительны).

Известно, что тенденция «опредмечивания» имен с абстрактным качественным значением является в языке очень живой, и, следовательно, возможности образования форм мн. числа у подобных слов, в принципе, не ограничены. Акцентовка же их полностью зависит от действующих в данный период акцентных норм. Ср. в этом плане: в *быстрота́х* (Держ.), в *быстрина́х* (Гриб.), *дурноты́* (Крыл.), *крутизны́* (Пушк.), *крутизна́м* (Тютч.); *немоты́*

(Тред.), *новизны́* (Гриб.), *новизна́ми* (Майк.); *тесноты́* (Толст.), *темноты́* (Кюх.), и: *вкусно́ты* (Майк.), *тесно́там* (Цвет.), *тиши́ны* (Тих.), *цели́ны* (Сельв.) и др.

Естественно, что имена существительные, получившие возможность употребляться во мн. числе позднее, имеют устойчивое ударение на основе. В большинстве своем, это специальная, терминологическая лексика. Ср.: *долго́ты*, *кисло́ты*, *мерзло́ты*, *пусто́ты*, *часто́ты*, *широ́ты*, *величи́ны*, а также *длинно́ты* 'излишне растянутые части произведения', *темно́ты* (в картине) и др.

В этом плане интересно проследить за изменением ударения в слове *острота*. Это слово любопытно тем, что ударение на основе, закономерно развившееся в формах мн. числа, переносится затем и на формы ед. числа, вследствие чего возникает «пара» слов, различающихся по значению и ударению.

В литературном языке прошлого века слово *острота* представлено только с ударением на флексии как в обозначении отвлеченного существительного к *острый*, так и по отношению к «замысловатому» острому слову. Ср., например:

Малейшая в ком странность чуть видна,
Веселость ваша не скромна,
У вас тотчас уж *острота́* готова,
А сами вы ‹. . .›

Грибоедов. Горе от ума

И где та власть, с которою порой
Казнил толпу я словом, *остротой*?

Лермонтов. Маскарад

Тот глупой *остротой*, другой нахальной сплетней
Спешат себя развлечь, стараясь об одном,
Чтоб время как-нибудь тянулось позаметней. . .

Суриков. В остроге

Во мн. числе также обычно флективное ударение:

Потише, вопиют, вотще и *остроты́*
И град блестящих слов пред ними сыплешь ты.

Бестужев. Подражание первой сатире Буало

Во второй половине XIX в. можно отметить уже единичные примеры перемещенного ударения:

И мудрые слова все повторяли
С невинными *остр́отами* сестер,
Которые передавал он тоже,
Как попугай, во всем на них похожий.
Курочкин.
Переводы и переделки Ж. Б. Грессе. Попугай

Для литературного языка XX в. это ударение становится уже единственно употребительным, в то время как в формах ед. числа еще продолжает употребляться флективное ударение.

Характерно, что с таким ударением (*острота́*, *-ы́*, мн. *остр́оты*) слово *острота* приводит еще СУ и другие словари. Судя по материалу, только примерно в 30-х годах появляется ударение *остр́ота* как обозначение остроумного выражения. Один из наиболее ранних примеров такого ударения мы находим в поэтическом языке:

Остр́ота, конечно, простая случайность,
Нечаянный блик двупланных идей.
Но эту случайность обычно встречаешь
Только среди остроумных людей.
Сельвинский. Путешествие по Камчатке

Разграничение ударения *острота́* ‘отвлеч. сущ. к *острый*’ и *остр́ота* ‘остроумное выражение’ сейчас очень устойчиво (его приводят уже все современные словари). Ср. любопытный пример обыгрывания установившихся различий:

Жанр эпиграмм у вас в почете.
Он (на словах) любезен вам.
Вы только места не даете
Для персональных эпиграмм.
Вам их печатать нет охоты.
Ведь ваши принципы просты:
Вы очень любите *остр́оты*
Но вы боитесь *остроты́*.
Безыменский. Литературные эпиграммы

Другие производные имена, принадлежащие к рассматриваемому акцентному типу, последовательных изменений ударения не представляют. Отмечаются лишь отдельные примеры ударения на основе в формах мн. числа, как правило, не поддержанные нормой: *клёшни*,

про́стыни (или *просты́ни*) и др. О новой тенденции в акцентовке форм мн. числа подобных слов можно судить также по акцентовке окказионально образуемых форм; ср.: *гу́льбы* (у Ас.), узаконенное современной нормой слово специальной лексики *стре́льбы*.

3. Аналогический перенос ударения на основу (корень) в форме вин. ед. у окситонированных имен в диалектах отмечен очень широко. С. П. Обнорский констатировал его, например, не только у русских трехсложных имен по аналогии с двусложными, но и в заимствованных словах — по мере их опрощения: *бо́дью*, *ко́балу*, *ка́зну* (*ко́зну*), *про́свиру*, *ска́мью* (*ско́мью*) и др.[42]

В литературном языке XVIII—XIX вв., по представленным материалам, это явление тоже имело распространение. Об этом свидетельствует переход к типу традиционной подвижности (с ударением на корне в вин. падеже ед. числа) ряда слов, определенно относимых к окситонированной АП (*стена*, *стопа*), некоторых заимствований из церковнославянского (*среда*) и др., отраженный в Грамматике Востокова (см. с. 37) и закрепленный в литературной традиции. Показательно и развитие ударения в слове *река*. Поэтические материалы показывают постепенное и последовательное увеличение употребительности здесь корневого ударения в вин. падеже ед. числа. У поэтов XVIII в. отмечено только ударение *реку́* (Богд., Карамз., Сум., Тред., Чулк.). У поэтов первой половины XIX в. ударение *ре́ку* представлено уже довольно большим числом примеров (отмечено у Бат., Давыд., Дельв., Жук., Одоевск.), хотя общее соотношение говорит об очевидном преобладании ударения на флексии (отмечено у Бат., Бенед., Глин., Гнед., Жук., Катен., Крыл., Мея, Мерзл., Пушк., Язык. и др.). У поэтов второй половины XIX в. удерживается в целом то же соотношение ударений. У поэтов начала XX в. и современных поэтов число употреблений корневого ударения становится равным числу употреблений флективного ударения: общее соотношение примерно 1 : 1. Колебание отражено и в современных нормативных и толковых словарях.

Менее широкое распространение в поэтическом языке XIX в. имеет ударение *тра́ву* (отмечено, например,

---

[42] *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке, вып. 1. Л., 1927, с. 269—274.

у Тютчева). Сейчас, судя, в частности, по поэтическим материалам, колебание ударения продолжается при очевидном преобладании флективного ударения (ударение *тра́ву* не поддерживается литературной нормой).

Отмечены, кроме того, в качестве единичных примеров: *во́йну* (неизвестный автор, стих. 1792 г.)*, *тро́пу* (Шумах.), *све́чу* (Жук., Ник.); современные: *ко́рму* (Сельв.), *ску́лу* (Бакалд. и др.).

Перейдем к рассмотрению изменения в составе баритонированной акцентной парадигмы. Состав ее в древнерусском, который образуют исконные баритона (*баба*, *береза*, *ворона*, *глина*, *грива* и др.), праславянские окситона (*буря*, *жажда*, *нужда* и др.) и слова с праславянской подвижностью (*каша*, *куча*, *туча* и др.) [43], удерживается в литературном языке позднего периода в целом устойчиво, хотя и здесь можно отметить ряд изменений.

В. В. Колесов [44] отмечает значительные колебания в ударении имен баритонированной АП в древнерусском языке. «В представленном материале, — пишет он, — невозможно выделить памятники, в которых не было бы колебания ударения в словах, принадлежавших к парадигме *а*». Этот факт свидетельствует, по мнению Колесова, о том, что здесь имеют место остатки какой-то древней особенности ударения, восходящей к древнерусскому. На основании рассмотренных материалов автор приходит к выводу о факультативности колебаний ударения, указывающей на то, что в древнерусском баритонеза и окситонеза (одинаково колумнального характера) противопоставлялись подвижности как неподвижное ударение.

Большинство колебаний, отмеченных в древнерусском (*сту́на́*, *се́ра́*, *тѝна́*, *я́ма́*, *ка́пля́*, *са́бля́* и др.), затухает и в позднем периоде развития литературного языка не известно или не имеет активного распространения.

В диалектном же языке эти колебания продолжаются, как, видимо, и само явление колебания между баритонезой и окситонезой, что определяет появление и новых фактов. Ср. в материалах С. П. Обнорского: *ду́ма́*, *сера́*,

---

[43] *Колесов В. В.* Указ. соч., с. 8—15.
[44] Там же, с. 16—19.

осока́, *бритва́*, *нива́*, *капля́*, *пена́*, *репа́*, *стрелка́*, *птица́*, *вьюга́* и др.[45] Некоторые из подобных фактов, по характеристике Обнорского, территориально прикреплены. Это южновеликорусизмы: *роща́*, *туча́*, *чаща́*, *пашня́*. Видимо, как вторичные, обусловленные более поздним диалектным влиянием, единичные случаи такого ударения появляются в литературном языке, в частности, в поэтической речи. Ср. у поэтов XIX в.: *битвы́* (Мерзл.), *осоки́* (Мей), *осоко́ю* (Тютч.), *в чашу́* (Толст.), в *чащ́е* (Майк.); у поэтов XX в.: в *осоке́*, *вьюга́* (Блок), в *ступе́* (Багр.), *злобо́ю* (Маяк.), *порош́а* (Есен.), *хвои́* (Бок., Паст., Брюс.) и т. д.

Только у сравнительно небольшого числа слов с отмеченным в древнерусском языке колебанием наблюдаются вполне последовательные и результативные изменения ударения — в сторону окситонезы. Это закрепление ударения *волна́* ‘шерсть’ (колебание отмечает Сл. Акад. 1891), *сли(ю)на́*, *слюда́* (колебание отмечает еще Сл. Даля, также *клюка́*, *корчма́*, *молва́*, *хула́*. У ряда слов изменение ударения ведет не к установлению у них ударения на флексии, а к развитию подвижности. Показателен в этом отношении пример акцентного развития слова *губа*. Как показывает Колесов[46], в древнерусском языке здесь было представлено несколько значений: ‘рот’, ‘гриб’, ‘залив’. Уже в XVII в. в северных рукописях появляется наконечное ударение в диалектном обозначении залива, что обусловливает дифференциацию по ударению: *гу́ба* ‘рот’, *губа́* ‘залив’ и ‘гриб’. Это расподобление, по Колесову, вторично и вызвано семантическими причинами. Однако и в основном значении слова (‘рот’) произошло изменение ударения в сторону окситонезы; после же XVII в., уже на других основаниях, появляется подвижность. В современных говорах сохраняются все типы, а литературный язык развивает новый, при котором сохраняется противопоставленность грамматически совпадающих форм род. падежа ед. и им. мн. числа.

---

[45] *Обнорский С. П.* Указ. соч., с. 74—77.
Широкий диапазон колебаний по русским говорам отмечает и Колесов, указывая при этом, что число колебаний в сторону окситонезы здесь больше, чем обнаруживается в памятниках (*Колесов В. В.* Указ. соч., с. 14).

[46] *Колесов В. В.* Указ. соч., с. 9—10.

Вот картина изменения акцентной парадигмы слова *губа*, представленная Колесовым:

	XVII	XVIII	XIX	XX
Ед. число	гу́ба и губа́	губа́	гу́ба́	губа́
	гу́бы и губы́	губы́	губы́	губы́
	гу́бу и губу́	гу́бу	гу́бу	губу́
Им. мн.	гу́бы и губы́	гу́бы	гу́бы	гу́бы

По этому же пути идет в XIX—XX вв. акцентное развитие слова *нужда*, с той, однако, разницей, что оно усваивает новый тип подвижности. Это легко проследить на примере поэтической речи. У поэтов XVIII в. употребительно корневое ударение (*ну́жда*), при единичных примерах флективного ударения (ср.: *нужда́*, *нужды́* — у Богд.). У поэтов XIX в. развивается ударение на флексии в формах ед. числа, в формах же мн. числа продолжает употребляться корневое ударение (случаи флективного ударения редки, ср. *нужда́х* — у Плещ.). У современных поэтов единичны примеры корневого ударения в формах ед. числа.

В целом, если сопоставить акцентную парадигму этого слова, как она может быть выявлена, исходя из отмеченных фактов употребления у поэтов XVIII, XIX и XX вв., то картина получится следующая:

	XVIII	XIX	XX
Ед. число	ну́жда / нужда́	ну́жда	нужда́
	ну́жды / нужды́	ну́жды / нужды́	нужды́ / ну́жды
	ну́жде		
	ну́жду	ну́жду / нужду́	нужду́
	ну́ждою	ну́ждой / нуждо́й	
	ну́жде	ну́жде / нужде́	
Мн. число	ну́ждам	ну́жды	ну́жды
	ну́ждами	ну́ждам	ну́ждам
		ну́ждами	ну́ждами
		ну́ждах / нужда́х	

Путь от баритонии к подвижности проходят в литературном языке на рассматриваемом позднем этапе и такие слова как *ольха*, *плита*, *сосна*, *спина*, *струна*, *уда*.

Что касается слов *спина* и *струна*, то подвижность у них (у слова *спина* традиционная: *спи́ну — спи́ны, спина́м*; у слова *струна* ограниченная: *струну́ — стру́ны, струна́м*) твердо фиксируется уже в первой трети XIX в. Об этом свидетельствуют рекомендации грамматики Востокова и данные поэтической речи.

У слова *плита* корневое ударение подтверждается некоторыми примерами акцентовки форм ед. числа у поэтов XIX в.; ср.: *пли́ту* — у Лерм., *пли́той* — у Полеж. (при обычном ударении на флексии). В формах мн. числа наблюдается колебание между ударением на корне и на флексии:

пли́ты / плиты́
пли́там / плита́м
пли́тами / плита́ми
пли́тах / плита́х

В дальнейшем ударение на флексии во мн. числе не удерживается, и слово *плита* включается в тип новой подвижности.

Слова *ольха*, *сосна* и *уда* развивают подвижность позднее. Вот как может быть представлена их акцентная парадигма на разных этапах по данным (к сожалению, очень неполным) поэтической речи:

	XVIII	XIX	XX
Ед. число	о́льха	о́льха о́льхи о́льхой	о́льха / ольха́ о́льху / ольху́
Мн. число		о́льхи	о́льхи ольха́ми

	XVIII	XIX	XX
Ед. число	со́сна	со́сна / сосна́	сосна́
		со́сны	сосны́
	со́сну	со́сну	сосну́
		со́сной / сосно́ю	
	со́сне	со́сне	
Мн. число	со́сны	со́сны	
	со́снах	со́снам / сосна́м	со́снам
		со́снами / сосна́ми	со́снами
		со́снах / сосна́х	со́снах

	XVIII	XIX	XX
Ед. число	у́да	у́да	уда́
		у́ду	уды́
	у́де	у́дой	уду́
		у́де	удо́й
			уде́
Мн. число	у́ды	у́ды	у́ды
	у́дами		у́дам
			у́дами
			у́дах

На современном этапе изменяется акцентовка слова *петля*. Ср. в поэтических материалах:

	XVIII	XIX	XX
Ед. число		пе́тля	пе́тля / петля́
		пе́тли	пе́тли / петли́
	пе́тлю	пе́тлю	пе́тлю / петлю́
		пе́тлею	пе́тлей / петле́ю
	пе́тле	пе́тле	пе́тле / петле́
Мн. число	пе́тли	пе́тли	пе́тли
		пе́тлями	пе́тлями
		пе́тлях /петля́х	пе́тлями / петля́ми
			пе́тлях / петля́х

Здесь колебание, свидетельствующее о «наступлении» флективного ударения, развивается по всей парадигме (но больше распространено в формах ед. числа), и сейчас трудно предугадать окончательный результат акцентного развития этого слова. Нормативным пока остается ударение на корне.

Особое место в этой группе слов занимает слово *броня*. Колебание ударения между баритонией и окситонией в этом слове очень давнее и в отличие от других слов несколько менее «направленное», что, возможно, связано с практической утратой употребительности форм мн. числа — существенного звена в преобразовании акцентовки слова в направлении к подвижности. В поэтической речи параллельное употребление ударений *бро́ня/броня́* отмечается у поэтов XVIII, XIX, нач. XX вв. и современных поэтов.

Имеющийся поэтический материал позволяет представить парадигму этого слова в таком виде на разных этапах развития литературного языка:

	XVIII	XIX	XX
Ед. число	броня́	бро́ня / броня́	бро́ня / броня́
		бро́ни	бро́ни / брони́ (к) броне́
		бро́ню / броню́	бро́ню / броню́
		бро́нею (бро́ней)	бро́ней / броне́ю (броне́й)
		броне́ю (броне́й)	
		(в, на) бро́не / броне́	(в, на) броне́
Мн. число	бро́ни	бро́ни	бро́ни
	бро́ней / броне́й	бро́ней / броне́й	
		броня́м	
		бро́нями / броня́ми	броня́ми

Показательно изменение в соотношении числа употреблений корневого ударения и ударения на флексии. У поэтов XIX и нач. XX в. можно видеть еще незначительное преобладание флективного ударения, у современных поэтов это преобладание настолько значительно, что о корневом ударении можно говорить как о редком (*бро́ня* отмечено, например, в трех стихотворных цитатах, *броня́* — более, чем в шестидесяти и т. д.). Более устойчивому закреплению ударения на флексии способствует и сложившаяся акцентная дифференциация: *броня́* ‘защитная облицовка’; *бро́ня* ‘закрепление за кем-л. или чем-л. предметов материального снабжения’.

Глава вторая

ИЗМЕНЕНИЕ УДАРЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ЖЕНСКОГО РОДА С ОСНОВОЙ НА МЯГКИЙ СОГЛАСНЫЙ

Окситонированная АП в составе имен старого *i*-класса подверглась разрушению, по мнению исследователей, уже в праславянскую эпоху [1]. Фонетические изменения, коснувшиеся и подвижной и окситонированной АП, привели в итоге к их совмещению — на основе сходства в акцентовке подавляющего большинства падежных форм.

В древнерусском языке имена *i*-основ распределялись между двумя АП: баритонированной и подвижно-окситонированной.

В состав баритонированной АП, по данным В. В. Колесова, входили: *баснь*, *выть*, *глубь*, *жизнь*, *кадь*, *казнь*, *кисть*, *медь*, *мысль*, *мышь*, *нефть*, *нить*, *пясть*, *рать*, *ртуть*, *рысь*, *хлябь*, *ширь*; менее определенно вхождение сюда слов *ветвь* и *снасть* [2].

В составе подвижно-окситонированной АП в древнерусском языке В. В. Колесовым рассматриваются: *борть*, *брань*, *бровь*, *вервь*, *вершь*, *весь*, *весть*, *вещь*, *власть* (*волость*), *вонь*, *вошь*, *гать*, *горсть*, *грань*, *грудь*, *грязь*, *дань*, *дверь*, *дебрь*, *дробь*, *желчь*, *клеть*, *кость*, *кровь*, *кузнь*, *лесть*, *ложь*, *мазь*, *масть*, *месть*, *мощь*, *мочь*, *ночь*, *пасть*, *персть*, *печь*, *плеть*, *плешь*, *плоть*, *полсть*, *пыль*, *пядь*, *речь*, *рожь*, *Русь*, *сельдь*, *сень*, *сеть*, *скорбь*, *сласть*, *смерть*, *соль*, *стень*, *степь*, *страсть*, *сыть*, *тварь*, *твердь*, *тень*, *трость*, *цепь*, *часть*, *честь*, *чудь*, *шерсть*, *щель*, *щеть*; pluralia tantum *дети*, *люди*, *перси*, *сани*, *сени*; из неодносложных: *голень*, *ересь*, *лошадь*, *осень*, *печень*, *площадь*, *селезень*, *четверть* [3].

Акцентные характеристики баритонированной АП постоянны: это неподвижное ударение на корне во всех формах. Акцентные характеристики подвижно-окситони-

---

[1] *Колесов В. В.* История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Изд-во ЛГУ, 1972, с. 96.

[2] Там же, с. 70—71.

[3] *Колесов В. В.* Указ. соч., с. 72—93.

рованной АП имен *i*-класса в древнерусском языке отличались значительной сложностью, ввиду большой акцентной вариативности — как следствия совмещенного характера этой парадигмы.

По представленным в книге Колесова материалам [4], подвижно-окситонированная АП в древнерусском языке характеризовалась следующими особенностями размещения ударения. Род. падеж ед. числа: ударение на корне и на флексии, с сохранением в ряде случаев древнего противопоставления падежных значений Gen. Sing. — аблативного и генетивного. Ударение на флексии в этой форме отмечено главным образом в сочетании с предлогом (*из* и др.), тогда как в других сочетаниях оно встречается редко: *от кости́* и *от ко́сти*, *до ночи́*, *из нощи́*, *от нощи́*, *до нощи́*, но *в область но́щи*, *из пещи́* и *из пе́щи*, *из пе́чи*, *около пе́чи*; *от плоти́* и *пло́ти* и т. д.

Дат. падеж. ед. числа: ударение на корне и на окончании: *к бра́ни* и *к брани́*; *по гря́зи* и *по грязи́*, *по пло́ти* и *плоти́*, *по стра́сти* и *страсти́* и т. д.

Твор. падеж ед. числа: наконечное ударение и широко распространенное наряду с ним ударение на корне: *кровию* и *кро́вью*, *лестью*, *лести́ю* и *ле́стью*, *плоти́ю* и *пло́тию*, *скорби́ю* и *ско́рбию*, *смерти́ю* и *сме́ртию*.

Местн. падеж ед. числа: в этой форме, как и в других, в древнерусском языке отмечены колебания ударения. Наконечное ударение, которое признается исконным у слов с циркумфлектированным или кратким корневым слогом, в древнерусском языке, по материалам Колесова, не отличается устойчивостью. Имеют место факты грамматической дифференциации — акцентной выделенности местного значения формы. Среди отмеченных колебаний: *во брани́*, *на брани́* и *в бра́ни*; *о брани́* и *о бра́ни*; *в грани́* и *гра́ни*; *в грязи́* и *в гря́зи*; *о ко́сти* и *на кости́*; *о крови́*, *в крови́* и *в кро́ви*; *в пасти́* и *в па́сти*; *на печи́* и *в пе́чи*; *в плоти́*, *во плоти́* и *во пло́ти*; *на*, *в Руси́* и *Ру́си*; *о со́ли* и *соли́*; *в*, *о чести́* и *че́сти* и др.

Им.-вин. падеж мн. числа: в большинстве случаев ударение этих форм совпадает и находится на корне. К отмеченным примерам противопоставления по ударению им. и вин. мн. числа относятся: *ве́си*: *вси́*, *ве́щи*: *вещи́*, *две́ри*: *двери́*, *мо́щи*: *мощи́*, *но́щи*: *нощи́* и др.

---

[4] Там же, с. 72 и сл.

Род. падеж. мн. числа: исконным для этой формы признается наконечное ударение и у окситонированных основ и у подвижных: *вервей*, *вещей*, *костий*, *кровей*, *тварей*. В древнерусском языке ударение на флексии получило обобщенный характер (в отличие от украинского и белорусского, где было обобщено ударение на корне). Только некоторые имена могли иметь и ударение на корне: *вéщей* и *вещéи*, *влáстей* и *властéи*; *грáней* и *гранéи*; *двéреи* и *двереи*; *мóщеи* и *мощéи*, *скóрбеи* и *скорбéи*; *стрáстеи* и *страстéи* и др.

Твор. падеж мн. числа: ударение на флексии и на корне. Флективное ударение, по характеристике В. В. Колесова, чаще (или преимущественно) у определенно подвижных в праславянском слов; накоренное — главным образом у тех, которые в праславянском могли быть окситонами. Редкие отклонения от такого распределения легко объяснить, по словам Колесова, южнославянским влиянием (ср. *волостмí*, но *влáстми*). Среди отмеченных колебаний: *бровмí* и *брóвми*, *двермí* и *двéрми*, *кровмí* и *крóвми*, *смертмí* и *смéртми*, *страстьмí* и *стрáстьми*, *частьмí* и *чáстьми* и др.

Дат. и местн. падеж мн. числа: древнерусский язык представляет в этих формах значительные колебания. Колесов отмечает следующую особенность распределения накоренного и наконечного ударения в них: в случае колебаний ударение на корне в сочетании с еровым предлогом сохраняется по преимуществу, все же остальные примеры можно разделить на группы: 1) наконечное ударение в обеих формах при возможном колебании; 2) ударение на корне в местн. мн. числа при колебании в дат. мн. числа. Некоторые примеры колебаний: *на*, *къ двéремъ*, по *двéрямъ*, *двéремъ*; *въ*, *при двéрѣхъ*; *кóстемъ* и *костéмъ*, *костáмъ*; *въ*, *на кóстяхъ*; *о костѣхъ*, *о костáхъ*; *скóрбемъ* и *скорбéмъ*, *в скóрбѣхъ* и *скорбѣхъ*; *в стрáстѣхъ* и *в страстѣхъ*; *твáремъ* и *тварéмъ*, *въ*, *о твáрѣхъ* и др.[5]

Задача данной главы — проследить движение, т. е. изменение в составе и изменение самих акцентных характеристик, подвижно-окситонированной АП на рассма-

---

[5] Те же типы колебания ударения в именах существительных рассматриваемой группы выделены у Т. Г. Хазагерова. См.: *Хазагеров Т. Г.* Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. Изд-во МГУ, 1973, с. 109 и след.

триваемом этапе развития литературного языка и выявить особенности взаимодействия ее с баритонированной АП. Материалом для рассмотрения служат преимущественно односложные слова, поскольку изменения касаются прежде всего этой группы слов.

Представим соответствующие материалы о развитии ударения: 1) в формах ед.; 2) в формах мн. числа.

1. В формах ед. числа, как показывают материалы, происходит выравнивание ударения по именительному падежу [6], что означает постепенный выход из употребления форм с ударением на флексии. Процесс этот, однако, непрямолинеен: «местный материал» (акцентная специфика имен *i*-класса) во многом усложняет течение процесса выравнивания ударения, делая неопределенным этап его полного завершения.

По Востокову, подвижность ударения в формах ед. числа имен рассматриваемой группы предполагает только переносное ударение в предл. падеже, при предлогах *в*, *на*. Из этого можно сделать вывод, что ударение на флексии в формах род. и дат. падежей в литературном языке конца XVIII и нач. XIX вв. не было нормативным [7]. Тем не менее, факты подобной акцентовки имеют место в литературном языке данного периода (и позднее), хотя и не представляют «магистральной» линии акцентного развития и всегда остаются в пределах «считаемости». Ср. отмеченные в поэтических произведениях такие ударения, как: *среди ночи́* (Сум.); *по крови́* (Мурав.); *фингаловой крови́* (Озер.); *гость степи́* (Давыд.); *из пыли́* (Кюх.); *с цепи́* (Тютч.); *с печи́* (Пушк., Крыл., Ерш. и др.). Особенно часто флективное ударение в этих формах у слова *ночь*; ср.: *ночи́*, *до ночи́* (Пушк.); *из ночи́* (Некр., Толст.); *с ночи́* (Батюшк.); *у ночи́* (Глин.) и *грудь*. Последнее слово, по наблюдениям Булаховского, у поэтов первой половины XIX в. в род. и дат. падежах ед. числа «является едва ли не одинаково часто с ударением и на корне, и на окончании» [8].

У современных поэтов многие колебания продолжаются. Употребительными остаются ударения *из ночи́*,

---

[6] См.: *Хазагеров Т. Г.* Указ. соч., с. 119.

[7] За исключением тех слов, которые вообще устойчиво сохраняют окситонию: *рожь*, *ложь* и др.

[8] *Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX в. М., Учпедгиз, 1954, с. 161.

среди ночи́; *груди́*, *из груди́*, *от груди́*, *с груди́*, *у груди́* [9]; *к печи́*, *из печи́*, *из-за печи́*, *от печи́*, *с печи́*, *к печи́*; *цепи́*, *из цепи́*, *с цепи́*, *по цепи́*.

Наряду с этими отмечаются и *из-под брови́*, *горсти́*, *из горсти́*, *из грязи́*, *от грязи́*; *двери́*, *у двери́*, *к двери́*; *вокруг клети́*, *у клети́*; *кости́*, *до кости́*, *от кости́*, *у кости́*, *по кости́*, и др.

Л. А. Булаховский рассматривает ударение на флексии в род. и дат. падеже ед. числа как аналогическое, возникающее под влиянием ударения местного падежа [10].

Специфичность появления флективного ударения в род. падеже — зависимость его в большинстве случаев от условий сочетаемости (оно обычно при предлогах *из*, *из-за*, *от*, *с*, *у*, *до* и др.) — позволяет предположить наличие здесь скорее грамматических причин: сохранение акцентной выделенности аблативного значения, которая отмечалась в древнерусском языке.

Обращают на себя внимание в связи с этим факты позднего появления наконечного ударения в род. падеже ед. числа у слов, не принадлежавших к подвижно-окситонированной АП; ср.: *от высо́*, отмеченное у Глин., *вглубь нови́* — у Винокур., *у нови́* — у Асеева.

Выделенность эта, однако, как и в древнерусском, неустойчива. Есть «сбивы»: наконечное ударение не в этом значении и накоренное в этом. В новом временно́м периоде действие грамматического фактора явно перекрывается фактором более сильным: тенденцией выравнивания ударения в пределах форм одного числа. Поэтому случаи появления наконечного ударения в род. падеже ед. числа (а также и в дат. падеже) остаются, как сказано, считаемыми, хотя современный язык и дает некоторый их «прирост» [11].

Особое место в акцентовке форм ед. числа занимает предложный падеж.

---

[9] Акцентовка этих форм нормализуется словарями в составе определенных сочетаний. Ср. в $АО_{59}$: *ширина́ груди́*; *до гру́ди* и *до груди́*; *из гру́ди* и *из груди́*; *около гру́ди* и *около груди́*; *от гру́ди* и *от груди́*; *с гру́ди* и *с груди́*; *у гру́ди* и *у груди́*; *к груди́* (устар. *к гру́ди*); *по груди́* (устар. *по гру́ди*).

[10] *Булаховский Л. А.* Указ. соч., с. 162.

[11] Не будучи нормативным в литературном языке, наконечное ударение в род. и дат. падеже имеет место в диалектах, при этом, по материалам Колесова, преимущественно в южнорусских.

В древнерусском языке, как мы отмечали, в ударении этой формы наблюдались колебания, позволяющие, однако, проследить тенденцию к грамматической дифференциации накоренного и флективного ударения. Последнее закрепляется за местным значением предложного падежа.

«Противопоставление местного и изъяснительного значений проследить трудно из-за ограниченности материала, — пишет В. В. Колесов. — Но в случае колебаний значение места почти всегда сохраняет наконечное ударение словоформы. . ., а „изъяснительное" дает новое ударение на корне. . . Важно, что указанная дифференциация, — отмечается далее, — как она ни редка, касается только исконно окситонированных имен, не распространяясь на исконно подвижные» [12].

В дальнейшем роль грамматического фактора в распределении ударения возрастает, признак акцентной исконной принадлежности становится менее значимым. Показательно, что ударение на флексии в местн. падеже и при этом подвижность во мн. числе получают и некоторые многосложные слова, исконно принадлежавшие к баритонированной АП, некоторые новообразования и заимствования. Хазагеров называет в числе слов, вторично приобретших подвижность, такие как *заповедь*, *запись*, *немощь*, *прелесть*, *привязь*, *пустошь*, *кротость*, *память*, *печень*, *похоть*, *ревность*, *ярость*, заимствованное *ересь*. В материалах Хазагерова приводится, в частности, ударение *в кротости́*, *в памяти́*, *на памяти́*, *по памяти́* [13].

П. Я. Черных [14] отмечал ударение на окончании в предл. падеже ед. числа у некоторых двусложных слов как одну из особенностей ударения «Уложения 1649 г.». Это также случаи сочетаний с предлогами *в*, *на*. В числе приведенных им примеров находим: *писать на площади́*, *поскачетъ на лошади́*; *въ той лошади́ запретца* (но: *наскачетъ лбшадью*, *съ лбшади* и т. д.); *на привези́*; *въ записи́ напишетъ* (но: *по той за́писи*, *взять по за́писи*); *в новой четверти́*.

Указанный акцентный признак местн. значения предл. падежа удерживается очень устойчиво, Так, в списке

[12] *Колесов В. В.* Указ. соч., с. 83—84.
[13] *Хазагеров Т. Г.* Указ. соч., с. 110—111.
[14] *Черных П. Я.* Язык Уложения 1649 года. М., Изд-во АН СССР, 1953, с. 283.

Востокова слов, «переносящих» ударение в предл. падеже ед. числа после предлогов *в*, *на*, *при*, приводится и ряд слов, не принадлежащих, по данным материалам, в древнерусском к подвижно-окситонированной АП: *ветвь*, *десть*, *жердь*, *зыбь*, *мель*, *ось*, *связь*.

Имеющиеся материалы (поэтическая речь) показывают, что реальная распространенность наконечного ударения в местн. падеже ед. числа в первой половине XIX в. была даже несколько больше. Л. А. Булаховский, например, комментируя список Востокова, определенно указывал, что он не полон: в него не вошли, в частности, слова *глубь*, *медь*, *Русь*, *сень*. Ср. отмеченные в материалах Булаховского: *в глуби́ эфира* (Павл.), *в меди́* (Бест.-Марл.), *в сени́* (Вяз., Бат. и др.) [15].

Подобный перенос ударения отмечен Булаховским и у слов *даль*, *ель*, *щель*, *пыль*, *ткань*. В наших материалах зарегистрирован еще ряд подобных ударений: *в выси́* (Глин., Майк., Мей, Мин.); *в дичи́* (Глин.); *на знати́* (Остр.), *в знати́* (Крыл.); у поэтов XX века *в выси́* (Бун.) и современных поэтов, ср. *на нови́* (Бок. и др.). Из числа многосложных слов в Грамматике Востокова наконечное ударение в местн. падеже ед. числа дается только для слов *лошадь* и *площадь*. В реальном употреблении (в поэтической речи) здесь возможны колебания [16]. Кроме этих случаев нормализованного ударения отмечен только один — ударение *в очереди́* (Тютч).

Несмотря на устойчивость флективного ударения в местн. падеже ед. числа у слов, где это ударение исконно, и даже тенденцию некоторого расширения этого круга слов, в целом акцентная обособленность формы местн. падежа ед. числа в процессе развития литературного языка идет на убыль.

Ряд отступлений от рекомендуемого Востоковым флективного ударения в местн. падеже ед. числа представляет уже литературный (поэтический) язык первой половины XIX в.[17] Ср. отмеченные в наших материалах примеры из поэзии первой и второй половины XIX в.: *в гру́ди* (Глин., Григ., Дрож., Курочк., Мих., Полон., Хомяк.); *на две́ри* (Полеж.); *в кро́ви* (Бест.); *в но́чи* (Глин.); *в свя́зи*

[15] *Булаховский Л. А.* Указ. соч., с. 161.
[16] Там же, с. 164.
[17] Ряд таких примеров из поэтического языка первой половины XIX в. приведен Булаховским (Указ. соч., с. 164).

(Курочк.); *в стéпи* (Лерм., Случ.); *в тéни* (Бат., Вяз., Мих., Толст.); *на тéни* (Полеж.); *в цéпи* (Полон.); *на цéпи* (Фет); *в чáсти* (Курочк.).

Л. А. Булаховский, обобщая примеры подобных отступлений от нормативного наконечного ударения у поэтов [18], приходит к выводу о некоторой зависимости их от грамматических причин — семантики контекста и условий сочетаемости: накоренное ударение довольно обычно в текстах с сомнительным местным значением (вопрос — *в чем*, *на чем*, а не *где* и под.). Ср.: *взор на грýди потупленный* (Пушк.); *на цéпи не видно замка* (Фет). Специальную группу представляют отклонения, когда предложному падежу предшествует определяющее имя прилагательное: *в железной клéти* (Пушк.); *в рабской нóчи* (Хомяк.); *в легкой зы́би* (Тютч.) и др. Ряд примеров приведен и с постпозицией определения типа *в нóчи глухой* (Раевск.).

У современных поэтов многие из названных колебаний продолжаются. Ср. распространенные ударения: *в грýди*, *на грýди*; *на двéри*, *в двéри*; *в крóви*, *на крóви*; *в нóчи*; *в свя́зи*; *в сéти*; *в стéпи*; *на тéни*; *в цéпи*, *на цéпи*. Многие колебания возникают вновь: *на пéчи*, *в чéсти*, *в шéрсти*.

Меняется в значительной степени в направлении к современности и нормативная оценка форм местн. падежа ед. числа с наконечным ударением.

Список Востокова включал 32 лексемы с нормативным ударением на флексии в форме местн. падежа: *бровь*, *вервь*, *ветвь*, *горсть*, *грудь*, *дверь*, *десть*, *дробь*, *жердь*, *зыбь*, *клеть*, *кость*, *кровь*, *лошадь*, *масть*, *мель*, *ночь*, *ось*, *печь*, *плеть*, *площадь*, *пядь*, *речь*, *связь*, *сеть*, *степь*, *тень*, *трость*, *цепь*, *часть*, *честь*, *шерсть*.

Список Чернышева содержит уже только 20 таких лексем. Из него выведены *вервь*, *десть*, *пядь* — слова явно устаревшие, но также и *дробь*, *жердь*, *зыбь*, *клеть*, *кость*, *кровь*, *лошадь*, *масть*, *мель*.

Нормативные рекомендации СУ некоторым формам с наконéчным ударением возвращают вновь «права гражданства»: *в костú*, *в кровú*, *на мелú*; включают сюда *в пылú*, зато ряд других ударений, по этим данным, не нормализуется: *на бровú*, *на ветвú*, *в горстú*, *на дверú*, *на осú*, *на плетú*, *в речú*, *на тростú*. Таким образом, по рекомендациям СУ наконечное ударение в местн. падеже ед.

[18] Там же, с. 163.

числа возможно у 16 слов, при этом у слова *площадь* оно имеет помету «устаревшее», у слова *часть* употребительно только в особом значении (отдел полиции), у слова *шерсть* отмечено во фразеологизованном сочетании «в шерсти́ быть»; слова *связь* и *честь* допускают, по СУ, два ударения.

АО$_{59}$, хотя и возвращает в этот список слова *бровь* (*на брови́*), *дверь* (*в, на двери́* при допустимом нормативном и *на две́ри*), *горсть* (*в горсти́*), *ось* (*в, на оси́*) и включает *щель* (*в щели́*), своими рекомендациями указывает на дальнейшее расшатывание старой акцентной нормы.

В формах местн. падежа ед. числа слов *кость* и *сеть* здесь отмечаются колебания (*в, на кости́* и *ко́сти*, *в сети́* и *в се́ти*), словоформа в *чести* замкнута в составе фразеологизма «в чести́ быть»; в новых сочетаниях *в электрической сети*, *в сети партийного просвещения* рекомендуется накоренное ударение, то же — в сочетании *в доменной печи*; ударение *в связи́* рекомендуется только в случае употребления в предложном значении ‘вследствие’ или в значении ‘быть в связи с кем-нибудь’, в других случаях возможно и ударение на корне (*в свя́зи*). Наконец, запретительная помета при слове *степь* (*в степи́* [*не в сте́пи*]) свидетельствует о распространении и в этом слове накоренного ударения, обусловившем необходимость самой запретительной пометы.

Мы приводили примеры нарушения и ряда других нормализованных ударений в литературной (поэтической) речи. В устной речи эти нарушения более значительны.

Рассмотренный материал дает, как кажется, возможность заключить, что в столкновении двух тенденций — грамматической, диктующей желательность акцентной выделенности местного значения предложного падежа, в отличие от изъяснительного, и акцентной, обусловливающей необходимость выравнивания ударения в пределах форм одного числа — более сильной оказывается акцентная тенденция. Возможно, действие ее в данном случае облегчается тем, что и применительно к нуждам грамматики в акцентной выделенности местного значения нет особой необходимости, поскольку это значение выделено другими средствами: особыми предлогами *в*, *на*, *при*. Сложившаяся исторически акцентная «обособленность» этих форм — применительно к сравнительно узкому кругу слов — постепенно ликвидируется. К настоящему вре-

мени этой тенденции полностью подчинились только многосложные имена существительные; в односложных отмечаются значительные колебания.

2. Изменения в ударении форм мн. числа имен *i*-основ не имеют единой направленности. Здесь сталкиваются две акцентные тенденции, результаты действия которых прямо противоположны. Это обусловливает наличие множества колебаний в ударении формы мн. числа в литературном языке на разных этапах его развития и усложняет вопрос о нормативной их оценке.

Древнерусский материал (см. с. 67—68) показывает известную «хаотичность» акцентных характеристик форм косв. падежей мн. числа имен *i*-основ подвижно-окситонированной АП: каждой из этих форм свойственно и флективное и корневое ударение, преобладающее в тех или иных формах и в том или ином круге слов. Далее вариативность в акцентовке форм косвенных падежей мн. числа в известной степени ликвидируется за счет закрепленности флективного ударения. Это направление акцентного развития вполне соответствует (а возможно, именно этим и определяется) основной акцентной тенденции — развитию акцентной противопоставленности форм ед. и мн. числа.

Названная тенденция находит выявление прежде всего в форме род. падежа мн. числа, где уже в древнерусскую эпоху, как отмечает Колесов, было обобщено наконечное ударение. Закрепленность наконечного ударения в других формах, имевшая своим конечным результатом выравненность ударения в формах мн. числа, определялась в значительной степени морфологическими процессами — закреплением в именах *i*-основ окончаний *-ам*, *-ах* в дат. и местн. падежах, а также *-ами* в твор. падеже.

Процесс этот длительный, не завершившийся, как показывает исследование П. Я. Черныха [19], еще и к середине XVII в. (в этот период, по его словам, процесс лишь вступил в решающую фазу).

Случаи колебания в употреблении старых и новых форм в «Уложении» автор отмечает иногда в одном и том же слове и на одной и той же странице. Среди приведенных примеров новых форм находим: *лошадя́мъ*, *лошадя́хъ*; *на грязя́хъ*; *по крепостя́мъ*, *въ крепостя́хъ*; *по запися́мъ*;

[19] *Черных П. Я.* Указ. соч., с. 290 и сл.

в волостя́хъ; *к тѣмъ опися́мъ*; *по четвертя́мъ*; *в четвертя́хъ*; *по тѣмъ вѣстя́мъ*; *по граня́мъ*, *в граня́хъ* и т. д.

Можно предполагать, однако, что рассматриваемый морфологический процесс в свою очередь находился в зависимости от акцентных явлений. Исследователи роли этого последнего фактора, во всяком случае, не отвергают. Так, Черных, утверждая, что существительные жен. рода типа *запись* раньше и больше других подверглись воздействию существительных жен. рода типа *жена*, *земля* и что это воздействие ограничивалось сначала только формами дат. и предл. падежей мн. числа, не затрагивая формы творит. падежа, пишет: «Едва ли при этом не играло некоторой роли ударение» [20]. Немногочисленность примеров на безударное окончание *-ах*, *-ях* (*на тѣхъ га́тях*, ср. *гатéй*; *по тѣмъ вы́писямъ*, *въ вы́писяхъ*) можно объяснить, по мнению Черныха, стремлением не допустить отражения яканья в заударной позиции.

К началу рассматриваемого периода процесс «вживания» окончаний *-ам*, *-ами*, *-ах* полностью завершился, оставив след лишь в виде сравнительно редких колебаний в употреблении форм твор. падежа (типа *дверьми*: *дверями*), так что ударение в кругу слов, принадлежащих к подвижно-окситонированной АП, и слов, позднее примкнувших к этому типу, оказалось выравненным во всех формах (кроме им.-вин. падежа).

По характеристике, данной Востоковым, подвижность ударения в именах жен. рода *i*-основ предполагает размещение его на первом слоге в именит.-вин. мн. и во всех падежах ед. числа и на окончании в прочих падежах мн. числа.

В состав слов с таким типом размещения ударения, по Востокову, входят: *бровь*, *ведомость*, *вервь*, *весть*, *ветвь*, *вещь*, *власть*, *волость*, *горсть*, *грудь*, *дверь*, *десть*, *доведь*, *должность*, *дробь*, *жердь*, *зыбь*, *клеть*, *кисть*, *кость*, *крепость*, *кровь*, *лошадь*, *масть*, *мель*, *мышь*, *новость*, *ночь*, *область*, *ось*, *паршь*, *пасть*, *печь*, *плеть*, *площадь*, *подать*, *полсть*, *проповедь*, *пядь*, *речь*, *связь*, *сельдь*, *сеть*, *скатерть*, *сласть*, *смерть*, *снасть*, *соль*, *стать*, *степь*, *степень*, *стерлядь*, *страсть*, *тень*, *треть*, *трость*, *цепь*, *часть*, *честь*, *четверть*, *шерсть*.

---

[20] *Черных П. Я.* Указ. соч., с. 290—295.

Как можно видеть из сравнения этих данных с приведенными (с. 66), этот список только лишь в части своей состоит из слов, принадлежащих в древнерусском языке к подвижно-окситонированной АП, и что он значительно шире прежнего ее состава — преимущественно за счет включения сюда слов многосложных. Это уже позволяет сделать вывод о продуктивности данного акцентного типа в период от древнерусской эпохи до начала XIX в.

Исследователи приводят довольно много фактов, свидетельствующих о приобщении (хотя впоследствии это ударение и не нормализуется) к подвижному типу и ряда других многосложных слов в древнерусском. Ср. в числе примеров, приведенных Черныхом, Колесовым, Хазагеровым, *по запися́мъ*, *к тѣ́мъ опися́мъ*; *мудросте́й*, *мудростя́мъ*; *немоще́й*, *немощми́*, *въ немоща́хъ*; *памяте́й*, *памятя́мъ*, *памятьми́*; *по пустоша́мъ*, *в пустоша́хъ*.

Ряд подобных примеров представляет и более поздний период — литературный (поэтический) язык XVIII в. Ср., в частности, акцентовку окказионально образуемых форм: *глубя́ми* (Держ.), *зависте́й* (Тред.), *заповеде́й* (Держ.), *похоте́й* (В. Майк.), *почесте́й* (Держ.), *прихоте́й* (Тред., Держ.), *пропасте́й* (Тред.), *хитросте́й* (Богд.).

Поэтический язык XIX в. также представляет ряд фактов, свидетельствующих о более широком распространении наконечного ударения в формах мн. числа, чем тот круг слов, где эти ударения были нормализованы. Ср.: *еле́й* (Бест.), *мысля́м* (Вост.), *описе́й* (Курочк.), *в озимя́х* (Акс.), *шаля́м* (Гриб., Шаховск.); *мелоче́й* (Барат., Тим.), *мелоча́м* (Толст.); *повесте́й* (Глин., Некр., Случ), *повестя́х* (Жук., Некр.), *рукопися́м* (Долг.), *челюсте́й* (Толст.); *щеле́й* (Тим.), *в щеля́х* (Мих.); *ступеня́х* (Жук.) и др.

В современном языке этот тип ударения сохраняет известную продуктивность. Так, по рекомендациям СУ, сравнительно со списками Востокова и Чернышева, в круг слов с нормативным наконечным ударением в формах мн. числа включаются: *лопасть*, *мелочь*, *очередь*, *плоскость*, *повесть*, *подпись*, *полость*, *пристань*, *пропись* (с колебанием), *роль*, *рукопись* (с колебанием), *скорбь*, *скорость*, *челюсть* (с колебанием), *щель*. $АО_{59}$ присоединяет сюда слово *ступень* в значении ‘степень развития’ (в отличие от *ступень* ‘часть лестницы’, сохраняющего накоренное ударение).

Значительное число подобных фактов в современном языке остается за пределами литературной речи: это разговорная речь или профессионально-речевые сферы. К последним относятся ударения *болéй*, *емкостéй*, *мощностéй*, *прибылéй*, *отраслéй*; в устной речи отмечено: *летописéй*, *древностéй*, *местностéй*, *надписéй*, *целéй* и др.

Некоторые из подобных фактов спорадически встречаются у поэтов. Отмечены, например, в качестве единичных случаев такие ударения, как *болéй* (Инбер, Паст.); *в мебелях* (Маяк.); *прорубéй* (Март., Рожд.) и др.

Тенденция к установлению нового типа подвижности с акцентной противопоставленностью форм ед. и мн. чисел не является, однако, в классе имен *i*-основ всеобъемлющей. Она встречает здесь противоборствующую тенденцию — к закреплению накоренного ударения, что как будто не вытекает из логики акцентного развития имен существительных и даже ей противоречит.

Уже и литературный (поэтический) язык XIX в. представляет ряд отступлений в этом направлении от тех норм, которые зафиксированы Востоковым. Ср. распространенное ударение *вéтвей*, *вéтвям*, *вéтвями*, *вéтвях* (наряду с нормативным *ветвéй*, *ветвям*, *ветвями*, *ветвях*). Ср. также: *грýдей*, *грýдях* (Случ.); *к двéрям* (Лерм.); *при двéрях* (Полеж.); *мéлей* (Апухт.); *нóвостей* (Некр.); *по óбластям* (Толст.); *сéтей* (Бенед.); *в сéтях* (Катен.); *снáстей* (Бат.); *по стéпям* (Тим.). Однако эти примеры еще трудно квалифицировать как тенденцию. Они могут свидетельствовать и просто о недостаточной упроченности в этот период флективного ударения, тем более что многие из этих колебаний действительно старые, они отмечаются и у поэтов XVIII в. Ср., например, у Державина: *вéтвями*, *вéтвям*, *вéтвях*, *двéрям*, *двéрях*, *двéрьми*, *сéтей* и др.

Более показательны подобные примеры, относящиеся к современному языку (и их гораздо больше), а главное — показательна смена нормативных оценок ряда ударений.

По данным СУ, сравнительно с Грамматикой Востокова, список слов с нормализованным наконечным ударением в формах мн. числа уменьшился. Из него выведены *мель*, *связь*, *пасть*; в слове *проповедь* отмечено двоякое ударение. Рекомендации $АО_{59}$ вносят сравнительно с этим мало изменений: устанавливается лишь твердое ударение *прóповедей*, а *проповедéй* отвергается. Показательны, од-

нако, запретительные пометы, относящиеся к ряду форм с корневым ударением: *не бсей, не пядей, не сетей, не ведомостей, не нбвостей, не бластей, не пбдатей, не стерлядей*, свидетельствующие о значительной фактической расшатанности норм ударения еще в ряде слов, т. е. о возможных потенциальных сдвигах ударения. Наши материалы показывают, что круг таких слов значительно шире, чем это зарегистрировано словарем. Отмечены, например, ударения: *кистям* (Авдон.), *в кистях* (Анненск.); *крепостей* (Ас.); *плетям* (Ас.); *о степях* (Сельв.); *с цепей* (Васил.). В устной речи отмечены, кроме того, ударения *очередей, площадей, сельдями* и др.

Распространение накоренного ударения в формах мн. числа справедливо связывается, если иметь в виду только внутрисистемные отношения в данном классе слов, с влиянием ударения им. падежа [21]. Представляется, что эта форма действительно является важным звеном, направляющим то акцентное контрразвитие имен *i*-класса, о котором говорилось выше.

Тип новой подвижности, развивающийся в этом классе имен, оставляет форму им. падежа мн. числа вне акцентно-числовой противопоставленности [22]. Таким образом, полной выравненности ударения не достигается. Возможно, этим и обусловлены попытки выравнивания ударения в ином направлении, т. е. по им. падежу. Сейчас эта тенденция, как видно из приведенных примеров, распространяется преимущественно на многосложные имена и лишь в незначительной степени касается имен односложных.

Наблюденные факты свидетельствуют об определенной смене «акцентной доминанты» в кругу имен *i*-класса в направлении к современности.

---

[21] См., например: *Шелюто Г. А.* Русское ударение. Ужгород, 1962.

[22] Попытки использования здесь «чужой» флексии — ударенного окончания *-а́* (*-я́*) — остаются целиком за пределами литературной нормы. В литературный язык эти формы вводятся, как правило, лишь со специальным стилистическим заданием. Ср., например: *вестя́, дробя́, цепя́* (Возн.); *грудя́, кровя́* (Евтуш.); *скоростя́* (Возн., Грибач.); *шинеля́* (Слуцк.) Кроме того, отмечено: *крепостя́, отмеля́, прибыля́, степя́.*

Глава третья

ИЗМЕНЕНИЕ УДАРЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА

Имена существительные мужского рода в древнерусском языке были распределены между тремя акцентными парадигмами: баритонированной, окситонированной и подвижной. Исконные акцентные характеристики всех трех парадигм уже в древнерусскую эпоху претерпевали значительные изменения — в результате действия ряда фонетических и грамматических факторов [1]. Им была свойственна значительная вариативность.

Опыт синхронного описания типов акцентуации в кругу имен существительных муж. рода, предпринятый Н. И. Хреновой на материале памятников деловой письменности XVII—нач. XVIII в.[2], указывает на значительную «неопределенность» акцентных типов в рассматриваемый период: в каждом из них имеют место дополнительные подтипы (выявляемые на основании определенных правил), а также акцентные варианты, относящиеся к данному типу и его подтипам. Так, акцентный тип А (баритонированная АП) включает, по этим данным, четыре разновидности, определяемые наличием флексийного или вариативного ударения в ряде форм мн. числа в сочетании с ударением на основе в других формах мн. и во всех формах ед. числа. Акцентный тип В (окситонированная АП) включает шесть разновидностей в зависимости от различных видов сочетаемости форм с флексийным (определяющим данный акцентный тип) и накоренным или вариативным ударением в формах ед. и мн. числа. Акцентный тип С (подвижная АП) в этот период становления акцентной системы наиболее «неопределенен». Он включает наибольшее число акцентных подтипов и вариантов (всего их тринадцать), образующихся в результате различных

---

[1] *Колесов В. В.* История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Изд-во ЛГУ, 1972.

[2] *Хренова Н. И.* Ударение имен существительных мужского рода в русском языке XVII—XVIII вв. — В кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., «Наука», 1971.

отступлений от определяющего данный тип размещения баритонированного и окситонированного ударения: баритония всех форм ед. и окситония всех форм мн. числа. Показателен и тот факт, что основной акцентный тип представлен в этих материалах всего несколькими словами, в то время как подтипы и варианты включают гораздо большее число слов.

Рассмотрим изменения в составе и акцентных характеристиках подвижной акцентной парадигмы. Опираясь на материалы ряда исследований [3], состав слов с подвижным ударением в древнерусском языке можно представить следующим:

а) имена с односложной основой: *бег*, *бес*, *бог*, *бок*, *бор*, *брод*, *вал*, *вап*, *вар*, *век*, *вес*, *вид*, *воз*, *волк*, *вор*, *гной*, *гнев*, *гвоздь*, *год*, *гость*, *гром*, *гроб*, *дар*, *дол*, *долг*, *дом*, *друг*, *дуб*, *дух*, *жар*, *зверь*, *звон*, *зной*, *зуб*, *корм*, *квас*, *кум*, *кус*, *лед*, *лес*, *лик*, *лист*, *лов*, *луг*, *лук*, *мел*, *мед*, *мех*, *мир*, *мор*, *мозг*, *мост*, *муж*, *низ*, *нос*, *пар*, *пир*, *плод*, *пол*, *пот*, *пруг*, *раз*, *рог*, *род*, *рост*, *руб*, *ряд*, *сад*, *свет*, *слух*, *снег*, *сок*, *стан*, *струг*, *струп*, *суд*, *сын*, *тать*, *торг*, *труп*, *трус*, *тук*, *червь*, *челн*, *чин*, *цвет*, *шар*, *шум*;

б) имена с неодносложной основой: *берег*, *волос*, *голос*, *город*, *желоб*, *жернов*, *колокол*, *облак*, *остров*, *сторож*, *молот*;

в) некоторые производные префиксальные образования: *обыск*, *подвиг*, *повар*, *погреб*, *повод* и др.;

г) некоторые ранние заимствования: *мастер*, *парус*, *терем* и др.

Акцентные характеристики имен существительных, принадлежащих к данной АП, испытывали в древнерусском языке значительные колебания [4].

---

[3] *Колесов В. В.* Указ. соч., с. 129—156; 179—190; *Хазагеров Т. Г.* Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. Изд-во МГУ, 1973, с. 73; *Кипарский В. Р.* О колебаниях ударения в русском литературном языке. I. Односложные имена существительные. Хельсинки, 1950.

Мы условно принимаем приведенный ниже список слов (без разделения их по типам склонения) как исходный и рассматриваем дальнейшие акцентные изменения в этих пределах. Отнесение ряда слов к данному списку не бесспорно, в необходимых случаях это оговаривается, цели же уточнить в какой-то степени список работа не ставит.

[4] *Колесов В. В.* Указ. соч., с. 131—156; *Хазагеров Т. Г.* Указ. соч., с. 78—84.

Среди форм ед. числа колебания отмечены преимущественно в местн. падеже (обычно при флексии *-у*; имеет место вторичная дифференциация типа: *бóкѣ*, *боку́*; *бро́дѣ*: *броду́*). Отдельные примеры окситонезы отмечаются в род. (обычно в аблативном значении: *от вѣка́*, *из лѣса́*) и твор. падежах.

Во мн. числе колебания присущи всем формам с разной степенью преобладания накоренного ударения и ударения флексийного.

Выявленные в работе Н. И. Хреновой возможные конкретные комбинации накоренного и наконечного (по принятой терминологии) ударения в формах слов, принадлежащих к подвижному типу, образуют, как было сказано, тринадцать разновидностей, обозначенных соответственно C_1, C_2, . . . C_{13}, на фоне основного типа С, характеризующегося накоренным ударением во всех формах ед. и наконечным во всех формах мн. числа. Разновидность C_1, например, определяет накоренное ударение в им.-вин. падежах мн. числа; C_2 — наконечное ударение в местн. падеже ед. числа и колеблющееся в твор. падеже ед. числа; C_3 — наконечное ударение в местн. падеже ед. числа, накоренное ударение в им.-вин. и твор. падежах мн. числа, колеблющееся в род. падеже мн. числа; C_4 — наконечное ударение в местн. падеже ед. числа; накоренное в им.-вин. падежах мн. числа и т. д.

Для более поздних периодов развития языка характерен процесс выравнивания ударения в парадигмах ед. и мн. числа, ведущий к образованию нового типа подвижности с полной акцентной противопоставленностью форм ед. и мн. числа. В формах ед. числа в данном круге слов обобщается накоренное ударение (исключая те случаи, когда флективное ударение развивается во всех формах ед. числа и свидетельствует о переходе слова к окситонии или особому типу подвижности), в формах мн. числа — флективное.

Для рассматриваемого нами периода колебания в формах ед. числа неактуальны; ударение в этих формах уже предстает выравненным. Особое место занимает здесь только форма местн. падежа. Употребление флексии *-у*, (*-ю*), всегда подударной, и ее взаимодействие с вариативной флексией *-е* на разных этапах развития литературного языка представляет, как известно, важное звено в истории русской морфологической системы. Факты

эти, однако, уже достаточно тщательно изучены, что делает ненужным повторный анализ относящегося сюда материала, хотя бы и под иным углом зрения [5]. Здесь необходимо подчеркнуть только отмеченную тенденцию к сужению рамок употребительности флексии *-у*, наметившуюся уже, как показано в «Очерках», во второй половине XIX в., когда параллельные употребления форм местн. падежа на *-е* и *-у* от ряда имен существительных сокращаются, дублетные формы дифференцируются по значению, закрепляются за определенными конструкциями, часто становясь при этом несвободными. В тех случаях, когда сохраняется полная дублетность форм, происходит их стилистическая дифференциация [6]. Проблема употребления форм на *-у* и на *-е* для литературного языка нового времени, справедливо подчеркивается в «Очерках», — это проблема лексико-грамматическая. В современном языке наличие форм на *-у* у определенного ряда слов не служит основанием для выделения особого типа подвижности. Они рассматриваются только как индивидуальная особенность этих слов и описываются в словарном порядке [7].

Более активные акцентные процессы характеризуют формы мн. числа. Процесс обобщения флективного ударения в формах род., дат., твор. и местн. падежей, чему способствовало морфологическое выравнивание, имело своим результатом образование уже к началу рассматриваемого периода двух возможностей размещения ударения в формах мн. числа, в зависимости от того, распространялся ли этот процесс и на формы им.-вин. падежей или нет. Таким образом, все то разнообразие акцентных типов в составе подвижной АП, которое обнаруживалось еще в XVII—нач. XVIII в., к началу рассматриваемого периода было сведено к двум основным типам: накоренное ударение в формах ед. и флективное ударение в формах мн. числа (современный тип *с*); накоренное уда-

[5] Имеем в виду прежде всего: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. М., «Наука», 1964, с. 187 (где подробно проанализированы особенности образования и употребления форм на *-у* в XIX в..

[6] Ср. также материалы в кн.: Русский язык по данным массового обследования. М., «Наука», 1974, гл. III, §§ 21—27.

[7] См., например: Грамматика современного русского литературного языка. М., «Наука», 1970.

рение в формах ед. и им.-вин. падежах мн. числа при флективном ударении в остальных формах мн. числа (современный тип *е*). Вся дальнейшая история акцентного развития имен этой группы заключается, как показывают материалы, в постепенном расширении состава слов с подвижностью типа *с* за счет слов с подвижностью типа *е*, т. е. в дальнейшем обобщении ударения на флексии в им.-вин. падежах мн. числа.

Определить точно состав слов с подвижностью типа *с*, каким он был к началу исследуемого периода, на основании имеющихся материалов трудно. По данным Н. И. Хреновой [8], в XVII—нач. XVIII в. сюда включались всего три слова: *господин—господа*, *друг—друзья*, *муж—мужья*— все с особой флексией собирательности [9]. К разновидности C_2, характеризующейся также наконечным ударением в им.-вин. падежах, ею отнесено слово *стан*. К разновидностям C_6, C_7, C_{10}, C_{12}, одной из акцентных характеристик которых является вариативность ударения в им.-вин. падежах мн. числа, отнесены *лес*, *вал*, *мост*, *ряд*, *чин*.

В литературном языке XVIII в., судя преимущественно по поэтическим материалам, флективное ударение в формах им.-вин. падежей мн. числа также имеет еще незначительное распространение, и состав слов с подвижностью типа *с*, следовательно, еще крайне ограничен. Отмечены следующие примеры ударения на флексии (чаще наряду с накоренным) в этих формах: *пиры́* (Держ., Хераск.); *ряды́* (Держ.); *сады́* (Держ.); *валы́* (Кантемир *, Ломон., Сум.), *ва́лы* (Кантемир *.); *дары́* и *да́ры* (Держ.); *листы́* и *ли́сты* (Ломон.); *долы́*; *домы́*; *сыны́* (Сум.); *цветы́* (Тред.).

Известный «прирост» в составе слов с подвижностью типа *с* связан с расширением употребления и закреплением в литературной традиции форм им. падежа мн. числа на *-а* (*-я*).

Так, уже Ломоносов [10] определенно переводит в этот тип слова *рог*, *бок*, *глаз*, признавая нормативными формы

---

[8] *Хренова Н. И.* Указ. соч.

[9] Т. Г. Хазагеров в результате анализа своего материала приходит к выводу, что нет ни одного имени существительного, которое можно было бы с уверенностью отнести к 4-у (или 5-у) типу (т. е. к типу *с* по принятому здесь обозначению); см.: *Хазагеров Т. Г.* Указ. соч., с. 81.

[10] *Ломоносов М. В.* Российская грамматика. Спб., 1755, § 190.

рога, *бока*, *глаза*. Допускается вариативное ударение (флексии *-а* и *-ы*) в словах *лес*, *луг*, *снег*, *струг*, а также *берег*, *остров*, *колокол*.

Возможно, что сравнительно ограниченное употребление форм с ударением на флексии было именно особенностью поэтической речи XVIII в. как речи высокого стиля с церковно-книжной акцентной ориентацией. Формы с ударением на флексии (по крайней мере, у некоторых слов) воспринимались как отступление от строгой нормы. Известно, например, что Тредьяковский осуждал Сумарокова именно за подобного рода акцентологические несоответствия: «Слово *сыны́* положено ямбом неправо; надо *сы́ны*, а по словенски *сынове*. . .» [11]. Ср. также оценку Прокоповича-Антонского ударения *да́ры* как церковного, *дары́* — как гражданского [12]. Изменения, связанные с разрушением стилевых различий обусловили возможность уже в первой трети XIX в. более широкого употребления форм им.-вин. падежей мн. числа с ударением на флексии.

В Грамматике Востокова [13] дается как нормативное флективное ударение во всех формах мн. числа у следующих слов из числа рассматриваемых: *бег*, *бор*, *вал*, *вес*, *воз*, *дар*, *долг*, *дух* (*духи́*), *жар*, *квас*, *корм*, *мед*, *мех*, *мир*, *мозг*, *нос*, *пар*, *пир*, *пол*, *раз*, *ряд*, *сад*, *стан*, *торг*, *чин*; в связи с нормализацией флексии *-а* в им. падеже мн. числа в эту группу слов включается также *бок*, *луг*. Неустойчиво, поскольку признается возможной и флексия *-а́* и флексия *-ы* (безударная), отнесение сюда ряда слов: *век*, *год*, *дом*, *лес*, а также *рог*, *снег*, *струг*, *цвет* и ряда неодносложных слов (см. с. 93). В составе подвижности типа *е*, по Востокову, остаются: *бес*, *бог*, *вид*, *волк*, *вор*, *гвоздь*, *гость*, *гроб*, *гром*, *дол*, *друг* (при форме им. мн. числа *дру́ги*), *дуб*, *дух* ‘сверхъестественное существо’, *зверь*, *зуб*, *муж* (при форме им. мн. числа *му́жи*), *род*, *сок*, *тать*, *трус*, *челн*, *червь*.

Поэтические материалы XIX в. подтверждают отмеченную грамматикой вариативность ударения формы им. мн. числа таких слов как *век*, *год*, *дом*. Ср.: *ве́ки* (Глин.,

---

[11] Цит. по кн.: *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, с. 105.

[12] *Прокопович-Антонский А.* Замечания о русском ударении. — В кн.: Труды Общества любителей российской словесности, ч. IV. М., 1812.

[13] *Востоков А.* Русская грамматика. СПб., 1831, § 183.

Кольц., Крыл.); *века́* (Курочк., Полеж.); *го́ды* (Бенед., Курочк., Полеж.); *года́* (Бенед., Гриб., Мея, Тим., Тург.); *до́мы* (Жук., Глин., Кюх., Майк., Полеж.); *дома́* (Глин., Курочк., Полеж.). Вместе с тем они указывают и на тенденцию дальнейшего распространения флективного ударения на формы им.-вин. падежа мн. числа у некоторых слов второго списка. Так, например, у Курочк. отмечено ударение *виды́*, у Майк. — *дубы́*. В дальнейшем эта тенденция выявляется шире. Смена значительной части нормативных оценок происходит, по-видимому, в 20—30-х годах нашего столетия. Списки В. И. Чернышева, во всяком случае, не содержат значительных отклонений от списков Востокова [14]. В СУ же происходит смена многих рекомендаций: признается нормой формы *века* и *дома*, а *веки* и *домы* помечаются как устаревшие; нормализуются формы *рога* и *снега*; нормализуется ударение *роды́*, *дубы́*, *гробы́* (*гро́бы* признается устаревшим); признается устаревшей форма *дру́ги*; возможность вариативности сохраняется в слове *год* (возможно *года́* и *го́ды*).

В современном языке тип подвижности *е* остается на положении «реликтового». Он включает ограниченное число лексем (в списке Зализняка, например, их 48) [15], большая часть из них — слова с исконной подвижностью, на которые не распространился процесс обобщения флективного ударения в им. падеже мн. числа: одушевленная лексика (*бог*, *волк*, *вор*), слова, близкие к pluralia tantum (*зубы*), слова с мягкой основой (былые *i*-основы) [16] и некоторые отдельные слова (*гром* и др.).

Для ряда других слов (большинство из них заимствования) этот тип подвижности — только переходный этап к подвижности типа *с*, что и представлено у них в сфере ненормированной речи. Ср. стоящие вне нормы *фронты́*, *порты́*, *госпиталя́* и др.

Современный тип *с* включает более 80 односложных существительных (данные Зализняка [17]) с им. падежом

[14] *Чернышев В. И.* Законы и правила русского произношения. Цит. по кн.: *Чернышев В. И.* Избр. труды, т. 1. М., 1970, с. 90.

Показательно, что еще у поэтов начала XX в. старые формы и старые акцентовки имеют место. Ср. *домы* (Ас., Блок) и др. У современных поэтов они крайне редки.

[15] *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М., «Наука», 1967, с. 158.

[16] См. об этом: *Хазагеров Т. Г.* Указ. соч., с. 91.

[17] *Зализняк А. А.* Указ. соч., с. 158—159.

мн. числа на *-ы*, *-и*; 8 слов на *-ья* в им. падеже мн. числа и практически неограниченный ряд слов с формой им. падежа мн. числа на *-а* (*-я*). Активность этой формы, хотя и сдерживаемая нормализаторскими усилиями, позволяет считать ряд слов, принадлежащих к типу *с*, открытым.

Изменения, свойственные подвижной АП, не ограничиваются только перемещением лексем из типа с неполной противопоставленностью по ударению форм ед. и мн. числа в тип, где эта противопоставленность осуществляется полностью. Существенным содержанием изменений, свойственных подвижной АП, является постоянное расширение ее состава, точнее состава подвижности типа *с*, в результате перераспределения лексем между ней и баритонированной АП, а также окситонированной АП.

Как отмечалось, уже в памятниках XVII—нач. XVIII в. в составе баритонированной АП было представлено четыре разновидности [18], определяемые наличием наконечного или вариативного ударения в некоторых формах мн. числа: A_1 — наконечное ударение в род. и колеблющееся ударение в дат. и твор. падежах; A_2 — колеблющееся ударение в им. и вин. падежах; A_3 — наконечное ударение в род. и колеблющееся в дат. и местн. падежах; A_4 — колеблющееся ударение в им., род. и вин. падежах. Круг слов, относящихся к этим разновидностям, сравнительно узок. К A_1 по этим данным принадлежат, например, *гость* и *глас*; к A_2 — *ветр*, *поход*, *полковник*; к A_3 — *град* и *гроб*; к A_4 — *край* [19]. Возможно, что более обширный материал дал бы основания для какой-то иной размещенности этих и, может быть, других слов в пределах выделенных акцентных типов. Здесь важно только отметить наличие тенденции к подвижности у ряда слов (в том числе «книжных») уже и в данный ранний период. В литературном языке XVIII в. слово *ветр* имеет уже характерное для подвижности типа *е* ударение, хотя и с колебанием. Ср., например, у Держ.: *ве́тры*, но *ветро́в* (и *ве́тров*), *ветра́м* (и *ве́трам*), *ветра́ми*. Зарегистрированы также ударения: *градо́в*, *града́х* (Ломон.), *градо́в*, *града́м*, *града́х* (Тред.), *градо́в* (Карамз.) и даже *града́* (Мурав.); *гласо́в* (Тред.).

---

[18] *Хренова Н. И.* Указ. соч.

[19] По другим данным слова *гость* и *гроб* относятся к подвижной АП (см. с. 81).

По-видимому, однако, устойчивого употребления эти ударения в данный период еще не имели, а строгой литературной нормой порицались. Во всяком случае, Сумароков, упрекая Ломоносова в некоторых отступлениях от нормы, имел в виду и такие ударения, как *летá*, вместо *лéта* и такие, как *градóв* вместо *грáдов*. Оценка им этих фактов весьма категорична: «. . .многие не размышляя, — пишет Сумароков, — таковые его ошибки приняли украшением пиитическим, и употребляют оные к безобразию нашего языка, что г. Ломоносову яко провинциальному уроженцу простительно, как рожденному еще и не в городе, а от поселян; но прочим, которые рождены не в провинциях и не от поселян, сие извинено быть не может» [20].

В другом месте Сумароков снова утверждает: «Градóв ограда, сказать не можно. . . . Город имеет в родительном падеже множественного числа городóв, а град грáдов, а не градóв, для того, что в именительном падеже множественного числа город имеет звание городá, а град грáды, а не градá и не грады» [21].

В XIX в. ударения *градóв*, *градáм*, *градáми*, *градáх* закрепляются в литературной традиции (они отмечены как нормативные Востоковым). Форма же *градá* не принимается [22]. В дальнейшем, однако, слово *град* отходит от подвижности, подчиняясь тенденции связывать с книжными, редко употребительными словами неподвижное накоренное ударение.

Слово *ветр* также приводится Востоковым в числе слов с подвижностью типа *е*, однако, в дальнейшем это слово обнаруживает тенденцию перейти и к типу *с* (при форме *ветрá*). В поэтической речи форма *ветра*, которая впервые фиксируется у поэтов начала XX в. (ср. также *ветры́* — у Бун., а также некоторых современных поэтов — Симон., Ивн., Захарч.), имеет очень широкое распространение, хотя современные словари ее не нормализуют. В СУ, например, *ветра* имеет помету «просторечное», в $АО_{59}$ — «разговорное».

---

[20] *Сумароков А. П.* О правописании. Полн. собр. соч., ч. X. М., 1787, с. 7.

[21] *Сумароков А. П.* Критика на оду (Там же, с. 77—78).

[22] Интересна оценка Л. А. Булаховским формы *града* у Пнина как примера «резкой русификации» (*Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX в. М., 1954, с. 177).

Слово *край* уже Востоковым приводится с подвижностью типа *с* (при форме *края*), хотя реально в прошлом веке употребительна и форма *краи*, имеющая особый стилистический оттенок [23].

Позднее (современная эпоха, при отдельных более ранних примерах) тенденцию к переходу к подвижности обнаруживает еще ряд слов, среди которых *дым* (ср. рекомендацию АО$_{59}$ *дымы́*, *дымо́в*), *дед* — *деды́*, *дедо́в*, *сват* — *саты́*, *сатов* (ненормативное ударение) и др. В целом же этот тип взаимодействия русским именам мало свойствен.

Гораздо более многочисленны переходы к подвижности среди заимствований, в частности, в кругу односложных имен существительных. Список односложных слов, перешедших по наблюдениям Кипарского [24] от типа I (неподвижное ударение на основе) к типу III (подвижность типа *с*) или типу II (подвижность типа *е*), или обнаруживающих тенденцию к такому переходу, состоит преимущественно из заимствованной лексики: *бал*, *балл*, *борт*, *бот*, *буй*, *бунт*, *пан*, *плуг*, *порт*, *пуд*, *приз*, *сорт*, *спирт*, *суп*, *том*, *форт*, *фронт*, *хор*, *цех*, *шкаф*, *шрифт* и др. При этом у ряда слов подвижность устанавливается уже в первой трети XIX в. (судя, например, по рекомендациям Грамматики Востокова): *бал*, *пан*, *пуд*, *шкаф* (тип *с*); *цех* (тип е).

В современную эпоху переход к подвижности типа *с* совершили: *борт* (нормализовано СУ при форме именит. мн. *борта*), *бунт* 'мятеж' (СУ), *приз* (СУ), *том* (СУ при форме именит. мн. *тома*), *тон* (СУ при форме именит. мн. *тона*), *форт* (АО$_{59}$), *хор* 'певческий коллектив' (СУ), *шрифт* (АО$_{59}$, в СУ это ударение еще имеет помету «разгов.»), а также *гол*, *штаб* и др.

У слов *порт* и *фронт* нормой является подвижность типа *е*. Однако в реальном употреблении у того и другого слова представлена и подвижность типа *с*. Формы *порты́* и *фронты́* достаточно широко распространены и у поэтов. *Порты́* отмечено, например, у Ант., Инбер, Луговск. и др.; *фронты́* — у Сельв., Молчан., Алымова и др.

---

[23] Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. . . ., с. 212.

[24] *Кипарский В. Р.* Указ. соч., с. 105.

По-видимому, подвижность типа *е* здесь — только переходный этап к подвижности типа *с* [25].

Гораздо шире подобные переходы к подвижности представлены в сфере ненормированной (живой разговорной и профессиональной) речи: *балл—баллы́, баллóв*; *грипп—гриппы́, гриппóв*; *зонд—зонды́, зондóв*; *спирт—спирты́, спиртóв*; *тиф—тифы́, тифóв*; *трюм—трюмы́, трюмóв*; *флот—флоты́, флотóв*; *шурф—шурфы́, шурфóв*; *шлюз—шлюзы́, шлюзóв*; *шарф—шарфы́, шарфóв*; *шприц—шприцы́, шприцóв* и т. д.

Важным фактором, определяющим переход слов к подвижности типа *с* (при этом уже не только слов односложных), является ударяемая флексия *-а* (*-я*) в им. падеже мн. числа. В лингвистической литературе неоднократно отмечался факт широкого распространения флексии *-а* (*-я*) и вытеснения ею флексии *-ы* (*-и*) в форме им. падежа мн. числа существительных муж. рода. Как показывают исследования, названный процесс идет в языке с нарастающей быстротой, вполне подтверждающей оценку этой формы, данную в свое время Я. К. Гротом: «. . .окончание *-а*, *-я* во множественном числе имен мужского рода чрезвычайно распространено в языке и, можно сказать, беспрерывно делает в нем новые завоевания» [26].

Не все известные в разных речевых сферах формы на *-а* (*-я*) нормализуются. Но несмотря на все нормативные запреты, вводящие употребление форм на *-а* в литературном языке в определенное русло, ряд слов, от которых образуются эти формы, остается открытым, а тем самым состав слов подвижной АП постоянно пополняемым.

Формы на *-а* (*-я*) детально исследованы в самых различных аспектах [27], поэтому задача этой главы — дать

---

[25] Нормализации ударения *порты́* мешает, видимо, «неблагозвучность» и омонимия со старинным *порты*. Основания для удержания ударения *фронты́* в качестве нормы неясны на фоне признания нормативными *форты́*, *шрифты́*, *штабы́*, *голы́* и др.

[26] *Грот Я. К.* О русском ударении вообще и об ударении имен существительных. — В кн.: Труды, т. 2. Филологические разыскания. СПб., 1899, с. 329.

[27] См., в частности: *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке, вып. 2. Л., 1931; *Beaulieux L.* L'extension du pluriel masculin en *-á*, *-я́* en russe moderne. — Mémoires de la Société de linguistique de Paris, 1913, t. XVIII, fasc. 3; *Фидровская А. С.* К вопросу о процессе и факторах новообразования на *-а́* в именительном падеже множественного числа существительных

только общую картину употребления форм на *-а* в изучаемый период, чтобы точнее представить процесс формирования и состав подвижной АП.

Как бы ни определять генезис форм на *-а* [28], остается открытым вопрос о причинах их огромной продуктивности. При решении этого вопроса, которому также посвящено много исследований, ближе всего к сути явления подходят, на наш взгляд, те лингвисты, которые учитывают акцентологическую сторону дела — связывают распространение форм на *-а* с тенденцией к акцентологической противопоставленности форм ед. и мн. числа. На противопоставленность по ударению форм ед. и мн. числа и ее роль в утверждении формы на *-а* обращали внимание И. В. Ягич [29], Н. Н. Дурново [30], Р. Якобсон [31]. Эта точка зрения вытекает из изложенной (см. с. 16) концепции В. Н. Сидорова.

Обращает на себя внимание параллелизм процесса формирования подвижности типа *с* и распространения форм на *-а*. В XVII—нач. XVIII в. подвижность типа *с* представлена, как показано, всего несколькими словами. Формы на *-а* в этот период также еще крайне редки. С XVIII в. состав слов с подвижным ударением типа *с* растет. Расширяется и употребление форм на *-а*. Этот параллелизм — свидетельство очевидной связанности рассматриваемых процессов. Главное здесь — переход к подвижности, обусловленный тенденцией к противопоставленности форм ед. и мн. числа; флексия *-а* высту-

---

мужского рода. — Учен. зап. Казанского гос. ун-та, 1952, т. 112, кн. 6; *Иванова Т. А.* Именительный множественного на *-а́* (*рода́*. . .) в современном русском литературном языке. — В кн.: Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1967; Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в., §§ 29—39; Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968, §§ 143—156; Русский язык по данным массового обследования, § 29—37.

[28] По этому вопросу существует большая литература: *Обнорский С. П.* Указ. соч.; *Фидровская А. С.* Указ. соч.; *Кипарский В. Р.* Указ. соч.

[29] *Ягич И. В.* Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889.

[30] *Дурново Н. Н.* О склонении в современном великорусском литературном языке. — ВЯ, 1971, № 4.

[31] *Yakobson R.* The relationship between genitive and plural in the declension of Russian nouns. — In: *Yakobson R.* Selected writings, v. 2. The Hague, 1971.

пает как средство осуществления этой противопоставленности.

Мы отмечали тот важный факт, что ударяемая флексия *-ы* (*-и*) присоединима к узкому кругу слов (односложных) и потому не способна обеспечить реализацию названного процесса в больших масштабах, в то время как флексия *-а* не имеет такого ограничения и может перевести в подвижность типа *с* гораздо более широкий круг лексики (и именно слов неодносложных) [32]. Приводились также верные, на наш взгляд, мнения лингвистов, возражающих против понимания форм на *-а* как «индуктора» флективного ударения в парадигме мн. числа. Формы на *-а* не открывали процесса передвижки ударения с основы на флексию, а завершали его, венчая дело [33].

Показательно, что во многих случаях формы на *-а* признавались нормативными позднее, чем устанавливалось ударение на флексии в косвенных падежах мн. числа, а некоторые из них оставались (иногда и до сих пор остаются) за пределами нормы, сохраняя разговорную (или просторечную) окраску. Ср., например, упоминавшееся уже слово *ветр* (*ветер*). В современном языке к этому типу слов относятся и слова *крендель* (в прямом значении), *лекарь*, *соболь* (животное), *трюфель*, *фухтель*, *госпиталь* и др.[34]

---

[32] Показательна (см.: *Обнорский С. П.* Указ. соч.; *Фидровская А. С.* Указ. соч.) постепенная утрата акцентологических ограничений на получение тем или иным словом формы на *-а*. Первоначально эту флексию могли получать только слова с исторически подвижным ударением, а затем слова с ударением неподвижным — русские и заимствованные. При включении последних в группу слов, приобретающих флексию *-а*, наблюдается в свою очередь определенная хронологическая последовательность: слова с начальным ударением, слова со срединным ударением и только как более поздний этап — слова с конечным ударением основы.

[33] Такую мысль высказывал, в частности, В. И. Чернышев: «Мы предпочитаем формы: *консулы*, *крейсеры*, *мичманы*, *редакторы*, *офицеры*, *порты*. . ., потому что обыкновенно употребляем их с ударением на основе: *ми́чманов*, *офице́ров*. . . и т. д., но для тех, кому привычны произношения с ударением на окончании: *мичма́нбв*, *офицерóв*. . ., естественно и употребление форм на *-а* от этих слов: *мичмана́*, *офицера́*. . . Мы не допускаем формы *ораторá*, между прочим, и потому, что не терпим произношений: *ораторóв*, *ораторáм* и пр.» (*Чернышев В. И.* Правильность и чистота русской речи. — В кн.: Избр. труды, т. 1. М., 1970, с. 505).

[34] См. об этом: *Зализняк А. А.* Указ. соч., с. 226—227. Справедливо отмеченный Зализняком факт «открытости» подвижного типа *е* —

В «Российской Грамматике» Ломоносова зарегистрировано устойчивое употребление форм на *-а* у слов *бок, глаз, рог*; вариативное — у слов *берег, колокол, лес, луг, остров, снег, струг*. В Грамматике Востокова таких слов в несколько раз больше (список Востокова не является исчерпывающим). Формы на *-а* имеют здесь: *бок, вечер, голос, город, колокол, край, лес, луг, орден, остров, повар, погреб, полог, рукав, сторож, тетерев, хлев, шелеп*; формы на *-а* и на *-ы* имеют: *берег* (*брег*), *боров, век, вексель, вензель, возраст, год, доктор, дом, егерь, желоб, жернов, катер, кивер, короб, корпус, крендель, кузов, купол, кучер, лекарь, мастер, мед, мех, мичман, образ, откуп, парус, писарь, потрох, пояс, профессор, ректор, рог, снег, стог, струг, терем, фактор, флагман, флигель, флюгер, хлеб, цвет, шомпол, штемпель, якорь, ястреб* [35].

Список Грота (тоже не претендующий на полноту) [36] включает дополнительно около 40 слов с нормализованной формой им. падежа мн. числа на *-а*, не приведенных у Востокова: *вахтер, веер, веред, вертел, ветер, волос, вымпел, гетман, грифель, директор, ефрейтор, закром, инспектор, конюх, лектор, лоцман, маклер, невод, номер, окорок, пекарь, перепел, пристав, промысл, ротмистр, рупор, тенор, тормоз, учитель, фельдфебель, фершел, фурман, холод, цензор, циркуль, череп, шафер, шкипер, штурман, юнкер*.

Реальная же употребительность форм на *-а* в литературной практике в каждой из названных периодов была (как показывают исследования) шире представленных нормативных установок. Так, в конце XVIII в., кроме форм, отмеченных в качестве нормативных у Ломоносова, встречаются: *града, края, брега* (Ломон., Петр.); *дома* (Карамз.); *завеса* (В. Майк.); *плуга* (Держ., Рад.) и др.

В литературном языке XIX в. круг слов, допускающих формы на *-а*, очень широк. У В. И. Чернышева [37] отмечены, например, (кроме уже упомянутых) формы: *адреса, альта, аптекаря, асессора, баса, бензеля, борта, боцмана, буфера, бега, вороха, гроба, дисканта, дупеля, дьякона, жемчуга, кителя, колера, консула, корректора,*

возможности пополнения его новыми словами — в значительной степени зависит именно от признания форм на *-а* ненормативными.

[35] У имен *образ, мех* вариативность форм связана с разным значением.

[36] *Грот Я. К.* Указ. соч., с. 329—332.

[37] *Чернышев В. И.* Правильность и чистота. . ., с. 504—505.

крейсера, *леера*, *лиселя*, *лихтера*, *норота*, *обшлага*, *округа*, *омута*, *оратора* (с пометой «очень редко»), *ордена*, *ордера*, *отпуска*, *офицера*, *паспорта*, *повара*, *пойнтера*, *попечителя* (с пометой «редко»), *порта*, *поезда*, *прииска*, *провода*, *раза*, *редактора*, *слесаря*, *слога*, *служителя*, *сорта*, *стрепета*, *счета*, *суда*, *тока*, *тома*, *тона*, *тополя*, *торбаса*, *улья* (с пометой «редко»), *фельдъегеря*, *хутора*, *шелка*, *шенкеля*, *шулера*, *щеголя*.

Не все из этих форм на *-а* закрепились в языке в качестве нормы, но вместе с тем появился и ряд других форм на *-а*. В современном русском языке, по рекомендациям $АО_{59}$ и Орфографического словаря (5-е изд. М., 1963) формы на *-а* допускаются у следующих слов с односложной основой [38]: *хлеб* (злаки), *хлев*, *снег*, *брег* (устар.), *лог*, *рог*, *стог*, *луг*, *год* (с колебанием), *ход* (расстояние между осями), *глаз*, *воз* (разг.), *край*, *век*, *шелк*, *бок*, *ток* (птичий), *дом*, *том*, *корм*, *тон* (цвет), *тон* ('звук' с колебанием), *вес* (в профес. речи), *лес*, *цвет*, *счет* (кроме перен. знач.), *борт*, *сорт*, *мех* (животных), *цех* (с колебанием), *верх* (обуви, шапки, эпипажа); в следующих словах, имеющих неодносложную основу с начальным ударением: *погреб*, *ястреб* (с колебанием), *желоб*, *колоб*, *короб*, *отруб*, *пристав*, *тетерев*, *кузов*, *жернов*, *боров* (часть дымохода), *остров*, *берег*, *округ*, *жемчуг*, *поезд*, *невод*, *овод* (с колебанием), *провод*, *холод*, *город*, *сторож*, *образ* (икона), *подрез*, *тормоз* (в прямом знач.), *окорок*, *пропуск* (документ), *отпуск*, *перепел*, *промысел* (разг.), *вертел*, *колокол*, *шомпол*, *купол*, *терем*, *закром*, *штурман* (с колебанием), *мичман* (у моряков), *орден* (знак отличия), *дьякон*, *череп*, *откуп*, *повар*, *клевер*, *кивер*, *кливер*, *флюгер*, *ордер* (документ), *веер*, *леер*, *клинкер*, *бункер*, *юнкер* (воен.), *шулер*, *номер*, *нумер* (уст.), *шкипер*, *клипер*, *крейсер* (с колебанием), *катер*, *ветер* (разг.), *пойнтер*, *мастер*, *сеттер* (в профес. речи), *скутер*, *вахтер* (старший сторож), *буер*, *шафер*, *буфер*, *штуцер*, *вечер*, *кучер*, *фельдшер*, *договор* (разг. вариант и *договбр*), *тенор*, *трактор* (с колебанием), *сектор* (с колебанием), *доктор*, *хутор*, *торбас*, *адрес*, *туес*, *голос*, *примус* (разг.), *корпус* (здание, воен.), *парус*, *пояс*, *паспорт*, *омут* (с колебанием), *лемех* (с колебанием: *лемéх*), *ворох* (с колебанием), *порох*, *потрох*, *табель* ('же-

[38] Выборка, списки и расположение слов см.: *Зализняк А. А.* Указ. соч., с. 223.

тон' с колебанием), *штабель*, *дюбель*, *флигель*, *крендель* (зигзаг), *пудель* (с колебанием), *вензель*, *шенкель*, *винкель*, *стапель*, *штемпель*, *ниппель*, *дупель*, *вексель*, *штепсель*, *китель*, *соболь* (мех), *тополь*, *пекарь* (с колебанием), *токарь* (с колебанием), *слесарь* (с колебанием), *писарь*, *лагерь* (в прямом знач.), *егерь*, *якорь*; в следующих словах, имеющих неодносложную основу со срединным ударением: *директор*, *инспектор*, *инструктор* (с колебанием), *кондуктор* (человек), *корректор*, *прожектор* (с колебанием), *профессор*, *редактор* (разг.), *учитель* (преподаватель), *полуостров*; в следующих словах, имеющих неодносложную основу с конечным ударением: *лемех* (вариант к *лéмех*), *обшлаг*, *рукав*, *сокол* (стенобитное орудие; вариант к *сбкол*), *сокол* (птица; устар. вариант к *сбкол*); *кокиль*, *перед*, *постав*; в следующих pluralia tantum *бега*, *леса*, *потроха*, *торока*.

Имеющиеся материалы свидетельствуют и здесь о гораздо более широком употреблении форм на *-а* в литературной практике [39].

Отмечены употребляемые с разной степенью частоты следующие формы, не названные в числе нормативных: *бакена*, *боцмана*, *брустверa*, *бухгалтера*, *возраста*, *выбора*, *выговора*, *вымпела*, *выпаса*, *выхода*, *грейдера*, *джемпера*, *дизеля*, *коллектора*, *конструктора*, *лектора*, *лоцмана*, *маклера*, *мессера*, *месяца*, *офицера*, *парохода*, *плинтуса*, *полюса*, *пресса*, *привода*, *приговора*, *прииска*, *прожектора*, *пульмана*, *рапорта*, *редуктора*, *роста*, *рупора*, *свитера*, *сейнера*, *снайпера*, *соуса*, *тендера*, *термоса*, *унтера*, *хлеба* (печеный хлеб), *циркуля*, *шницеля*, *шофера*, *шторма*, *юпитера*, *яруса*.

Из приведенных материалов видно, что и среди имен существительных, принимающих формы им. падежа мн. числа на *-а* значительно преобладают заимствования. Таким образом, можно сделать вывод, что подвижная АП вообще расширяется преимущественно за счет иноязычной лексики.

Лингвисты, отмечавшие в той или иной связи роль заимствований как «проводников акцентной инновации»,

---

[39] Имеем в виду именно литературную практику, т. е. художественную прозу и поэзию. Выход за ее пределы — обращение к профессиональным сферам и учет фактов так называемого живого употребления — расширяет ряд этих форм до сотен единиц. См.: *Фидровская А. С.* Указ. соч.

выдвигали в качестве причины их свободу (поскольку в большинстве своем это новая лексика) от сложившихся акцентных традиций.

У А. А. Зализняка [40] этот вопрос получает четкое решение на основе анализа действия тех языковых факторов, которые вскрыты автором как определяющие синхронические закономерности акцентуации рассматриваемой группы имен существительных. Это морфонологический фактор (число слогов и место ударения в исходной словоформе, характер конечной согласной или вообще конечной части основы, беглость или небеглость гласной в основе), морфологический (наличие определенных суффиксов и др.) и семантический, выступающие в определенных иерархических отношениях [41].

Так, к числу имен существительных с продуктивным типом нетривиального склонения [42] и схемой ударения *с* (или колеблющихся) принадлежат слова, являющиеся названиями нерасчлененных однородных масс (названия веществ, материалов, кушаний, запахов и т. п., названия деревьев), названия абстрактных понятий (названия действий, событий, состояний, свойств, оснований классификации), названия пространств, поверхностей, направлений, названия оград, четко отграниченных территорий, помещений, больших вместилищ, термины родства [43].

Определенное увеличение числа слов с подвижностью типа *с* связано, как ясно из рассмотренного материала, с семантическим «притяжением» слов в пределах названных групп. Семантический фактор является в данном случае определяющим; морфонологический и морфологический играют подчиненную, второстепенную роль.

Важную роль в переводе слова к нетривиальному склонению и к продуктивному нетривиальному типу ударения — схеме *с* (как и схеме *в*, см. с. 106) играет и внеязыковой фактор, названный А. А. Зализняком прагматическим. Суть его в противопоставлении привыч-

---

[40] *Зализняк А. А.* Закономерности акцентуации русских — односложных существительных мужского рода. — В кн.: Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. Изд-во МГУ, 1977.

[41] Там же, с. 76.

[42] Там же, с. 73—74.

[43] Там же, с. 103—108.

ного и чуждого, находящего внешнее выражение в противопоставлении тривиального и нетривиального склонения и тривиального и нетривиального ударения: чуждому соответствует тривиальное склонение и ударение, привычному — нетривиальное [44]. Действием этого фактора объясняется известная неопределенность и неустойчивость состава подвижной АП. Контингент слов, принадлежащих к ней в литературной нормированной речи, отличается от профессиональных и речевых сфер, поскольку может быть различно чуждое и привычное, да и в самом литературном языке он изменчив.

Наряду с обычным переходом от баритонии к подвижности, представляющим «магистральную линию» акцентных изменений в кругу имен существительных муж. рода, имеют место и случаи обратного перехода — от подвижности к неподвижному ударению, хотя они и значительно более редки.

Уже сравнение списка слов подвижной АП в древнерусском языке с более поздними данными показывает некоторый «остаток» — группу слов, не развивших ни подвижности типа *е*, ни подвижности типа *с*: *брод*, *вап*, *вар*, *гной*, *гнев*, *звон*, *лик*, *мор*, *мел*, *пруг*, *руб*, *свет*, *слух*, *струп*, *труп*, *тук*. Большинство из этих слов, правда, непоказательно, поскольку они либо выходят из употребления, либо не имеют форм мн. числа. Очевидно, говорить о ранней замене подвижности можно только по отношению к некоторым словам: *брод*, *лик*, *струп*, *труп*. Ряд же слов из этого списка — *бес*, *бор*, *вид*, *дух*, *лук*, *сок*, *стан*, *струг*, *тать*, *трус* — был известен с подвижным ударением и в литературной традиции [45]. Замена подвижности здесь — явление сравнительно позднее. Смена типа уда-

---

[44] Там же, с. 74—75.

На роль степени усвоенности слова, его стилистической оценки (своего рода «стилистического достоинства слова», как пишет А. А. Зализняк) указывали и другие лингвисты. Особенно четко это положение сформулировано у Грота (см. с. 27), который непосредственно связывал степень гибкости слова со степенью его употребительности и народности, отмечая, что слова тем легче подвергаются переходу ударения, чем больше в них жизненности, чем больше усвоены они народом.

[45] Слова *бес*, *вид*, *дух*, *сок*, *струг*, *тать*, *трус* даются Востоковым с подвижностью типа *е*; *бор*, *стан* — с подвижностью типа *с*. Слово *лук* в списках Востокова не значится, но у поэтов эта подвижность представлена.

рения у большинства из этих слов происходит, по-видимому, в 20—30-х годах нашего столетия.

Слова *бес*, *дух*, *сок*, *стан* Чернышевым отмечаются как слова подвижно-ударяемые, в СУ они приведены с ударением на основе. Слова *вид* и *трус* отсутствуют уже и в списках слов с подвижностью у Чернышева. Причины изменения ударения в этой группе вполне объяснимы, исходя из тех закономерностей акцентуации рассматриваемой группы имен, о которых мы говорили.

Т. Г. Хазагеров отмечает в этом плане отвлеченную лексику (имена, обозначающие отвлеченное понятие в противоположность именам, обозначающим индивидуальные предметы [46]): *бес*, *дух*, *лик*. Выделяется группа слов, воспринимаемых как отглагольные образования: *брод*, *вид*, *сок*. Отход от подвижности, как отмечает Хазагеров, характерен и для многих отглагольных префиксальных образований: *обыск*, *подвиг* и др.[47].

В ряде же случаев выход слова из состава подвижной АП обусловлен как раз действием прагматического фактора. Он связан с выходом слова из активного употребления и осознаним его в силу этого чуждым. Сказанное определенно может быть отнесено к словам *стан* 'лагерь, место стоянки', *струг*, *тать* [48].

Преимущественно действием этого фактора обусловлен и выход из употребления некоторых форм на *-а*, что также ведет к известному сокращению состава подвижной АП.

Авторы различных грамматических исследований и прошлого века и современных обращают внимание на разговорный характер форм на *-а* и на тот факт, что этой формой обладают, по словам Грота, «названия самых простых предметов, наиболее известных и понятных народу», в то время как «имена высшего, более духовного значения терпят еще и книжное окончание» [49]. Подчеркивается роль профессиональных языковых сфер как главных «поставщиков» форм на *-а*; отмечается определенная зависимость употребления этих форм в литературном языке от частотности слова. Мы уж отмечали, что

---

[46] *Хазагеров Т. Г.* Указ. соч., с. 74.
[47] Там же.
[48] Показателен отход от подвижности ряда слов с неполногласием: *град* (см. с. 88), *глас* и др.
[49] *Грот Я. К.* Указ. соч., с. 332.

переход слов в круг имен, образующих формы на *-а* (к нетривиальному склонению), обусловлен степенью усвоенности слова, его привычности в каких-либо языковых сферах [50]. Но если это так, то очевидно, что и выход слова из активного употребления, уменьшая степень ощущения его как «своего», переводит слово в иной стилистический пласт и способствует изменению акцентовки. Это, видимо, и объясняет ту «необычайную внешнюю прихотливость» истории форм на *-а*, о которой писал С. И. Ожегов: «многие слова, приобретая это окончание, в дальнейшем его не сохранили и возвращались к старому. Взамен появлялись новые серии слов с окончанием -а» [51].

Не имея целью останавливаться подробно на разборе нормативной стороны дела, касающейся изменения общей оценки форм на *-а* [52], отметим ряд конкретных примеров выхода из употребления форм на *-а* на этапах XIX—нач. XX в. — современность (имеются в виду случаи нормализованного употребления). Сопоставление списка слов, образующих формы на *-а*, у Востокова и Грота свидетельствует, как сказано, о расширении круга таких слов. Вместе с тем ряд слов, имеющихся у Востокова, у Грота отсутствует: *боров*, *брег*, *возраст*, *ректор*. Список Чернышева, как было показано, значительно шире списка Грота, но он ряд слов и не включает: *вахтер*, *вереД*, *вертел*, *вымпел*, *гетман*, *пекарь*, *ротмистр*, *рупор*, *фурман*, *череп*.

СУ нормализует сравнительно небольшую часть форм на *-а* из списков Чернышева и Грота. Выпадают как ненормативные для данного периода формы *асессора*, *боцмана*, *вахтера*, *вереда*, *вертела*, *вымпела*, *гетмана*, *ди-*

---

[50] Показательный материал на этот счет см.: Русский язык по данным массового обследования, гл. III, § 36.

[51] *Ожегов С. И.* Очередные вопросы культуры речи. — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 1. М., 1955, с. 26.

[52] Известно, что одновременно с ростом форм на *-а* развиваются и ограничительные тенденции, нормализирующие и регламентирующие употребление этих форм (см. об этом: Очерки по исторической грамматике. . ., с. 206 и сл.), и что эти тенденции особенно активно проявляют себя в современную эпоху. Поэтому после некоторого «взлета» форм на *-а* в 20-30-е годы наступает пора более строгого и умеренного их употребления. Подробнее этот тезис см.: Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968, § 147; Русский язык по данным массового обследования, гл. III, § 30.

сканта, *ефрейтора*, *конюха*, *кучера*, *лектора*, *лоцмана*, *лихтера*, *ротмистра*, *рупора*, *тенора*, *ректора*, *слога*, *служителя*, *струга*, *фактора*, *фельдфебеля*, *флагмана*, *фурмана*, *циркуля*, *шкипера*, *штемпеля*, *штурмана*, *хутора*, *щеголя* [53]; признаются просторечными *аптекаря*, *ветра*, *прииска*, *редактора*; областными — *улья*; разговорными *волоса*; специальными — *стрепета*; ряд слов — *адрес*, *альт*, *воз*, *год*, *грифель*, *гроб*, *егерь*, *лекарь*, *пекарь*, *полог*, *тормоз*, *омут*, *отпуск*, *офицер*, *учитель*, *том*, *тон*, *тополь*, *фельдшер*, *флигель*, *хлев*, *цензор*, *шомпол*, *шулер*, *юнкер*, *якорь*, *ястреб* — допускает обе формы (в слове *учитель* они различаются стилистически). В то же время в СУ появляются, например, *лога*, *подреза*, *тока* 'птичий ток', *соболя* 'мех'; с различными специальными пометами даются *веса*, *корма*, *отруба*, *сеттера*; как просторечные — *договора*, *лагеря*, *примуса*, *сектора*, *трактора*, *хода*, *цеха*; как разговорные — *токаря*; допускаются наряду с формами на *-и* и формы на *-а* в словах *овод*, *пропуск*, *пудель*, *стапель*, *туес*, *штуцер*, *штабель*, *штепсель*. АО$_{59}$' и Орфографический словарь обнаруживают ряд изменений в рекомендациях, свидетельствующих как о более широкой нормализации форм на *-а*, так и об отказе от некоторых из них как нормы (см. список слов, допускающих формы на *-а*; см. с. 94).

Переход слова от окситонии к подвижности предполагает развитие у него накоренного ударения во всех формах ед. числа (при условии выравненного ударения на флексии в формах мн. числа). Уже древнерусский материал [54] представляет случаи отступления от обычного для окситонированных имен распределения ударения в формах ед. числа, ведущие к такой акцентной перестройке: накоренное ударение в род. падеже ед. числа у ряда имен, факты рецессии ударения на предлог в вин. падеже ед. числа, последовательное в определенных фонетических условиях накоренное ударение в твор. падеже ед. числа, накоренное ударение в местн. падеже ед. числа,

---

[53] Интересно, что в словаре Долопчева (*Долопчев В.* Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. Одесса, 1886) формы *ефрейтора*, *фактора*, *шкипера* отмечены как норма; *лоцмана*; *мичмана*, *циркуля*, *штемпеля*, *штурмана* содержат оценку «лучше».

[54] Имеются в виду данные В. В. Колесова (*Колесов В. В.* Указ. соч., с. 111 и сл.).

обусловленное фонетическими и грамматическими факторами.

В ударении форм мн. числа в этот период выравненности нет. Колебания, как показывает материал, охватывают все формы [55].

Возможные комбинации накоренного (или дублетного) ударения с основным, определяющим данный акцентный тин наконечным, формируют, по данным Н. И. Хреновой, следующие шесть его разновидностей (для периода: XVII—нач. XVIII в.): B_1 — накоренное ударение в им.-вин. падеже мн. числа; дублетное в твор. падеже ед. числа и местн. падеже мн. числа; B_2 — накоренное ударение в местн. мн., B_3 — вариативное ударение в им.-вин. падеже мн. числа; B_4 — вариативное ударение в род. и твор. падежах ед. числа; B_5 — вариативное ударение в дат. падеже ед. числа; B_6 — вариативное ударение в местн. падеже мн. числа [56].

Численно переходы от окситонии к подвижности в процессе развития литературного языка незначительны. Из списка непроизводных односложных слов, принадлежавших, по данным Колесова, к исконным окситона — *блуд*, *боб*, *бой*, *борщ*, *бык*, *вож*, *волхв*, *вопль*, *воск*, *врач*, *гон*, *горб*, *горн*, *гроб*, *гром*, *грех*, *двор*, *дождь*, *дрозд*, *жезл*, *зад*, *змей*, *ключ*, *ковш*, *кол*, *конь*, *корм*, *кот*, *кош*, *кремль*, *крест*, *кров*, *кут*, *лев*, *лоб*, *лов*, *луч*, *лях*, *меч*, *мов*, *морж*, *мох*, *нож*, *одр*, *пан*, *пень*, *перст*, *пес*, *плот*, *полк*, *поп*, *пост*, *пруд*, *прыщ*, *псалм*, *раб*, *Рим*, *ров*, *рой*, *рубль*, *серб*, *серп*, *скот*, *смерд*, *сноп*, *сом*, *сон*, *стих*, *стог*, *стол*, *столп*, *студ*, *суд*, *терн*, *труд*, *уж*, *ум*, *ус*, *хвост*, *хлев*, *ход*, *холм*, *цеж*, *щит* [57] только некоторые приобретают подвижность ударения — на разных этапах развития литературного языка. При этом, как правило, развивается подвижность типа *с*. Подвижность типа *е* словам данной АП почти не свойственна [58].

---

[55] Там же, с. 112—127.

[56] *Хренова Н. И.* Указ. соч.

[57] *Колесов В. В.* Указ. соч., с. 111—112.

[58] Этот факт Н. И. Хренова устанавливает уже для периода XVII—нач. XVIII в. Сочетание баритонированного ударения в им.-вин. падежах мн. числа и окситонированного во всех остальных падежных формах является, по ее характеристике, редким для языка XVII—XVIII вв. Выделенные подтипы B_1 и B_3, представляющие как бы основу для формирования подвижности типа *е*, непродуктивны. К ним принадлежит всего несколько слов.

Ориентируясь на представленный список В. В. Колесова, развитие подвижности (типа *с*) можно констатировать у слов *рой*, *стог* (подвижность фиксирует Востоков), *ус*, *пруд*, (подвижность фиксирует СУ). Переход к подвижности слова *бой* совершается, по-видимому, через этап баритонии (по крайней мере, баритонии форм им.-вин. и род. падежей мн. числа). Ударение *бо́и*, *бо́ев*, имевшее место уже в древнерусском, устойчиво удерживается в поэтическом языке XVIII и даже XIX в.: ср. *бо́и* (Держ., Сум., Барат., Глин., Жук., Мерзл.); *бо́ев* (Держ., Барат., Глин., Кюх., Мерзл., Полеж.). Как единичное ударение *бо́ев* отмечено и у поэтов начала XX в. (например, у Брюсова). Подвижность нормализуется уже Востоковым.

Особого рассмотрения заслуживает изменение ударения в словах *рай* и *час*. Исконный тип ударения этих слов неясен. В древнерусском языке, по характеристике В. В. Колесова, это лексические церковнославянизмы, для них характерна последовательная окситонеза [59]. В рассматриваемый период слова *рай* и *час* развивают корневое ударение в формах ед. числа и, таким образом, тоже переходят к подвижности.

Старое ударение, однако, в течение рассматриваемого периода еще достаточно широко употребительно у поэтов (преимущественно старших). Ср. *рая́* у Ломон.; *часа́* у Богд., Ломон., Тред., Чулк., позднее — у Жук., Крыл., Козл., Мерзл., Некр. и некоторых др. поэтов. Ударение *час — часа́* приводится как нормативное в Грамматике Востокова. Подвижность нормализует СУ. В слове *рай* подвижность ударения зафиксирована уже Востоковым.

У ряда слов развитие накоренного ударения в формах ед. числа только намечается. Можно привести примеры подобного (ненормализованного) ударения и у поэтов (в большинстве своем примеры поздние): *го́рба* (Сельв.); *же́зла* (Хлебн.); *на бо́дре* (Маяк.); *пло́та* (Майк., Курочк., Мей); *по́лку* (Мей) и др.

Переход обратного типа — от подвижности к окситонии представлен также у сравнительно небольшого

Из имен, приведенных в упомянутом списке, переход к подвижности типа *е* мог бы быть отмечен только для слов *гроб* и *гром*, которые, однако, рядом исследователей рассматриваются как исконно подвижные (см. с. 81).

[59] *Колесов В. В.* Указ. соч., с. 106.

числа слов с непроизводной односложной основой: *лист*, *мост*, *плод*, *челн*. Переход к окситонии слов *лист* и *плод* ранний по времени и устойчивый. Ударение этих слов в рассматриваемый период колебаниям уже не подвержено. Ударение слов *мост* и *челн*, напротив, в течение всего рассматриваемого периода колеблется.

Особенно сложные колебания испытывает ударение слова *челн*, принадлежащее к книжно-поэтической лексике. У Востокова, например, здесь отражена подвижность типа *е*, которая, однако, в литературной (по крайней мере, поэтической) традиции строго не выдерживается. В формах ед. числа у поэтов XIX в. отмечено и накоренное и флективное ударение, ср.: *к чéлну* (Пушк.), *чéлном* (Глин., Майк.), *на чéлне* (Гнед., Майк.); но и *чéлном* (Пушк., Гнед.), *на челнé* (Пушк.), *челнá* (Случ.). В им.-вин. падеже мн. числа в этот период отмечается только ударение *чéлны*, в формах других падежей мн. числа отмечено тоже только накоренное ударение. У поэтов XX в. в формах ед. числа преобладает флективное ударение; эта акцентовка получает широкое распространение и в им.-вин. падеже мн. числа.

Наряду с явным движением слова *челн* к окситонии (она признана и современной литературной нормой) у него продолжает употребляться и накоренное ударение, что вполне естественно для слова с такой стилистической окраской. $АО_{59}$ накоренное ударение в формах мн. числа считает допустимым. Таким образом, у слова *челн* наряду с окситонией признается нормативной и подвижность, но подвижность иного типа — типа *f*, весьма редкая для имен муж. рода.

Формирование подвижности этого типа *f* происходит в кругу имен существительных старых *i*-основ и представляет собой явление сравнительно позднее. К началу исследуемого периода большинство имен старых *i*-основ, принадлежащих в древнерусском языке к подвижно-окситонированной АП [60], развили подвижность типа *е*. Вместе с другими словами, позднее присоединившимися к этой группе, (некоторые слова других основ, некоторые

[60] В. В. Колесов (Указ. соч., с. 172—179) относит сюда (из числа односложных слов): *гвоздь*, *гость*, *гусь*, *день*, *зверь*, *огнь*, *путь*, *тесть*, *угль*, *червь*; из числа многосложных — *голубь*, *господь*, *лосось*, *олень*, *соболь*, *тополь*; у слов *локоть* и *ноготь* предполагается возможность исконной дублетности.

заимствования) эти слова составляют следующий список у Востокова: *гвоздь*, *голубь*, *гость*, *груздь*, *гусь*, *зверь*, *коготь*, *козырь*, *корень*, *кудерь*, *лапоть*, *лебедь*, *локоть*, *ноготь*, *окунь*, *омуль*, *перстень*, *соболь*, *татьь*, *уголь*, *угорь*, *червь*.

Характерной особенностью этих имен является устойчивое в целом сохранение у них названного типа подвижности, в том смысле, что они не обнаруживают тенденции к переходу в подвижность типа *c* (как и имена жен. рода *i*-основ), не принимая ни ударенного окончания *-и* в им.-вин. падежах мн. числа, ни окончания *-я*.

Однако некоторые из них обнаруживают (как и имена жен. рода) тенденцию иного типа — к развитию ударения на флексии в формах ед. числа. Несколько примеров такого ударения дают уже старые словари. Ср. *гвоздя́* — Сл. Акад. Рос. 1794, *гуся́* — Сл. 1847, *груздя́* — Сл. Акад. Рос. 1794, Сл. Акад. Рос. 1822 и Сл. 1847. Как особый тип такая подвижность в данный период не фиксируется (Востоков, например, ее не отмечает, а слова *гвоздь* и *гусь* приводит с ударением на основе в формах ед. числа).

Рекомендация СУ *гвоздь — гвоздя́*, *гво́зди*, *гвоздей́* дает возможность выделить тип подвижности *f*. По данным $АО_{59}$ сюда относятся слова *гвоздь*, *груздь*, *червь*.

Более сложен вопрос о включении в этот круг слова *уголь*. У Востокова в этом слове представлена подвижность типа *e*, однако, в XIX в. названный тип ударения, судя хотя бы по поэтическим примерам, не выдерживается. Преобладающим в слове *уголь* является ударение на корне. Ср. *у́гля* (Шевыр.), *у́глем* (Венев., Плещ., Тим.), *у́гли* (Полеж., Шевыр.), *у́глей* (Акс.), при этом иных ударений нет или они отмечены только как единичные (например, *углю́м* — у Лерм.).

У поэтов начала XX в. сохраняется в целом тот же тип акцентовки как преобладающий, но примеров флексийного ударения в формах ед. числа больше (отмечено, в частности, *угля́* — у Маяк.; появляются также отдельные примеры ударения *угли́*, отмеченные, например, у Асеева, Анненск. У современных поэтов колебания распространены гораздо шире. Они охватывают все формы ед. и мн. числа, при этом нельзя отметить сколько-нибудь значительного преобладания ни накоренного, ни флексийного ударения (исключая только форму им.-вин. падежа

мн. числа). В имеющихся, например, цитатах из поэтических произведений накоренное и флексийное ударение представлено в таком соотношении: *у́гля* — 24 примера, *угля́* — 25; *у́глем* — 17, *угле́м* — 13, *у́глей* — 8, *угле́й* — 16 и т. д.

Форма им.-вин. падежа мн. числа дает значительное преобладание накоренного ударения: *у́гли* — 30 примеров, *угли́* — 3. $АО_{59}$ рекомендует в слове *уголь* и неподвижное накоренное ударение, и подвижность двух типов — типа *e* и типа *f*.

В просторечных сферах переход к подвижности типа *f* обнаруживают слова *гусь* и *локоть*. Ср. предупредительную помету $АО_{59}$ *не*: *гуся́*; *не*: *локтя́*.

Особое место в этом ряду слов занимает слово *конь*. Ударение этого слова уже в древнерусском языке испытывало сложные изменения, связанные в свою очередь с изменениями морфологическими: взаимодействием имен *o*- и *i*-основ [61].

В рассматриваемый период ударение слова *конь* испытывает сильные колебания в формах мн. числа, что является, видимо, отголоском более старых колебаний. В поэтических материалах XIX в. в форме им. падежа мн. числа имеет широкое распространение флексийное ударение (*кони́*). Оно отмечено, например, у Бест., Глин., Жук., Крыл., Лерм., Некр., Тютч. В род. падеже у старших поэтов отмечено только ударение на основе — *ко́ней* (Держ., Ломон., Тред.), у поэтов XIX в. широко представлены колебания (*ко́ней* — у Бат., Бест., Гнед., Полеж., Пушк., Толст.; *коне́й* — у Бат., Жук., Глин., Гриб., Дельв., Лерм., Майк., Некр., Полон.) при явном преобладании ударения *коне́й*. Те же колебания отмечены и в других формах: *ко́ням* (Глин., Гнед., Давыд.), *коня́м* (Жук., Кюх., Майк., Некр.), *ко́нями* (Гнед.), *коня́ми* (Бат., Глин., Майк., Полеж.), *ко́нях* (Майк., Мерзл.), *коня́х* (Жук., Глин., Гриб., Курочк., Полеж., Майк., Тим.) и др.

Накоренное ударение в род. и других падежах мн. числа еще имеет место у поэтов начала XX в. (ср. *ко́ней* — у Брюс., Бел., Блока, Волош., Каменск., Маяк. и др.); у современных поэтов подобные ударения тоже представлены, но они более редки. В имеющихся материалах

[61] *Хавагеров Т. Г.* Указ. соч., с. 87 и сл.

накоренное и флексийное ударение представлено в следующем соотношении: *ко́ней* — 15 примеров, *коне́й* — 70, в форме, местн. мн. ч.; *ко́нях* — 9, *конях* — 18 и т. д.

Естественно, что в устойчивом сочетании *по коням* (военная команда) употребительно только накоренное ударение, и это признается нормой. По отношению же к обычному употреблению СУ характеризует накоренное ударение в формах мн. числа как областное; $АО_{59}$ вводит помету *не*: *ко́ней*, *ко́ням*, *ко́нями*, *о ко́нях*.

Проанализируем взаимодействие баритонированной и окситонированной акцентных парадигм.

Этот тип взаимодействия среди односложных имен существительных муж. рода наиболее активен. Список слов, перешедших к флексийному ударению (IV тип, по Кипарскому) включает в общей сложности 82 слова [62]. Материалы показывают, что преобладающую часть этого списка составляют заимствования — либо старые, в том числе и праславянские (*кит*, *кнут*, *кот*, *крюк*, *куль*, *кий*, *ларь*, *морж*, *полк*, *сиг*, *скирд*, *скит*, *скот*, *слон*, *стих*, *холм*), либо (таких слов большинство) новые, появление которых относится к XVII или XVIII веку: *альт*, *бант*, *бас*, *бинт*, *болт*, *бунт*, *винт*, *герб*, *грош*, *гурт*, *крыж*, *ксендз*, *нуль*, *паз*, *пост* 'должность', *руль*, *туз*, *тюк*, *шнур*, *шпик*, *шпунт*, *штрих*, *штык*.

Это обстоятельство, как представляется, несколько меняет оценку рассматриваемого явления. Кипарский исходит из предположения, что заимствования из германских языков, из польского, финского и др. получали сначала ударение I типа (т. е. накоренное ударение), в заимствованиях из тюркских языков, наоборот, преобладает IV тип (флективное ударение), что обусловлено ударением оригинала. Однако, ориентируясь на сказанное об ударении заимствованных имен жен. склонения на *-а* (см. с. 48), можно было бы предположить, что и рассматриваемым именам могло быть свойственно в определенный период такое же «акцентное безразличие» и что они могли принимать и баритонированный и окситонированный тип ударения или колебаться между ними.

Это предположение объясняет до некоторой степени,

---

[62] *Кипарский В. Р.* Указ. соч., с. 105. В данный список Кипарский включает и переходы к IV типу от типов II и III (подвижное ударение), но они составляют незначительную часть списка.

на наш взгляд, и те странные расхождения в ударении ряда слов (обычно новых заимствований), которые наблюдаются в весьма близких по времени источниках. Ср.: *альт—а́льта* (Сл. Акад. Рос. 1794), *альт—альта́* (Сл. Акад. Рос. 1822 и Грамматика Востокова); *бант—банта́* (Грамматика Востокова, в других источниках *ба́нта*); *бас—ба́са* (Сл. Акад. Рос. 1794, Сл. 1847), *бас—баса́* (Грамматика Востокова); *бинт—би́нта* (Сл. 1847 г., *бинт—бинта́* (Грамматика Востокова); *винт—ви́нта* (Сл. Акад. Рос. 1822), *винт — винта́* (Сл. Акад. Рос. 1794); *грош—гро́ша* (Сл. Акад. Рос. 1794 и Сл. Акад. Рос. 1822); *грош—гроша́* (Грамматика Востокова и Сл. 1847); *кит—ки́та* (Сл. Акад. Рос. 1822, Сл. 1847), *кит—кита́* (Грамматика Востокова); *кнут—кну́та* (Сл. Акад. Рос. 1822); *кнут—кнута́* (Сл. 1847 и Грамматика Востокова); *крыж—кры́жа* (Сл. 1847), *крыж—крыжа́* (Сл. Акад. Рос. 1794 и 1822, Грамматика Востокова); *морж—мо́ржа* (Сл. Акад. Рос. 1822, Сл. 1847), *морж—моржа́* (Сл. Акад. Рос. 1794, Грамматика Востокова); *полк—по́лка* (Сл. Акад. Рос. 1794, Сл. Акад. Рос. 1822), *полк—полка́* (Грамматика Востокова); *сиг—си́га* (Сл. Акад. Рос. 1822), *сиг—сига́* (Сл. Акад. Рос. 1794, Грамматика Востокова); *скирд—ски́рда* (Сл. Акад. Рос. 1794, Сл. Акад. Рос. 1822, Сл. 1847), *скирд—скирда́* (Грамматика Востокова); *слон—сло́на* (Сл. Акад. Рос. 1822), *слон—слона́* (Сл. Акад. Рос. 1794, Сл. 1847, Грамматика Востокова), *стих—сти́ха* (Сл. Акад. Рос. 1822), *стих—стиха́* (Сл. Акад. Рос. 1794, Сл. 1847, Грамматика Востокова); *туз—ту́за* (Сл. Акад. Рос. 1822), *туз—туза́* (Сл. Акад. Рос. 1794, Сл. 1847), *холм —хо́лма* (Сл. Акад. Рос. 1794, Сл. Акад. Рос. 1822), *холм—холма́* (Сл. 1847, Грамматика Востокова); *шнур—шну́ра* (Сл. Акад. Рос. 1794, Сл. Акад. Рос. 1822), *шнур—шнура́* (Сл. 1847, Грамматика Востокова).

Известная акцентная неопределенность могла быть свойственна заимствованным именем существительным, в частности односложным, в течение сравнительно длительного времени; она ликвидировалась по мере складывания тех закономерностей, которые определяют акцентуацию рассматриваемой группы имен существительных в современном языке.

Основным, как мы отмечали, является здесь семантический фактор. Так, к продуктивному типу нетривиального

склонения со схемой ударения *в*, по данным А. А. Зализняка, принадлежат следующие семантические группы: названия материальных предметов (точнее, названия исчисляемых неодушевленных материальных предметов, обладающих отдельностью и ясными пространственными границами; названия животных; названия лиц по занятию и оценочные (это имена существительные, «сильно склонные к *в*»; названия гор, груд, сооружений (не полых); названия отверстий; шахт; названия фигур, начертательных знаков (в частности букв, цифр), монет (это имена существительные, «умеренно склонные к *в*») [63].

Исходя из этого понятна причина возобладания в современном языке флексийного ударения у всех тех слов, которые приведены выше. В течение же всего прошлого века в ударении этих слов наблюдались колебания. Ср. ряд подобных примеров в поэтическом языке: *бо́лты* (Полон.), *бо́лтами* (Жук.); *гро́ша* (Полеж., Курочк., Некр., Дрож., Мей); *гро́ши* (Некр.); *гроша́*, *грошо́м*, *гроши́* (Рыл., Язык., Глин., Курочк., Некр., Треф.); *тю́ки* (Жук.); *шу́том* (Бат., Гриб., Полеж., Некр.) и др.

Особенно длительными в литературной традиции были колебания ударения в слове *холм*. Широко употребительное в поэтическом языке это слово дает возможность проследить постепенный переход его к флексийному ударению через этап подвижности. Кипарский отмечает, что церковные тексты знают здесь только ударение на основе [64] (Сл. Акад. Рос. 1794; 1822 дают также *холм—хо́лма*). Однако уже старшим поэтам известно и ударение на флексии. Ср. *холмы́* (Богд., Ломон., Держ.); *холмо́в* (Тред.). Это ударение приводится как норма в Грамматике Востокова и Сл. 1847.

У поэтов XVIII в. формы с флексийным ударением по числу употреблений несколько уступают формам с ударением на основе. У поэтов XIX в. число употреблений флексийного ударения увеличивается: *хо́лмы* отмечено, например, 45 раз, *холмы́* — 34; *хо́лмов* — 3, *холмо́в* — 18, *хо́лмам* — 10, *холма́м* — 15, *хо́лмами* — 1, *холма́ми* — 12, *хо́лмах* — 8, *холма́х* — 10, *холма* — нет, *холма́* — 14, *хо́лмом* — 3, *холмо́м* — 8 (при этом отмечено *в хо́лме* в 32 цитатах, *холме́* — в 10).

---

[63] *Зализняк А. А.* Закономерности акцептуации. . ., с. 108—114.
[64] *Кипарский В. Р.* Указ. соч., с. 77.

У поэтов XX в. формы с ударением на основе уже большая редкость (обычно все подобные случаи приходятся на долю поэтов начала XX в.: Хлебников, Блоки др.).

В современном языке в рассмотренной группе заимствований колебаний ударения практически нет. Формы с ударением на основе либо крайне редки, либо употребительны только в составе устойчивых речений: *не было ни гро́ша, да вдруг алтын, какого шу́та*. Несколько более продолжительны колебания ударения в слове *гурт* (СУ: *гурт—гу́рта*, $АО_{59}$: *гурт—гурта́*), *зонт* (СУ: *зонт—зо́нта*, $АО_{59}$: *зонт—зонта́*), *кий* (СУ: *кий—кия́*, $АО_{59}$: *кий—кия́*), *пост* 'должность' (СУ: *пост—по́ста́*, $АО_{59}$: *пост—поста́*).

Как показывает А. А. Зализняк, рассматриваемый тип ударения (схема *в*) у односложных имен существительных муж. рода очень продуктивен. Он даже более продуктивен, чем подвижный: к нему, по литературной норме, принадлежит в современном языке 200 слов из общего состава (около 1500) односложных существительных муж. рода, к подвижному (схема *с*) — 120 [65]. За пределами нормированной литературной речи — в профессиональных сферах в живой разговорной речи состав слов с ударением типа *в* шире. Это связано, как уже отмечалось при рассмотрении изменений в составе подвижной АП, со степенью освоенности, привычности слова в данной языковой сфере, т. е. с действием тех причин, которые А. А. Зализняк включает в понятие прагматического фактора (см. с. 97). Известны, например, в профессиональной речи и просторечии ударения *порт—порта́*, *борт—борта́*, *пульт—пульта́* (так говорят, в частности, космонавты), *шрифт—шрифта́*, *шприц—шприца́*, *шарф—шарфа́* и др.[66]

В кругу незаимствованной лексики число переходов от баритонии к окситонии незначительно. Ориентируясь на список имен с исконной баритонией В. В. Колесова —

[65] *Зализняк А. А.* Закономерности акцентуации. . ., с. 72.

[66] Ряд подобных ударений приводит А. А. Зализняк (Указ. соч., с. 92 и сл.) как особенности профессиональной (*шлих—шлиха́*), просторечной (*финт—финта́*, *твист—твиста́*, *вист—виста́*, *тост—тоста́*, *бунт* 'мятеж'—*бунта́*, *люфт—люфта́*) или арготической (*хип—хипа́*) речи. «В арготической, демонстративно-профессиональной и т. п. речи возможно даже отталкивание от литературной нормы, подчеркивающее принадлежность говорящего к определенному кругу, который обладает для него престижем» (*Зализняк А. А.* Закономерности акцентуации. . .).

ад, *аз*, *брат*, *вихрь*, *ветр*, *град*, *дым*, *дед*, *жук*, *звук*, *кедр*, *кит*, *клич*, *край*, *крик*, *кур*, *куст*, *лук*, *мак*, *плач*, *пуд*, *пуп*, *пух*, *рак*, *сват*, *скит*, *сыр*, *тигр*, *уз*, *фунт*, *юг* [67] — такой переход можно констатировать лишь для следующих слов с односложной основой: *аз*, *жук*, *куст*, *пуп*, *скит*. Кипарский, хотя и с известной долей сомнения, по отношению к некоторым словам, включает в список слов с подобным переходом кроме того: *бич*, *горб*, *грач*, *гриб*, *еж*, *кол*, *лунь*, *перст*, *пласт*, *плот*, *плющ*, *хлыст*, *хлюст* [68].

В литературном языке конца XVIII—нач. XIX в. ударение этих слов колеблется. Это видно из показаний словарей и поэтических материалов. Ср.: *аз-а́за* (Сл. Акад. Рос. 1794, 1822), *аз-аза́* (Сумар., Фонв., позднее Некр.); *бич—би́ча* (Сл. Акад. Рос. 1794), но *бич—бича́* (Сл. Акад. Рос. 1822, Сл. 1847); *гриб—гри́ба* (Сл. Акад. Рос. 1794), *гриб—гриба́* (Сл. Акад. Рос. 1822. и др. источники); *жук—жу́ка* (Сл. Акад. Рос. 1794, 1822, в Сл. 1847), *жук*, *жу́ка*, но *жу́ки*, *жуко́в* (Грамматика Востокова и у поэтов — Хемн., Богд., Жук.); *куст—ку́ста* (Держ., позднее Некрас.), но *куст—куста́* в Сл. Акад. Рос. 1794 и всех других источниках; *лунь—лу́ня* в Сл. Акад. Рос. 1822, Сл. 1847, но *лунь—луня́* в Сл. Акад. Рос. 1794, Грамматике Востокова; *плющ—плю́ща* в Сл. Акад. Рос. 1794 и 1822, в Сл. 1847, с подобным ударением у Держ., позднее у Глин., Дельв., Давыд., Пушк., но *плющ—плюща́* в поэзии XIX в. — у Пушк., позднее Майк., Курочк., Никит.; *пуп—пу́па* — в Сл. Акад. Рос. 1794 и 1822., Сл. 1847, но *пуп*, *пу́па—пупы́*, *пупо́в* в Грамматике Востокова; *хлыст—хлы́ста* в Сл. Акад. Рос. 1794 и 1822, но *хлыст—хлыста́* в Сл. 1847, в Грамматике Востокова; *хлюст—хлю́ста* ‘карточная игра’ в Сл. Акад. Рос. 1794 и 1822, в Сл. 1847. Слова *грач*, *пласт* и *скит* в старших источниках отмечены только с ударением на основе (*грач—гра́ча* в Сл. Акад. Рос. 1794 и 1822, Сл. 1847; *пласт—пла́ста* в Сл. Акад. Рос. 1794 и 1822; *скит—ски́та* — в Сл. Акад. Рос. 1794 и 1822, Сл. 1847.).

Переход всех названных слов к типу ударения *в* вполне согласуется с теми семантическими закономерно-

---

[67] *Колесов В. В.* Указ. соч., с. 105—106.

[68] *Кипарский В. Р.* Указ. соч., с. 61—77.

В. В. Колесов слова *горб*, *перст* рассматривает как исконно принадлежащие к окситонированной АП (см. с. 101); *плот* рассматривается в составе слов с подвижным ударением.

стями, которые были отмечены. Закрепление ударения на флексии у ряда из них имеет место уже к началу (*бич, гриб, еж, куст*) или к середине XIX в. (*плющ, хлыст*). У сравнительно немногочисленных слов — позднее. Ударение на флексии в словах *аз, грач, скит*, нормализовано, например, Акад. Сл. 1895, *жук, пуп, хлюст* (ловкий пронырливый человек; карт. термин) — СУ; *лунь* — $АО_{59}$.

Переходы обратного типа — от окситонии к баритонии (как и от подвижности к баритонии) среди рассматриваемых имен существительных редки. Если иметь в виду упомянутый список имен, входящих в состав окситонированной АП (с. 101), то перешедшими в баритонированную АП следует считать слова *блуд, вопль, воск, гон, горн, змей, кош, кров, лов, лях, смерд, терн.*

Изменения ударения в этой группе слов также обнаруживает связь со складывающими семантическими закономерностями в акцентуации односложных существительных муж. рода. Здесь представлены как раз в большинстве своем наименования предметов, не поддающихся счету («неисчисляемые»). Среди них названия абстрактных понятий *блуд, вопль, гон, лов*, названия нерасчлененных однородных масс (*воск, терн*) и др.

В рассматриваемый период эти слова колебаний ударения не испытывают, за исключением только слова *горн*, отмеченного с ударением на флексии в формах мн. числа у старших поэтов (ср. *горна́ми* — у Держ.), и *змей* (*змий*), у которого флексийное ударение в поэзии XVIII и XIX вв. еще довольно часто: *змия́* (Ломон.), *змее́м* (Некр., Тютч.,), *змий* (Глин., Тютч.), *змие́в* (Мерзл.), *змия́ми* (Жук.), хотя словари (Сл. 1847) дают как норму *змей—змея́.*

Особое место в этой группе фактов занимает ударение слова *вождь.* Будучи употребительно в старших памятниках с ударением на флексии, это слово в литературном языке XVIII—начала XIX в. начинает развивать ударение на корне (ср. *вожди* — у Держ., Глин., *без вождя* — у Глин., *вождем* — у Бат.), которое, однако, не закрепляется в литературной традиции. С. П. Обнорский [69] рассматривает это ударение как церковнославянизм, что В. Р. Кипарский считает невероятным, поскольку и

[69] *Обнорский С. П.* Указ. соч., с. 245.

в старых чисто церковных текстах представлено только ударение на флексии [70].

Рассмотренный материал дал возможность видеть, что изменение ударения такого типа не единично и действительно может быть связано с церковнокнижным влиянием как фактором, определяющим развитие высокой стилистической окраски слова, с чем связывается и тип ударения на основе. И это не предполагает влияния иной акцентуации слова. Незавершенность акцентных изменений в слове *вождь* может быть объяснена подчинением его отмеченным семантическим закономерностям (в современном языке оно входит в группу: названия лиц по занятию и оценочные) [71]. Важно отметить и стилистическую сторону — тот факт, что слово *вождь* характеризуется широкой употребительностью, вне собственно книжных сфер.

В этой связи заслуживает упоминания и слово *перст*. Если исходить из характеристики его как исконно окситонированного (по Колесову), слово *перст* следует рассматривать в кругу слов с таким же типом изменения ударения. Однако ударение на корне в этом слове широко представлено уже в древнерусских текстах [72]. В рассматриваемый период имеют место значительные колебания ударения. При этом у старших поэтов встречается только ударение на корне, ср. *пе́рстом* (Держ., Карамз.), *пе́рсты* (Дмитр., Держ., Ломон.). У поэтов XIX в. употребительно и флексийное ударение, но накоренное преобладает (ср. *пе́рсты* (Мерзл.), *пе́рсту* (Пушк.), *пе́рстом* (Жук., Мерзл., Пушк.), *пе́рсты* (Бат., Барат., Дельв., Венев., Жук., Полеж., Рыл., Фет); *пе́рстами* (Катен.); при ударении: *перста́* (Полеж.), *персто́м* (Глин, Пушк., Полеж.,), *персты́* (Гриб.), *перста́ми* (Бенед., Глин., Полеж.), хотя уже Востоков и Сл. 1847 дают как нормальное флексийное ударение. Ударение *пе́рсты* в виде единичных примеров отмечается у поэтов начала XX в.

Рассмотренный материал показывает, что среди односложных имен существительных муж. рода переходы от корневого ударения к флексийному занимают значитель-

---

[70] *Кипарский В. Р.* Указ. соч., с. 97.
[71] *Зализняк А. А.* Закономерности акцентуации. . ., с. 112.
[72] В. Р. Кипарский (Указ. соч., с. 69) рассматривает это ударение как исконное.

ное место. Изменение ударения такого типа наблюдается и у ряда слов с подвижным ударением.

Очевидно, что в подобного рода изменениях ударения нет грамматической целесообразности — в том смысле, как она понимается в данной работе: они не ведут к акцентной противопоставленности форм ед. и мн. числа. Это не означает, однако, что названный грамматический принцип здесь не действует, но показывает, что действие его осложняется (и даже перебивается) действием других факторов. Как показал А. А. Зализняк, таким мощным фактором в рассматриваемой группе имен существительных является семантика. Семантические притяжения осуществляются в пределах определенных групп, и эта закономерность в современном языке выступает совершенно четко.

Важную роль играет здесь и морфонологический фактор — характер конечной согласной и вообще конца слова. Действие этого фактора опирается на фактор морфологический (наличие определенных суффиксов).

В русском языке имеется ряд суффиксов, с которыми связывается последовательное ударение на флексии: *-ач* (*богач—богача́*), *-ак* (*пята́к—пятака́*), *-ец* (*беглец́—беглеца́*), *-аш* (*торга́ш—торгаша́*), *-ун* (*лету́н—летуна́*).

Они служат образцом для акцентной перестройки ряда других имен (преимущественно заимствований) с подобным морфологическим строением. Это имена с суффиксами или суффиксоподобными элементами *—ак* (*-як*), *-ун*, *-ин*, *-ен*, *-ух*, *-ик* и др. За их счет тип с флексийным ударением (схема *в*) также постоянно пополняется [73].

Так, почти все колебания между корневым и флексийным ударением в словах этого типа, которые отмечены в литературном языке XIX в., разрешаются в пользу ударения на флексии. Ср. среди имен на *-ак* (*-як*): *байба́к—байба́ка* (Сл. 1847) и современное *байба́к—байбака́*; *бурла́к—бурла́ка* (отмечено у Некр., Друж.) и *бурла́к—бурлака́* (Сл. 1847., а также у Некр., Майк., Треф.), современное *бурла́к—бурлака́*; *гама́к—гама́ка* (отмечено у Мея), современное *гамак—гамака́*; *кизя́к—кизя́ка* (Сл. 1847.,

---

[73] Известным исключением являются слова — названия национальностей, которые скорее обнаруживают противоположную закономерность, ср. старое *поля́к—поляка́* и современное *поля́к—поля́ка* и др. отдельные слова.

в СУ еще колебание), современное *кизя́к—кизя́ка́*; *коньяк—коньяка* (отмечено у Жук., но *коньяка́* в Сл. 1847), современное *коньяк—коньяка́*; *маяк—маяка* (отмечено у Жук., но *маяка́* в Сл. 1847), современное *маяк—маяка́*; *рюкза́к—рюкза́ка* (норма еще в СУ), современное *рюкза́к—рюкзака́* (хотя и ударение *рюкза́к—рюкза́ка* не является полностью забытым; оно отмечено в устной речи и у поэтов: Анток., Алиг., Друн., Тушн. и др.); на *-уз*: *картуз—карту́за* (отмечено у Пушк. и др.), современное *картуз—картуза́*; на *-ун*: *валун—валу́на* (Сл. 1847., отмечено у Лерм., Мея), современное *валу́н—валуна́*; *чугун—чугу́на* (отмечено у Вяз.), современное *чугу́н—чугуна́*; на *-ух*: *обу́х—обу́ха* (Сл. 1847., отмечено у Полонск., и др.), современное *обу́х—обуха́* (при варианте *о́бух—о́буха*); на *-ык*: *язы́к—язы́ка* (ударение, широко известное еще в поэтическом языке первой половины XIX в., ср. у Жук., Крыл., Лерм., Мерзл., Пушк. и др., хотя и в то время употребляемое со специальной стилистической окраской [74]), современное *язы́к—языка́* и др.

Показательны для складывающейся акцентной тенденции и многие распространенные «неправильные», не принимаемые нормой ударения. Ср. такие пометы в $АО_{59}$, как *не*: *кумыса́*, *не*: *урюка́*, *не*: *фазана́*, *не*: *верблюда́*, *не*: *арбуза́* и др.

Последовательно расширяющийся с XIX в. круг слов с флексийным ударением представляют имена на *-аж* [75]. Как и многие другие заимствования, они в течение длительного времени имели в литературной традиции ударение на корне, но уже в прошлом веке отмечаются отдельные примеры флексийного ударения. С. И. Ожегов характеризует эти изменения как спорадические, неустойчивые, а новую подвижность (термин С. И. Ожегова) как факультативную. Среди подобных слов называются: *этаж*, *кураж*, *фураж*, *багаж*, *бандаж*, *гараж*. Позднее, по данным Ожегова, сюда включаются *блиндаж* (ударение изменилось в годы первой мировой войны), *тираж*, *стеллаж*, *монтаж*, *метраж*, *листаж*, *литраж*, *витраж*, *шантаж*.

Акцентологические тенденции имен на *-аж*, как отмечает Ожегов, отчетливо показывают слова широкого

[74] *Булаховский Л. А.* Указ. соч., с. 183.

[75] См.: *Ожегов С. И.* Существительные на *-аж* в русском языке. — В кн.: *Ожегов С. И.* Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.

профессионального обращения, находящиеся на периферии литературного языка: *вольтажá*, *дренажá*, *в барражé*, *бракеражá*, *инструктажá*, *арбитражá*, *такелажá*, *тоннажá*, *пикетажá*, *хронометражá*, *литмонтажá*, *километражá*, *пилотажá*, *тренажá*, *типажú*, *экипажú*, *на виражáх*.

Для оценки намеченных тенденций, с точки зрения сегодняшнего дня, важно подчеркнуть, что некоторые из акцентовок, которые Ожегов в данной работе еще рассматривал как некие «профессионализмы», приняты и в качестве литературной нормы. Так, $АО_{59}$ дает как нормативное ударение *типаж—типажá*, *вираж—виражá* 'поворот с креном': *вольтаж—вольтажá* (ударение *вольтáжа* снабжается пометой «устар.»). Этот же словарь фиксирует и факт широкого распространения ударения *инструктáж—инструктажá* и *тирáж—тиражá*, хотя и не вводит их в литературную норму (дается помета *не*: *инструктажá*, *не*: *тиражá*).

В качестве причины, вызывающей акцентную перестройку имен на *-аж*, Ожегов называл ассоциацию с именами типа *галдёж—галдежá*, *кругля́ш—кругляшá*, что вполне согласуется с изменениями, отмеченными выше.

Морфонологический фактор, как показывает Зализняк, играет существенную роль и в выборе типа акцентуации односложных существительных муж. рода. Ударение на флексии (схему *в*) последовательно принимают имена существительные с исходом основы на согласную + *т* и на *-щ*. Словам такого морфонологического строения свойственны изменения ударения, нарушающие принцип исторической преемственности в связи с усвоением схемы *в*; в ряде случаев они представляют исключения даже из действующих семантических правил [76]. Ср. *холст*, *борщ*, *плющ* в составе семантической группы «названия нерасчлененных однородных масс»; *гурт* в группе «коллективы, объединения»; *пост* (религ. и воен.), *винт* (игра) в группе «действия, состояния, события, свойства» (в просторечии также *финт*, *твист*, *шрифт*, *вист*, *тост*, *бунт*, *люфт*) и др.

---

[76] *Зализняк А. А.* Указ. соч., с. 103 и сл.

Глава четвертая

ИЗМЕНЕНИЕ УДАРЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СРЕДНЕГО РОДА

Имена существительные ср. рода дают относительно мало материала для наблюдений над изменением акцентуации в формах склонения. Как справедливо отмечал Л. А. Булаховский, ударение этой группы имен существительных уже и в первой половине XIX в. во всем существенном подчинялось правилам, действующим теперь [1].

Те изменения, которые в рассматриваемый период имеют здесь место, свидетельствуют о дальнейшем развитии акцентных процессов, происходящих в древнерусском языке. Основу их составляет развитие акцентной противопоставленности форм ед. и мн. числа. Имена ср. рода, как показывают исследования, «открывали» данное направление акцентной перестройки, что определялось в свою очередь условиями их морфологической трансформации. Типы подвижного ударения в классе имен существительных ср. рода, известные современному русскому языку (тип *c*: ударение на корне в ед. числе и на флексии во мн. числе *по́ле—поля́*; тип *d*: ударение на флексии в ед. числе и ударение на корне во мн. числе *село́—сёла*), представляют, по мнению многих лингвистов, подвижность особого рода. Она является поздней по происхождению и имеет в качестве причины не фонетические, а морфологические основания. «Тот факт, что в различных славянских языках имеются противоречия и отклонения в реализации указанного противопоставления, дополнительно подтверждает, что новое ударение во множественном числе (для типа *село́* — на корне, и — позже — для типа *по́ле* на окончании) развивается уже в эпоху самостоятельного развития славянских языков, но на основе фонетических изменений, прошедших в позднюю эпоху развития праславянского языка ... Морфологическая потребность в противопоставлении форм единственного числа формам множественного числа диктовала выбор возможных

[1] *Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX века. М., Учпедгиз, 1954, с. 165.

дублетных акцентов, ср. *пóля* (род. ед.): *поля́* (им. мн.), но *села́* (род. ед.): *сéла* (им. мн.) — во мн. наконечное ударение в первом случае пришло из праславянской парадигмы *в*, накоренное ударение во втором случае продолжает акцентовку *с* — парадигмы, поддержанную фонетическими изменениями самих окситонированных имен... Также колебание между первым и последним слогом с пропуском промежуточных в словоформах подвижных имен вторично. Оно возникло в результате совмещения парадигм *с* и *в* после фонетических изменений последней» [2].

В древнерусском языке акцентно-числовая оппозиция уже существовала, но не выдерживалась последовательно, поскольку возможны были разного рода отклонения. В XVIII в. эта оппозиция устойчиво закрепляется и обнаруживает продуктивность: по этому типу перестраивается ударение ряда имен существительных, принадлежавших к баритонированной АП, а также некоторых новообразований.

Рассмотрим изменения в составе и в акцентных характеристиках подвижной АП. К числу имен существительных, относимых исследователями к подвижной АП, принадлежит ряд имен **o-*, **jo*-основ: *горе*, *ложе*, *море*, *поле*, *утро*; *мясо*, *пиво*, *сено*, *тесто*; *дерево*, (*древо*), *золото*, *черево* (*чрево*); *озеро*, *олово*; консонантных основ а) **es-* класса: *коло*, *небо*, *око*, *слово*, *тело*; б) **en*— класса: *время*, *имя*, *племя*, *стремя* [3].

Имена существительные, входящие в подвижную АП (наследницу общеславянской *с* — парадигмы) характеризовались чередованием ударения между первым и последним слогом в слове.

В древнерусском языке, как показывает В. В. Колесов, еще нет противопоставленности *мóре—моря́*. Исконная

---

[2] *Колесов В. В.* Ударение Neutra **o*-основ в древнерусском языке.— Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., т. XXVIII, вып. 1, 1969, с. 34

[3] *Иллич-Свитыч В. М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963, с. 133; *Колесов В. В.* История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Изд-во ЛГУ, 1972, с. 194—201; *Он же*: Ударение Neutra **o*-основ. . ., с. 29—33; *Хазагеров Т. Г.* Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. Изд-во МГУ, 1973, с. 98—101; 104—109; *Он же.* О дистрибуции типов ударения в системе именного склонения общеславянских Neutra. — Вестн. МГУ, 1966, № 3. Отдельные расхождения в трактовке исконного ударения не рассматриваются.

подвижность частично сохраняется и в пределах Sing, постепенно разрушаясь фонетически и морфологически (последнее характеризуется своеобразной дифференциацией в род. падеже ед. числа — наконечное ударение сохраняется только в облативном значении: *от ложа́*, *от моря́*, *до поля́*. Во мн. числе наконечное ударение шире распространено в вин. падеже, иногда образуя противопоставление им. мн.: вин. мн. числа (*ло́жи—ложа́*); новое ударение на флексии в им. мн. чаще при долгом гласном корня *мяса́*, *пива́*, *сена́* [4].

К началу рассматриваемого периода ударение в группе слов с исконной подвижностью уже является выравненным: ударение в формах ед. числа падает на основу (корень) во мн. числе — на флексию (схема *c*).

Отступлений от указанного распределения ударения нет, кроме тех случаев, когда оно связано с формированием особого типа подвижности, характеризующегося перемещением ударения в пределах основы: *о́зеро—озе́ра* (ср. *о́зеро—озера́*), *де́рево—дере́вья* (ср. *де́рево—деревá*).

В течение рассматриваемого периода тип подвижности *c* проявляет достаточно большую продуктивность. По этому типу преобразуется ударение ряда имен существительных из того сравнительно небольшого числа непроизводных слов, которые исследователи относят к баритонированной АП: *блюдо*, *дело*, *войско*, *лето*, *место*, *право* и др. [5]

Уже в древнерусском языке обнаруживает тенденцию к переходу к подвижности слово *дело*, зарегистрированное в ряде памятников XVII в. с ударением: *дѣла́* (им. -вин. мн. числа) *дѣла́ми*, *дѣла́мъ*, *дѣла́хъ* (наряду с накоренным ударением, чаще в формах со старыми флексиями); а также слова *стадо* (ср. отмеченные ударения *стада́* — им. -вин. мн., *стада́хъ*) и *место* (ср. отмеченное в памятниках XVII в. ударение *мѣстóмъ*, колебание *мѣ́ста* и *мѣста́*, последовательное ударение на флексии: *мѣста́*, *мѣста́мъ*, *мѣста́хъ* в памятниках начала XVIII в. [6]

---

[4] *Колесов В. В.* Ударение Neutra **o*-основ. . ., с. 30. Ряд отступлений в акцентуации, по данным памятников XVI—XVII вв., приводит Т. Г. Хазагеров: *въ мбрихъ*, *въ пблѣхъ*, *на пблѣхъ* и т. д. (*Хазагеров Т. Г.* Развитие типов ударения. . ., с. 99).

[5] См.: *Колесов В. В.* История русского ударения. . ., с. 192, 196; *Хазагеров Т. Г.* Развитие типов ударения. . ., с. 102—103.

[6] *Колесов В. В.* История русского ударения. . ., с. 193—195;

Подобное изменение ударения характерно и для следующих имен существительных консонантных основ *чудо* (отмечено ударение *чюдеса́* — им. -вин. мн. числа, *чюдесе́мъ*, *чюдесы́* — твор. мн.), *знамя* (отмечено ударение *знамена́*), *семя* (отмечено ударение *сѣмена́*) [7].

В литературном языке XVIII в., судя по материалам поэзии, новые ударения устойчиво закрепляются, хотя и старые акцентовки в некоторых случаях еще известны. Отмечено, например, только ударение *стада́* (Ломон., Сумар.); *стада́м*, *стада́ми* (Тред.). но *знамена́*. (Тред., Сумар., Карамз.) и *знамена́* и *зна́мена* (Ломон.), *зна́мена* (Хераск.); старое ударение *се́мена* отмечено у Радищ.

Получает распространение ударение *рамена́* — у Тред., Ломон., Хераск. (ср. в древнерусском *ра́мена*). Прокопович-Антонский рассматривает ударения *ра́мена*: *рамена́*, *се́мена*: *семена́* как стилистические произносительные варианты. *Ра́мена*, *се́мена* характеризуются как церковные ударения, *рамена́*, *семена́* — как гражданские [8].

У поэтов первой половины XIX в. ударение *знамена́* (*знамена́м*, *знамена́ми*, *знамена́х*) выступает как вариант к вновь развившемуся ударению знаме́на (знаме́нам, знаме́нами, знаме́нах).

В дальнейшем круг слов с подвижностью типа *с* продолжает увеличиваться.

Судя по материалам, во второй половине XVIII в. переходит к подвижности слово *лето* 'возраст', развивающее ударение на флексии в формах мн. числа. У поэтов XVIII в. употребительны ударения *ле́та* и *лета́*, которые были, видимо, вариантами стилистически неодноплановыми. Как мы упоминали, ударение *лета́* у Ломоносова Сумароков расценивал как пример провинциального (севернорусского) произношения.

Форма *ле́та* (и *ле́там*, *ле́тами*, *ле́тах*) была, видимо, предпочитаемой и в первой половине XIX в. Показательно, что слово *лето* отсутствует в списках слов с подвижным ударением у Востокова, а в поэзии ударение

Хазагеров Т. Г. Развитие типов ударения. . ., с. 104—105. Особенности акцентовки названных слов в памятниках, по мнению В. В. Колесова, делают сомнительной исконность принадлежности их к баритонированной АП: они могли быть окситонами.

[7] Там же, с. 107.

[8] *Прокопович-Антонский А. А.* Замечания о русском ударении. — Труды Об-ва любителей российской словесности. М., 1812.

ле́та несколько преобладает. Форма *ле́та* отмечена, например, у Пушк., Полеж., Лерм., *ле́ты* — у Дельв. Ударение *лета́* в наших материалах отмечено у Пушк., Вяз., Лерм.

Несколько позднее, в первой половине XIX в. в круг слов с подвижным ударением втягиваются слова *войско* и *право*. У поэтов XVIII в. слово *войско* отмечено исключительно с накоренным ударением при форме им. -вин. мн. *во́йски* (ср. эту форму у Богд., Сумар. и др.); ср., также *во́йскам* (Мурав.), *во́йсках* (Держ.) и др. У поэтов XIX в. преобладает форма *во́йска* (Крыл., Жук., Пушк.) при том же преобладающем накоренном ударении в косв. падежах мн. числа: *во́йскам* (Батюшк., Жук., Гнед.), *во́йсками* (Глин., Рыл.). Новое ударение *войска́* отмечено у Дружин., Плещ., Шевыр.; *войска́ми* — у Курочкина. Возможно, однако, что поэтический язык в своих показаниях несколько отстает от обычного литературного употребления, где ударение на флексии в формах мн. числа могло быть представлено шире. Во всяком случае, Востоков, хотя и не приводит слово *войско* в списках слов с подвижным ударением, в одном из грамматических комментариев явно говорит о нем как о подвижно-ударяемом. К именам существительным, оканчивающимся в им. мн. числа на *ы* или *и* вместо *а* принадлежат, по Востокову, все кончающиеся на *-ко* без ударения, исключая *войско*, *облако*, *око*. Причина, по которой существительные на *-но*, *-ко* получили им. мн. числа на *-ны*, *-ки* вместо *-на*, *-ка* была та, «. . .чтоб отличить окончаниями именительный множественного от родительного единственного. В существительных *войско*, *облако* и в других не нужно было сей перемены окончаний, потому что означенные падежи отличаются уже ударением: *во́йска* и *войска́*; *пятна́* и *пя́тна* и т.д.» [9].

Слово *право* уже и у поэтов первой половины XIX в. отмечено с ударением на флексии в формах мн. числа; ср. *права́* (Крыл., Озер., Пушк., Полеж.). Формы с ударением на основе выступают в качестве реликтовых (например, *пра́ва* как вариант отмечено у Крыл.), хотя у поэтов XVIII в. обычны именно они (ср. *пра́вам* у Чулк. и др.). Ударение *пра́во — права́* представлено как нормативное у Востокова.

---

[9] *Востоков А. Х.* Русская грамматика. СПб., 1831, § 26.

По-видимому, только для XIX в. можно считать устойчиво принадлежащим к подвижности типа *с* слово *зеркало*. У поэтов уже и начала XIX в. отмечено флексийное ударение — *зеркала́*, *зеркала́м* и т.д. (особое место занимает форма род. падежа, сохраняющая накоренное ударение *зе́ркал*). У Державина же, например, еще *зе́ркалы*, *зе́ркалах* [10].

В целом круг имен существительных ср. рода с подвижностью типа *с* остается в литературном языке сравнительно узким. Список Востокова (Грамматика 1859), например, включает всего 16 слов с подвижностью этого типа: *время*, *дерево* (при форме им. мн. *деревá*), *древо*, *зеркало*, *кружево*, *небо*, *озеро* (при форме им. мн. числа *озерá*), *облако*, *поле*, *право*, *пиво*, *сердце*, *слово*, *тело*, *чудо*, *чрево*. В современном языке в списках слов с подвижностью типа *с* числятся, кроме того, *войско*, *дело*, *деревце* (с колебанием), *масло*, *место*, *море*, *мыло*, *плесо* (обл.), *стадо*, *судно*, *облачко* [11].

Однако за пределами литературного языка (в просторечии, специальных речевых сферах и т.д.) состав слов с подвижностью типа *с* значительно шире, что свидетельствует о развитии подвижности в этой группе слов как тенденции достаточно живой [12]. Сюда активно включаются, например, слова *средство*, *благо*, *блюдо* (что сделало необходимым введение в $АО_{59}$ специальной пометы *не*: *средствá*, *средствáм*; *не*: *блюдá*, *блюдáм*; *не*: *благá*, *благáм*), а также лето ‘время года’ и др. Как факты сравнительно редкие, формы с ударением на флексии встречаются у современных поэтов (Алиг., Инб.). Ранее подобные ударения встречались (Гнед., Брюс.) [13]; Можно также отметить

---

[10] *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке, вып. 2. Л., 1931, с. 396. Слово *зеркало* он приводит в числе слов, где перенос ударения на флексию в формах мн. числа отсутствует.

[11] *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М., 1967, с. 163. По данным СУ сюда принадлежит *удило* (им. мн. числа *удилá*), в $АО_{59}$ рассматриваемое как pl. tant.; с колебанием — *кросно*; *лета* ‘возраст’ относится к pl. tant.

[12] Этот тип ударения широко представлен в диалектах: *болóто—болотá*, *жúто—житá*, *плéсо—плесá*, *прóсо—просá*, *éство—естváá*, *зéлье—зелья́*, *плáтье—платья́*, *пóйло—пойлá*, *срéдство—средствá*, *тýлово—тулова́* и др. (См.: *Обнорский С. П.* Указ. соч.).

[13] Это свидетельствует об известной традиционности ударения *блюдá*, тем не менее для современного языка это очевидная неправильность.

ударение *чучелá*, *чучелáм*, *чучелáми* (Алекс.), *болотá* (Ас. Ошан.).

Показательна (именно как реализация живых акцентных тенденций) акцентовка окказионально образуемых форм мн. числа:

Издревле человек искал,
В чем смысл начала и конца.
Мы кто — *солнцá*?
Иль гладь зеркал,
Что отражает лишь *солнцá*?

Коротич. Сущность. Пер. с укр. Седых. «Лит. газ.» 1966, 15 ноября

Тем более это очевидно в сравнении со старой традицией:

Как со́лнца пламенно-живые,
Они сияют нам в ночи.

Тютчев. Есть много мелких...

Ср. также *заревá*:

Военная Россия вся в тумане,
Да *заревá* бесшумные вдали...

Межиров. В Саратове (ударение в тексте)

Более широкое распространение подобные факты имеют в специальных речевых сферах. Ср. новое специальное *тельцá* 'небольшие образования в составе какой-нибудь живой ткани', примеры формообразования в специальной речи при необходимости сорторазличения типа *маслá*, *мылá* (нормализовано $АО_{59}$), а также такие формы, как *просá* 'пространство, засеянное просом', *ситá*, по-видимому, и *чучелá* и др.

Переходы обратного типа — от подвижного ударения к неподвижному накоренному ударению — в данной группе слов почти не имеют места [14]. Исключение составляют только такие слова, как *мясо*, *пиво*, *сено*, *тесто*, которые в древнерусском языке при образовании форм мн. числа регулярно переносили ударение на флексию [15]. В современном языке они этой особенностью не отличаются,

[14] См.: *Обнорский С. П.* Указ. соч., с. 394.

[15] *Хазагеров Т. Г.* Развитие типов..., с. 103. По-видимому, сохранение этого старого акцентного явления следует видеть в таких примерах, как ударение *мясá* (Тред., позднее Долгор.); *пивá* (ударение нормативно у Востокова), *сенá* (Некр.), а также *в горя́х* (Катен.) и др.

поскольку не имеют мн. числа, кроме тех случаев, когда выступают как «сорторазличительные» [16]. Но в этом плане они смыкаются с именами существительными, не имевшими подвижности, ср. *маслá*, *мылá* и др., т. е. представляют иное акцентно-морфологическое явление.

Хазагеров, отмечая разрушение дистрибуции акцентных типов в системе общеславянских Neutra (акутовые основы — неподвижное ударение, циркумфлектированные — подвижное), отражающее общую тенденцию ослабления зависимости между акцентуацией парадигматического ряда ед. и мн. числа, указывает на известную роль здесь семантики. В тип с подвижным ударением переходят имена с конкретным значением, в тип с неподвижным ударением — немногие имена с абстрактным или вещественно-собирательным значением [17]. С этим может быть связано и изменение ударения в слове *чрево*, перешедшего от подвижности к неподвижному ударению [18].

Рассмотрим изменение в составе и акцентных характеристиках окситонированной акцентной парадигмы. Как полагают исследователи, акцентную оппозицию ед. число — мн. число первыми начали отрабатывать окситонированные имена [19], и это явление относится к глубокой древности. Сам вопрос о существовании среди имен ср. рода (**o*-основ) окситонированных в праславянском относится к числу спорных [20]. Материалы, проанализированные Колесовым [21], дают ему основания утверждать, что окситонированная АП существовала. К ней принадлежали, например, такие имена с долготным корнем, как *вино*, *гнездо*, *гумно*, *крыло*, *лицо*, *нутро*, *письмо*, *руно*, *седло*, *сукно*, *уста* (Plur. tant.), *ядро*; с кратким корнем: *ведро*, *весло*, *добро*, *дрова* (plur. tant.), *перо*, *ребро*, *село*, *тепло*, *чело* и др. [22]

---

[16] Там же, с. 109.

[17] Там же.

[18] Ср. ударение *чревá* у поэтов XVIII в. (Петр.), XIX в. (Катен.); у Востокова дается как нормативное.

[19] *Колесов В. В.* История русского ударения. . ., с. 192.

[20] Сопоставление различных точек зрения см.: *Колесов В. В.* Ударение Neutra **o*-основ. . ., с. 24—25.

[21] Там же, с. 25—28

[22] Исконное ударение лучше всего сохраняют Sing. tant. (*тепло*) и Plur. tant. (дрова, уста), и это показывает, что в выравнивании накоренного ударения в Plur. необходимость противопоставления формам Sing. играла основную роль (Там же, с. 27).

Материалы древнерусских памятников в сопоставлении с другими данными приводят автора к убеждению, что оппозиция форм Plur. формам Sing. образовалась довольно поздно, первоначально через подвижность в пределах каждого грамматического числа [23]. Хазагеров, исходя из наблюдений над своим материалом, констатирует, что тип 3 (схема *d*) широко представлен в памятниках (отмечено, например, *се́ла*, *на се́ла*, *се́лы*, *се́лѣхъ*; *реше́та* и др.), но и что тип 4 (схема *в*) в древнерусскую эпоху представлен шире. Например, для слов *лицо*, *бревно*, *вино* засвидетельствовано, как он считает, только начало перехода к типу. 3. Ср. отмеченные ударения *лица́* (им. мн.), *лица́ми*, но и *ли́цѣхъ*, *ли́цахъ*, *бревна́* (им.-вин. мн.), *бревна́ми*, но и *бре́вна*; *вина́*, но и *ви́на* и т.д. [24]

Весь предшествующий концу XVIII в. этап формирования состава подвижности типа *d* по имеющимся материалам представить трудно. Данные поэтической речи XVIII в. представляют этот состав следующим, обнаруживая при этом у ряда слов колебания ударения: *бревно́—бре́вны* (Держ.); *вино́—ви́на* (Держ.); *гнездо́—гне́зды* (Держ.); *кольцо́—ко́лец*, *ко́льцами* (Держ.); *крыло́—кры́ла* (Ломон., Держ.) и *крыла́* (Ломон.); *кры́лах* (Держ.) и *крыла́м*, *крыла́ми* (Держ.); *крыльцо́—кры́лец*, *кры́льцам* (Держ.); *лицо́—ли́цы*, *ли́ца*, *ли́цах* (Держ.) и *лица́* (Мурав.), *лица́ми* (Держ.), *лица́х* (Богд., Неледин*); *окно́—о́кна*, *о́кон* (Держ.); *ружье́—ру́жей* (Держ.); *село́—се́лы* (Держ.), *се́ла* (Ломон.), *по се́лам* (Держ.); *сукно́—су́кна* (Держ.); *чело́—че́лы*, *че́ла*, *че́лами*, но *челах* (Держ.); *ядро́—я́дра* и *я́дры*, *я́драми* (Держ.).

Востоков в список слов с подвижным ударением включает: *бедро*, *бельмо*, *бревно*, *вертло*, *весло*, *вино*, *волокно* (мн. *волокна*, *волокон*), *гнездо*, *гребло*, *гумно*, *долото* (*долота*, *долот*), *дупло*, *жерло*, *звено*, *зерно*, *клеймо*, *колесо* (*колеса*, *колес*), *кольцо*, *крыльцо*, *лезвее* (*лезвия*), *лицо*, *окно*, *перо*, *письмо*, *плечо*, *полотно*, (*полотна*, *полотен*), *помело* (*помельев*), *пятно*, *ребро*, *ремесло* (*ремесла*, *ремесел*), *ружье* (*ружья*), *седло*, *село*, *стекло*, *стегно*, *сукно*, *тенето* (*тенета*, *тенет*), *чело*, *щемло*, *ядро*, *яйцо* (*яица*, *яиц*). Однако ряд форм от этих слов с нормализованным подвижным ударением продолжает употребляться и в литературном языке XIX в. с наконечным, отступающим от нормы ударением.

[23] *Колесов В. В.* Ударение Neutra *О-основ. . . с. 27.
[24] *Хазагеров Т. Г.* Развитие типов. . ., с. 97.

Ср. *бедра́м* (Жук.), *гнезда́м* (Глин.), *гумна́х* (Кольц.; ранее с таким ударением у Держ., Дмитр.), *дупла́м*, *дупла́х* (Вяз.; ранее *дупла́х* у Держ.), *ребра́м* (Лерм.; ранее *ребра́х* у Рад.), *села́м* (Некр,. Кольц.), *села́х* (Лерм.), *на челá́х* (Одоевск., Озер.), *кольца́ми* (Барат., Дельв., Фет).

Л. А. Булаховский [25], наблюдая сравнительно небольшую часть подобных отступлений, объяснял их разными причинами. *На челá́х*, например, характеризуется книжное и редкое; *кольца́ми* (Барат.) ставится в связь с ударением род. падежа мн. числа *коле́ц*; то же объяснение относится и к ударению *окна́ми* (отмечено у Кольц. и Слеп.), поскольку возможно ударение *о́кон*. Ударение *ребра́м* (Лерм.) рассматривается как отражающее влияние старинного слова *бедра* жен. рода, или, скорее, былинного ударения.

С. П. Обнорский во всех подобных примерах видит факт диалектного влияния, точнее, влияния южновеликорусских говоров, где в связи с расширением форм на ударяемое *а́м*, *а́ми*, *а́х* в именах жен. рода наблюдается преобладание этого типа форм и у слов ср. рода независимо от формы им. падежа мн. числа [26]. Однако, как видно из приведенных материалов, формы с флексийным ударением более многочисленны, чем отмечают названные исследователи, а в их представленности в литературном языке есть некоторая последовательность: они чаще у старых поэтов (ср., например, ударение в слове *лицо*) и почти не встречаются у современных. Возникает вопрос: не имеет ли здесь место сохранение в литературной традиции некоторых старых ударений. Диалектное влияние могло быть вторичным.

Список имен с подвижностью типа *d* в современном языке шире того, который представлен у Востокова. Он включает дополнительно слова *берцо*, *ведро*, *веретено*, *дно* (до́нья), *жнивье*, *звено*, *кайло*, *копье*, *крыло* (при форме им. мн. *крылья*), *лукно*, *меньшинство*, *озерцо*, *путло*, *решето*, *рукомесло*, *руно*, *рядно*, *сверло*, *сило* (си́ла, и си́лья), *скребло*, *сопло*, *стебло*, *тесло*, *тягло*, *ушко* (вариант к у́шко), *хайло*, *ярмо*, *число* [27]. Отсутствуют в этом списке

---

[25] *Булаховский Л. А.* Указ. соч., с. 166—167.
[26] *Обнорский С. П.* Указ. соч., с. 401.
[27] *Зализняк А. А.* Указ. соч., с. 163.

слова *вертло*, *тенето*, *щемло*, в современном языке неупотребительные и *лезвее́* — в связи с изменением ударения в исходной форме (современное *ле́звие*).

Расширение состава подвижности типа *d* произошло в значительной степени за счет включения областных и просторечных слов, которые у Востокова могли отсутствовать по причине неупотребительности их в литературном языке. Однако включение сюда слова *меньшинство* (в значении национальные меньшинства) *звено*, *кайло*, *жнивье*, *тягло* и др. явно свидетельствует о продуктивности такой акцентовки.

Показательны здесь и примеры акцентовки окказионально образуемых форм, отмеченные в разное время, типа:

И сколько будет нежных слитий,
Демократических тирад —
В местах «продажи разных *пи́тей*». . .

Курочкин. Предвещания на Новый год

Отмечено также ударение *кле́йма* (Апухт., Некр., позднее — Маяк., Евтуш.).

Наряду с этим отмечается и иное направление акцентовки подобных форм, явно более редкое. Ср.:

Чтобы с полюсов
по всем *жилья́м*
Лаву раскатил, горящ и каменист,
Так хотел бы разрыдаться я,
Медведь — коммунист.

Маяковский. Про это;

Их огненным *нутра́м* завидуя и сладким,
То утки на огне, то — следом — куропатки.

Низами. Хосров и Ширин (Пер. Липскерова)

Особо следует рассмотреть колебания в ударении форм род. падежа мн. числа у ряда слов, принадлежащих к подвижности типа *c* и *d*, связанные с несовпадением ударения этой формы с остальными формами мн. числа (речь идет о формах род. падежа с нулевым окончанием). В группе слов, входящих в состав подвижности типа *c*, такое отступающее ударение в современном языке представлено в слове *кру́жево—кружева́*, *кру́жев*, *кружева́м*, и т. д. В литературном языке XIX в. подобным отступлением было ударение *зе́ркал* при уже установившемся *зеркала́*,

зеркала́м. Ударение *зе́ркал*, представленное как норма у Востокова, широко известно у поэтов:

Ни бронзы драгоценной,
Ни *зе́ркал*, ни картин: . . .
Языков. Мое уединение

В нем нет нищих у порогу,
В нем нет *зе́ркал*, ваз, картин.
Давыдов. Бурцову

При этом у поэтов XIX в. отмечено только *зеркала́* (Пушк.), *зеркала́м* (Пушк.), *зеркала́ми* (Пушк., Дельв., Майк.). У поэтов уже и начала XX в. отмечено только современное ударение — *зерка́л*.

В составе слов подвижности типа *d* рассматриваемое явление представлено шире, и, судя по имеющимся материалам, более позднего характера. Л. А. Булаховский, называл слово *кольцо* как одно из очень немногих в русском языке, которые в двухсложных формах род. падежа мн. числа имеют ударение, не совпадающее с именительным [28]. Ударение *коле́ц* у поэтов уже начала XIX в. преобладает (*ко́лец*, по характеристике Булаховского, ударение более редкое), у поэтов же XVIII в. представлено только ударение *ко́лец* (Держ. и др.). Колебание *ко́лец*/*коле́ц* сохраняется в литературной традиции вплоть до современности при норме *коле́ц*.

Помимо слова *кольцо* Булаховский называет в том же ряду слово *крыльцо*, у которого, однако, акцентная норма складывается по-иному: ср. у Держ. *кры́лец*, *кры́льцам*; у поэтов XIX в.: *кры́льца* (Акс.), *кры́льцам* (Глин.) при *кры́лец* (Лерм.) и *крыле́ц* (Давыд.). Ударение *кры́лец*, частое еще у поэтов начала XX в. (например, у Асеева), выходит из употребления и как норма устанавливается *крыле́ц* при наконечном же ударении и в других формах (кроме им. -вин. мн. числа): *крыльца́м*, *крыльца́ми*, *крыльца́х*. В современном языке это слово принадлежит к особому типу подвижности — *f*.

В числе других фактов следует отметить отступающее от современного ударения *я́иц* — у поэтов XIX в. (Булаховский расценивает это ударение как старое) и *око́н* вместо *о́кон*. У поэтов XIX в. ударение *око́н* редкое (отмечено у Григ., Полон., Фета) при общем соотношении

[28] *Булаховский Л. А.* Указ. соч., с. 167.

числа отмеченных примеров 4 : 30), у поэтов XX в. оно получает более широкое распространение, по-прежнему, однако, значительно уступая ударению *о́кон* (соотношение имеющихся цитат 30 : 100). Современной нормой остается ударение *о́кон*. АО$_{59}$ вводит специальную помету *не*: *око́н*.

Как сравнительно редкие отмечены ударения *стекло́л* — у Толст., *суко́н* — у Асеева, *гуме́н*, *стекло́л* — у некоторых современных поэтов. Грамматика-52 констатирует подобный перенос ударения у слова *ружье*.

Некоторые морфологические процессы, затронувшие ряд имен ср. рода, привели к появлению наряду с основными типами подвижности *c* и *d* их разновидностей, в современных описаниях условно обозначаемых индексами *e* и *f*.

Существительные *око* и *ухо*, у которых форма дв. числа утвердилась в значении мн. [29], образуют акцентную разновидность *e*, в принципе не свойственную именам ср. рода. В рассматриваемом периоде колебания ударения в этих именах нет. Исключением являются лишь отдельные примеры типа *о́чей*, отмечены у Лермонтова:

Но в эту ночь ее он ждал. . .
Настала ночь уж роковая;
И сон от *о́чей* отгоняя,
В пещере пленник мой лежал.

Кавказский пленник

Слово *плечо*, в связи с выходом из употребления формы им. -вин. *плеча* [30] (которая была еще в начале XIX в. очень распространенной, а в самом конце XIX — нач. XX в. воспринималась как книжная, сохранявшая преимущественную употребительность в стихах) и заменой ее формой *пле́чи*, образует подвижность типа *f*. Характерным для рассматриваемого периода является намечавшееся в XIX—нач. XX в., но не получившее реализации, движение этого слова к обычной для имен ср. рода подвижности типа *d*. Об этом свидетельствует ударение *пле́чам*, отмеченное у Лерм., Некр., Курочк., позднее Хлебн., *пле́чах* — у Тим., Плещ., затем Хлебн., Анненск., при

[29] Формы мн. числа *очеса*, *ушеса* еще употребительны иногда у старших поэтов (Ломон., В. Майк., Держав.). См.: *Обнорский С. П.* Указ. соч., с. 403—404.

[30] По Обнорскому, имеет ударение из старейшей формы дв. число *плечи* (Там же, с. 399).

обычном у поэтов этого времени ударении *плечáм*, *плечáми*, *плечáх*, остающемся и современной литературной нормой. Как упоминалось, к типу подвижности типа *f* принадлежит и слово *крыльцо* и тоже с колебанием в сторону обычной подвижности типа *d*, здесь выраженном более определенно. Кроме этого в современном языке в составе подвижности типа *f* числится слово *тавро*.

Особое место занимает слово *утро*. Ударение этого слова испытывает колебания не только в формах мн. числа, что свойственно, как показано, большому числу непроизводных имен ср. рода, но и в двух формах ед. числа — род. и дат., где наряду с обычным накоренным ударением имеет место и флективное ударение: *утрá*, *утрý*. Обнорский полагает, что новая флексийная акцентовка слова *утро* лишь в отмеченных двух падежных формах возникла на почве морфологической дифференциации: в связи с адвербиализацией форм *с утра*, *до утра*, *по утру*, которые могут быть сопоставлены с диалектной формой *вечера* и наречием *вчера* [31]. Поэтический материал, где слово *утро* очень частотно, позволяет представить подробную картину особенностей акцентовки этих форм на протяжении рассматриваемого времени. У поэтов XVIII в. случаи ударения на флексии в форме род. ед. числа крайне редки. Отмечено, например, ударение *до утрá* в сочетании *от утра до утра*:

И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как *я*, *от ýтра до утрá*.

Державин. **Фелица**

У поэтов XIX в. ударение *до утрá* имеет уже широкое распространение (Пушк., Гриб., Барат., Давыд., Катен., Некр., Плещ., Толст.), хотя ударение *до ýтра* численно преобладает. В материалах имеется около 20 цитат с отмеченным ударением *до утрá* и более 40 с ударением *до ýтра*. У поэтов начала XX в. отмечены те же колебания; у современных поэтов ударение *до ýтра* редкое — 48 употреблений ударения *до утрá* и только 4 *до ýтра*. Ударение *с утрá* является значительно преобладающим уже и у поэтов XIX в.: *с ýтра* (Барат., Жук., Плещ.,

[31] *Обнорский С. П.* Именное склонение, вып. 1. Л., 1927, с. 248.

Некр. (с определением *самого*); *с утра́* — у Пушк., Вяз., Гриб., Плет., Полеж., Курочк., Бенед., Плещ., Некр.), у поэтов начала XX в. отмечено только ударение *с утра́*, естественно, что у современных поэтов иного ударения также нет. Такое же направление акцентных изменений представлено в сочетании *от утра*, прошедшего те же колебания (*от у́тра* — Пушк., Жук., Треф.; *от утра́* — Полеж., Толст., Некр.) и имеющего ту же современную норму — *от утра́*.

Уже у некоторых поэтов второй половины XIX в. получает употребление с наконечным ударением форма род. падежа *утра* вне рассмотренных специфически временных контекстов:

Да, на цветы, на перья птицы,
На росы майского *утра́*
Идет не столько серебра,
Как на плечо отроковицы.

Мей. Забытые лимбы

Я услыхал вдали звучало где-то:
«Вставай, вставай! день близится! пора!»
Мой сон прервал блестящий луч рассвета
Луч золотой счастливого *утра́*!

Суриков. Сон и пробуждение

Ударение на флексии в этой форме отмечено у поэтов начала XX в. (Анненск. и др.), при более частом *у́тра*; у современных поэтов оно очень часто и лишь немного уступает по употребительности рекомендуемой как норма ударению *у́тра* (в наших материалах около 20 цитат на ударение *утра́* и около 40 на ударение *у́тра*).

В форме дат. падежа ед. числа наконечное ударение развивается также в сочетании с временным значением — *к утру*. У поэтов XIX в. такое ударение отмечено как единичное; у современных поэтов уже редкое *к у́тру*. Другое сочетание с временным значением, теперь уже полностью адвербиализованное — *поутру*, развивает наконечное ударение, судя по поэтическому материалу, в первой половине XIX в. Оно отмечено у Пушк., Жук., Барат., Полеж., Катен., а также Треф., Плещ., Некр., Фета и др. наряду с употреблением более распространенного в целом ударения *пою́тру*. Колебания часты и у одного и того же поэта (Пушк., Жук., Фет., Некр.,

Треф. и др.). У современных поэтов ударение *поутрý* значительно преобладает (в наших материалах эти ударения отмечены в соотношении 2,5 : 1).

В формах мн. числа ударение этого слова также необычно. Современной нормой является ударение *ýтра*, *ýтрам*, *ýтрами*, *ýтрах*, но *по утрáм*. Имеющийся материал свидетельствует о колебаниях — распространении наконечного ударения (логичного с точки зрения акцентной противопоставленности чисел) на формы им.-вин. (*утрá*) и твор. (*утрáми*). Последнее ударение имеет в современной поэзии сравнительно широкое распространение.

В ряде слов представлено формирование особого типа подвижности, представляющего передвижение ударения с флексийного гласного на последний слог основы в формах мн. числа.

Изменение ударения в рассматриваемый период наблюдается у двух слов — *знамя* и *рамо*. В древнерусском языке, как было показано, засвидетельствован переход этих слов (а также слова *семя*) от неподвижного ударения к подвижности типа *с*, т. е. установление во мн. числе ударения *знамена́*, *рамена́* (а также *семена́*) и т. д. вместо *зна́мена*, *ра́мена*, *се́мена*.

Ударение *знаме́на* и *раме́на*, по принятому мнению, появляются под влиянием акцентовки род. падежа мн. числа [32]. В литературной традиции, судя по имеющимся материалам эти ударения получают распространение сравнительно поздно. У поэтов XVIII в. отмечено только: *знамена́* (Тред. Карамз.); *рамена́*, *рамéн* (Держ.), *раменáх* (Тред.). У поэтов XIX в. в слове *знамя* отмечено то и другое ударение: *знамена́* (Бат., Жук., Пушк., Вяз., Гнед., Бест., Лерм., Рыл., Майк., Полеж., Мей); *знаменáм* (Пушк., Дельв., Глин., Полеж., Майк., Случ.), *знаменáми* (Жук., Мерзл., Лерм.), *знаменáх* (Жук., Гнед.) и *знаме́на* (Бат., Жук., Вяз., Язык., Полеж., Курочк.); *знаме́нам* (Бат., Рыл.), *знаме́нах* (Жук.) со значительным преобладанием общего числа употреблений форм с флексийным ударением (*знамена́*, например, отмечено 35 раз, *знаме́на* —

---

[32] См., например: *Булаховский Л. А.* Указ. соч., с. 168. В. В. Колесов вносит уточнение: это аналогия с род. падежом мн. числа, но не с *знамéн* (в древнерусском только *знáмен*), а с *времéн*, т. е. имен существительных подвижной АП (*Колесов В. В.* История русского ударения. . ., с. 197).

17). Ударение на флексии в рассматриваемых формах хорошо известно еще поэтам начала XX в. Ударение *знамена́* отмечено, например, у Блока, Брюс., Хлебн. и др. и также у них еще преобладает (13 отмеченных употреблений с данным ударением против 7). У современных поэтов такие ударения (собственно, только *знамена́*) очень редки.

Изменение акцентовки форм *рамена*, *раменах* и др. менее показательно, поскольку эти формы сравнительно редки в употреблении. Имеющийся материал свидетельствует о тех же колебаниях у поэтов XIX в., ср.: *рамена́* (Язык.), *рамена́м* (Полеж.), *рамена́х* (Бат., Жук., Полеж., Майк.), при *рамёна* (Бат., Лерм.). Отмечен единичный пример ударения *стремёна* (Лерм.), который справедливо объясняется аналогией с рассмотренными колебаниями (слово подвижной АП) [33]. Интересно отметить, что подобную акцентовку в словах такого типа достаточно последовательно избирает Хлебников, видимо, в стилистических целях. Ср. у него: *времёнах*, *имёнам*, *племёна*, а также относимую к числу окказионализмов форму *пламёна*.

Подобного характера изменение ударения представлено у двух слов **о*-основы: *озеро* и *дерево*. Как полагает Хазагеров [34], у слова *озеро* тип акцентуации во мн. числе тот же, что в подвижных русских типах, и он обусловлен индукцией местн. падежа мн. числа, поддержанной и родительным. В памятниках, по его материалам, представлены такие ударения: *озёра* (им. вин. мн. числа), *озёры* (твор. мн.), *во озёрахъ*, *озёрамъ*. Ударение на флексии рассматривается им как результат распространения флексий *-ам*, *-ами*, *-ах* у основ с безударной флексией в им. -вин. падеже, т. е. *вóды — водáми*, *озёры — озерáми* и квалифицируется как диалектное. Последнее принять, кажется, трудно. В имеющихся материалах у поэтов XVIII в. представлено только флексийное ударение *озерá* (Мурав., Сум.). У поэтов XIX в. ударение на флексии также широко известно (ср. *озерá* у Глин., Майк., Тютч., *озерáм* — у Глин., Козл., Тим., *озерáми* — у Пушк., Глин., *озерáх* — у Глин.), хотя наряду с ним употребительно и ударение *озёра* (Глин., Курочк.), *озёрам* (Глин.), *озёрами* (Курочк.). У Востокова представлен как норматив-

---

[33] *Булаховский Л. А.* Указ. соч., с. 169.
[34] *Хазагеров Т. Г.* Развитие типов. . ., с. 100.

ный именно первый тип ударения: *о́зеро—озера́*. У поэтов начала XX в. в формы с флексийным ударением уже редки.

Изменение ударения слова *дерево* (от *де́рево—дерева́*, нормализованного Востоковым к современной норме *де́рево—дере́вья*) связано с морфологическим изменением. Можно отметить, что ударение *дерева* и сейчас сохраняет употребительность в поэзии. Известное распространение в поэзии начала XX в. получает ударение *зеркала́*. Подобное ударение отмечено у Хлебникова и некот. др. поэтов.

В плане настоящего сопоставления следует упомянуть об изменении ударения в формах мн. числа у старого слова *коло* (ср. ударение *колеса́*, *колеса́м*, *колеса́х*, известное у поэтов XVIII в. — Тред., Марина* и как редкое — XIX в. — у Фета).

Ряд однотипных изменений ударения, представленный у имен существительных разных морфологических групп, вряд ли случаен. Он свидетельствует об определенном направлении акцентных перемещений. Как мы отмечали, с точки зрения П. Гарда, подобные факты изменения ударения являются доказательством существования одной из выделяемых им тенденций развития русского ударения — тенденции развития предконечного и предсуффиксального ударения (см. с. 14).

Возникает вопрос о том, как расценивать установившееся в современном языке размещение ударения типа *о́зеро—озёра* с точки зрения общих системных акцентных отношений. Традиционно этот тип ударения всегда рассматривался как подвижность. Так, Грот, например, отмечал его как один из типов перехода ударения. «В трехсложных словах, — писал он, — переход ударения бывает обыкновенно с первого слога на третий, напр., *о́блако*, *облака́*; *о́зеро*, *озера́*; *зе́ркало*, *зеркала́*; *де́рево*, *дерева́*; или на средний: *о́зеро*, *озе́ра*, и с третьего слога на второй: *колесо́ коле́са*»[35]. Вывод о грамматической роли ударения здесь (в этих случаях, по словам Грота, всего яснее наклонность языка соединять с ударением цель отличения понятий единства и множества предметов при одинаковом окончании в падежах обоих чисел) равно относится ко всем типам «перехода» ударения. Однако

---

[35] *Грот Я. К.* О русском ударении вообще и об ударении имен существительных. — В кн.: Труды, т. 2. Филологические разыскания. СПб., 1899, с. 334.

в последних опытах синхронного описания современного ударения упомянутый тип размещения ударения как подвижность не рассматривается [36]. Это вытекает из принятых критериев описания ударения в парадигме, для которого существенным признается только учет того, на каком из двух главных морфологических компонентов — основе или окончании — находится ударение в каждой словоформе парадигмы. Принятое положение нельзя, однако, признать верным. Если словоформы *о́зеро—озёра*, *де́рево—дере́вья*, *зна́мя—знамёна* рассматривать с точки зрения грамматической роли ударения, то очевидно, что они ничем не отличаются от словоформ типа *по́ле—поля́*, *о́блако—облака́*, поскольку в том и в другом случае ударение выступает как средство противопоставления форм ед. и мн. числа. Если ударение этих словоформ рассматривать в историческом плане, то необходимо будет констатировать замену здесь подвижного ударения (при мн. *озера́*, *дерева́*, *знамена́*) неподвижным, между тем подобное направление акцентных изменений, как уже сказано, данному классу слов несвойственно.

---

[30] *Зализняк А. А.* Указ. соч.; Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Глава пятая

ИЗМЕНЕНИЕ УДАРЕНИЯ В ПРЕДЛОЖНО-ИМЕННЫХ СОЧЕТАНИЯХ

Как показывают исследования [1], передвижение ударения на предлоги, приставки, союзы, частицы с баритонированных форм подвижной АП было существенной особенностью праславянской акцентной системы.

Древнерусский язык в значительной степени сохраняет эту особенность, в частности, такое акцентное явление, как передвижение ударения (в указанных условиях) на предлоги [2]. Передвинутое на предлог ударение в древнерусском рассматривается как одна из характеристик подвижной именной АП [3].

Конкретный материал, приведенный в исследованиях по древнерусскому ударению [4], показывает, каким обширным был круг предложно-именных сочетаний с ударением на предлоге. Многочислен был и ряд предлогов, «принимающих» ударение, и ряд слов, «отдающих» в определенных формах ударение. Показательно, что сюда включались имена существительные разной семантики: не только имена с предметным значением (что обычно и сейчас), но и со значением отвлеченным (*на́ имя*, *за́ прокорм*, *бе́з росту*, *на́ крик*, *во́ время литургии*), личным (*по́ муже*, *на́ люди*, *за́ сына*, *на́ друга*), некоторые географи-

[1] *Дыбо В. А.* О фразовых модификациях ударения в праславянском. — Советское славяноведение, 1971, № 6; *Он же.* Древнерусские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения (Praesens). — ВЯ, 1969, № 6; *Он же.* Закон Васильева-Долобко и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском. — ВЯ, 1971, № 2, и др.

[2] См., например: *Васильев Л. Л.* О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков. Л., 1929; *Дыбо В. А.* О фразовых модификациях. . .

[3] См.: *Колесов В. В.* История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л., 1972; *Хазагеров Т. Г.* Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. М., 1973.

[4] *Колесов В. В.* Указ. соч.; *Хазагеров Т. Г.* Указ. соч.; а также: *Stang Chr.* La langue du livre. «Ученіе и хитрость ратного строенія пѣхотныхъ людей». Oslo, 1952; *Черных П. Я.* Язык Уложения 1649 года. М., 1953.

ческие названия (*изó Пскова*, *изб Твери*, *вó Пскове*, *вб Псков*) и др.[5]

В дальнейшем процессе развития литературного языка рассматриваемое акцентное явление идет на убыль: сужается круг предлогов, на которые возможна оттяжка ударения, круг слов и форм, с которых она осуществляется [6].

Т. Г. Хазагеров связывает этот процесс с действием грамматического фактора, он видит в нем одно из проявлений общей закономерности — установление более тесной связи между акцентуацией косвенных падежей (отношения взаимозависимости) [7]. А. С. Музыченко причиной изменения акцентовки предложно-именных сочетаний считает общую перестройку, перегруппировку склонения существительных, унификацию склонения во мн. числе [8]. К. С. Горбачевич в качестве причины вытеснения энклитического ударения называет влияние южнорусского диалекта и фактор аналогии (ударение на предлоге реализуется лишь в ограниченных условиях, в одной-двух падежных формах) [9]. По-видимому, действие всех названных причин имеет здесь место [10], важно, однако, подчеркнуть, что процесс утраты ударения на предлоге идет на фоне общего ограничения энклитического ударения. Как мы отмечали, П. Гард рассматривал подобного рода

---

[5] *Черных П. Я.* Указ. соч., с. 299—300.

[6] К такому выводу приходят все исследователи, которые с той или иной целью обращаются к рассмотрению данного акцентного явления. См.: *Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX в. М., 1954; *Ожегов С. И.* Очередные вопросы культуры речи. — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 1. М., 1955; *Шелюто Г. А.* Русское ударение. Ужгород, 1962; *Музыченко А. С.* Перенос ударения с существительных на предлоги в русском литературном языке XIX и XX вв. Автореф. канд. дис. Киев, 1972; *Она же.* Перенос ударения с существительных на предлоги в русском языке. — РЯШ, 1971, № 5; *Горбачевич К. С.* Вариантность ударения в предложных сочетаниях (Энклитика и проклитика). — РЯШ, 1972, № 6.

[7] *Хазагеров Т. Г.* Указ. соч., с. 120.

[8] *Музыченко А. С.* Перенос ударения. . . Автореф. канд. дис., с. 20.

[9] *Горбачевич К. С.* Указ. соч.

[10] Материалы А. С. Музыченко, однако, факт диалектного влияния (о чем писали Чернышев, Булаховский, Шелюто) опровергают. По ее данным, поэты — «южане», например, ничем не отличаются в употреблении ударения на имени от поэтов — «северян», а в некоторых случаях «северяне» в этом смысле идут даже впереди (*Музыченко А. С.* Перенос ударения. . , Автореф. канд. дис., с. 17).

изменения как результат действия тенденции ограничения старой подвижности ударения, ставя их в один ряд с изменениями типа *заня́лся*, *нача́лся* вместо *занялся́*, *начался́*; *несе́те* вместо утраченного *несете́*; *собра́л* вместо *со́брал* и т. д.

В современном русском литературном языке передвинутое на предлог ударение относится к числу непродуктивных акцентных явлений; постановка его определяется рядом условий применительно к каждому отдельному слову. При одинаковом типе подвижности ударения у различных слов могут варьироваться предлоги, на которые падает ударение, падежные формы, в которых такое ударение имеет место, часты случаи, когда оттяжка ударения на предлог допускается только в разного рода устойчивых (несвободных) сочетаниях или отсутствует, несмотря на сохранение подвижности в слове. Постановка ударения на предлоге для современного русского языка рассматривается не как морфологическая, а как лексикологическая проблема. Исследователи ставят задачу выявить все слова и падежные формы, где допускается ударение на предлоге, определить различные условия функционирования падежных форм с рецессией ударения.

Круг слов и падежных форм, где ударение на предлоге в современном литературном языке оценивается как нормативное, сравнительно узок [11]: а) имена жен. рода на *-а*: *верста*: *за́ версту*, *на́ версту*; *вода*: *за́ воду*, *на́ воду*, *по́ воду*; *голова*: *за́ голову*, *на́ голову*, *по́д голову*; *гора*: *за́ гору*, *на́ гору*, *по́д гору*; *доска*: *на́ доску*; *душа*: *за́ душу*, *на́ душу*; *земля*: *на́ землю*; *зима*: *за́ зиму*, *на́ зиму*; *нога*: *за́ ногу*, *на́ ногу*, *на́ ноги*, *по́д ногу*, *по́д ноги*; *за́ ноги*; *рука*: *за́ руку*, *за́ руки*, *на́ руку*, *на́ руки*, *о́б руку*, *по́д руку*, *по́д руки*; *река*: *за́ реку*, *на́ реку*; *спина*: *за́ спину*, *на́ спину*, *о́б спину*; *стена*: *за́ стену*, *на́ стену*, *о́б стену*; *сторона*: *на́ сторону*, *на́ стороны*; *щека*: *за́ щеку*, *на́ щеку*; б) имена жен. рода на *-ь*: *бровь*: *на́ брови*; *весть*: *бе́з вести*; *дверь*: *за́ дверь*; *ночь*: *до́ ночи*, *за́ ночь*, *на́ ночь*; *смерть*: *до́ смерти*, *на́ смерть*, *при́ смерти*; *цепь*: *на́ цепь*; в) имена муж. рода:

---

[11] Словари современного литературного языка не совсем единодушны в нормативной оценке этого явления. Здесь имеются в виду рекомендации $АО_{59}$. В некоторых случаях словарь указывает на допустимую вариативность, которая в данном случае не отмечается. Этот последний аспект является предметом рассмотрения в названной статье К. С. Горбачевича.

берег: *на́ берег*; *бок*: *за́ бок*, *о́ бок*, *по́ боку*, *по́д боком*; *борт*: *на́ борт*, *о́ борт*, *за́ борт*; *ветер*: *на́ ветер*; *вечер*: *на́ вечер*, *по́д вечер*; *вид*: *и́з виду*; *воз*: *на́ воз*; *волос*: *за́ волос*, *за́ волосы*, *на́ волос*, *на́ волосы*; *ворот*: *по́ ворот*; *год*: *на́ год*, *за́ год*; *бе́з году* (неделя), *и́з году* (*в год*); *город*: *за́ город*, *за́ городом*; *двор*: *по́ двору*; *день*: *на́ день*, *за́ день*; *дом*: *до́ дому*, *и́з дому*, *на́ дом*; *зуб*: *за́ зуб*, *на́ зуб*; *кон*: *на́ кон*; *лес*: *и́з лесу*, *по́ лесу*; *лоб*: *на́ лоб*, *по́ лбу*; *лед*: *по́ льду*; *луг*: *по́ лугу*; *мир*: *по́ миру*; *мост*: *за́ мост*, *за́ мостом*, *на́ мост*, *по́ мосту*, *по́д мостом*; *нос*: *за́ нос*, *на́ нос*, *по́ носу*, *и́з носу*, *по́д носом*; *пол*: *до́ полу*; *на́ пол*, *о́б пол*, *по́д пол*, *по́ полу*; *полдень*: *за́ полдень*; *пояс*: *за́ пояс*; *рот*: *и́зо рта*; *сад*: *по́ саду*; *свет*: *со́ свету* (*сжить*); *смех*: *на́ смех*, *со́ смеху*; *снег*: *по́ снегу*; *стол*: *по́ столу*; *угол*: *за́ угол*, *на́ угол*; *час*: *о́т часу*; г) имена ср. рода: *лето*: *за́ лето*, *на́ лето*; *море*: *на́ море*, *за́ море*, *за́ морем*, *по́ морю*, *у́ моря* (*сидеть*); *плечо*: *за́ плечи*, *на́ плечи*; *небо*: *на́ небо*, *на́ небе*, *по́ небу*; *поле*: *на́ поле*, *по́ полю*, *за́ полем*; *сердце*: *за́ сердце*, *на́ сердце*; *слово*: *за́ слово*, *на́ слово*; *ухо*: *за́ ухо*, *по́ уху*, *по́ уши*.

В значительной мере это явление, как мы говорили, ограничено семантически и синтаксически: в большинстве своем в современном языке постановка ударения на предлоге наблюдается лишь в определенных сочетаниях, в основном в сочетаниях несвободных, с разной степенью связанности и особым значением. Ср. фразеологизмы типа: *лезть на́ стену*, *схватиться за́ голову*, *водить за́ нос*, *прийтись по́ сердцу*, делать что-л. *как бог на́ душу положит*, *положа руку на́ сердце*, *как снег на́ голову* и т. д. (в то время как в сочетаниях свободных возможны оба ударения или только ударение на имени: *лезть*, *вешать на́ сте́ну*; *надеть на́ го́лову*; *жаловаться на се́рдце* и т. д.). Наблюдается также ясная тенденция (что не исключает, конечно, и колебаний) связывать перенесенное на предлог ударение с совершившейся или совершающейся адвербиализацией сочетания. В этом отношении, например, наречное *на́ дом* ‘домой’ (*прислать на́ дом*) отличается от сочетания с конкретным значением *на до́м* ‘на здание’; *ехать за́ город*, *находиться за́ городом* ‘в пригородной местности’ от *за го́род*, *за го́родом* ‘по ту сторону города’ и т. д. Ср. целый ряд наречий, восходящих к предложно-именным сочетаниям: *бе́з то́лку*, *на́ зло́*, *на́ве́к*, *на́ве́рх*, *крест-на́крест* и т. д.

Диалектный материал даже в том объеме, как он представлен в книге С. П. Обнорского [12], указывает на более широкий круг слов, где отмечен переход ударения на предлог, и на более широкий и последовательный охват круга падежных форм, чем это представлено в современном литературном языке.

Сам литературный язык конца XVIII—XIX вв. представляет явление переноса ударения на предлог также более широко и в этом отношении существенно отличается от современного.

В соответствии с задачами настоящей работы данное акцентное явление рассматривается в плане ближайшей исторической перспективы — как результат ряда последовательных изменений условий, определяющих степень устойчивости его в литературном языке конца XVIII, XIX и XX вв.

В литературном языке перенос ударения на предлог связывается с живой народной струей. Очевидно, этому влиянию противостояло влияние «книжного» языка, характеризовавшегося отсутствием такого переноса.

Судя по представленным в исследованиях материалам, уже и в древнерусском языке случаи постановки ударения на предлоге имели известную жанровую прикрепленность. Так, по данным Хазагерова [13], ударение на предлоге чаще всего отмечено в таких памятниках XVI—XVII вв., как «Уложение» [14], «Лечебник», «Домострой», «Книга лошадиного Учения», «Космография», «Хронограф», т. е. памятниках делового и светского содержания, хотя подобные примеры приводятся и из «Апостола», «Триоди постной» и др.[15]

Показателен, как нам представляется, в этом плане и материал (приводимый здесь фрагментарно) «Библии» разных лет издания: 1581 г. («Острожской»), 1663 г. («Московской») и 1756 г. («Елизаветинской»). Примеры даются в современной орфографии с добавлением букв ъ, ѣ.

---

[12] *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке, вып. 1. Л., 1927.

[13] *Хазагеров Т. Г.* Указ. соч., с. 58—60, 78—79, 120.

[14] Ср. также: *Черных П. Я.*. Указ. соч., с. 299—300.

[15] Полное название памятников и их датировку см.: *Хазагеров Т. Г.* Указ. соч., с. 166—167.

Библия 1663 г. (интересная как один из первых печатных московских памятников) представляет довольно большое число оттянутых на предлог ударений. Ср., например: *и простри руку твою на́ море* (Втор. кн. Моис., гл. 14), *ополчится при́ мори* (Там же), *быти имъ на́ поли* (Перв. кн. Моис., гл. 4), *иже идетъ по́ полю* (Перв. кн. Моис., гл. 24), *и возва лію. . . на́ поле* (Там же, гл. 31), *на́ руцѣ еи* (Там же, гл. 24), *взыдоша на́ гору* (Пятая кн. Моис., гл. 1), *потопъ наведу на́ землю* (Перв. кн. Моис., гл. 6; там же, гл. 22; гл. 24; гл. 48), *и возложи на́ руку* (Перв. кн. Моис., гл. 41), *и хождаху по́ брегу рѣки* (Втор. кн. Моис., гл. 1), *и на́ вечеръ сокрыетъ* (Перв. кн. Моис., гл. 49) и т. д. при гораздо более редких случаях постановки ударения на имени: *со скоты на по́ли* (Перв. кн. Моис., гл. 34), *наведу дождь на зе́млю* (Перв. кн. Моис., гл. 7; там же, гл. 8), *до до́му вашего* (там же, гл. 42), *под ве́черъ* (там же, гл. 24) и др.

При этом она отличается, с одной стороны, от библии издания 1581 г., представляющей оттянутых на предлог ударений значительно больше, ср., например: *аще падетъ. . . на́ землю* (Кн. Царств, гл. 14), *на́ землю южеску* (Кн. Судей, гл. 1); в библии 1663 г. во всех этих случаях — *на зе́млю*; *скончавается день на́ вечеръ* (Кн. Судей, гл. 19), *и скрыюся на поли до́ вечера* (Кн. Царств, гл. 20); в библии 1663 г. — *на вече́ръ*, *до ве́чера*; *и изыде на́ брань* (Кн. Судей, гл. 20), *входяще на́ брань* (Кн. Иисуса Навина, гл. 14, гл. 8); в библии 1663 г. — *на бра́нь*; *и пребудетъ. . . до́ вѣка* (Кн. Царств, гл. 1, гл. 2); в библии 1663 г. — *до вѣ́ка*; *всю нощь до́ свѣта* (Кн. Судей, гл. 19), *утро до́ свѣта* (Кн. Царств, гл. 25); в библии 1663 г. — *до свѣ́та*; *на́ древѣ сада* (Кн. Судей, гл. 6); в библии 1663 г. — *на дре́вѣхъ* и т. д., с другой стороны — от библии издания 1756 года. Последнее издание, подвергшееся в отношении ударения определенной правке, свидетельствующей, судя и по другим данным, об изъятии некоторых черт «живого языка», дает перемещенных на предлог ударений значительно меньше, последовательно заменяя их ударением на имени: *идяше на́ поле* в Библии 1663 г. (4 кн. Моис., гл. 22), в библии 1756 г. — *на по́ле*; *на́ поли моавли* (там же, гл. 21), в библии 1756 г. — *на по́ли*; *заколаютъ на́ поли* (3 кн. Моис., гл. 17), в библии 1756 г. — *на по́ли*; *держащему его за́ руку* (Кн. Судей, гл. 16), в библии 1756 г. — *за ру́ку*; *и идоста оба на́ поле*

(Кн. Царств, гл. 20), в библии 1756 г. — *на по́ле, изыдоша людие на́ поле* (Кн. Судей, гл. 9), в библии 1756 г. — *на по́ле; сведи на́ воду* (Кн. Судей, гл. 7), в библии 1756 г. — *на во́ду; и во́ время внегда умираше* (Кн. Царств, гл. 4), в библии 1756 г. — *и во вре́мя* и т. д. Известно, что Библия 1756 г. оказала существенное влияние на формирование норм литературного языка XVIII в. и начала XIX в., в том числе, видимо, и акцентных. По данным А. С. Музыченко, у писателей XVIII в. оттянутое на предлог ударение употребительно только в произведениях низкого стиля — комедиях, баснях [16].

Востоков в своей грамматике перенос ударения на предлог определенно характеризовал как явление, допустимое только в просторечии. «Заметить должно, — писал он, — что переход ударения с существительных на предлоги и на числительные *два*, *три* употребителен только в просторечии, притом когда существительное не имеет за собою другого какого-либо слова от него зависящего» [17].

Однако факты поэтического языка первой половины XIX в.[18], как справедливо отметил Л. А. Булаховский, заставляют принять это утверждение лишь с известным ограничением: ударения в поэзии данного времени в этом отношении принципиально совпадают не с книжными, а с вынесенными из старины особенностями просторечия [19]. Характерно, что общее соотношение числа предложно-именных сочетаний (имеем в виду определенный круг сочетаний, где такой переход более или менее регулярен, при этом сочетаний свободных — не входящих в состав фразеологизованных выражений и не выступающих в качестве наречий), употребленных с ударением на предлоге и на имени, составляет в поэтическом языке первой половины XIX в. отношение 5 : 1, у поэтов второй половины XIX в. — 3 : 1 (у поэтов XX в. это соотношение примерно 2 : 1). Наибольшее число ударений на предлоге при этом приходится на долю поэтов, язык которых и в отношении других акцентных особенностей близок

---

[16] *Музыченко А. С.* Перенос ударения. . . Автореф. канд. дис., с. 17.
[17] *Востоков А. Х.* Русская грамматика. СПб., 1859, § 184.
[18] Об этом явлении мы можем судить почти исключительно по поэзии данного периода, поскольку в словарях и грамматиках оно почти не получает отражения.
[19] *Булаховский Л. А.* Указ. соч., с. 175.

к живому разговорному. Так, у Некрасова отмечено 77 примеров ударения на предлоге, из них единичных (встретившихся только у него) — 19, у Крылова — 48, из них единичных — 10, у Мея — 50, из них единичных — 16, у Жуковского — 65, из них единичных — 8 [20].

Хотя в XIX в. оттяжка ударения на предлог далеко выходит за рамки просторечия и получает достаточно широкое распространение, она не становится устойчивой акцентной нормой. Число употребительных ударений на предлоге, как было сказано, в процессе развития литературного языка постепенно уменьшается. И здесь, наряду с общими грамматическими причинами, определяющими этот процесс, действуют, видимо, причины стилистические. Нормой не принимается или ограничивается то, что носит ярко выраженную стилистически сниженную (просторечную) окраску. Даже и такие устойчивые, широко распространенные сочетания, как *по́ боку*, *не по́ носу*, *до́ смерти*, *ни на́ волос*, *бок о́ бок*, *за́ версту* и под., в словарях часто снабжаются пометой *прост.*, или *разг.* Стилистически нейтральных подобных ударений оказывается не так много.

Рассмотрение изменения ударения в группе предложно-именных сочетаний в плане настоящего исследования сводится к выяснению условий, способствующих удержанию ударения на предлоге в том или ином сочетании или же к его постепенному вытеснению. Этот анализ можно вести на различных основаниях: морфологических, лексических, фонетических, имея в виду, что и морфологический (морфологический тип слова и предложно-падежных форм), и лексический (семантика слова), и фонетический факторы (число слогов в слове и предлоге) существенны для оценки рассматриваемого акцентного явления.

Представляется, однако, что наиболее существенным в данном случае является фактор семантико-синтаксический. Именно семантико-синтаксические свойства сочетания, в которое входит та или иная предложно-падежная

---

[20] Подобное наблюдение сделано и А. С. Музыченко, которая выделяет в том же плане произведения Некрасова, Мея, Никитина, Огарева, подчеркивая факт использования этими поэтами (особенно Меем, ср. и анализируемый далее материал) напредложных ударений как средства стилизации под народную или старинную речь (См.: *Музыченко А. С.* Ударение на предлоге. — Русская речь, 1970, № 6).

форма, определяют на современном этапе степень устойчивости ударения на предлоге и возможности акцентной трансформации.

Примечательно, что в составе некоторых групп сочетаний ударение на предлоге оказывается не просто устойчивым, но здесь формируются и известные «акцентные клише», по образцу которых ударение на предлоге получают те имена существительные, которым исторически подвижность вообще не была свойственна: *за́ борт*, *на́ борт*, *борт о́ борт*, *по́ столу*, *за́ лето* и др.

Поэтому рассмотрение изменения ударения в предложно-именных сочетаниях целесообразней всего вести в пределах тех синтактико-семантических групп, в которые эти сочетания входят.

Предложно-именные сочетания, употребляемые с перенесенным на предлог ударением в современном литературном языке, распадаются по своим структурно-синтактическим признакам на группы, включающие сочетания: 1) в род. падеже с предлогом *из* (*и́з дому*, *и́з лесу*), *до* (*до́ полу*, *до́ поту*, *до́ смерти*), *от* (*о́т роду*, *час о́т часу*); *у* (*у́ моря*), *со* (*со́ смеху*), *без* (*бе́з толку*), 2) включающие имя в дат. падеже с предлогом *по* (*по́ миру*, *по́ полю*, *по́ столу*); 3) включающие имя в вин. падеже с предлогом *на* (*на́ берег*, *на́ поле*, *на́ смерть*); *за* (*за́ море*, *за́ руку*, *за́ зиму*), *о*, *об* (*о́ воду*, *о́б руку*), *под* (*по́д гору*, *по́д руку*, *по́д воду*), *по* (*по́ пояс*, *по́ уши*); 4) включающие имя в твор. падеже с предлогом *за* (*за́ городом*, *за́ морем*), *под* (*по́д боком*, *по́д полом*); 5) включающие имя в предл. падеже с предлогом *на* (*на́ сердце*, *на́ море*).

По своим синтактико-семантическим признакам эти сочетания распадаются на группы: 1) выражающие разного рода определительно-обстоятельственные отношения (*стоять на́ смерть*, *запасти на́ зиму*, *построить за́ год*, *висеть до́ полу*, *залезть по́ пояс*), 2) пространственные отношения (*ехать на́ поле*, *подниматься на́ гору*, *спускать на́ воду*, *ехать за́ море*, *ходить по́ лесу*, *выйти и́з лесу*), 3) объектные отношения (*схватить за́ руку*, *теребить за́ ворот*, *щипать за́ ухо* и т. д.). Располагая материалы соответственно одним признакам, мы рассматриваем современное ударение в группе предложно-именных сочетаний и его изменение по сравнению с литературным языком прошлого века в пределах каждой такой синтактико-семантической группы. Рассмотрение материала целесо-

образней всего начать с наиболее значительной по объему группы — сочетаний, включающих имя в вин. падеже.

В значительном большинстве сочетания, включающие имя в вин. падеже с предлогом *на*, выражают пространственные отношения — являются обозначением действия и предмета, по направлению к которому действие совершается: *лететь, ехать, слать на́ море; идти на́ реку; ехать, идти на́ поле*, или действия и предмета, на поверхность которого оно направлено: *ложиться, падать, прыгать, спускать на́ воду; идти, всходить, подниматься на́ гору, на́ горы; бросать, падать, ложиться, лить, течь на́ землю; всходить на́ небо; падать на́ поле; подниматься, выходить, падать, бросать на́ берег; падать, бросать, класть на́ пол.*

В этих сочетаниях в современном литературном языке возможны оба ударения с преобладанием в большинстве из них ударения на имени. Так, соотношение отмеченных в современном поэтическом языке ударений *на́ гору* (*на́ горы*) и *на го́ру* (*на го́ры*) составляет примерно 1 : 2; *на́ землю* и *на зе́млю* — 1 : 4; *на́ небо* и *на не́бо* — 1 : 2; *на́ поле* и *на по́ле* — 1 : 2; *на́ реку* и *на ре́ку́* — 1 : 2; примерно с равным соотношением отмечены *на́ воду* и *на во́ду*; *на́ берег* и *на бе́рег*; *на́ море* и *на мо́ре*.

Отмеченные соотношения в значительной мере отличаются от наблюдаемых в поэтическом языке прошлого века. По материалам поэтического языка этого времени, ударение *на́ воду*, например, отмечено как единственно употребительное; *на́ гору* (*на́ горы*) и *на го́ру* (*на го́ры*) — в соотношении 3 : 1; *на́ поле* и *на по́ле* — 2 : 1; *на́ берег* и *на бе́рег* — 3 : 1; *на́ море* и *на мо́ре* — 2 : 1; *на́ небо* и *на не́бо* и *на́ реку* и *на ре́ку́* — 1 : 1; *на́ землю* и *на зе́млю* отмечено и тогда с преобладанием ударения на имени, однако менее значительным, чем сейчас (1 : 3).

О тенденции к некоторому сокращению употребления ударения на предлоге в сочетаниях этого типа в современном литературном языке по сравнению с литературным языком прошлого века свидетельствует и выход из употребления отмечаемых в литературном языке прошлого века ударений *ходить на́ воду* ‘к воде’ (отмечено, например, у Мея), *ездить, вывозить на́ воды* ‘на курорт’ (Майк. и др.), *выгонять, ехать на́ луг* (Жук., Некр.), *идти, собираться на́ площадь* (Жук., Мей, Сурик.), *идти, вступать на́ мост* (Крыл.).

Среди рассматриваемой группы сочетаний особое место занимают сочетания, включающие имя с конкретным значением и глаголы с общим значением ‘надеть, поместить, поместиться на’, где пространственное значение выступает в ослабленном виде, но присутствует значительный оттенок отношений объектных. В современном литературном языке сочетания этого типа, допускающие переход ударения на предлог, представлены почти исключительно сочетаниями, включающими имена — обозначения частей тела: *положить, взвалить, закинуть на́ спину; натянуть, накинуть, класть на́ плечи; ложиться, падать, находить на́ сердце; надевать, класть, наступать на́ ноги; надевать, брать, ложиться, натягивать, класть на́ руки; надевать, натягивать на́ ухо, на́ уши; надевать, класть на́ голову; находить, наводить (тоску) на́ душу; надевать, садиться на́ нос; натянуть, надвинуть на́ лоб.*

Все эти сочетания в современном литературном языке употребительны как с ударением на предлоге, так и на имени с примерно равным соотношением того и другого ударения: *на́ голову* и *на го́лову*, *на́ спину* и *на спи́ну*, *на́ душу* и *на ду́шу* или с некоторым преобладанием ударения на имени: *на́ сердце* и *на се́рдце* (1 : 1,5), *на́ уши*, *на́ ухо* и *на у́ши*, *на у́хо* (1 : 2), *на́ нос* и *на но́с* (1 : 2), *на́ плечи* и *на пле́чи* (1 : 3), *на́ лоб* и *на ло́б*. Устойчивым ударением на предлоге характеризуются в данном случае только сочетания, входящие в состав многочисленных фразеологизмов: *сесть на́ голову*, *как снег на́ голову*, *громом на́ голову*, *разбить на́голову*, *брать* (*принимать*) *грех на́ душу*, (делать что-л.) *как бог на́ душу положит*, *поднять* (*встать*, *поставить*) *на́ ноги*, *положа руку на́ сердце*, *зуб на́ зуб не попадает*, *прийтись на́ руку*, *сдавать с рук на́ руки*, *поставить глаз на́ глаз*, *переваливаться с боку на́ бок* [21], или сочетания, выступающие как наречные: *свалиться*, *сдвинуть*, *сбить на́ бок*, ср. *положить что-л. на бо́к*, где *бок* выступает в своем конкретном значении. Ср. в этом плане также: *говорить на́ ухо*; *сдвинуть*, *надеть на́ ухо* и *натянуть*, *давить* — обычно *на у́хо*, *на у́ши*; *лечь*,

[21] Ср. также ряд фразеологизованных именных сочетаний, включающих предлог *на* и имя в вин. падеже: *нечист на́ руку*, *скорый на́ руку*, *туг на́ ухо*, *скорый на́ ногу*, и образуемые по этому типу с сохранением ударения на предлоге новые сочетания, например: *на́ руку чиста* и *на́ ногу тверда*, *оказалась на́ руку тяжелой*, *скупы были на́ воду горы*, *на́ душу тяжел*, *был на́ душу нечист* и т. д.

повернуться на́ бок, *на́ спину* и *положить что-л. на́ бо́к*, *на спи́ну*; также: *подняться*, *встать на́ ноги*, *брать на́ руки* и *наступать*, *класть на́ ногу*, *на́ ноги* и *на́ нбгу*, *на нбги*; *ложиться*, *опираться*, *надевать*, *класть на́ руку*, *на́ руки* и *на ру́ку*, *на ру́ки*.

Из сочетаний с тем же значением с другими именами устойчивым ударением на предлоге характеризуются обычно только сочетания, входящие в состав фразеологизмов: *лезть на́ стену*, *ставить на́ кон*, *сажать на́ кол*, *кидать*, *бросать*, *пускать что-л. на́ ветер*.

В немногочисленных свободных сочетаниях этого типа, допускающих ударение на предлоге, преобладает ударение на имени: *лезть*, *вползать*, *вешать на́ стену* и *на сте́ну* (соотношение того и другого ударения примерно 1 : 2); *смотреть*, *класть на́ доску* и *на до́ску*; *вскинуть*, *простереть на́ ветер* и *на ве́тер*; *забираться*, *ложиться на́ печь* и *на пе́чь*; *кидать*, *сажать на́ воз* и *на во́з* и т. д. Отступает только *на́крест*, употребляемое как наречие (*положить*, *завязать на́крест*; *крест на́крест*) и *слать*, *носить на́ дом*, получившее определенное значение — 'на квартиру'.

Характерно, что литературный язык прошлого века именно в этого типа сочетаниях представлял переход ударения на предлог значительно шире, поскольку возможны были и: *на́ дуб села* (Сум.); *вскочить на́ лошадь* (Крыл.); *на́ лошадь садился* (Гриб.); *на́ цепь приковал* (Держ.); *на́ цепь посадили* (Гриб.).

Литературный язык прошлого века представляет также ряд примеров перенесенного на предлог ударения и в сочетаниях с чисто объектным значением, ср., например: *отец пойдет на́ сына* (Мей), *на́ бога надеясь* (Курочк.), *смотрит на́ лес* (Мей); *на́ мужа смотрит* (Он же); *кто на́ друга сетей не ставит* (Крыл.); *облокотясь друг на́ друга рукой* (Дельв.); *друг на́ друга сверкают* (Жук.) и др.

В современном литературном языке из сочетаний этого типа с устойчивым ударением на предлоге употребляется только фразеологизм *на́ ночь глядя*. Ударение на предлоге возможно также в выражении *показываться на́ люди*, кроме этого — только в упомянутых сочетаниях с предлогом *на*, включающих имена *вода*, *берег*, *гора*, *небо*, *поле* и глаголы *смотреть*, *глядеть*. Ударения на предлоге здесь обусловлены, по-видимому, устойчивым ударением на предлоге в подобных сочетаниях с пространственным значением. Характерно, что употребление с ударением

на предлоге сочетаний, включающих имя, не входящее в данную группу, не отмечается. В этом отношении встретившееся у Мея *смотрит на́ лес* стоит особняком и может быть обусловлено контекстом (соседним ударением) и общими целями стилизации:

Вот стоит она с ним, смотрит *на́ поле*,
На́ лес, *на́ реку* смотрит так пристально,
На дорогу, бегучую под гору.

Мей. Песня про боярина

Выделяется небольшая группа сочетаний с именами существительными с отвлеченным значением, выражающих обстоятельственные отношения: *биться*, *встать*, *стоять на́ смерть*; *сразить*, *убить*, *поразить*, *ранить на́ смерть*; *испугаться на́ смерть*; *делать что-л. на́ зло*; *идти*, *подниматься на́верх*, Во всех этих сочетаниях преобладающим является ударение на предлоге. Так, в *биться*, *встать*, *стоять на смерть* соотношение ударения на предлоге и на имени 2 : 1, *делать на зло* — 2 : 1, в *сразить*, *убить*, *поразить на смерть* и *испугаться на смерть* отмечены только единичные примеры ударения на имени (ср. при этом *осудить*, *обречь*, *идти*, *вести*, *провожать на́ сме́рть* с преобладающим ударением на имени: соотношение ударения здесь — 1 : 3, в литературном языке прошлого века — 1 : 2); только *идти*, *подниматься*, *выплывать наверх* отмечено с преобладанием ударечич на имени (соотношение — 1 : 3). С ударением на предлоге, при единичных случаях ударения на имени, употребляются фразеологизмы: *ходить на́ сторону*, *поднимать на́ смех*, *сделать что-л. на́ смех*, *курам на́ смех*, *верить*, *принять на́ слово* (отступает только *пустить* (*бросить*) *на́ ветер*, в поэтическом языке прошлого века отмеченное только с ударением на предлоге, сейчас — в соотношении 1 : 4).

Особую подгруппу в этой группе сочетаний составляют сочетания, включающие имя, которое является обозначением определенных временных отрезков и общим значением 'сделать что-л. на указанный период': *запасти на́ зиму*, *приехать на́ год*, *приготовить на́ день*, *выпить лекарство на́ ночь*.

Ударение на предлоге здесь служит средством разграничения сочетаний, с указанным временным значением, и тех же сочетаний со значением объектным. Ср. употреб-

ляемые с ударением на имени сочетания типа *рассчитывать на зи́му*, *на де́нь* (на что?), *на но́чь похожий*, *вечер без надежд на но́чь* и т. п., а также в случаях определенной конкретизации:

А он обязан долететь до Марса —
Ему *на но́чь* доверили ракету.

Пущило. Есть времена

Сев бы *ни на де́нь* не запоздал,
И в бензине нету недостачи.

Иодковский. Высокое напряжение

То же мы наблюдаем в противопоставлении: *не на го́д — на века*; *на де́нь, а не на час* и т. д.

Ударение на предлоге в рассматриваемых сочетаниях очень устойчиво, можно отметить только единичные примеры ударения на имени. По материалам литературного языка прошлого века (и XVIII в.) в эту группу включалось по ударению и *на́ вечер* ‘на время, на период вечера’, например:

Любезная пастушка овец уж погнала, и *на́ вечер*
Сего дня в лесок меня звала

Сумароков. Песня подраженная;

И нанял *на́ вечер*, гудок, да две волынки.

Крылов. Трумер

Это ударение было обычным и в сочетаниях *звать*, *ждать на́ вечер* ‘на бал, на вечернее угощение’. Ср., например, у Грибоедова:

К нам *на́ вечер*, в четверг, проси скорее
Натальи Дмитревны знакомого: вот он!

Горе от ума;

Завиден тот, кому дар слова дан такой.
Так вместе *на́ вечер* поедем мы с тобой

Молодые супруги

В современном языке это ударение почти не сохранилось, отмечаются только единичные примеры, ср. у Антокольского:

Ко мне, красотки, ибо дождь
Накрапывает, и палатку
Придется *на́ вечер* свернуть!

Франсуа Вийон [22]

[22] Очевидно, это связано с тем, что сочетание *звать*, *приглашать*, *ехать на вечер* становится уже выражением целевых отношений,

В современном литературном языке в эту группу сочетаний включается сочетание *на́ лето* ‘на время лета’. Литературный язык XIX в. не дает ни одного примера такого ударения, в современном литературном языке это ударение довольно частое.

По семантике к этой группе относится наречие *навек, навеки* ‘навсегда, навечно’, в литературном языке прошлого века отмеченное почти исключительно с ударением на имени; сейчас — с соотношением ударения на предлоге и имени в *навек* — 1 : 6, *навеки* — 1 : 5.

Вторая группа сочетаний со значением ‘делать что-л. в течение указанного срока’ включает только одно существительное — *день*: *к ним на́ день ходит по сту раз* (Крыл.); *чтоб на́ день раз хоть пять Ты кушал бы досыта* (Он же); *Два раза на́ день ест и пьет И дом природе отдает. . .* (Полеж.) и т. д. Ударение на предлоге здесь совершенно устойчиво.

Среди сочетаний с предлогом *за* значительное место занимают тоже сочетания с пространственным значением: *ехать, лететь за́ море*; *уйти, скрыться за́ горы* (*за́ гору*); *перебираться, уходить за́ реку*; *скрываться, уходить за́ лес*; *ехать, идти за́ город*. Здесь употребительны оба ударения при преобладании в современном литературном языке ударения на имени (соотношение числа отмеченных ударений на предлоге и имени составляет: *за́ море* и *за мо́ре* 1 : 4, *за́ горы*, *за́ гору* и *за го́ры*, *за го́ру* 1 : 2, *за́ реку* и *за ре́ку́* 1 : 2, *за́ лес* и *за ле́с* — 1 : 3); в литературном языке прошлого века — на предлоге (соотношение составляет соответственно 4 : 1, 2 : 1, 2 : 1, 3 : 1). С преобладающим ударением на предлоге отмечено сейчас сочетание *ехать, идти за́ город*, приобретшее определенное значение ‘в пригородное место’ (соотношение того и другого ударения 2 : 1).

В состав сочетаний, включающих имена существительные с конкретным значением и глаголами с общим значением ‘поместить (поместиться) за’, как и в группу сочетаний с предлогом *на*, входят почти исключительно имена, являющиеся обозначением частей тела или одежды: *закинуть* (*руки*) *за́ голову*; *повесить за́ плечи, за́ спину*;

а этой группе сочетаний сохранение ударения на предлоге вообще не свойственно, ср. диалектные: *идти на́ дух* (на исповедь); *звать, приглашать на́ хлеб, на́ соль*; *звать на́ честь* (звал на́ честь, а посадил на́ печь).

положить за́ щеку, за́ ухо; *лететь, сыпать за́ ворот*; *положить за́ пояс*. Ударение в этой группе слов также неустойчиво, исключая фразеологизмы: *заткнуть* (*кого*) *за́ пояс* (в чем-л. превзойти), *закинуть ногу за́ ногу*. Из сочетаний с другими именами с перенесенным на предлог ударением сейчас употребительно только *выбросить* (*бросить*) *за́ борт*, преимущественно при употреблении (что само по себе представляет явление новое) в переносном, образном значении, например:

Простим сады за то, что в опасенья
Осенней стужи, гибели осенней
Бросают *за́ борт* кладь былой весны.

Низами. Лейли и Меджнун. Пер. Антокольского

С ударением на предлоге употребительно и получившее наречное значение *свернуть, повернуть за́ угол*.

Только в качестве единичных примеров отмечены *вынесли за́ дверь* (Жук.); *сунься за́ дверь* (Пастерн.); *укройся за́ дом* (Васил.); *плывущий за́ Дон* (Недог.); также: *скрыться, лечь за́ мост, за́ стену* и др.

Среди сочетаний с предлогом *за* с перенесенным на предлог ударением выделяется довольно большая группа сочетаний с объектным значением. Сюда относятся только сочетания, включающие глаголы с общей семантикой прикосновения (*брать, хватать, держать*) и имена, являющиеся обозначением частей тела или одежды: *схватить, таскать за́ косу* (*за́ косы*); *дергать, хватать за́ полу* (*за́ полы*); *взять, схватить, обнять за́ плечи*; *дергать, хватать за́ ухо* (*за́ уши*); *хватать, щипать за́ бок*; *теребить за́ ворот*; *хватать за́ нос*; *схватиться, взяться за́ голову*; *схватить, уцепиться за́ волосы*. Во всех этих сочетаниях употребительно и ударение на имени, примерно в равном соотношении с ударением на предлоге, кроме сочетаний: *брать, держать, хватать за́ руку, за́ руки* (а также — *водить за́ руку*) и *тащить, хватать, брать за́ ногу, за́ ноги*, которые употребительны с большим преобладанием ударения на предлоге. Совершенно устойчиво сохранение ударения на предлоге в сочетаниях фразеологизованных: *схватиться за́ голову* ‘впасть в отчаяние’, *брать, хватать за́ душу* (или *за́ сердце*) ‘волновать’, *водить за́ нос* ‘обманывать’, *притягивать за́ волосы*. В сочетаниях, включающих имена с другим значением, случаи ударения на предлоге единичны как в литератур-

ном языке XIX в., так и сейчас: *за́ повод коня схватил* (Лерм.), *за́ соху взялся* (Некр.) [23].

Единичны примеры ударения на предлоге и в сочетаниях, являющихся выражением возместительных отношений, при этом преимущественно они приходятся на долю поэтов прошлого века: *за́ воду не просит ничего* (Добр.); *платить за́ воду* (Плещ.); *молю за́ душу* (Лерм.); *за́ душу подали* (Некр.); *почем ты просишь за́ душу* (Язык.); *благодарить за́ хлеб, за́ соль* — (Мей) [24]. Единственный пример устойчивого сохранения ударения в сочетаниях этого типа в современном языке — фразеологизм *зуб за́ зуб* (ср. диалектное *корень за́ корень*).

В пределах сочетаний с предлогом *за* эта группа сочетаний, выражающих обстоятельственные отношения, ограничивается только сочетаниями с временным значением, которые распадаются на две группы: сочетания с общим значением ‘сделать что-либо в течение указанного срока’: *износить за́ зиму, построить за́ год, написать за́ ночь, устать за́ день*, или являющиеся обозначением срока, предшествующего чему-либо: *за́ день до, за́ год до*. Ударение в этих сочетаниях устойчиво удерживается на предлоге. В имеющихся материалах соотношение ударения *за́ ночь* и *за но́чь* составляет 16 : 1, *за́ день* и *за де́нь* — 14 : 1, *за́ год* и *за го́д* — 2 : 1, *за́ зиму* отмечено только с ударением на предлоге.

В современном литературном языке получает распространение (в литературном языке прошлого века не отмечаемое) ударение *за́ лето* ‘за время лета’, (Сельв., Гус., Васил. и др.).

В литературном языке прошлого века были употребительны сочетания с предлогом *за*, являющиеся обозначением срока, перешедшего указанную временную границу:

Эй! Софья Павловна, беда:
Зашла беседа ваша *за́ ночь*;
Вы глухи? — Алексей Степаныч. . .

Грибоедов. Горе от ума

Сейчас из сочетаний этого типа употребительно только *за́ полночь* при распространенном ударении и *за по́лночь*

[23] Ср. в диалектных материалах: *захватить за́ скобу, цепля́тися за́ стену* («Хоть за́ стену зубом, хоть в стену головой» — поговорка), *за́ нож хвата́ться*.

[24] Ср.: диалектное — *за́ косу* ‘плата одному из братьев невесты’.

(соотношение того и другого ударения — 2 : 1) и как очень редкое — *за́ полдень*. Особый случай представляет наречие *за́втра*.

В современном языке из сочетаний с предлогом *под* с пространственным значением и перенесенным на предлог ударением известно только *идти, бежать спускаться по́д гору*, отмеченное с преобладающим ударением на предлоге (соотношение — 2,5 : 1; в литературном языке прошлого века это ударение отмечено как единственно употребительное) и *уйти, нырять, скользить по́д воду*, где возможно и то и другое ударение.

Кроме этого, здесь можно назвать только сочетания, включающие имя, являющееся обозначением частей тела: *падать, бросать, стлать по́д ноги* и *под но́ги* (соотношение того и другого ударения — 2 : 1); *класть, совать по́д руку* и значительно реже — *под ру́ку*. С устойчивым ударением на предлоге отмечено *смотреть по́д ноги* с наречным значением ‘вниз’ и *брать, вести по́д руку* (*по́д руки*) со значением ‘каким образом, как’; ср. фразеологизмы: *говорить по́д руку, попасться по́д руку*. По аналогии с наречным *брать, вести по́д руку* в современном языке получает распространение в *по́д локоть* — в том же значении, например:

Подпершись одной рукой,
Чуть склонясь, и эту руку
Взявши *по́д локоть* другой,

Твардовский. Василий Теркин

Менее распространены с ударением на предлоге сочетания *совать, тыкать по́д нос* (и *под но́с*); *бормотать, бурчать по́д нос* (и *под но́с*); *положить по́д голову* (и *под го́лову*), *по́д бок* (и *под бо́к*). Ср. употребительные в литературном языке прошлого века *подступить, хватить по́д сердце* (Крыл., Мей, Толст.), *по́д ухо* (Ерш.); ср. диалектные *по́д брюхо, по́д спину*.

Что касается сочетаний, включающих имена с другой семантикой, то они в современном языке почти не представлены. Можно отметить единичные примеры ударения *по́д небо* (*закинуть*) (Симон.), *бросить, уронить по́д пол*. Ср. в литературном языке прошлого века *по́д город пробрался* (Крыл.) (ср. диалектные *по́д избу, по́д угол, по́д борону*).

Сочетания, выражающие обстоятельственные значения представлены только одним сочетанием — *пóд вечер* ‘о времени: перед вечером’, но здесь значительно преобладает ударение на имени. Соотношение того и другого ударения составляет 1 : 5 (ср. отмечаемые только в диалектном материале *пóд зиму*, *пóд осень*).

В большинстве своем сочетания с предлогом *о* (*об*), включают глаголы с общим значением ‘ударить, удариться’: *дробиться óб воду*; *ударить* (*удариться*), *хватить*, *грянуться óб землю*; *бросать*, *разбивать óб стену*; *стукнуть*, *разбить*, *грянуться óб пол*. С преобладающим ударением на предлоге употребительно только это последнее сочетание, все остальные отмечены с большим преобладанием ударения на имени. С устойчивым ударением на предлоге употребительно наречие *óземь* (*удариться*, *грянуться óземь*; *поклониться óземь*), а также фразеологизованные *óб стену горохом*, *биться головой óб стену*, хотя и здесь часто ударение на имени — *об стéну*.

Только как единичные примеры ударения на предлоге в литературном языке прошлого века и в современном языке отмечены *как óб берег бьют* (Лерм.); *óб порог* (Гриб.); *óб стол* (*ударить*, *стукнуть*) (Алиг.); *óб лед* (биться) (Пастерн.); *óб кость* (*стучать*) (Кедр.).

Особо следует отметить здесь выражающее обстоятельственное значение сочетание *рука óб руку* (идти, шагать, сидеть ‘рядом’), употребительное только с ударением на предлоге. По этому типу, как бы по принятой схеме, в современном языке образуется еще ряд сочетаний с тем же значением: *бок óбок* (*сидеть*, *идти*); *борт óборт* (*идти*, *плыть*). Можно отметить и несколько примеров употребления сочетания *локоть óб локоть* (Недог., Евтуш.). «Остаточное» выражение временны́х отношений сочетаниями с предлогом *о* представляет наречие *óполдень*, в современном языке уже почти не употребительное, ср. с тем же значением диалектное *óб вечер* (и *óб вечер*).

Для современного литературного языка группа сочетаний с предогом *по* с пространственным значением, называющих действие и предмет как предел распространения действия, ограничена только сочетаниями, включающими имена — обозначения частей тела или одежды; они выражают обстоятельственные отношения (меры и степени): *залезть пó пояс*, *пó ворот*, *пó уши*; *засучить рукава*,

отрубить руку по́ локоть. В литературном языке прошлого века отмечалось и *по́ брюхо*; *по́ плечи ушедши* (Жук.).

Во всех этих сочетаниях в современном литературном языке преобладающим является ударение на имени — *по пбяс*, *по вброт*, *по у́ши*, *по лбкоть*. Отступает только *по уши*, в случае употребления этого сочетания в образно-переносном смысле: *влюбиться по́ уши.*

Вторая группа сочетаний с этим предлогом — сочетания, являющиеся обозначением цели действия, в современном языке представлена только одним сочетанием — *идти по́ воду*, употребляемым с устойчивым ударением на предлоге (ср. диалектные *идти по́ кус*, *по́ корм*, *по́ сено*, *по́ соль*).

В современном литературном языке из сочетаний с именем в род. падеже предлогом *из* с пространственным значением (называющие действие и предмет, изнутри которого исходит действие) с перенесенным на предлог ударением употребительно только *выходить*, *выезжать*, *возить и́з лесу*, при возможном, но менее употребительном ударении *из ле́су* и *выходить и́з дому* — обычно в определенном значении: если речь идет о квартире, жилье. И в том и в другом сочетании сохранение ударения на предлоге тесно связано с сохранением старой формы род. падежа на *-у*. Так, соотношение числа употребленных ударений на предлоге и на имени в имеющихся материалах составляет: в сочетании *из лесу* — 3 : 1, *из дому* — 1: 1, тогда как сочетания *из леса*, *из дома* (составляющие в количественном соотношении к *из лесу* и *из дому* соответственно 1,5 : 1 и 1 : 1) отмечены почти исключительно с ударением на имени. Только как единичные могут быть отмечены для современного литературного языка ударения *и́зо рту*, *и́з носу* (последнее обычно только в выражениях *кровь идет из носу*, *пускать дым из носу*) при обычном *изо рта́*, *из но́са*.

Ударение на предлоге употребительно во фразеологизованных сочетаниях *скрыться*, *потерять и́з виду* (при равно возможном и *из ви́ду* и только *из ви́да*); *и́з ряду вон*; *и́зо дня в день* и *и́з года в год* (при возможном и *изо дня́ в день*, *из года́ в год*) [25].

[25] Ср. отмечаемые только в качестве единичных примеров с ударением на предлоге (по типу сочетаний с временным значением) *и́з угла в угол* (Жук.); *и́з двери в дверь* (Сельв.); *в руки и́з рук*, *и́зо рта в рот* (Паст.).

Литературный язык прошлого века представлял переход ударения на предлог в сочетаниях с предлогом *из* более широко — преимущественно за счет сочетаний с пространственным значением: *и́з саду* (*выйти, скрыться* — у Жук., Толст.), *и́з городу* (*выйдет* — у Мих.); *и́з ряду* (*выводить, выходить* — у Барат., Жук.); *и́з груди проси́ться* (Лерм.); то же и в ряде других сочетаний: *напьюсь и́з Дону* (Мей); *и́з моря ловить* (Некр.); *и́з лука стрелять* (Жук., Катен., Изм.. Крыл.); *вывевают душу и́з тела* (Мей и некот. др.). Только в диалектных материалах отмечены *и́з печи, и́з степи, и́з поля, и́з берегу, и́з Клину, и́з полку.*

Из сочетаний с прелогом *до* в современном литературном языке с перенесенным на предлог ударением употребителен только ряд сочетаний, выступающих в обстоятельственном значении: *до́ смерти стоять, дружить, помнить*; *до́ смерти убить, ухлопать, запороть*; *до́ смерти испугаться, любить, жалеть* (распределение ударения на предлоге и имени в имеющемся материале в первом типе сочетаний 1 : 2; во втором — 1: 1, в третьем — 2: 1); *уколоться, кусать, царапать до́ крови* (соотношение ударения — 2 : 1); *трудиться до́ поту*; *наполнить до́ верху* (соотношение ударения на предлоге и имени здесь 4 : 1; только с ударением на предлоге отмечены выражения *снизу до́ верху* и *сверху до́ низу*); *сделать что-либо до́ свету* ‘очень рано’ (соотношение с ударением *до све́ту* составляет 1 : 1, но только *до све́та*); *делать что-л. до́ ночи* ‘до поздна’. В последнем сочетании преобладающим является ударение на имени (1 : 4), также и в выражении *с утра до́ ночи.*

С перенесенным на предлог ударением употребительно еще несколько сочетаний с исконным пространственным значением, но выступающих со значением обстоятельственным: *идти до́ дому* ‘домой’ (при преобладании ударения на имени — *до до́му* и только *до до́ма*); *присесть, висеть до́ полу* и *до по́лу* (и только — *до по́ла*). Как сравнительно редкие примеры могут быть отмечены *до́ неба долетать, вырастать, выситься*; *до́ земли гнуться, свисать* (по этому типу сделано и *до́ снегу*, отмеченное у Пастернака); *до́ уха свисать*; *добираться, доходить до́ сердца*; преимущественно только в материалах, относящихся к прошлому веку встречается: *доходить, доносить до́ рту*; *кровь до́ моря струилась* (Толст.).

В современном литературном языке из сочетаний с предлогом *от* с перенесенным на предлог ударением известно наречие *о́троду*. В литературном языке прошлого века в наречном же значении было известно *о́т веку* ‘извечно’, например, у Мея:

И вот опять обман, опять каменья скал,
Где *о́т веку* ручей студеный не журчал.
Пустынный ключ

Кроме этого можно назвать только фразеологизованное *час о́т часу* (*час о́т часу не легче*) и отмеченные в качестве единичных примеров в литературном языке прошлого века и сейчас *век о́т веку*, *год о́т году*; ср. у Крылова:

А бедный пруд *год о́т году* все глох,
Заволочен весь тиною глубокой,
Зацвел, зарос осокой.
Пруд и река

день о́то дня — при обычных *год от го́да*, *день ото дня́* и под.

Только в литературном языке XIX в. отмечен с перенесенным на предлог ударением ряд сочетаний с предлогом *от* с пространственным и объектным значением: *идут о́т Дону*, *о́т моря*; *навевают стрелы о́т моря* (Мей); *идут о́т моря и от всех стран* (Жук.); *о́т сердца отлетало* (Мей); *о́т дому отбилась* (Крыл.). Подобные ударения довольно широко отмечаются в диалектном материале: *о́т груди*, *о́т глаза*, *о́т сына*, *о́т сена*, *о́т мужа* и др.

В группе сочетаний с предлогом *у* перенесенное на предлог ударение наблюдается только в одной группе относящихся сюда сочетаний — сочетаниях с пространственным значением (называющих действие и предмет, в близком расстоянии от которого совершается действие), при этом примеры таких ударений приходятся почти исключительно на долю поэтов прошлого века: *что у́ моря лежит рыбачий невод* (Жук.); *запевают на береге у́ моря* (Мей); *у́ моря бродишь* (Некр.); *пошел на край долины у́ моря искать дичины* (Пушк.); *расплескался у́ моря* (Мей); *у́ дому ждут*; *с пеною у́ рта*, *у́ лесу пасется* (Некр.).

В современном языке с перенесенным на предлог ударением употребительно только *у́ моря*, обычно в выражении *сидеть у́ моря и ждать погоды*, при преобладании

и здесь ударения *у мóря* [26]. Ср. отмечаемые только как диалектные *ý мосту*, *ý города*, *ý поля*, *ý смерти*, *ý хлеба* (пословица: *ý хлеба и крохи* — о наживе), *ý печи*, *ý лошади*. Тоже как диалектные с ударением на предлоге отмечены сочетания с объектным значением: *ý Спаса*, *ý парня*, *ý сына*, *ý бога*, *ý вора* (*вор ý вора дубинку украл*). Единичные примеры такого ударения отмечены в литературном языке прошлого века: *ý моря жадного дна не допросится* (Бенед.); *ý друга* (Крыл.).

В группе сочетаний с предлогом *без* в современном литературном языке с ударением на предлоге употребительны только два сочетания с предлогом *без*, выступающие как наречия: *делать что-л. бéз толку* ‘зря, попусту’, где преобладающим является ударение на имени (соотношение ударения на предлоге и имени составляет сейчас 1 : 2) и *пропасть*, *кануть бéз вести* (соотношение ударения на предлоге и имени здесь 1 : 1). С ударением на предлоге употребительно и *бéз году* в выражении *бéз году неделя* [27].

В диалектном материале отмечен с перенесенным на предлог ударением ряд сочетаний с предлогом *без* с объектным значением: *бéз носу*, *бéз мужа*, *бéз соли*, *бéз креста*, *бéз шерсти* (*Баран бéз шерсти не живет*), *бéз глазу* (*У семи нянек дитя бéз глазу*). В литературном языке прошлого века из этого типа сочетаний с перенесенным на предлог ударением употреблялось *бéз четверти* ‘о времени’, бывшее, судя по имеющимся материалам, определенной нормой.

Из сочетаний, включающих предлог *со*, с перенесенным на предлог ударением употребительно только фразеологизованное *уморить*, *умереть*, *лопнуть*, *покатиться сóбой смеху*, выступающее при обозначении обстоятельственных (причинных) отношений, и *сжить*, *согнать сóбой свету* (при возможном и *со свéту* и только *со свéта*), относящееся к группе сочетаний с пространственным значением. Все остальные случаи размещения ударения на предлоге *со* отмечены единичными примерами, всегда приходящимися на долю сочетаний с пространственным значением: *вынырнули*

---

[26] Вне этого выражения сочетание *у моря* с ударением на предлоге в современном языке может быть отмечено только как очень редкое, известное преимущественно у старших поэтов.

[27] При любом изменении этого выражения ударение обычно на имени: *ему семь дней без гóду* (Кирс.).

со́ дна (Мей); *со́ снегу не встать* (Ахмат); *со́ льду* (Паст.).

Сочетания, включающие имя в дат. падеже с предлогом *по*, употребительные в современном литературном языке с ударением на предлоге, довольно многочисленны. По своим синтактико-семантическим признакам эти сочетания распадаются на две группы: сочетания, выражающие пространственные отношения, и сочетания, выражающие отношения объектные. Преобладающей по объему является первая группа сочетаний, называющих движение, совершаемое по поверхности какого-либо предмета и самый предмет: *блуждать, ходить, странствовать по́ свету*; *бродить, скитаться по́ миру*; *ходить бродить по́ лесу*; *гулять по́ саду*; *ходить по́ полю*; *плыть по́ морю, по́ небу*; *бродить, бегать по́ двору*; *ходить, лазить по́ снегу*; *скользить по́ льду*; *ходить, ползать по́ полу*; *ходить, бродить по́ дому*; *идти по́ мосту* и др.

При преобладании в целом в этой группе сочетаний в современном литературном языке ударения на имени, ударение на предлоге здесь тоже имеет широкое распространение. Так, в имеющихся материалах соотношение ударения на предлоге и имени составляет: *по́ полу* и *по по́лу* — 7 : 1; *по́ лесу* и *по ле́су* — 1,5 : 1; *по́ двору* и *по двору́* — 4 : 1; *по́ миру* и *по ми́ру* — 1 : 1; *по́ полю* и *по по́лю* — 1 : 2; *по́ небу* и *по не́бу* — 1 : 1 *по́ морю* и *по мо́рю* — 1 : 1; *по́ снегу* и *по сне́гу* — 1 : 1,5; *по́ льду* и *по льду́* — 1 : 1; *по́ мосту* и *по мосту́* — 1 :1; со значительным преобладанием ударения на имени отмечены *по́ свету* и *по све́ту* — 1 : 5; *по́ саду* и *по са́ду* — 1 : 3; *по́ лугу* и по *лу́гу* — 1 : 4; *по́ дому* и *по до́му* 1 : 5.

Судя по имеющимся материалам, литературный язык прошлого века представлял перенос ударения на предлог в этих сочетаниях значительно шире: *по́ свету* и *по све́ту* — 1 : 1, *по́ миру* и *по ми́ру* — 1 : 1, *по́ небу* и *по не́бу* — 1 : 1, *по́ лесу* и *по ле́су* — 5 : 1, *по́ полю* и *по по́лю* — 4 : 1, *по́ морю* и *по мо́рю* — 8 : 1, *по́ лугу* и *по лу́гу* — 2 : 1 и т. д. [28]

Кроме того, в литературном языке прошлого века отмечается с перенесенным на предлог ударением ряд сочетаний, в которых сейчас перенос ударения совсем

---

[28] Особо стоят фразеологизмы *ходить по́ миру* 'нищенствовать', *пустить по́ миру*, характеризующиеся устойчивым ударением на предлоге.

невозможен: *пó валу гуляли* (Жук.) [29]; *пó груди кровь течет* (Сурик.); *мечется пó печи, валяйся пó печи* (Некр.); *ходит пó цепи кругом* (Пушк.); *едет пó степи* (Мей.); *рыщет пó степи шакалом* (Рыл.); *пó грязи валялся* (Крыл.); *пó грязи шлепал* (Бенед.). Перенос ударения в подобных сочетаниях широко представлен в диалектном материале, ср. отмечаемое Далем *трезвонить пó городу, пó хлебу ходить*; также: *пó ручью, пó песку, пó берегу, пó людям* (*беда не пó лесу ходит, а пó людям*) и др.

Очень невелика по объему группа сочетаний с объектным значением. В большинстве своем это сочетания, включающие глаголы *дать, хватить, стукнуть* и под., и имена, являющиеся обозначением частей тела: *дать, стукнуть пó лбу, пó носу. пó уху*. Особое место занимает наречие *пó боку* (*ученье пó боку — и гулять*), фразеологизованное сочетание *что в лоб, что пó лбу*.

В соединении с другими именами употребительно обычно только *стукнуть, ударить пó столу*, отмеченное с преобладающим ударением на предлоге. Все другие случаи постановки ударения на предлоге в сочетаниях этого типа единичны [30].

Выделяется небольшая группа сочетаний с предлогом *по*, выступающих в обозначении обстоятельственных отношений: а) с именами отвлеченными: *идти пó низу* ‘низом’, *пó верху* ‘верхом’; б) с именами конкретными: *прийтись пó сердцу* ‘по вкусу, по нраву’, *не пó носу*, ‘не по нраву’. Ср. *не пó шерсти* — в том же значении у Крылова:

Ахти! *не пó шерсти* совсем нам эти шутки!
Лентяй

Ср. также диалектное *не пó духу*. Только в диалектном материале отмечены с ударением на предлоге *пó чину*; *решать пó жеребью*; ср. отмечаемое Далем *делай пó слову*.

Из сочетаний с временным значением сюда относится *пó утру* ‘утром’, имеющее сравнительно небольшое распространение (это ударение в соотношении с *поутрý*

---

[29] Ср. пример у Булаховского: «Зашел в древний, по ничем не замечательный собор, *гулял пó валу. . .*» (письмо А. И. Тургенева Вяземскому; ударение проставлено в тексте).

[30] В литературном языке прошлого века встречаются с ударением на предлоге несколько сочетаний с распределительным значением. Ср.: *Да пó рогу еще для случая в запас* (Дмитр.).

составляет 1 : 14; с *поу́тру* — 1 : 1,5). В материалах XIX в. отмечено и *по́ вечеру*.

Из сочетаний, включающих имя в твор. падеже с предлогом *за* (называющих действие и предмет как предел, за которым это действие происходит), в современном литературном языке с перенесенным на предлог ударением употребительно только *за́ морем* (*быть*, *находиться*), имеющее обобщенный, переносный смысл — 'где-то очень далеко, в чужих краях', и *быть*, *находиться за́ городом*, выступающее также с обобщенным значением — 'в пригородной местности'. Только как единичные примеры ударения на предлоге могут быть отмечены *за́ полем* (Недогон.); *за́ лесом* (Марш.). Сравнительно устойчиво ударение на предлоге в сочетании *за́ ухом* (*носить*, *чесать*).

Литературный язык прошлого века представляет подобных примеров значительно больше: *красное солнце за́ лесом село* (Катен.); *за́ лесом кто-то ругается вслух* (Некр.); и *Волхов за́ лесом шумел* (Лерм.); *и за́ лесом благовест дальний* (Фет); *за́ дверью огонь горит* — (Дельв.).

Перенос ударения на предлог в подобных сочетаниях довольно широко представлен в диалектных материалах: *за́ носом* (ср. пословицу *Два глаза, да и те за́ носом*), *за́ поясом*, *за́ Клином*, *за́ годом* (*За́ годом, что за́ веком*), *за́ озером* и др.

Только как диалектные отмечены с перенесенным на предлог ударением сочетания с предлогом *за* со значением цели действия: *за́ брюхом* (ср. пословицу: *Хлеб за́ брюхом не ходит*).

В группе сочетаний с предлогом *под* с перенесенным на предлог ударением известны только сочетания с пространственным значением, называющие действие и предмет, ниже которого (или внизу которого, под покровом которого) происходит действие. Из них в современном литературном языке с ударением на предлоге употребительно только *быть*, *находиться по́д боком* (при возможном и *под бо́ком*) в образно-переносном смысле 'близко' (в отличие от *под бо́ком* в конкретном значении); в подобном употреблении, но более редкое и *по́д носом* (и *под но́сом*). Кроме этих сочетаний с более или менее устойчивым ударением на предлоге отмечено *по́д полом*. Все остальные случаи постановки ударения на предлоге в сочетаниях этого типа отмечены как единичные. Примеры сочетаний, известных с перенесенным на предлог ударением

в диалектах, свидетельствуют о былом более свободном переносе ударения в сочетаниях этого типа. Ср. диалектные: *по́д богом* (пословица *Все по́д богом ходим*), *по́д морем*, *по́д небом* (*По́д небом ходим, как по́д богом*), *по́д лесом*, *по́д мостом*, *по́д сеном*. Некоторые немногочисленные примеры такого ударения отмечаются еще и в литературном языке прошлого века: *по́д ухом* (Мей); *по́д богом* (Курочк.).

Из сочетаний, включающих имя в местн. падеже с предлогом *на* (называющих действие и предмет, на котором или на поверхности которого протекает действие) с перенесенным на предлог ударением в современном литературном языке употребительно только несколько сочетаний, включающих имена *море*, *небо* и *поле*: *быть, плавать на́ море*; *светиться, зажигаться, на́ небе*; *быть, находиться на́ поле*, при этом соотношение числа употребленных ударений на предлоге и имени составляет в *на́ поле* и *на по́ле* 1,5 : 1 (в литературном языке прошлого века 3 : 1), *на́ небе* и *на не́бе* — 1 : 2 (в литературном языке прошлого века 2 : 1), *на́ море* и *на мо́ре* — 1,5 : 1 (в литературном языке прошлого века это сочетание отмечено почти исключительно ударением на предлоге).

Из сочетаний с другими именами с перенесенным на предлог ударением употребительно *лежать, таить, носить на́ сердце* (при преобладании ударения *на се́рдце*: соотношение того и другого ударения 1 : 3, для прошлого века 1 : 1). Сюда относится и фразеологизм *ловить* (*поймать*) *на́ слове*.

В литературном языке XVIII—XIX вв. можно отметить отдельные примеры ударения на предлоге в свободных сочетаниях, включающих имена с конкретным значением, например, *на́ древе увидел* — у Тредьяковского. Единственный сейчас пример такого ударения см.:

> Девичий профиль с локоном *на́ щеке*
> Небрежно подписанный «Саш»
>
> *Сельвинский.* Пушторг (ударение в тексте)

Анализируемый материал показывает, таким образом, что перенос ударения на предлог в группе «предлог + управляемое им имя» — явление для современного языка неживое.

Перенесенное на предлог ударение сохраняется (с разной степенью устойчивости) только в определенных груп-

пах сочетаний или же оно связано с особым фразеологизованным употреблением того или иного предложно-именного сочетания.

О первой группе фактов. Как мы убедились, устойчивым ударением на предлоге характеризуются прежде всего (эта группа сочетаний наиболее значительна по объему) сочетания, выражающие разного рода определительно-обстоятельственные отношения: называющие действие и способ его осуществления или дающие характеристику его с точки зрения протекания во времени.

Степень устойчивости перенесенного на предлог ударения находится обычно в тесной связи со степенью адвербиализации предложно-именного сочетания. Устойчивым ударением на предлоге характеризуются, как правило, предложно-именные сочетания, полностью перешедшие в разряд наречий: 1) сочетания, утерявшие связь с именем вследствие того, что имя вообще вышло из употребления (*о́коло*, *на́стежь*), оказалось неупотребительным в литературном языке или (*удариться*, *грянуться о́земь*; *упасть*, *уронить*, *бросить на́земь*) неупотребительным в данном значении (*не видеть*, *не слышать*, *не знать о́троду* 'никогда'); 2) сочетания, включающие имя в старой, не употребительной сейчас форме (*выйти за́муж*); 3) сочетания, оказавшиеся изолированными, вследствие неупотребительности других сочетаний, выражающих те или иные отношения, с данным предлогом (*о́полдень*).

В тех же сочетаниях, где связь с именем в современном языке сохраняется, и в других случаях имя в сочетании с тем же предлогом может выступать в своем конкретном значении, ударение на предлоге обычно неустойчиво: *делать что-л. бе́з толку и без то́лку*; *пропасть бе́з вести и без ве́сти*; *делать что-л. на́зло и назло́*, *во́время и вовре́мя*; *идти по́утру* и *поутру́* (или *по́утру*); *испугаться на́смерть* и *насме́рть*, *до́ смерти* и *до сме́рти*; *исцарапать до́ крови* и *до кро́ви*; *видеть и́здали* и *издали́*; *идти на́верх* и *наве́рх*, *по́низу* и *пони́зу*, *по́верху* и *пове́рху*; *налить до́верху* и *дове́рху* и др. Наблюдается, однако, совершенно ясная общая тенденция к более устойчивому, по сравнению с литературным языком прошлого века, закреплению ударения на предлоге почти во всех подобных случаях. Так, наречие *назло* в литературном языке прошлого века отмечено только с ударением на имени (назло́), сейчас соотношение ударения *на́зло* и *назло́* составляет 1 : 2;

наречие *наверх* было отмечено только с ударением на имени, современное соотношение *на́верх* и *наве́рх* 1 : 3; ударение в наречии *до́верху* и *дове́рху* в литературном языке прошлого века отмечено в соотношении 2 : 1, сейчас — 4 : 1; *во́время* и *вовре́мя* — 2 : 1, сейчас употребительно только *во́время*.

В этом плане интересно и приведенное сопоставление соотношения ударения на предлоге и на имени в сочетаниях *осудить*, *обречь идти*, *провожать на смерть*; *биться*, *стоять насмерть*; *испугаться насмерть*; *стоять*, *дружить*, *драться до смерти*; *убить*, *ухлопать*, *запороть до смерти* и: *испугаться*, *любить до смерти*; *уколоться*, *оцарапаться до крови* и т. д.

Можно указать также на устойчивую тенденцию разграничивать по ударению сочетания *на́ дом* в наречном значении 'домой' и *на до́м* со значением объектным 'на здание', *за́ город*, *за́ городом*, если имеется в виду пригородное место, и *за го́род*, *за го́родом*, где *город* выступает в своем конкретном значении и т. д.

О тенденции связывать ударение на предлоге с адвербиализацией, как о тенденции очень живой, могут свидетельствовать многочисленные примеры такого ударения, не относящиеся к числу устойчивых, но отмечаемые как в литературном языке прошлого века, так и сейчас. Ср: *продавать на́ вес* (Жук.); *ехать на́ свет* (Мей); *расстаться на́ время* (Тред.); *бежать*, *кинуть на́ голос* — (Мей, Жук.); в современном языке: *поднимать песню на́ голос* (Багр.) и др. [31]

Большое место занимают сочетания с так называемым пространственным значением, часто именуемые полунаречными. Характерно, что направление происходящих здесь изменений ударения совсем иное, чем в только что рассмотренной группе. Несмотря на определенное (и довольно широкое) употребление таких сочетаний с ударением на предлоге, в целом в сочетаниях этого типа в современном языке наблюдается уменьшение удельного веса напредложного ударения. Об этом свидетельствует как уменьше-

---

[31] Эта тенденция является очень живой в народном языке. Ср. отмечаемые только как диалектные: *пить на́ лоб* 'до дна', *срубить на́ корень*, *во́ корень*; *делать что-л. по́ слову*; *что-л. не по́ носу*, *не по́ духу* и др.

ние доли напредложного ударения в сочетаниях, где это ударение сейчас употребительно (ср. приведенные изменения в соотношении числа отмеченных ударений на предлоге и имени в сочетаниях типа *на́ гору* (*на́ горы*) — *на го́ру* (*на го́ры*), *на́ небо—на не́бо*, *на́ поле—на́ поле*, *на́ воду—на во́ду*, *на́ берег—на бе́рег* и под.), так и уменьшение по сравнению с литературным языком прошлого века самого круга сочетаний с ударением на предлоге. Ср. известные в литературном языке прошлого века, а в дальнейшем совершенно вышедшие из употребления *идти, собираться на́ площадь*; *ездить на́ воды*; *выгонять, ехать на́ луг*; *выходить и́з саду* и др.; сочетания с рядом предлогов, на которых в современном языке ударение не отмечается: *идти, пускать ко́ дну, примерзнуть ко́ льду, поднести ко́ рту*; *ехать во́ Псков*; *быть, находиться на́д морем, на́д носом*; *выйти, выехать, показаться из-за́ моря, из-за́ лесу*; *стоять при́ море*; *быть при́ муже.*

В особенности это относится к сочетаниям, включающим имена с конкретным значением, где пространственные отношения выражены слабее.

Как видно из приведенных материалов, в современном литературном языке в данном случае перенесенное на предлог ударение наблюдается только в определенных группах сочетаний. Это главным образом сочетания, включающие имена, являющиеся обозначением частей тела (или — реже — одежды), и глаголы с общим значением ‘поместить (поместиться)’: *положить, взвалить, закинуть на́ спину*; *накинуть на́ плечи*; *надевать на́ голову*; *натягивать на́ руку, на́ ногу*; *садиться на́ нос*; *закинуть (руки) за́ голову*; *повесить за́ плечи, за́ спину*; *положить за́ ухо, за́ щеку*; *класть по́д руку, по́д голову, по́д бок*; *бросать стлать по́д ноги*; *совать, тыкать по́д нос*; *залезать по́ пояс, по́ ворот, по́ уши.*

Во всех этих сочетаниях в современном языке употребительно и ударение на имени с разной степенью его преобладания [32]. Сравнение с литературным языком прошлого века указывает на более значительное в целом преобладание ударения на имени в сочетаниях этого типа в современном языке.

---

[32] Исключая, как отмечалось, сочетания, входящие в состав фразеологизмов: *сесть на́ голову*; *брать грех на́ душу*; *поднять, поставить на́ ноги* и т. д.

Что касается других сочетаний, то в современном языке с перенесенным на предлог ударением употребительны только сочетания, входящие в состав фразеологизмов или разного рода устойчивых выражений: *брать, вести по́д руку*; *подняться, встать на́ ноги*; *попасться по́д руку*; *говорить по́д руку*; *бормотать по́д нос* и под.

То же относится и к сочетаниям, включающим имена с другим значением. В современном языке с устойчивым ударением на предлоге из сочетаний этого типа употребительны либо входящие в состав определенных устойчивых выражений: *лезть на́ стену*; *ставить на́ кон, сажать на́ кол, бросать на́ ветер, и́з ряду вон*, либо выступающие в наречном значении: *положить (завязать) на́крест; слать, носить на́ дом* 'домой'; *выходить и́з дому* 'из квартиры', *идти до́ дому* 'домой'; *выбросить за́ борт*; *ехать за́ город, быть за́ городом* 'в пригородной местности', *идти по́низу, по́верху* и под.

В немногочисленных свободных сочетаниях этого типа, допускающих переход ударения на предлог, преобладает ударение на имени: *вешать на́ стену; класть на́ доску, забираться на́ печь, сажать на́ воз.*

Только как единичные представлены в современном литературном языке ударения: *за́ дверь* (*сунуться*), *за́ дом* (*укрыться*), *за́ мост, за́ стену* (*лечь*) и др. Характерно, что литературный язык прошлого века представлял переход ударения на предлог как более свободный в значительной мере именно за счет этого типа сочетаний.

Самое незначительное число ударений на предлоге в современном языке приходится на долю сочетаний с объектным значением. Как видно из приведенных материалов, в диалектах перенос ударения в этом типе сочетаний представлен довольно широко (ср. приведенные выше *у́ мужа, у́ бога, у́ вора* и др.), определенное распространение имел он еще и в литературном языке прошлого века (*пойдет на́ сына, на́ бога, смотрит на́ мужа, на́ друга*; *смотрит на́ лес* и т. д.).

В современном языке это исключительно только или сочетания наречного характера: *идти рука́ об ру́ку*, или сочетания, входящие в состав фразеологизмов: *на́ ночь глядя, показываться на́ люди, бе́з году неделя.*

Кроме этого, с перенесенным на предлог ударением употребительны только определенные группы сочетаний, которые не могут быть названы несвободными, но характе-

ризуются очень узким кругом глаголов, вступающих в данное соединение (а также и имен), и которые, по сути дела, близки к фразеологизмам. К ним относятся: а) сочетания, включающие глаголы с общим значением прикосновения и имена, являющиеся обозначением частей тела или одежды: *брать, хватать, держать за́ руки, за́ руку, за́ ногу; схватить, таскать за́ косу; дергать, хватать за́ полу; взять, обнять за́ плечи; дергать за́ ухо; уцепиться за́ волосы; теребить за́ ворот* и др.; б) сочетания с глаголами с общим значением ‘ударить, удариться’: *стукнуть, дать по́ лбу, по́ носу, по́ уху; хватить, ударить, грянуться об пол.*

Как и в других группах сочетаний, о которых мы упоминали, в большинстве из этих сочетаний возможно и ударение на именп. Исключение, естественно, составляют фразеологизмы: *биться головой об стену, как об стену горохом, притягивать за́ волосы* и т. д.

Как видно из приведенных материалов, большое место среди сочетаний, сохраняющих ударение на предлоге, занимают разного рода фразеологизмы. Ударение на предлоге сохраняется в данном случае обычно очень устойчиво; можно отметить только отдельные случаи нарушения места ударения (перенесение его на имя) как в литературном языке прошлого века, так и сейчас.

Характерно, что ударение на предлоге сохраняется обычно и при любом варьировании выражения, ср.: *нечист на́ руку, туг на́ ухо* и образуемые по этому типу тоже с ударением на предлоге *на́ руку тяжела, скупа на́ воду, на́ душу тяжел, на́ душу нечист* и под.; широко отмечаемые в литературном языке прошлого века *рука об руку* ‘рядом’ и получающие (судя по материалу) распространение позже *бок о́ бок, локоть об локоть, борт о́ борт* — с тем же значением и др. Показательны также некоторые примеры подобного ударения, носящие «индивидуальный» характер: *и́зо рта в рот, и́з двери в дверь, и́з рук в руки* и под.

В целом, однако, литературный язык прошлого века представлял перенесенное на предлог ударение и в таких специальных случаях (речениях) более широко.

II

АКЦЕНТНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГЛАГОЛЬНОМ СЛОВОИЗМЕНЕНИИ

Несмотря на значительные успехи сравнительно-исторической (славянской) акцентологии в изучении ударения глагола, что имело одним из результатов выявление системных отношений в акцентуации форм глагола в древнерусском языке, система глагольного ударения в этот период пока не изучена с той же степенью полноты, с какой изучена система именного ударения.

Это обстоятельство несколько затрудняет исследование изменений в ударении глаголов и в период, взятый нами для рассмотрения, во всяком случае, делает невозможным последовательное проведение намеченного плана анализа: идти от состава акцентуационных парадигм в древнерусском языке, прослеживая все дальнейшие изменения.

Поэтому мы принимаем здесь иной принцип классификации материала, выделяя для анализа: а) формы прошедшего времени глаголов, б) формы настоящего времени, в) формы инфинитива (колебания ударения в этом случае охватывают всю систему форм).

Представленная группировка материала находит основание, исходя из особенностей размещения ударения, определяющих его подвижность в данном круге форм, и исходя из тех закономерностей акцентного развития, которые обнаруживают выделенные группы.

Так как колебания различного типа свойственны, в основном, глаголам разных классов, рассматриваемые факты акцентуации в процессе анализа не пересекаются. В качестве особого предмета рассмотрения выделяются глаголы с инфинитивом на -ить, обнаруживающие особые закономерности в своем акцентном развитии.

Глава первая

ИЗМЕНЕНИЕ УДАРЕНИЯ В ФОРМАХ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

В акцентуации форм глагола древнерусский язык, как показывают исследования, сохранял тесную связь с праславянским [1]. В формах наст. времени в древнерусском языке, как и праславянском, было представлено три акцентуационные парадигмы: *а* (неподвижное колонное ударение на основе: *бу́ду*, *бу́деши*. . .), *в* (ударение на окончании и рецессивное сдвинутое на предшествующем слоге: *могу́*, *мо́жеши*. . .) и *с*, где имело место чередование начального ударения в 1-м лице ед. ч. (*не́су*) и ударения на окончании (или слоге, предшествующем окончанию) в других формах (*несе́ши* или *несеши́* и т. д.).

Существенной особенностью этой парадигмы было наличие формы — enclinomen (1-е л. ед. числа), которая при образовании тактовых групп — присоединении проклитик (приставок, предлогов, частиц) или энклитик (частиц, местоимений) передавала им ударения: *не́су—при́несу—не́ принесу*; *стыжю ся́*, *живу́ же́* и т. д.[2]

В определенном соотношении с ударением форм презенса находилось ударение других глагольных форм, в частности, форм прош. времени (причастий на *-лъ*), которые тоже представляли три типа акцентуации, в зависимости то того, к какой парадигме принадлежал глагол. Система ударения *l*-причастий включала: формы enclinomen *почался́*, *зача́лся*, *зачали́ся*, *поднялся́*, *не дали́ся*.

Как показывают исследования, подобные формы в кругу причастий на *-лъ* были вплоть до XVII в. последовательно представлены в глаголах разных классов, в том числе и в классе глаголов с инфинитивом на *-нуть*,

[1] *Stang Chr.* Slavonic accentuation. Oslo, 1957.

[2] *Дыбо В. А.* О реконструкции ударения в праславянском глаголе. — В кн.: Вопросы славянского языкозн., вып. 6. М., 1962; *Он же.* Древнерусские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения (praesens). — ВЯ, 1969, № 6; *Он же.* Закон Васильева-Долобко и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском. — ВЯ, 1971, № 2.

-ить. Ср. такие примеры, отмеченные в различных акцентированных памятниках как *пбмянулъ*, *нé помянулъ*; *пбродилъ*; *рбдили*, *родилá еси*; *пблучилъ*, *разлучилáся*, *сбвершилъ* и т. д.[3]

Уже в материалах XVII в. отмечается, однако, и ряд примеров смешения ударения разных акцентных типов причастий от глаголов *i*-класса в направлении установления единого акцентного типа — с ударением, соответствующим инфинитиву. В дальнейшем это проявляется как вполне определенная диахроническая закономерность, которая распространяется прежде всего на продуктивные классы глаголов (с инфинитивом на *-ить*, *-нуть*).

Уже к началу рассматриваемого периода ударение в формах прош. времени этих классов глаголов предстает выравненным. В классе *i*-глаголов единственным исключением является глагол *родить*, где на протяжении всего рассматриваемого периода возможно употребление ударения *родилá*, *родился́*, *родилбсь*, *родилúсь* при известном ударении и на теме (в разном соотношении). В непродуктивных глагольных группах подвижность (в разной степени) сохраняется в течение всего рассматриваемого периода.

Подвижность ударения в формах прош. времени в современном языке предполагает размещение ударения: а) на флексии в форме жен. рода при ударении на основе в формах муж. рода, ср. рода и в формах мн. числа (*жил*, *жúло*, *жúли—жилá*); б) в приставочных формах — ударение на приставке во всех формах, исключая форму жен. рода (*нáчал*, *нáчало*, *нáчали — началá*); в) в глаголах с частицей *-ся* — ударение на этой частице в форме муж. рода и на флексии в остальных формах (*начался́*, *началбсь*, *началúсь*).

---

[3] *Дыбо В. А.* Закон Васильева-Долобко и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском; *Он же.* О фразовых модификациях ударения в праславянском. — Сов. Славяноведение, 1971, № 6; *Он же.* Реконструкция ударения *l*-причастия от глаголов на *-nǫ* и *-i* в праславянском (южнославянские и восточнославянские акцентные системы). — В кн.: Исследования по сербохорватскому языку. М., «Наука», 1972; См. также: *Stang Chr.* La langue du livre «Ученіе и хитрость ратного строенія пѣхотныхъ людей». Oslo, 1952; *Черных П. Я.* Язык Уложения 1649 года. М., Изд-во АН СССР, 1953; *Хазагеров Т. Г.* Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. Изд-во МГУ, 1973.

Выравнивание ударения форм прош. вр. по инфинитиву у глаголов этих групп составляет основное содержание происходящих здесь акцентных процессов. Действие названной тенденции, хотя эта тенденция и выступает вполне определенно, очень избирательно; оно ограничивается целым рядом различных факторов морфонологического характера, лексического и стилистического. Разберем эти вопросы на конкретном материале.

Группа основных (непроизводных) глаголов, сохраняющих в той или иной степени подвижность ударения в литературном языке рассматриваемого периода немногочисленна. Это односложные глаголы: *брать*, *быть*, *вить*, *врать*, *гнать*, *гнить*, *дать*, *драть*, *ждать*, *жить*, *жрать*, *звать*, (*со*)*здать*, *клясть*, *лгать*, *лить*, *пить*, *плыть*, *прясть*, *рвать*, *слыть*, *спать*, *ткать*, *-чать*, *-ять* (*-нять*); сюда же всключаются глаголы *-мереть*, *-переть*, а также *родить*. Поскольку эти глаголы имеют много производных (префиксальных) образований, круг их оказывается довольно широким. Так, от глагола *брать* известны устойчивые по употреблению (далее имеем в виду только их) образования с приставками: *за-*, *из-*, *на-*, *обо-*, *пере-*, *по-*, *при-*, *про-*, *разо-*, *у-*, *разу-*, *со-*; от глагола *быть*: *до-*, *за-*, *от-*, *по-*, *при-*, *у-*; *вить*: *вз-*, *за-*, *об-*, *по-*, *при-*, *раз-*, *с-*, *у-*; *врать*: *на-*, *пере-*, *со-*, *гнать*: *до-*, *из-*, *на-*, *обо-*, *пере-*, *по-*, *при-*, *разо-*, *со-*, *у-*; *гнить*: *за-*, *пере-*, *по-*, *под-*, *про-*; *дать*: *воз-*, *до-*, *за-*, *из-*, *недо-*, *об-*, *от-*, *пере-*, *по-*, *под-*, *пре-*, *при-*, *про-*, *запро-*, *распро-*, *раз-*; *драть*: *за-*, *из-*, *обо-*, *ото-*, *пере-*, *по-*, *при-*, *про-*, *разо-*, *со-*, *у-*; *ждать*: *обо-*, *пере-*, *про-*; *жить*: *до-*, *за-*, *из-*, *о-*, *об-*, *от-*, *при-*, *про-*, *с-*; *жрать*: *по-*, *со-*; *звать*: *воз-*, *за-*, *на-*, *по-*, *при-*, *про-*, *со-*; *-здать*: *со-*, *вос-*; *клясть*: *за-*, *про-*; *лгать*: *на-*, *со-*; *лить*: *воз-*, *до-*, *из-*, *за-*, *на-*, *об-*, *от-*, *пере-*, *по-*, *под-*, *раз-*, *с-*; *-мереть*: *за-*, *об-*, *по-*, *пере-*, *у-*; *-переть*: *за-*, *от-*, *под-*, *при-*, *у-*; *пить*: *до-*, *ис-*, *за-*, *от-*, *пере-*, *по-*, *про-*, *рас-*; *плыть*: *вс-*, *до-*, *за-*, *о-*, *от-*, *по-*, *при-*, *про-*, *у-*; *прать*: *по-*; *прясть*: *до-*, *с-*; *рвать*: *взо-*, *изо-*, *на-*, *надо-*, *обо-*, *ото-*, *по-*, *пре-*, *про-*, *разо-*, *со-*, *у-*; *слыть*: *про-*; *спать*: *про-*; *стлать*: *за-*, *по-*, *разо-*; *ткать*: *за-*, *на-*, *со-*; *-чать*: *за-*, *на-*, *по-*; *-ять* (*-нять*): *в-*, *до-*, *за-*, *на-*, *об-*, *от-*, *пере-*, *по-*, *под-*, *при-*, *предпри-*, *воспри-*, *припод-*, *про-*, *раз-*, *с-*, *у-*.

Разная степень интенсивности выравнивания ударения у разных глаголов, неодинаковая закрепленность

и выравненного ударения в литературной традиции, расхождение в ударении однокорневых глаголов, обусловленное разной сферой их бытования и многими другими причинами, делают картину акцентных отношений в рассматриваемой группе слов очень сложной, особенно если иметь в виду план нормализации.

Акцентная судьба глаголов этой группы в литературном языке не раз являлась предметом специального исследования [4]. Мы во многом опираемся на проведенные исследования; более широкие рамки настоящего рассмотрения позволяют уточнить перспективу акцентного развития глаголов данной группы и внести ряд частных коррективов.

По результатам происходящих акцентных процессов рассматриваемые глаголы довольно четко подразделяются на две группы: глаголы с исконно односложной основой (*-бы-*, *-ви-*, *-гни-*, *-да-*, *-жи-*, *-кля-*, *-ли-*, *-пи-*, *-плы-*, *-пря-*, *-ча-*, *-я-* (*-ня-*) и глаголы с исконно двусложной основой с утраченным редуцированным (*-бра-*, *-вра-*, *-гна-*, *-дра-*, *-жда-*, *-зва-*, *-лга-*, *-пра-*, *-рва-*, *-слы-*, *-спа-*, *-стла-*, *-тка*). На разное их поведение указал Л. А. Булаховский [5]. Применительно к позднему периоду развития литературного языка это различие выявлялось в более интенсивном выравнивании ударения у глаголов второй группы (в прошлом двусложных).

Иное мнение высказано в связи с этим С. Ф. Молчановой, которая считает, что конечное ударение в формах жен. рода и приставочное ударение других форм от двусложных по происхождению основ возникло по аналогии с формами от основ односложных (*брала́* также, как *была́*, *дала́*). По мнению Молчановой, еще в стихотворном языке

---

[4] *Булаховский Л. А.* Сравнительно-исторические заметки к ударению русского глагола. Возвратные глаголы. — Доклады и сообщения Ин-та русского языка. АН СССР, 1948, вып. 1; *Он же.* Русский литературный язык первой половины XIX в. М., 1954; *Молчанова С. Ф.* Ударение подвижного типа в формах прошедшего времени глаголов. — Учен. зап. Ярославского гос. пед. ин-та, вып. XXVIII (XXXVIII), 1958; *Она же.* Нормы ударения «односложных» форм прошедшего времени глаголов в языке советских поэтов. — В кн.: Доклады на научных конференциях, т. III, вып. 2. Ярославль, 1964; *Пирогова Н. К.* О некоторых тенденциях в развитии типов глагольного ударения. — Вестн. МГУ, 1959, № 3.

[5] *Булаховский Л. А.* Указ. соч.

Пушкина и его современников имеются заметные следы древних акцентологических различий. Здесь четко выступают и стилевые особенности разноударяемых форм. Формы жен. рода со старым ударением на суффиксе осознаются как книжные (*избра́ла*), так как они вытесняются новыми с конечным ударением. Приведенный материал показывает, что и литературное ударение приставочных образований прош. времени муж., ср. рода и форм мн. числа дифференцировано в зависимости от древних интонаций и характера основ, хотя эти закономерности и были осложнены уже целым рядом факторов [6]. Молчанова возражает на этом основании против общего вывода, сделанного Н. К. Пироговой о том, что тенденция к наокоренному ударению в формах прош. времени быстро распространяется из говоров на литературный язык. По мнению автора, сравнительно новым можно считать лишь ударение на корне в исконно односложных основах [7].

Точка зрения Молчановой представляется нам не лишенной основания [8]. Обращает на себя внимание тот факт, что в литературном языке конца XVIII в. (насколько можно судить по данным стихотворной речи и показаниям словарей) разница в поведении глаголов с разными основами ощущается сильнее, чем в последующий период. Так, у старших поэтов префиксальное ударение в формах муж. рода (также ср. рода и в формах мн. числа) в глаголах с исторически односложной основой представлено очень последовательно. Ср. от *быть*: *по́был* (Сум.), *при́был* (Тред., Богд.); от *дать*: *и́здал* (Петр., Держ., Чулк.), *о́тдал* (Тред., Ломон., Сум., Богд., Держ., Дмитр.); *о́тдал*, *о́тдали* (Чулк.); *по́дал* (Ломон., Держ., Дмитр.); *пре́дал* (Трет., Дмитр.), *пре́дали* (Чулк.); *про́дал*, *ро́здал* (Богд.); от *жить*, *и́зжил* (Мур.); *на́жил* (Богд., Держ.), *про́жил* (Карамз.); от *лить*: *за́лили* (Тред.), *на́лил* (Держ.), *про́лил* (Тред., Ломон.); от *пить*: *про́пил* (Богд.); от *плыть*: *по́плыл* (Тред.), *при́плыл* (Ломон); от основы *-ча-*: *за́чал* (Ломон.), *на́чал* (Ломон., Тред.,

---

[6] *Молчанова С. Ф.* Ударение подвижного типа. . .

[7] *Молчанова С. Ф.* Нормы ударения односложных форм. . .

[8] Однако нельзя согласиться с утверждением, что и в односложных глаголах ударение на корне в литературном языке не распространяется.

Держ); *пбчал* (Сум.); от основы *-ня-*: *занял* (Держ.), *бднял* (Ломон., Тред., Держ.); *бтнял* (Сум., Ломон.); *пбднял* (Тред., Держ., Дмитр.); *пбнял* (Тред.), *принял* (Ломон., Богд., Держ.), *воспринял*, *предпринял* (Богд.).

Отступления единичны, чаще всего у Чулкова (*отдали*, *начал*, *начали*), ср. также: *отдали* (Тред.), *излил* (Богд.). В тех же формах глаголов с исторически двусложной основой ударение неустойчиво. Отмечено, например, *наврал* (В. Майк.), *пбгнал*, *сбдрал* (Ломон.), последовательно в глаголах от *звать*: *назвал* (Карамз., Тред.), *назвали* (Тред., Рад.), *пбзвал* (Дмитр.). *сбздал* у Богд., Сум., Держ., но при этом только *избрал* (Тред., Держ.), *разобрал* (Тред.), *солгал* (Тред.), *прервало* (Рад.); *создал* (Ломон., Держ. — у него и *сбздал*). В формах жен. рода у глаголов первой группы отмечено последовательно проведенное ударение на флексии без каких бы то ни было отступлений; у глаголов второй группы есть отступление. Ср. *брала* (Чулк.), *набрала*, *собрала* (Тред.), но *избрала* (Тред.); *гнала* (Держ., Богд.), *погнала* (Сум., Чулк.) и *погнала* (Сум.), *отгнала* (Ломон.); *пожрала* (Тред.) и *пожрала* (Держ.); *солгала* (Сум.) и *солгала* (Тред.); *ткала* (Чулк.) и *ткала* (Тред.); отмечено только *позвала* (Чулк.), *призвала* (Тред.), *рвала* (Чулк.), *сорвала* (Держ.).

Сл. Акад. Рос. 1822 указывает на неустойчивое ударение глаголов и той и другой группы, однако у глаголов с односложной в прошлом основой рекомендации префиксальных ударений значительно преобладают. От *быть* приставочное ударение имеют 8 глаголов, корневое — 2 (с прист. *до-*, *из-*), от *дать* — 13, корневое — 2 (*над-*, *нас-*), от *жить* — 6, корневое — 2 (*об-*, *пере-*); от *лить* — 9, корневое — 2 (*от-*, *пере-*), от *пить* — 7, корневое — 3 (*ис-*, *пере-*, *у-*); от *-нять* приставочное ударение рекомендуется для глаголов с приставками *до-*, *на-*, *об-*, *по-*; корневое — *из-*, *от-*, *пере-*, *предпри-*; от *гнить* — *за-*, *по-*, *про-*; корневое — *об*, *пере-*, *под-*; только для глаголов, производных от *вить* дается корневое ударение (кроме *завил*), также для *прясть*. Глаголы с двусложной основой имеют, как правило, корневое ударение: от *брать* таким ударением характеризуются 12 образований (но *сббрал*), от *врать* — 4, от *гнать* — 11, от *драть* — 8 (но *взбдрал*, *надрал*, *сбдрал*), от *ждать* — 5, от *жрать* — 2, от *звать* — 5 (но *пробзвал*), от *лгать* — 2, от *рвать* — 13; корневое ударение рекомендовано для глаголов от *-здать*.

В литературном языке первой половины XIX в. картина акцентных отношений меняется. Формы муж. рода (также ср. рода формы мн. числа) и формы жен. рода обнаруживают разные тенденции.

Востоков в своей Грамматике (§ 187) приводит 12 глаголов (точнее, глагольных основ), «передающих» ударение приставкам в формах муж. рода (ср. рода и в формах мн. числа): *быть* (*при́был*), *дать* (*до́дал*, *пе́редал*), *жить* (*про́жил*), *-здать* (*со́здал*), *клясть* (*про́клял*), *лить* (*до́лил*), *-мереть* (*за́мер*, *у́мер*), *-переть* (*о́тпер*, *при́пер*), *пить* (*о́тпил*), *плыть* (*по́плыл*), *-чать* (*на́чал*), *-нять* (*за́нял*, *ро́знял*). В числе не переносящих ударения называются: *брать* (*избра́л*), *знать* (*дозна́л*), *слать* (*отосла́л*), *рвать* (*взорва́л*). В реальном же употреблении (по крайней мере, в стихотворной речи) получает довольно широкое распространение префиксальное ударение от глаголов с исторически двусложной основой. Преимущественно это относится к глаголам *брать*, *звать*, *рвать* (также и к глаголу *(со)здать* — *создать*, который даже и нормализуется с префиксальным ударением у Востокова). Ср. ударение от *брать*: *и́збрал* (Жук., Глин., Венев., Барат., Гнед., Шевыр.) при *избра́л* (Пушк., Жук., Дельв.); *со́брал* (Жук., Крыл., Дельв., Глин., Вяз., Кюх., Гнед., Шевыр.) и др. при *собра́л* (Пушк., Гриб., Полеж.), *за́брал* (Дельв.) при *забра́л* (Пушк.); *на́брал* (Кюх.), *по́брал* (Крыл.), *при́брал* (Изм.), *у́брал* (Катен.); от *звать*: *на́звал*, *на́звали* (Жук., Пушк., Дельв., Гнед., Лерм.) при *назва́л* (Пушк., Рыл., Гнед., Полеж.); *по́звал* (Пушк., Глин., Крыл., Жук., Кюх., Козл., Язык.) при *позва́л*, *позва́ли* (Пушк., Полеж.); *при́звал* (Жук., Крыл., Пушк., Гнед.), при *призва́л* (Пушк., Рыл.); *со́звал*, *со́звали* (Жук., Крыл., Озер., Пушк., Кюх., Гнед., Павл., Лерм.), при *созва́л* (Пушк., Венев.); *про́звали* (Гнед.), *за́звали* (Кюх.), *при́звали* (Язык.); от *-здать*: *со́здал* (Жук., Пушк., Вяз., Гриб., Лерм., Полеж.) при *созда́л* (Жук., Пушк., Кюх., Полеж.); от *рвать*: *со́рвал*, *со́рвали* (Кюх., Вяз., Гнед., Лерм.) при *сорва́л*, *сорва́ли* (Пушк., Гнед., Полеж.); *пре́рвал* (Кюх., Шевыр.) при *прерва́л* (Пушк., Лерм., Полеж.); *про́рвал* (Кюх., Гнед.), *взо́рвали* (Гнед.). В значительно меньшей степени префиксальное ударение употребительно в глаголах, производных от *гнать*, ср.: *и́згнал* (Гнед.), *на́гнал* (Изм.), *про́гнал* (Пушк.); *спать*: *про́спал* (Жук., Дельв.); ср. также *не́ спал* (Пушк., Кюх., Лерм.,

Вост.). Остальные глаголы отмечены только с корневым ударением.

Имеющиеся материалы, кажется, противоречат выводам С. Ф. Молчановой о том, что префиксальное ударение у Пушкина и поэтов его времени очень редкое и что оно осознается как яркий признак разговорного языка [9]. В ряде случаев это, действительно, так, однако значительное распространение префиксального ударения в названных глаголах исключает его стилистическую обособленность. Данные поэтической речи свидетельствуют об известной тенденции к префиксальному ударению у рассматриваемой группы глаголов в этот период; о тенденции к слиянию их в акцентном плане с группой односложных глаголов, у которых префиксальное ударение удерживается устойчиво.

У поэтов второй половины XIX в. префиксальное ударение известно еще достаточно широко. Ср.: *за́брал* (Тим.); *и́збрал* (Плещ.); *на́брал* (Тим.), *по́брал* (Майк.), *со́брал* (Плещ., Тим.); *на́звал*, *на́звали* (Майк., Тютч., Плещ., Полон., Тим., Курочк., Некр., Случ.); *по́звал* (Полон., Тим.); *при́звал* (Тютч., Плещ.); *про́звал*, *про́звали* (Тим); *со́звал* (Плещ., Полон.); *со́здал* (Тим., Фет, Некр., Огар., Майк.); *по́рвал* (Полон., Плещ., Огар.); *со́рвал*, *со́рвали* (Майк., Плещ.); *взо́рвало* (Тим.), *про́рвало* (Некр.), *про́спали* (Тим.). Однако и корневое ударение в этот период распространено не менее широко, а в некоторых случаях выступает активнее. Ср. ударение *избра́л* (Фет, Курочк., Плещ.); *набра́л* (Плещ.), *побра́л*, *прибра́л* (Курочк.); *собра́л* (Курочк.); *убра́л* (Майк.); *зазва́л* (Курочк.); *назва́л*, *назва́ли* (Курочк., Плещ., Толст.); *позва́л* (Курочк.), *призва́л*, *призва́ли* (Толст.); *созва́л* (Курочк., Мих.); *созда́л*; *порва́л* (Фет); *прерва́л* (Плещ., Тим., Толст.); *сорва́л*, *сорва́ли* (Майк., Плещ.).

У поэтов начала XX в. префиксальных ударений у глаголов рассматриваемой группы нет. В качестве единичных примеров можно назвать только ударение *на́звал* (Анненск., Брюс., Бун., Цвет.); *на́звали* (Анненск., Паст.). Отдельные примеры этого ударения отмечены у современных поэтов. Исключение представляет глагол *создать*, который у поэтов начала XX в. употребителен с преобладающим ударением на префиксе (ср. ударение

[9] *Молчанова С. Ф.* Ударение подвижного типа. . ., с. 45.

со́здал (Брюс., Бун.); *создал́* (Бун.). У современных поэтов это преобладание значительно: ударения отмечены в примерном соотношении 4 (*со́здал*) к 1 (*создал́*). Естественно, что СУ для всех глаголов данной группы (отмечено 105 приставочных образований) [10] рекомендует только корневое ударение. Исключение — глагол *создать*. Эти нормы устойчивы и никаким изменениям не подвержены.

Результаты акцентных изменений рассматриваемой группы глаголов становятся понятными, если сопоставить происходящие здесь изменения с изменениями в параллельной группе глаголов — глаголов с исторически односложной основой.

Как уже отмечалось, глаголы, производные от основ с былой односложностью, в литературном языке начала первой половины XIX в. устойчиво удерживают префиксальное ударение (ср. рекомендации Востокова). Об этом свидетельствуют и данные стихотворной речи. Корневое ударение также имеет место, но употребительность его в этот период очень незначительна. Так, в глаголах, производных от *быть*, на фоне «нормальных» *до́был*, *о́тбыл*, *по́был*, *при́был*, *про́был*, *у́был*, отмечено: *добы́л* (Дельв.), *прибы́л* (Крыл.); в глаголах, производных от *дать*, при обычных *за́дал*, *и́здал*, *о́тдал*, *о́бдал*, *по́дал*, *пре́дал*, *при́дал*, *про́дал*, *ро́здал* отмечено: *задал́* (Пушк.), *издал́* (Полеж.), *обдал́* (Кольц.), *подал́*, *предал́*, *придал́* (Пушк.); широко распространено *отдал́*, *отда́ли* (Жук., Крыл., Пушк., Дельв., Гриб., Венев., Мерзл.) и только *передал́* (*пе́редал* у поэтов появляется позднее); в глаголах производных от *жить* при обычных *до́жил*, *за́жил*, *на́жил*, *бжил*, *о́тжил*, *по́жил*, *при́жил*, *про́жил* (но *пережи́л*) отмечено: *дожи́ли* (Гриб.), *прожи́л* (Кольц.); в глаголах от *клясть* при обычном *про́клял* отмечено: *проклял́* (Катен., Полеж.); в глаголах от *лить* при обычных *за́лил*, *на́лил*, *о́блил*, *о́тлил*, *по́лил*, *про́лил*, *ро́злил* (но только *изли́л*, *перели́л*) отмечено: *проли́л*, *проли́ли* (Пушк., Гриб., Кюх., Вяз.); *разли́л* (Кюх., Полеж.); при обычных *до́пил*, *за́пил* ‘начать пить’, *о́тпил*, *про́пил* отмечено: *запи́л* (Пушк.), но в ином значении ‘запить что-л.’ (при этом отмечено *испи́л* при единичном *и́спил* у Кюх.); от *-чать* при обычном *на́чал*, *за́чал*, *по́чал* отмечено: *зача́л* (Шевыр.), *нача́л* (Кольц.); от *-ять* (*-нять*) при обычном *за́нял*, *на́нял*,

[10] См.: *Молчанова С. Ф.* Ударение подвижного типа. . .

ббня́л, *бтня́л*, *пбдня́л*, *пбня́л*, *припбдня́л*, *приня́л* отмечено: *заня́л* (Гнед.), *обня́л* (Пушк., Венев., Дельв., Шевыр.); *отня́л* (Жук., Дельв., Кольц.), *подня́л* (Жук., Пушк., Катен.), *приподня́л* (Жук., Пушк., Раевск.), *приня́л* (Жук., Дельв., Гнед.).

Глаголы, производные от *плыть*, употребительны с префиксальным ударением и ударением на корне. Ср.: *дбплыл* (Майк.), *бтплыл*, *бтплыли* (Язык., Катен.), *пбплыл*, *пбплыли* (Жук., Пушк., Глин., Павл.), *забплыл* (Крыл.), но *поплы́л* (Жук., Пушк., Полеж.), *приплы́л* (Кюх.), *проплы́л* (Пушк., Гнед.). Производные от *вить* — со значительным преимуществом корневого ударения: *завй́л*, *обви́л*, *повй́л*; отмечено: *ббвил* (Жук.), *пбвил* (Вяз., Глин.), *рбзвил* (Пушк.).

С. Ф. Молчанова [11] на своем материале показывает известную обособленность форм с корневым ударением: они употребительны в произведениях высокого стиля (в то время как префиксальное ударение обычно в произведениях различных стилей и имеет место в любом глаголе); связаны с характером приставки (отличаются формы с *пере-*); выступают как лексические варианты. Отмечены, однако, и случаи вариативности. Наш материал показывает, что подобных случаев реально было больше. Книжность корневого ударения явно ощутима, но только в определенных случаях, ср., например, такие образования с приставкой *пре-*, как *пребы́л* (ударение *пр́ебыл* Булаховский рассматривает как искусственное [12]); *из-* — *избы́л* (Сл. Акад. Рос. 1822), *изжи́л*, *изли́л* (без колебаний), преобладающее *испи́л*; *воз-* — *возда́л*, хотя при этом существуют *преда́л* и *пре́дал*, *изда́л* и *и́здал*; отмечены и *и́спил* (Кюх.) и *пре́плыл* (Изм.), *вбзлил* (Гнед.).

У поэтов второй половины XIX в. колебания продолжаются примерно в том же диапазоне, но с некоторым увеличением доли корневого ударения. Ср., например: *дббыл* (Некр., Тим.), *добы́л* (Толст.); *при́был* (Плещ., Полон., Тим., Толст.), *при́был* (Толст.), при этом только *бтбыл* и *пробыл*; *зада́л* (Курочк.), *зада́л* (Толст.); *бтдал* (Некр.), *отда́л* (Некр., Курочк., Дрож., Огар.); *пре́дал* (Плещ., Тютч.), *преда́л*, *рбздал* (Некр.), *разда́л* (Тург.), *при́дал* (Тим.), при этом только *и́здал*, *ббдал*, *пбдал*,

---

[11] *Молчанова С. Ф.* Ударение подвижного типа. . .
[12] *Булаховский Л. А.* Указ. соч., с. 223.

про́дал, но *возда́л* (Тим.); появляется ударение *пе́редал* (Некр., Тим.); *про́жил* (Полон., Толст., Тург., Фет), *прожи́л* (Тур., Фет), при этом только *до́жил*, *за́жил*, *на́жил*, *о́тжил*, *по́жил*, *при́жил*; *про́лил* (Апухт., Плещ., Тим., Треф.), *на́лил*, *ро́злил* (Полон.), *разли́л* (Тютч.), при этом только *за́лил*, *по́длил*, но *изли́л*; от *пить* только *до́пил*, *за́пил*, *о́тпил*, *по́пил*, *про́пил*, *ро́спили*; от *плыть*: *по́плыл*, (Толст.), *про́плыл* (Тим.), *по́плыли* (Некр.), но *проплы́ли*, *уплы́ли*; от *-чать*: *на́чал* (Курочк., Плещ., Случ., Треф., Тим.), *нача́л* (Никит., Фет); от *-нять*: *о́бнял* (Апухт., Курочк., Огар., Добр., Полон.), *обня́л* (Дрож., Никит., Толст.); *по́днял* (Апухт., Мих., Некр., Плещ., Толст., Фет), *подня́л* (Добр., Толст., Фет), при этом только *за́нял*, *на́нял*, *о́тнял*, *при́нял*, *по́нял*.

У поэтов начала XX в. и современных поэтов все отмеченные колебания продолжаются, но при этом число употреблений корневого ударения возрастает (в некоторых случаях — значительно); отмечается ряд новых фактов. Эти явления также удобней проследить в кругу однокорневых глаголов.

В глаголах, производных от *быть*, корневое ударение получает распространение в глаголе *добыть*: у современных поэтов число употреблений того и другого ударения примерно одинаково; у глаголов *побыть*, *прибыть* корневое ударение, как и прежде, единично. В кругу глаголов, производных от *дать*, корневое ударение закрепляется в глаголе *издать*: префиксальное ударение, известное еще у поэтов нач. XX в., сейчас единично. Распространяется ударение *отда́л* (соотношение ударений *о́тдал* и *отда́л* у современных поэтов 4 : 1), *разда́л*; в несколько меньшей степени распространены *пода́л*, *преда́л*, *прода́л* (соотношение префиксального и корневого ударения здесь примерно 5 : 1). Закрепляется, напротив, префиксальное ударение в глаголе *передать*: соотношение *пе́редал* и *переда́л* 1 : 6. В кругу глаголов, производных от *жить*, сохраняется более значительное преобладание префиксального ударения, но и здесь отмечаются довольно многочисленные примеры употребления корневого ударения. *Прожи́л*, например, отмечено 18 раз (но *про́жил* — более 100), *дожи́л* 8 (но *до́жил* 25), *нажи́л* 4 (но *на́жил* — 11), *пожи́л*, *отжи́л*, *ожи́л*, *зажи́л* более редки; включается в общую систему акцентных отношений ударение *пе́режил* (отмечено 6 употреблений, *пере-*

жи́л — 9). Те же факты распространения корневого ударения (разной степени значительности) при общем преобладании префиксального ударения можно видеть в кругу глаголов, производных от *лить*, *пить*, *-чать*, *-ять* (*-нять*). Приведем соотношение префиксального и корневого ударения по материалам картотеки: *за́пил* — 17 употреблений, *запи́л* — 8; *на́лил* — 4, *нали́л* — 6; *о́блил* — 3, *обли́л* — 3; *по́лил* — 6, *поли́л* — 8; *про́лил* — 30, *проли́л* — 12, *разли́л* — без вариантов; *до́пил* — 3, *допи́л* — 1; *о́тпил* — 1, *отпи́л* — 8; *по́пил* — 1, *попи́л* — 5; *про́пил* — 3, *пропи́л* — 3; *за́нял* — 10, *заня́л* — 2; *о́бнял* — 62, *обня́л* — 37; *о́тнял* — 17, *отня́л* — 4; *по́днял* — более 200, *подня́л* — 30, *припо́днял* — 18, *приподня́л* — 10. Ударение *нача́л* при *на́чал*, *поня́л* при *по́нял*, *приня́л* при *при́нял* отмечены как единичные (*на́чал* более 100 употреблений, *нача́л* — 5). В кругу глаголов, производных от *плыть*, напротив, закреплено корневое ударение: *заплы́л*, *доплы́л*, *отплы́л*, *поплы́л* и т. д. Ударение на префиксе известно еще у поэтов начала XX в. Рассматриваемые процессы не коснулись глаголов, производных от *-мереть* (*помёр*, *помёрли* отмечены только как единичные ударения) и таких производных от *-переть*, как *запереть*, *отпереть*, но ср. *припёр*, *опёр*, *подпёр*.

Сопоставление глаголов с основой в прошлом двухсложной (типа *брать*) и односложной (типа *быть*) позволяет видеть, что тенденция к корневому ударению в глаго́лах первой группы действует последовательно и быстро, это происходит, видимо, потому, что префиксальное ударение здесь не имело длительной традиции. В группе глаголов с исторически односложной основой действие тенденции медленно и очень избирательно. Большую роль играет сложившаяся литературная традиция произношения того или иного слова, сфера его преимущественного бытования, некоторые более частные факторы. В целом префиксальное ударение в глаголах этой группы сохраняется как норма в современном литературном языке. Однако и корневое ударение, распространяясь, завоевывает некоторые нормативные позиции. Это можно видеть, сравнивая рекомендации СУ и $АО_{59}$. Рекомендации СУ отражают по преимуществу традиционное ударение. В глаголах от *быть* дается *до́был*, *о́тбыл*, *по́был*, *при́был*, *про́был*, *у́был*, (но *избы́л*, *пребы́л*); от *дать* — *до́дал*, *за́дал*, *о́ддал*, *о́тдал*, *по́дал*, *пре́дал*, *при́дал*, *распро́дал*,

ро́здал; нормализуется также *пе́редал* (но *воздал́*, *наддал́*, *насдал́*, *поддал́*), в *издать* двоякое ударение — *и́здал́*; в глаголах от *жить* префиксальное ударение последовательно, исключение *изжи́л* и *пе́режи́л*; от *клясть* — *про́клял* (но *закля́л*); от *лить* — *до́лил*, *за́лил*, *на́лил*, *о́тлил*, *про́лил*, но *возли́л*, *изли́л*, *перели́л*, *разли́л* (*ро́злил* имеет помету *прост.*), *ули́л*, двоякое ударение имеет *по́ли́л*, *по́дли́л*; от *-мереть*: *за́мер*, *о́бмер*, *по́мер*, *пе́ремер*, *у́мер*; от *-переть*: *за́пер*, *о́тпер*, но *подпёр*, *припёр*, *упёр*; от *пить*: *до́пил*, *о́тпил*, *при́пил* (*прост.*), но *за́пи́л*, *по́пи́л*, *про́пи́л* и только *испи́л*, *перепи́л*, *распи́л* (*ро́спил прост.*); от *плыть*: *доплы́л*, *заплы́л*, *преплы́л*, *приплы́л*, *проплы́л*, *уплы́л* и только *о́тплыл*; от *-чать*: *на́чал*, *по́чал* (*прост.*), но *за́ча́л*; от *-ять* (*-нять*): *до́нял*, *за́нял*, *на́нял*, *о́бнял*, *о́тнял*, *пе́ренял*, *по́днял*, *при́нял* (и *воспри́нял*, *предпри́нял*), *про́нял*, но *ро́знял* и *разня́л* и только *уня́л*.

АО$_{59}$ в своих нормативных рекомендациях делает уже довольно большие уступки распространяющемуся корневому ударению. Правда, ряд форм с устойчиво нормализованным корневым ударением (вместо префиксального или вариативного) невелик (*изда́л*, *зача́л*, *отплы́л*, *поплы́л*, *проплы́л* (*о́тплыл*, *по́плыл*, *про́плыл* имеют помету *устар.*), *распи́л*, но зато широко допускается вариативность. Признается допустимым наряду с префиксальным ударение в формах от *быть*: *добы́л*; от *дать*: *разда́л*, от *жить*: *пережи́л* [13]; от *лить*: *доли́л*, *зали́л*, *нали́л*, *обли́л*, *отли́л*, *подли́л*, *пролил́*; от *пить*: *допи́л*, *отпи́л*, *попи́л*, *пропи́л*; от *-чать*: *почал́*. Гораздо большее число форм имеют здесь помету «разговорное». Содержание этой пометы не совсем ясно, но совершенно очевидно, что под этим имеется в виду ряд фактов, не достигших еще статуса нормы, но получивших широкое распространение. Сюда относятся формы от *быть*: *отбы́л*, *побы́л*, *прибы́л*, *пробы́л*; от *дать*: *дода́л*, *зада́л*, *обда́л*, *отда́л*, *переда́л*, *пода́л*, *преда́л*, *прида́л*, *прода́л* (*распрода́л*); от *жить*: *дожи́л*, *зажи́л*, *нажи́л*, *обжи́л*, *ожи́л*, *отжи́л*, *пожи́л*, *прижи́л*, *прожи́л*; от *мереть*: *перемёр*; от *-нять*: *обня́л*, *отня́л*, *подня́л*; в формах *распи́л* и *разня́л* разговорными признаются ударения *ро́спил* и *ро́знял*. К ряду форм с корневым ударением

---

[13] Формы с *пере-* включаются здесь в обычное русло колебаний (ср. также *пе́реда́л*), что кажется нам не совсем справедливым, если исходить из отмеченных особенностей акцентовки этих форм.

в словаре отнесена запретительная помета *не*. Наличие ее тоже знаменательно, поскольку свидетельствует о распространении корневого ударения в разговорной речи, которое нельзя не заметить, но которое не имеет еще шансов стать литературным. Это формы от *-чать*: *начáл*; от *-нять*: *донялá*, *занялá*, *нанялá*, *понялá*, *приняла́*, *пронялá*. Таким образом, с устойчивым, нерасшатанным ударением остается очень небольшая группа форм: от *быть*: *у́был*; от *клясть*: *про́клял*; от *-мереть*: *за́мер*, *о́бмер*, *по́мер*, *у́мер*; от *пить*: *за́пил* ‘начать пить’; от *-переть*: *за́пер*, *о́тпер*.

В кругу форм жен. рода направление акцентных процессов иное. Тенденция к концентрации корневого ударения здесь не действует или действует слабо и, напротив, наблюдается тенденция к закреплению ударения на флексии, под действием которой уже в ранний период унифицируется ударение разноструктурных основ. Во всяком случае уже к началу рассматриваемого периода, по данным словарей, грамматик, показаниям стихотворной речи, флективное ударение форм жен. рода предстает как акцентная особенность не только исторически односложных глаголов (типа *быть*), но и глаголов двусложных (типа *брать*). Однако в ударении форм от двусложных в прошлом глаголов наблюдается ряд отступлений в сторону корневого ударения. Это уже отмечалось по отношению к литературному языку конца XVIII в. (стихотворная речь). Подобные факты имеют место и в первой половине XIX в. Это ударения *избра́ла* (Озер., Пушк., Хомяк.); *собра́ла* (Гнед.); *прогна́ла* (Пушк., Полеж., Язык.); *погна́ла* (Барат., Гнед., Давыд., Шаховск.); *загна́ла* (Вяз.), *изгна́ла* (Кюх.), *согна́ла* (Гнед.); *пожра́ла* (Бат., Кюх., Майк), *сожра́ла* (Жук.); *воззва́ла* (Гнед., Мерзл.), *отозва́ла* (Гнед.), *созва́ла* (Кюх.); *солга́ла* (Глин., Гнед.); *изорва́ла* (Пушк.), *прерва́ла* (Изм., Кюх.), *разорва́ла* (Гнед., Полеж., Пушк., Рыл., Язык.), *сорва́ла* (Гнед., Кюх.); *тка́ла* (Гнед.).

С. Ф. Молчанова квалифицирует названные ударения в произведениях Пушкина как книжные, отмечая, что они «создают приподнятость речи или окрашивают ее в иронические тона» [14]. Что касается стилевой дифференциации ударения в стихотворном языке современников Пушкина,

[14] *Молчанова С. Ф.* Ударение подвижного типа. . , с. 25.

то автор считает, что о ней говорить трудно, хотя можно заметить, что ударение на основе отмечено по большей части у тех авторов, которые писали высоким слогом. «Книжность» рассматриваемых акцентовок (по крайней мере, некоторых из них) несомненна. Обращают на себя в этой связи внимание образования с префиксами *из-* (*избра́ла*, *изорва́ла*), *воз-* (*воззва́ла* — акцентовка сохраняется как норма до наших дней), *пре-* (*прерва́ла*).

Показательно, что в ударении форм от глаголов односложных отступления подобного рода в этот период крайне редки и связываются преимущественно с именами Кюхельбекера (ср. у него *воздала́*, *сли́ла*, *вняла́*), Гнедича (*изли́ла*). Об ином, аналогическом, характере отмеченных ударений свидетельствуют факты переноса ударения на приставку (как в формах муж. рода): *на́лила* (Кюх.), *о́тняла*, *по́дняла*, *при́няла* (Одоевск.).

У поэтов второй половины XIX в. число подобных фактов, кажется, несколько увеличивается. Ср. ударение *бы́ла* (Полон.); *сви́ла* (Случ.), *о́жила* (Шумах.), *изли́ла*, *проли́ла* (Курочк.), *разли́ла* (Полон.); *за́мерла* (Полон.) и др. У поэтов начала XX в. и современных поэтов случаев употребления корневого ударения значительно больше, хотя они все равно остаются на положении отдельных вкраплений на фоне обычно употребляемого ударения на флексии. Так, от *вить* отмечено, например: *взви́ла*, *сви́ла*, *обви́ла*, *зави́ла*; от *дать*: *зада́ла*, *сда́ла*, *отда́ла*, *разда́ла*; от *жить*: *ожи́ла*, *прожи́ла*; от *клясть*: *прокля́ла*; от *лить*: *сли́ла*, *нали́ла*, *поли́ла*, *проли́ла*, *разли́ла*; от *-мереть*: *за́мерла*, *у́мерла*; от *пить*: *пи́ла*, *испи́ла* и *по́пила*; от *плыть*: *заплы́ла*, *поплы́ла*, *проплы́ла*, *уплы́ла*; от *-чать*: *нача́ла*; от *-ять*: *перея́ла*, *подня́ла* и *о́бняла*, *по́дняла*, *при́няла*.

Подобные факты наблюдаются и в кругу глаголов в прошлом двухсложных. При этом только некоторые из них есть основания связывать с акцентными традициями первой половины XIX в. Это ударение *избра́ла*, употребительное еще у поэтов начала XX в. (и некоторых современных), *воззва́ла*; корневое ударение в глаголах, производных от *гнать*, которое имело широкое распространение в поэзии первой половины XIX в.[15] В боль-

[15] На особое положение этого глагола указывал Л. А. Булаховский (Указ. соч., с. 223).

шинстве случаев речь идет о корневом ударении часто иных лексем. Ср.: *забра́ла* (Курочк.), *перебра́ла* (Полон.), *пробра́ла* (Курочк.), *подобра́ла*, *убра́ла* (Некр.); *жда́ла* (Фет); *назва́ла* (Курочк.), *обозва́ла* (Полон.), *оборва́ла* (Полон.), *оторва́ла* (Фет) и др. У поэтов начала XX в. и современных поэтов отмечены, кроме названных, ударения от *брать*: *набра́ла*, *отобра́ла*; от *гнать*: *гна́ла*, *погна́ла*, *обогна́ла*, *перегна́ла*; от *драть*: *задра́ла*, *изодра́ла*, *ободра́ла*, *удра́ла*; от *ждать*: *прожда́ла*; от *звать*: *позва́ла*; от *-здать*: *созда́ла* и *воссозда́ла*; от *рвать*: *рва́ла*, *взорва́ла*, *прорва́ла*; от *слыть*: *сла́ла*, *прослы́ла*; от *спать*: *спа́ла*, *заспа́ла*; от *ткать*: *наткла́*, *сотка́ла*. И в этой группе глаголов корневое ударение в современном языке единично и существенно не колеблет устойчивости флективного ударения. Таким образом, ни в той, ни в другой группе глаголов корневое ударение не создает сейчас реальной угрозы для сложившейся нормы в акцентовке форм жен. рода. Принимая во внимание, однако, некоторую его распространенность, составители $АО_{59}$ сочли необходимым ввести соответствующие предупредительные пометы, последовательно даваемые при всех формах жен. рода. В формах от глаголов с былой односложностью пометы предупреждают против корневого ударения в тех случаях, когда формы муж. рода (ср. рода и формы мн. числа) не имеют префиксального ударения, и против корневого и префиксального ударения, если оно указанным формам свойственно, поскольку в этом случае существуют (или могут иметь место в принципе) две модели отступления от нормативного ударения. Ср.: при *избы́л*, *избыла́* (не *избы́ла*), при *до́был*, *о́тбыл* *добыла́*, *отбыла́* (не *до́была*, не *добы́ла*), (не *о́тбыла*, не *отбы́ла*) и т. д.

Наряду с тенденцией, хотя и слабо действующей в литературном языке, к распространению корневого ударения и на формы жен. рода и, таким образом, выравниванию ударения в кругу словоформ прош. времени, действует и другая тенденция — аналогического распространения ударения форм жен. рода на другие формы прош. времени, имеющие флексию, т. е. на формы ср. рода: *дало́*, *звало́* и под. Тенденция эта имеет тоже слабое выявление, хотя в последнее время она более активизируется. С. Ф. Молчанова [16] отмечает исключительную

[16] *Молчанова С. Ф.* Ударение подвижного типа. ., с. 26.

редкость подобного ударения в поэтическом языке современников Пушкина; у Пушкина, как она считает, такого ударения нет. На том основании, что оно слишком очевидно противоречило его нормам, С. Ф. Молчанова отвергает имеющееся у Пушкина ударение *звало́* в «Гараль и Гальвина»:

Гараль молчал. Надменное ветрило
Его *звало́* к брегам чужой земли;
Но с бурею так быстро корабли
Летели вдаль. . .

Она считает, что это — приписываемое Пушкину ударение, поскольку сам текст, возможно, не пушкинский. Молчанова указывает также на неверное якобы прочтение авторами Грамматики-52 строчки из «Евгения Онегина»:

Приподнялася грудь, ланиты
Мгновенным пламенем покрыты,
Дыханье *замерло́* в устах,
И в слухе шум, и блеск в очах. . .

Она полагает, что слово *замерло* надо читать с ударением на первом слоге (. . . *за́мерло*).

Эти сомнения, однако, неосновательны [17]. Подобные ударения у поэтов первой половины XIX в., действительно, очень редки, но все же имеют место и их несколько больше, чем это представлено у Молчановой. Так, отмечено ударение *было́* (Крыл., Гнед.) [18], *облило́* (Полеж.), *пролило́*

---

[17] Следует заметить, что ударение *замерло́* проставлено в тексте. См.: *Пушкин А. С.* Собр. соч. в 10-ти т., 2-е изд. М., т. 5, с. 62.

[18] Правда, это ударение вызывает сомнение (см. также: *Булаховский Л. А.* Указ. соч., с. 233). Возможно, как энклитика, это слово вообще произносилось без ударения. Ср.:

На ель ворона взгромоздясь,
Позавтракать *было* совсем уж собралась. . .
Крылов. Ворона и лисица

Слепой осел в лесу с дороги сбился
(Он в дальний путь *было* пустился).
Он же. Филин и осел

Скажи мне, что *б было* с невинными овца́ми,
Когда бы пастухи, лишь волк глаза явил,
Оставили овец и скрылись за кустами?
Гнедич. Общежитие

Более поздний материал показывает несомненность такого ударения (см.: Ас., Сельв. и др.).

(Гог.), *снялó* (Кольц.), *приподнялó* (Жук.), *прослылó* (Мерзл.). Вызывающие сомнение ударения *звалó*, *замерлó* представлены не у одного Пушкина. Ср. *звалó*, *замерлó*:

Все человека упрекало,
И все *звалó* его на суд: . . .
Глинка. Дева карельских лесов

Гибкий язык сокрушительной медью при корне отсéкло
И, острием просверкнувши насквозь, *замерлó* в подбородке.
Илиада, песнь V. Пер. Гнедича

Ударение *далó* имеет даже значительное распространение. Показательно, что Булаховский специально отмечает уже для первой половины XIX в. ударение *дáло* как отступление от современных правил в связи с возобладанием *далó* [19].

Имеют известную распространенность и случаи ударения на флексии в формах мн. числа, ср.:

Есть люди важные, *слылú* за дураков:
Иной по армии, иной плохим поэтом,
Грибоедов. Горе от ума

Я не таков, как он, а вас боюсь; — *ужлú*
Вы баловнем любви невинно *прослылú*?
Он же. Притворная неверность

Ср. также: *клялú* (Рыл.), *пролилú* (Княж.), *приподнялú* (Тютч.), *убралú* (Мятл.), *почалú* (Майк.). У поэтов второй половины XIX в. ударения на флексии остаются на положении «раритетов» (кроме ударения *далó*): *былó* (Некр.), *былú*, *жилó* (Фет, Шумах.), *залилó* (Фет), *звалó*, *доплылú* (Толст.), *снялó* (Тим.), *отнялó* (Дрож.), *поднялó* (Курочк.) и др. У поэтов начала XX в. и современных поэтов подобных примеров гораздо больше, но преимущественно это формы ср. рода: *бралó*, *взялó*, *забралó*; *гналó*, *обогналó*, *погналó*; *ждалó*; *жралó*; *звалó*, *позвалó*; *лгалó*; *рвалó*, *оборвалó*, *подорвалó*, *прорвалó*, *сорвалó*; *слылó*; *спалó*, *ткалó*; у глаголов односложных: *былó*; *обвилú*; *обдалó*, *отдалó*, *предалó*; *зажилó*, *ожилó*; *прокляло*; *лилó*, *налилó*, *полилó*, *слилó*; *обняло*, *проняло*. Как видно, это явление охватывает почти весь круг подвижно ударяемых глаголов. В устной речи оно представлено еще шире, распростра-

[19] *Булаховский Л. А.* Указ. соч., с. 233.

няясь и на формы *дралó*, *создалó*, *разорвалó*, *занялó*, *отнялó* и др. Естественно, что $АО_{59}$ здесь вводит запретительную помету и также последовательно ее дает.

Ударение на флексии в формах мн. числа встречается сравнительно редко. К наиболее распространенным относится, кажется, ударение *поплылú*, приобретшее к тому же широкую известность благодаря популярности стихотворения Исаковского «Катюша»:

Расцветали яблони и груши,
Поплылú туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Отмечено также и ударение *проплылú* (Багр., Бедн.), кроме этого подобные ударения встретились только в производных от глагола *лить* — *слилú*, *налилú*, *полилú*, меньше *вить*: *обвилú*. В устной речи таких употреблений несколько больше.

Концентрация корневого ударения в группе рассматриваемых глаголов происходит не только за счет последовательного перемещения его с префиксов, но и с флективных гласных. Это явление касается возвратных глаголов.

Возвратные глаголы, т. е. глаголы, образующиеся с конечным аффиксом *-ся*, обнаруживают, как известно, в русском языке особенность, тесно связанную с подвижностью ударения в соответствующих глаголах прош. времени: у глаголов с подвижным ударением оно может в формах муж. рода ед. числа переходить на *-ся*, а в формах ср. рода ед. числа и во мн. числе — на гласный перед *-ся*; у глаголов с неподвижным ударением ударение остается на корне (основе): *лилá*, *лúло*, *лúли*, *лился́*, *лилóсь*, *лилúсь*, но: *бил*, *бúло*, *бúли*, *бúлся*, *бúлось*, *бúлись*.

Исторический аспект особенностей акцентовки возвратных глаголов в русском языке подробно освещен Л. А. Булаховским [20]. В задачу данной работы входит конкретный анализ течения акцентных процессов в рассматриваемой группе слов в литературном языке позднего периода.

---

[20] *Булаховский Л. А.* Сравнительно-исторические заметки к ударению русского глагола. Возвратные глаголы. — Доклады и сообщения Ин-та русского языка АН СССР, 1948, вып. 1.

Булаховский отвергает мнение о фонетическом переносе ударения на *-лась*, *-лись*, *-лся*: «В ту относительно позднюю пору, когда осуществилось явление . . . сама энклиза (присоединение *-ся*, *-сь*), независимо от интонационной природы звуков, на которые перетягивалось ударение, могла вызвать это передвижение. Это могло произойти тем легче, что налицо была форма женск. р. ед. ч. с ударением на флексии, форма, которой, при дополнительном условии (энклизе), стали уподобляться другие» [21]. По мнению Булаховского, нет, однако, никакой уверенности в том, что ударение на *-ся* (в форме ед. числа муж. рода) в практике живой речи было строго параллельно употреблению форм ср. рода ед. и мн. числа «Мне представляется вполне возможным, — пишет Булаховский, — что ударения *-о́сь*, *-и́сь*, как обязанные своим появлением одному и тому же условию, старше ударения на *-ся* и что именно они повели за собою первоначально баритонированные формы муж. рода, ед. числа, уподобившиеся им по месту. С таким предположением вполне согласуются и факты московских памятников, приводимые в статье Васильева: довольно многочисленны случаи типа *зачали́ся*, *заняли́ся*, то таких примеров как *зачался́*, *унялся́* не отмечается» [22].

Исходя из сказанного, считаем целесообразным и в данном рассмотрении разграничить эти два ряда форм, анализируя отдельно формы: 1) муж. рода, ед. числа, 2) ср. рода и мн. числа, 3) жен. рода.

1. Слова Булаховского о том, что в наконечной акцентовке форм возвратных глаголов нет устойчивости, что трудно решить, вызвана ли эта неустойчивость борьбой между собой диалектов, на основе которых формировался литературный язык, или тем, что в литературном языке проявились определенные тенденции, не разрешившиеся в факты полной последовательности, относятся, видимо, прежде всего к формам муж. рода.

В литературном языке XVIII в. эта акцентовка уже имела место, но, видимо, широко распространена не была. У старших поэтов чаще встречалось именно корневое ударение. Ср.: *да́лся*, *отда́лся* (Чулк.), *разда́лся* (Держ.),

---

[21] Там же, с. 37—38.

[22] *Булаховский Л. А.* Сравнительно-исторические заметки к ударению русского глагола. ., с. 39.

назва́лся (Чулк), *ли́лся* (Держ.), *разли́лся* (Дмитр.) и др. Случаи аффиксального ударения отмечены как сравнительно более редкие: *сдался́* (Чулк.), *завра́лся́* (Майк.), *назва́лся́* (Держ.), *взя́лся́* (Тред.), *начался́* (Ломон.). В литературном языке первой половины XIX в. аффиксальное ударение в формах муж. рода широко известно. Показательна нормализация ряда глагольных форм с таким ударением в Грамматике Востокова: *звался́*, *назва́лся́*, *дожда́лся́*, *бра́лся́*, *начался́*, *дался́*, *удался́*, *взя́лся́*, *приня́лся́*, *кля́лся́*, *полился́*, *впился́*, *прожился́*, *сплы́лся́*, *роди́лся́*, *запе́рся́*, *опе́рся́*. Судя по материалам поэзии, это явление имело гораздо большую распространенность [23]. Ср., кроме названных у Востокова ударений, подтвержденных и материалами поэзии, также: от *быть*: *сбы́лся́* (Козл., Плещ., Язык.); от *вить*: *вился́* (Глин., Жук., Лерм., Одоевск., Полеж., Плещ.); *взви́лся́* (Барат., Бест., Дельв., Жук., Крыл., Кюх., Лерм., Мерзл., Полеж., Пушк., Язык.); *развился́* (Бест.); *перевился́* (Майк.); от *гнать*: *гнался́* (Глин., Жук., Козл.); от *дать*: *вдался́* (Барат., Пушк.); *задался́* (Лерм.), *отдался́* (Жук.), *передался́* (Язык.), *поддался́* (Плещ.), *предался́* (Пушк.); *раздался́* (Бенед., Жук., Катен., Лерм., Мерзл., Одоевск., Полеж.); *сдался́* (Жук.); от *жить*: *разжился́* (Бест.), *ужился́* (Григ.), *зажился́* (Козл.); от *звать*: *отозвался́* (Лерм.); от *клясть*: *заклялся́* (Дельв.); *поклялся́* (Жук., Козл., Лерм., Плещ., Рыл.); от *лить*: *лился́* (Язык.); *влился́* (Майк.), *залился́* (Пушк., Фет); *облился́* (Жук.), *полился́* (Майк.), *разлился́* (Крыл., Кюх., Майк.); *слился́* (Барат., Полеж., Раевск.); от *-нять*: *занялся́* (Барат., Жук., Кольц., Майк., Пушк.); *нанялся́* (Плещ.); *обнялся́* (Мей); *поднялся́* (Бенед., Гриб., Дельв., Жук., Козл., Крыл., Кюх., Лерм., Мей, Полеж., Пушк., Рыл., Тург., Фет); от *-переть*: *упе́рся́* (Пушк., Фет); от *пить*: *напился́* (Жук., Кюх., Шевыр.); *перепился́* (Изм.), *спился́* (Огар.); от *рвать*: *рвался́* (Глин., Жук., Крыл., Лерм., Майк., Плещ., Фет); *ворвался́* (Майк.); *сорвался́* (Жук., Пушк.).

Аффиксальное ударение в рассматриваемых формах никогда, однако, не обнаруживало тенденций к монопольному употреблению. В литературной традиции всегда

---

[23] Впрочем, и список Востокова, судя по замечаниям «и прочие» и «и другие», не претендует на полноту. Здесь, видимо, даны только наиболее бесспорные образцы.

было употребительно и корневое ударение, которое у ряда глаголов было преобладающим. Так, наряду с нормализованным Востоковым ударением *взялся́* отмечено и *взя́лся* (Гриб., Крыл., Плещ., Фет), наряду с *дался́—да́лся* (Пушк.), наряду с *звался́, назвался́—зва́лся, назва́лся* (Давыд., Пушк., Лерм.), наряду с *клялся́—кля́лся* (Бенед., Крыл., Мерзл., Пушк., Фет), наряду с *оперся́—опе́рся* (Жук., Мерзл., Пушк.). Сказанное относится и к ряду других форм, не упомянутых Востоковым: при *вился́* отмечено и *ви́лся* (Бенед., Лерм.), при *взвился́—взви́лся* (Бенед., Катен., Кюх., Пушк., Тург.), при *развился́—разви́лся* (Катен., Кюх.), а также: *зави́лся* (Мей), *обви́лся* (Майк., Плещ.), *отви́лся* (Дельв.), *сви́лся* (Жук.); при *гнался́—гна́лся* (Крыл., Плещ., Пушк.); при *вдался́—вда́лся* (Вост., Пушк.), при *отдался́—отда́лся* (Жук., Майк., Пушк., Тург.), при *поддался́—подда́лся* (Жук.), при *предался́—преда́лся* (Барат., Кюх., Пушк., Тург.), при *раздался́—раздался́* (Барат., Бенед., Гриб., Жук., Дельв., Изм., Козл., Крыл., Кюх., Лерм., Мерзл., Одоевск., Плещ., Полеж., Пушк., Рыл., Тург., Фет, Язык. и др.); при *сдался́—сда́лся* (Майк.); при *разжился́—разжи́лся* (Крыл.), *ужился́—ужи́лся* (Лерм.); при *отозвался́—отозва́лся* (Барат., Мей, Плещ.); при *поклялся́—покля́лся* (Катен., Плещ.); при *лился́—ли́лся* (Жук., Изм., Плещ., Тютч.), при *залился́—зали́лся* (Кат., Тург.), при *облился́—обли́лся* (Рыл.), при *разлился́—разли́лся* (Бенед., Дельв., Крыл., Кольц., Лерм., Пушк., Тург., Фет); при *обнялся́—обня́лся* (Пушк.), при *поднялся́—подня́лся* (Бенед., Гриб., Дельв., Жук., Козл., Крыл., Кюх., Лерм., Полеж., Рыл., Тург., Фет); при *уперся́—упе́рся* (Глин.); при *напился́—напи́лся* (Изм., Плещ., Пушк.); при *рвался́—рва́лся* (Дельв., Жук., Крыл., Кюх., Пушк. и др.).

У поэтов второй половины XIX—нач. XX в. колебания в ударении рассматриваемой группы форм наблюдаются примерно в том же объеме. У современных поэтов число употреблений аффиксального ударения значительно сокращается. Материалами картотеки свидетельствуется употребление аффиксального ударения: *взялся́*; *вился́, взвился́, завился́*; *дался́, поддался́, продался́, раздался́, сдался́, удался́*; *прижился́, разжился́, сжился́*; *звался́, назвался́*; *клялся́, поклялся́*; *лился́, залился́, налился́, полился́, пролился́, разлился́, слился́*; *занялся́, нанялся́, обнялся́, поднялся́, принялся́*; *заперся́, оперся́, уперся́*; *впился́, на-*

пился́, *опился́*, *спился́*; *рвался́*, *ворвался́*, *оторвался́*, *прорвался́*, *сорвался́*, *начался́*, т. е. еще в довольно широком круге словоформ. Однако при этом соотношение числа употреблений аффиксального ударения и корневого (почти во всех случаях дает перевес в сторону корневого; например, в словоформе *взялся* это соотношение 1 : 3; *вился* — 1 : 2, *взвился* — 1 : 1,5; *раздался* — 1 : 18; *звался* — 1 : 1,5, *клялся* — 1 : 3; *лился* — 1 : 6; *слился* — 1 : 2; *полился* — 1 : 3; *пролился* — 1 : 8; *разлился* — 1 : 3; *поднялся* — 1 : 2; *налился* — 1 : 6; *рвался* — 1 : 3, *ворвался* — 1 : 5; *оторвался* — 1 : 10; *сорвался* — 1 : 4 и т. д. Некоторые случаи аффиксального ударения отмечены вообще как единичные (*прижился́*, *сжился́* и др.). Аффиксальное ударение имеет несколько большее распространение в глагольных формах с корнем *-ня-*: *обнялся́*, *принялся́* и др. и *-ча-*: *начался́*. Нормализаторская практика, отражая реально существующие в данном случае колебания, неустойчива. Это относится прежде всего к СУ. Рекомендации его неопределенны, разнородны в пределах однокорневых групп, дается много дублетных ударений. Например, от *взять—взя́лся́*; от *вить*: *вился́*, *взвился́*, *завился́*, *обвился́*, *развился́*, *увился́*, но *свился́*; от *дать*: *задался́*, *передался́*, *подался́*, *поддался́*, *задался́*, *предался́*, *удался́*, но только *вдался*, *отдался*, *раздался*, *сдался*; от *жить*: *обжился́*, *прижился́*, *разжился́*, *зажился́*, *нажился́*, но *ужился́* и только *сжился*; от *звать*: *звался́*, но *назвался́*, *отозвался́*; от *клясть*: *клялся́*, но *заклялся*; от *лить*: *облился́*, *полился́*, но *пролился́*, *разлился́* и только *влился*, *залился*, *слился*, *улился*; от *-нять*: *занялся́*, *нанялся́*, *обнялся́*, *принялся́*, но *отнялся́*, *поднялся́*, *приподнялся́*, *унялся́*.

В течение тех двадцати примерно лет, которые отделяют подготовку $АО_{59}$ от СУ, наметившиеся тенденции к ограничению аффиксального ударения в этой группе глагольных форм выявились достаточно четко. Рекомендации $АО_{59}$ уже вполне определенны и выдержаны в одном ключе: все формы с аффиксальным ударением включены в словарь с пометой *устар.* Исключение представляют единичные случаи: *начался́*, рекомендуемое как норма (*начался* отвергается; имеет помету *не*), *занялся́* (*занялся* имеет помету *разг.*), *обнялся́*, допускающееся как литературный вариант к *обнялся*; *заперся́* (в комнате) при *запе́рся разг.*

Как известно, аффиксальное ударение в формах муж. рода свойственно и некоторым невозвратным глаголам. Л. А. Булаховский [24] указывал вполне определенную морфологическую примету подобных глаголов. Это глаголы, образующие форму муж. рода прош. времени на *л* в отличие от форм типа *спасся*, *улегся* и т. д. Пример аффиксального ударения в глаголах этого типа — *отрекся́* в «Демоне» Лермонтова:

Я *отрекся́* от старой мести,
Я *отрекся́* от гордых дум. . .

Булаховский рассматривает не только как редкое, но и вообще выпадающее из системы ударения. Формы же на *-ся* с конечным ударением от глаголов типа *вестись*, *плестись* известны, как отмечает Булаховский, и диалектам и устному литературному употреблению. В поэзии они относительно не часты, но документируются вполне определенно. Поскольку эти глагольные формы обнаруживают те же самые акцентные тенденции, считаем возможным не останавливаться на их рассмотрении специально.

2. По нормам грамматики Востокова все те глаголы, которым было свойственно ударение на *-ся* (с. 188), характеризовались аффиксальным ударением в формах ср. рода ед. числа и формах мн. числа (также жен. рода).

Аффиксальное ударение в этих формах в литературной традиции держится гораздо более устойчиво, хотя и оно обнаруживает все же определенные тенденции к изменению. В литературном языке XIX в., судя по поэтическим материалам, отступления от нормативного ударения сравнительно редки, за исключением только некоторых форм. В поэтическом языке эти отступления обычно связаны с одними и теми же именами. Чаще всего это Жуковский, Мей, Некрасов, Курочкин, Кольцов и некоторые другие поэты. Отмечено, например, *сбы́лось* (Мей); *взя́лись* (Курочк., Некр.); *ви́лись* (Жук., Тим., Сурик.); *разви́лись* (Дельв., Полеж., Курочк.); *сда́лось* (Мей), *преда́лись* (Полеж.), *сда́лось* (Случ.); *жи́лось* (Мей), *сжи́лись* (Курочк.); *отозва́лось* (Жук., Дельв.); *кля́лись* (Некр.); *изли́лось* (Курочк.), *нали́лось* (Мих.), *обли́лось* (Добр.); *разли́лось*,

[24] *Булаховский Л. А.* Сравнительно-исторические заметки. . ., с. 44.

разли́лись, *изли́лись* (Мерзл.), *поли́лись* (Кольц.); *уня́лось* (Дельв.), *обня́лись* (Жук., Дельв.), *отня́лись* (Некр., Мей); *приня́лись* (Добр.), *напи́лись* (Лерм., Некр.), *расплы́лось* (Случ.); *рва́лось* (Майк.); *сорва́лось* (Некр.), *рва́лись* и *изорва́лись* (Бенед., Плещ.), *ворва́лись* (Якуб., Бест.), *разорва́лись* (Жук.), *сорва́лись* (Мей), *спа́лось* (Мей, Некр.). Большой круг авторов стоит за такими ударениями, как *разда́лось*, *разда́лись* (Жук., Полеж., Кюх., Мей, Майк., Мерзл., Курочк., Случ., Апухт.), *подня́лись* (Венев., Жук., Мих., Толст.), *уня́лись* (Жук., Пушк., Язык.), *порва́лись* (Майк., Курочк., Толст., Якуб.).

В XX в. подобные ударения занимают значительно большее место. В поэзии они иллюстрируются во многих случаях уже не единичными примерами, а десятками примеров (*ви́лись*, *взви́лись*, *подня́лись*, *рва́лись*, *ворва́лись*, *оборва́лись* и некот. др.). Среди авторов, у которых эти ударения отмечены, такие авторитетные поэты начала века, как Брюсов (*сбы́лось*), Маяковский (*взя́лись*, *прода́лись*, *сжи́лись*, *заня́лись*, *сли́лись*, *расплы́лись*, *дорва́лись*, *прорва́лись*), Ахматова, Хлебников и др.; тоже и современные авторы — Кирсанов, Тихонов, Светлов, Луговской, Исаковский, Вознесенский и др. Показательно, что СУ при последовательной в целом акцентовке рассматриваемых форм представляет и некоторые отступления: *гна́лось*, *погна́лось* наряду с *гнало́сь*, *погнало́сь*; *закля́лось*; *изолга́лось*; *ли́лось*, *вли́лось* наряду с *лило́сь*, *влило́сь*; *рва́лось* наряду с *рвало́сь* (также в приставочных *ворваться*, *оторваться*, *прервaться*, *прорваться*, *разорваться*, *сорваться*); *проспа́лось*, *отоспа́лось*, *спа́лось* (правда, с пометой *обл.*); *тка́лось*. $АО_{59}$ делает более значительный шаг в направлении признания корневых ударений. Почти все из них, за некоторым исключением, введены в словарь с пометой «разговорное», т. е. эти ударения категорически не отвергаются, хотя строгой нормой и не признаются. Ряд же ударений — *завра́лось*, *завра́лись*, *гна́лось*, *гна́лись*, *зва́лось*, *зва́лись* (также и производные *назва́лось*, *отозва́лось*, *назва́лись*, *отозва́лись*), *расплы́лось*, *рва́лось* (и все производные образования), *тка́лось*, *тка́лись* — признается допустимой нормой, а *изолга́лось*, *изолга́лись*; *заспа́лось*, *заспа́лись* — нормой. Словарь не допускает, таким образом, корневого ударения только в формах глаголов, производных от *-нять*: *заняться*, *наняться*, *обняться*, *отняться*, *подняться*, *приподняться* (как разговорный

вариант они допускаются, однако, от глаголов *сня́ться* и *уня́ться*), и *-чать*: *начаться*.

3. Формы жен. рода удерживают ударение на флексии наиболее устойчиво. В поэтической традиции XIX в. случаи отступления от этого ударения единичны. В наших материалах см.: *взя́лась* (Некр.), *обви́лась* (Дрож.), *развы́лась* (Мерзл.), *отда́лась* (Майк., Случ.); *отозва́лась* (Некр.), *проли́лась* (Кольц.), *разли́лась* (Мерзл.), *подня́лась* (Мей, Майк.), *упи́лась* (Курочк.), *соткáлась* (Бенед.). Более часты эти отступления в формах от глагола *рваться* и производных: *ворва́лась* (Толст.), *дорва́лась* (Майк.), *оборва́лась* (Дрож.), *порва́лась* (Майк., Некр.), *прерва́лась* (Пушк.), *прорва́лась* (Гнед., Майк.), *разорва́лась* (Кюх., Майк.). В литературной традиции XX в. случаи употребления корневого ударения также редки, кроме форм от глагола *рваться* и производных. Ударения типа *ворва́лась*, *оборва́лась*, *разорва́лась* и под. подтверждаются десятками цитат из произведений Асеева, Маяковского, Алигер, Тихонова и других авторов. Словари, однако (СУ и $АО_{59}$), фиксируют только колебания: *ткала́сь* и *тка́лась*; $АО_{59}$ еще *оперла́сь* и *опёрлась*. Во всех остальных случаях $АО_{59}$ последовательно предупреждает против корневого ударения как недопустимого: *не*: *сбы́лась*, *не*: *бра́лась*, *не*: *взя́лась* и т. д.

Глава вторая

ИЗМЕНЕНИЕ УДАРЕНИЯ В ФОРМАХ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Подвижность ударения в формах наст. времени определяется соотношением суффиксального ударения в инфинитиве, флексийного ударения в 1-м лице ед. числа и наосновного (накоренного) ударения во всех остальных формах: *писа́ть, пишу́—пи́шешь, пи́шет, пи́шем, пи́шете, пи́шут*; *тону́ть, тону́—то́нешь, то́нет, то́нем, то́нете, то́нут* и т. д.

Как и в глагольных формах прош. времени подвижность ударения в формах наст. времени в древнерусском языке была представлена более широко, чем в последующие периоды развития литературного языка. Литературный язык конца XVIII—нач. XIX в. сохраняет при этом более тесную связь с особенностями древнерусской акцентовки. В дальнейшем подвижность ограничивается (действует тенденция выравнивания ударения по инфинитиву), доходя до того весьма ограниченного объема, в каком это явление известно современному языку. Подвижное ударение представлено сейчас преимущественно у глаголов непродуктивных классов (исключение составляет только класс глаголов с инфинитивом на *-ить*); ряд глаголов, характеризующихся этой особенностью акцентовки, исчисляется лексически.

В отличие от форм прош. времени процесс ограничения подвижности в формах наст. времени имеет ряд особенностей применительно к каждой глагольной группе и должен рассматриваться отдельно.

Литературный язык уже начала рассматриваемого периода почти не отражает префиксального ударения в глагольных формах наст. времени, которое имело место в древнерусском. Ср. отмечаемые П. Я. Черныхом[1] ударения от *бить*: *отбе́ют, разбе́ют, у́бьют*; от *идти*: *вы́йдет, вы́йдет, отбы́дут, не пы́йдет, при́дет, при́дут*,

[1] *Черных П. Я.* Язык Уложения 1649 г. М., 1953, с. 362—363.

сóйдется, *ýйдет*; от *жечь*: *сóжгут*; от *лгать*: *сóлжет*, *сóлжут*; от *-мереть*: *ýмрет*, *пóмрут*; от *-мкнуть*: *отóмкнет*; от *-переть*: *зáпрется*, *зáпрутся*; от *слать*: *прúшлют*, *пóшлют*, *пóшлется*, *подóшлет*; от *-чать*: *взóчнется*, *зáчнется*, *нáчнет*, *ýчнет*, *ýчнут*; от *-ять*: *вóзмет*, *вóзмут*; у Станга [2] соответственно: *перéбьют*, *пóбьет*, *пóбьют*; *вóйдут*, *дóйдут*, *зáидешь*, *избúдет* и др.; *сóжгут*; *ýмрут*; *пóшлет*, *пóшлют*; *зáчнет*, *нáчнешь*, *пóчнет*, *ýчнет*; *вóзмешь*, *вóзмет* и др.; кроме того, от *лить*: *прóльют*; от *ткнуть*: *вóткнешь*; от *честь*: *непóчтут*, *сóчтеши* и др.[3]

Префиксальное ударение подобных форм не становится нормой литературного языка позднего периода. Случаи употребления его, имеющие место в литературном языке конца XVIII—нач. XIX в. (стихотворная речь), относятся преимущественно к практике старшего поколения писателей: *вóзьмет* у Держ. (при *возьмéт*, *возьмéм*), у него же *ýмрешь* (при *умрéм*), *прéрвешь*. В более позднее время формы с ударением на префиксе представляют собой явные раритеты. Таково, например, ударение *прóдлит* у Крылова, которое Булаховский рассматривает как случай, стоящий особняком; ударение *отóпрешься* у Дельвига — как стилизацию под народную речь, *вóзьмет* у Кукольника — также, как случай стилизации [4].

Более широко префиксальное ударение представлено в кругу глаголов, производных от *идти*, хотя и здесь факт вытеснения его очевиден. Ударение на флексии употребительно уже и у старших поэтов, хотя оно и более редкое. Ср. например, *нáйдéт* (В. Майк., Мурав., Дмитр.), *найдéт* (Держ.); *пóйдешь*, *пóйдет* (Тред., Ло-

---

[2] *Stang Chr.* La langue du livre — «Ученіе и хитрость ратного строенія пѣхотныхъ людей». Oslo, 1952, с. 62.

[3] Ряд подобных примеров из разных памятников см.: *Хазагеров Т. Г.* Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. М., 1973. Н. К. Пирогова характеризует префиксальное ударение у глаголов односложных основ как закономерное для XVII в. Подобные факты рассматриваются как обычная подвижность. Поскольку речь идет об односложных основах, передвижение ударения на префикс равносильно передвижению его на корневую часть. См.: *Пирогова Н. К.* Развитие типов ударения в глаголах первого непродуктивного класса. — Филолог. науки, 1959, № 2.

[4] *Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX в. М., 1954, с. 223.

мон., Держ.), но *пойдёт*, *пойдём* (Держ.); *прúдет* (Тред., Ломон., Держ.), но *придёт*, *придýт* (Держ.); *прóйдет* (Тред., Держ.), но *пройдёт*, *пройдýт* (Держ.); кроме того, *дóйдет* (Мурав., Рад.), *подóйдет* (Нелед.*), *превзóйдет* (В. Майк.), *прéйдет*, *прéйдут* (Мурав., Рад.); *ýйдет* (Держ.), но у него же *сойдёт*.

У поэтов первой половины XIX в. колебания продолжаются, при этом разные глаголы в разной степени закрепляют флексийное ударение. Определяющим моментом является здесь, видимо, сфера употребления глагола. В какой-то мере об этом можно судить по распределению акцентов в этой группе слов у Пушкина: *идý*, *идёшь*, *идёт*, *идём*, *идýт*, *обойдý*, *пройдý*, *пойдý*, *придý*, *найдý*, *зайдý*, *сойдý*, *сойдёшь* и т. д., но с корневым ударением *вни́ти*, *сни́ти*—*вни́дешь*, *сни́дешь*, *сни́дет*, а также *взы́дет* — книжные формы (префиксы *вз-*, *вн-*, *сн-*). Будде характеризует как книжное и префиксальное ударение *прóйдет*; *пройдёт* (и *сойдёт*, *придёт*, *взойдёт*) — как разговорное [5]. *Прúдет* свойственно и книжной речи, и языку разговорному. Материалы картотеки показывают наибольшую распространенность колебаний как раз в этом, последнем глаголе, что, действительно, может свидетельствовать о его стилистической неприуроченности. Ударение *прúдет* сохраняется еще до некоторой степени в поэзии начала XX в.

Ударение префикса допускалось также в литературной традиции для образований с корнем *-зре-* (с модификацией *-зри-*) ‘видеть’ (и производные значения). В отличие от рассматриваемых глаголов оно имело место здесь во всех формах.

Ударение на флексии у этой группы глаголов отмечается, однако, уже у старших поэтов, хотя подобные примеры сравнительно редки.

Каждый из глаголов этой группы — *воззреть*, *воззриться*, *презреть*, *призреть*, *узреть* — живет, естественно, особой лингвистической жизнью и представляет

---

[5] *Будде Е. Ф.* Опыт грамматики языка А. С. Пушкина. — Сб. ОРЯС, АН, т. 77. СПб., 1904. Ср. в «Борисе Годунове»:

Ты грешнику погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь — да *прóйдет* заблужденье:
Оно *пройдет* и солнце правды вечной
Всех озарит.

разное соотношение префиксального и флективного ударения в разные периоды, а также и разный результат колебаний. Так, в глаголе *узреть* префиксальное ударение употребительно только в формах 2-го лица ед. числа, и последующих формах наст. времени (ударение *у́зрю* единично, например у Кюх.); у старших поэтов при этом префиксальное ударение выдерживается последовательно: *у́зришь*, *у́зрит* (Богд., Держ., Карамз., Ломон., Рад., Тред.), *узри́шь* (только Держ.); у поэтов XIX в. — со значительными колебаниями: *у́зришь* (Глин., Жук., Козл., Крыл., Кюх., позднее Полон., Толст., Тютч.); *узри́шь* (Барат., Дельв., Катен., Кюх., Лерм., Майк., Полеж., Рыл. и др., позднее — Толст., Курочк.). Ударение *у́зришь* дольше сохраняется в литературной практике и подвижность (*узрю́—у́зришь*) остается литературной нормой. В глаголах *презреть* и *призреть* префиксальное ударение имеют все формы. Ср. *пре́зрит* (Тред., позднее — Глин., Вост., Жук., Кюх.), *пре́зрите* (Озер.), но и: *пре́зрю* (Барат., Глин.), *пре́зрел*, *пре́зрела*, *пре́зрели* (Пушк. — с колебанием, Гриб., Козл., Лерм.); *пре́зри* (Кюх., Мерзл., Полеж.); также *при́зрит* (Держ., Тред., позднее — Вяз., Мерзл., Мих.), но и *при́зри*, *при́зрел* (Вяз., Мерзл., Мих.).

В современном языке глагол *призреть* остается в рамках обычных колебаний: подвижность — окситония (*призре́ть—при́зришь* и *призре́ть—призри́шь*); *презреть* закрепляет окситонию (*презре́ть—презри́шь*). Сложнее обстоит дело с глаголами с прист. *воз-*. Глагол *воззре́ть*, известный еще у Пушкина, из употребления выходит:

О праведник! о мой отец державный!
Воззри с небес на слезы верных слуг
И ниспошли тому, кого любил ты. . .
Борис Годунов

Глагол *воззриться*, не имевший, кажется, широкого распространения, был употребителен с префиксальным ударением:

Мальчишка, думая поймать угря,
Схватил Змею, и, *во́ззрившись*, от страха
Стал бледен, как его рубаха.
Крылов. Мальчик и Змея

(Ср. там же *во́ззряся в певца*). Ударение *во́ззриться* сохраняет СУ и ССРЛЯ (в форме *во́зриться прост.* и *во́ззриться*),

однако другие словари дают *воззри́ться—воззри́шься*. По мнению Н. С. Арановой [6], здесь дело не только в акцентных колебаниях. Приводится ряд доводов в пользу того, что в современном языке существуют два разных глагола, которые при общем значении 'пристально поглядеть на кого-л.' имеют разную структуру (в *воз(з)риться* следует выделять прист. *во-*, в *воззриться* — *воз-*), характеризуются некоторыми различиями в управлении (*воз(з)риться в*, *воззриться на*), принадлежат к разным сферам употребления (*воз(з)риться* «прост.», *воззриться книжн.*) и возникли в разное время (*воз(з)риться* глагол старый, *воззриться* новый). Высказанная точка зрения, однако, весьма спорна.

О тенденции ограничения подвижности свидетельствуют и факты изменения ударения в направлении передвижения с корневой части на флективную в некоторых группах глаголов. Это касается только форм наст. времени.

Выравнивание ударения по инфинитиву, имеющее своим результатом переход от подвижного ударения к неподвижному на флексии, наиболее последовательно представлено у глаголов II продуктивного класса (с инфинитивом на *-нуть*). В современном языке в этом классе глаголов известны только 4 глагола с устойчиво подвижным ударением (*обману́ть*, *помяну́ть*, *тону́ть*, *тяну́ть*), которые, по характеристике Грамматики-52, представляют обособленную группу в составе названного класса не только по ударению: в этих глаголах стерлись четкие грани между корнем и суффиксом, они утратили значение однократности и мгновенности (*тону́ть* и *тяну́ть* получили даже значение несоверш. вида).

В древнерусском языке глаголам на *-нуть* подвижность была свойственна в гораздо большей степени. В этом убеждают примеры: *кто зама́хнется*, *служба ми́нется* (здесь же, однако, и срок *мине́т*) [7]; ряд примеров, приведенных из разных памятников Т. Г. Хазагеровым [8]: от *-вернуть—пове́рнет*, *отве́рнется*; от *-вихнуть—изви́хнет*; от *дерзнуть—дерзну́*, *де́рзнет*; от *дохнуть—*

---

[6] *Арапова Н. С.* Воззри́ться или вбзриться. — Рус. яз. в нац. школе, 1965, № 1.

[7] *Черных П. Я.* Указ. соч., с. 362.

[8] *Хазагеров Т. Г.* Указ. соч., с. 128—129.

вздохну́, *вздо́хнет*, от *коснуться—прико́снется*, *ко́снется имъ*, *прико́снемся*; от *посягнуть—пося́гнет*.

В литературном языке конца XVIII в., как показывают, по крайней мере поэтические данные, некоторые из названных ударений также еще имели место. Ударение *пове́рнет* отмечено, например, у Держ., *де́рзнет* — у Тред., Держ.; *отдо́хнет* — у Рад., *вздо́хнет*, *до́хнет* — у Сум., *ко́снется* — у Хераск., *прико́снется* — у Богд. Отмечено кроме того *колы́хнет* (Держ.), *воспомя́нет* (Богд.), *шело́хнет* (Держ.), *шело́хнется* (Львов). Судя уже по данным поэзии XIX в., подвижность ударения в этом круге глаголов ограничивается. Так, подвижное ударение в глаголах *дерзнуть* и *коснуться* здесь не отмечено; в глаголах, произведенных от *-вернуть*, оно отмечено преимущественно у поэтов первой половины XIX в. (ср. *отве́рнет* у Гриб., *разве́рнет* у Шевыр.). То же можно сказать о глаголах, производных от *дохнуть*: *отдо́хнешь*, *отдо́хнет* (Озер., Шевыр.), *отдо́хнут* (Гнед.), и др. Как случай единичный и, по характеристике Булаховского, любопытный [9], отмечено ударение *обмо́кнешь* у Вяземского (в эпиграмме).

Более широкое распространение подвижность имеет в глаголах *колыхнуть* и *шелохнуть* (и производных). Ср.: *колы́хнет* (Кюх., Тютч.), *колы́хнется* (Глин., Жук., Плещ., Дрож.), но *колыхне́т*, *колыхне́тся* (Жук., Тютч., Плещ.); *шело́хнет* (Шевыр., Язык., Тим.); *шело́хнется* (Бест., Кольц., Лерм., Майк., Некр., Дрож.), но *шелохне́тся* (Глин., Фет). Преимущественно с подвижным ударением употребителен глагол *помянуть* и производные — *вспомянуть*, *упомянуть*. Это ударение является, как сказано, нормативным вплоть до современности, однако, тенденция выравнивания ударения распространяется и на этот глагол и производные, обусловливая появление ударений *помяне́шь*, *помяне́т*, *помяне́м* и т. д. У поэтов XIX в. подобные ударения еще редки, приходятся преимущественно на долю поэтов второй половины века. *Помяне́т*, *помяне́м*, отмечено, например, у Фета, Мея, позднее у Блока; *вспомяне́шь* у Полеж., *упомяну́т* у Фета. У современных поэтов число употреблений названных глаголов с аффиксальным ударением гораздо больше.

---

[9] *Булаховский Л. А.* Указ. соч., с. 221.

Выравнивание ударения в сторону флективного — не единственное направление акцентного развития рассматриваемой группы глаголов. Выравнивание может идти здесь и в сторону корневого ударения, как показывает пример глагола *тронуть*: *тронýть*, *трóнет* в древнерусском [10], в дальнейшем — *трóнуть*. Разное направление акцентных ассоциаций служит причиной появления колебаний и у части рассмотренных глаголов. Ср. ударения *задóхнусь* (Жук.); *колы́хнул* (Жук.), *колы́хнулось* (Некр.); *вспомя́нул* (Жук.); *шелóхнул*, *шелохнýлась* (Тим.). Эти ударения не имеют широкого распространения [11], однако они очень устойчивы.

Особое место в этом ряду занимает глагол *глянуть* и производные от него глаголы. В литературной традиции эти глаголы характеризовались также подвижным ударением, которое сохраняется и сейчас в глаголах *взглянуть*, *заглянуть*, *оглянуть* (*оглянуться*), *проглянуть*, *приглянуть* (*приглянуться*). Однако сам глагол *глянуть* (ср.: *глянýть*, *глянýл* в Сл. Акад. Рос., Сл. 1847) подвергся устойчивой переакцентовке. У других глаголов такая переакцентовка выступает только как едва намечающаяся тенденция. Ср. отмеченные у поэтов прошлого века *прогля́нул*, *прогля́нула*, *прогля́нули* (Гнед., Жук., Гог., Толст.); *пригля́нусь* (Кольц., Ерш.), то же в современной поэзии: *взгля́нуть*, *взгля́нула*, *прогля́нул* и др. Однако здесь действует наметившаяся также в прошлом веке тенденция к выравниванию аффиксального ударения. Отсюда ударения *взгляне́шь*, *взгляне́т*, отмеченные у Гнед., *заглянýт* у Плещ.; в виде единичных же примеров у современных поэтов: *загляне́шь* и др.

В том же направлении, т. е. в сторону закрепления флективного ударения изменяется ударение в глаголе *идти*.

Старое корневое ударение в формах наст. времени глагола *идти*, засвидетельствованное в акцентированных текстах XVI—XVII вв., сравнительно устойчиво сохраняется в литературной традиции позднего периода. Правда, уже и литературный язык XVIII в. последовательно проводимого ударения на корне в этом глаголе уже не пред-

---

[10] *Хазагеров Т. Г.* Указ. соч., с. 129.

[11] Кроме, видимо, *шелóхнуть*, которое признается нормативным у Востокова.

ставляет, хотя, судя по материалам поэтическим, это ударение преобладает. Ср.: *и́дет*, *и́дут* (Богд., Держ., Ломон., Тред.); *иду́т* (с меньшим числом употреблений у Тред., также — у Держ.). Колебания продолжаются на протяжении всего XIX в., причем в первой его половине с явным преобладанием корневого ударения: *и́дет*, *и́дут* (Бат., Барат., Бенед., Жук., Катен., Крыл., Лерм., Пушк., Рыл.) и др.; *идёт*, *иду́т* (Гриб., Жук. — с меньшим числом употреблений; Лерм., Полеж.); во второй половине — с большим преобладанием флективного ударения: *и́дет*, *и́дут* (Майк., Некр., Никит., Толст., Фет); *идёт*, *иду́т* (Некр. — более 80 употреблений и 2, Никит, Случ. и др.). У поэтов начала XX в. ударения *и́дет*, *и́дут* совсем редки (Паст. и др.) при употребительных обычно у тех же авторов и формах с флективным ударением. Ударение *идёт*, *иду́т* является устойчивой современной нормой.

В одной группе с глаголом *идти* Л. А. Булаховский рассматривает изменение ударения у глаголов *клевать*, *плевать* и *совать* [12], которым в литературной традиции также была свойственна подвижность. Во всяком случае глагол *совать* отмечен только с корневым ударением у старших поэтов:

За кои ничего, их взяв себе не тратим;
То место, кое мы городим, *сую́м*, платим. . .

Богданович. Загадки

Но сами рыцари, которые воюют;
Друг друга кои под бока,
И в нос, и в рыло *сую́т*,

Сумароков. Кулашный бой

Подобное ударение имеет место у поэтов XIX в. (Пушк., Майк., Мей, Курочк., Некр., Случ., Толст. и др.).

В глаголе *плевать* корневое ударение, отмечено, например, у Пушкина:

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, *плю́ет* на меня; Бесы
Доволен? Так пускай толпа его бранит,
И *плю́ет* на алтарь, где твой огонь горит. . .

Пушкин. Поэту

[12] *Булаховский Л. А.* Указ. соч., с. 212—213.

Это ударение сменяется флективным: ср. *наплюём* (Полон.), *плюёт* (Мей) и др.

В глаголе *клевать* корневое ударение мало употребительно:

А в полях сиротой,
Хлеб не скошен стоит.
Ветер точит зерно!
Птица *клю́бет* его!

Кольцов. Что ты спишь, мужичок

Обычное у поэтов ударение — флективное: *клюём* (Тред.), *клюёшь* (Изм.), *клюёт* (Пушк.), *клюют* (Кур.) и др.

По мнению Булаховского, корневое ударение в группе названных глаголов есть результат аналогического воздействия форм сов. вида: *клю́ну*, *плю́ну*, *су́ну*; ср. *ду́ю*, *ду́ну* — отношение, ставшее образцом. «Характерно, — пишет он, — что *ку́ю* и т. д., при котором подобных параллельных форм не было, почти не встречается с накоренным ударением» [13]. Ср. *прику́ет*:

И сладкою мечтой вновь сердце очарует.
И очи томные к моим очам *прику́ет*!. . .

Кольцов. Первая любовь.

С точки зрения Булаховского, это ударение нужно отнести к позднейшему влиянию всей группы [14]. Мнение Булаховского основано на предположении, что в XVIII в. в этой группе глаголов ударяемым было и 1-е лицо ед. числа. По-видимому, это предположение верно. К примеру ударения *наплю́*, отмеченного Булаховским у Н. П. Осипова, можно прибавить более поздние примеры *су́юсь* (Изм.), *су́я* (Полон.). Я. К. Грот [15] отмечает ударе-

---

[13] *Булаховский Л. А.* Указ. соч., с. 213.

[14] Показательно, что у Кольцова тот же глагол находим и с обычным ударением

Та же сила тогда
Другой голос возьмет,
И чудно, и смешно,
Всех к тебе *прикуёт*.

Кольцов. Товарищу

[15] *Грот Я. К.* О глаголах с подвижным ударением. — В кн.: Труды, т. II. Филологические разыскания. СПб., 1899, с. 278.

ния *сова́ть—су́ю*, *плева́ть—плю́ю* наряду с *дneва́ть—дню́ю* как норму (но: *кова́ть—кую́*, *клева́ть—клюю́*).

Ударение рассматриваемой группы глаголов, если оно и подверглось воздействию такой частной аналогии, в дальнейшем выравнивается в направлении флективного ударения — без каких бы то ни было колебаний.

Говоря об ограничении подвижного ударения в глагольных формах наст. времени, необходимо помнить и о таком морфологическом явлении, которое имеет своим результатом и акцентные изменения, как уподобление глаголов 1-го непродуктивной группы (тип *писа́ть—пи́шет*) продуктивным глаголам того же класса [16] (тип *игра́ть—игра́ет*). Известно, что неустойчивое, переходное положение этой подгруппы ведет к появлению в языке изобилующих глаголов, образующих формы по типу глаголов 1-го продуктивного класса и 1-й непродуктивной группы: *бры́згать—бры́зжут* и *бры́згают*, *колыха́ть—колы́шут* и *колыха́ют* и т. д. Процесс ассимиляции глаголов непродуктивной группы, как показывают многие исследования, продолжается и усиливается, захватывая новые глаголы и ограничивая употребление старых форм. Можно назвать, правда, сравнительно небольшое число форм, употребительных в XVIII—нач. XIX в., а затем вышедших из употребления: *глю́чут*, *и́чут*, *лю́бжут*, *мы́чут*, *ры́чут*, *стра́ждут*, *фы́рчут*, *че́рплют*. Для большинства форм отмечено параллельное употребление новых форм (обычно неоднозначное, со стилистическими и иными разграничениями). Однако все эти пока еще неустойчивые изменения способствуют, наряду с другими, упрочению неподвижного ударения за счет подвижности.

---

[16] См.: Грамматика русского языка, т. 1. М., 1952.

Глава третья

ГЛАГОЛЫ *И*-КЛАССА. ИЗМЕНЕНИЕ УДАРЕНИЯ В ФОРМАХ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ, В ФОРМАХ ИНФИНИТИВА И ВО ВСЕЙ СИСТЕМЕ ФОРМ

Как показывают исследования, глаголы *и*-класса в праславянском и древнерусском были распределены между тремя акцентными парадигмами: *а* (*бáвить* и др.), *в* (*судúть*, *служить* и др.) и *с* (*варить*, *явить* и др.).

Уже в древнерусском языке отмечается начало процесса трансформации парадигмы *с*: замена формы — enclinomen 1-го лица ед. числа современной окситонированной формой. Среди факторов, обусловливающих это явление, называются падение интонаций, перестройка и ликвидация системы фразовых единств, давление на форму 1-го лица всех остальных форм презенса, поддержанное наличием окситонированной формы в парадигме *в*; массовый переход краткосложных глаголов на *-ить* парадигмы *в* в парадигму *с* [1].

К началу рассматриваемого периода были представлены три типа акцентовки, характеризующие рассматриваемый класс глаголов — неподвижное ударение на основе (парадигма *а*): *ве́рить*, *ве́рю*, *ве́ришь*; неподвижное ударение на флексии (парадигма *с*): *весели́ть*, *весели́ю*, *весели́шь*; подвижное, точнее рецессивное ударение (парадигма *в*): *носи́ть*, *ношу́*, *но́сишь*.

Изменения в ударении глаголов на *-ить*, наблюдающиеся в русском литературном языке на всем протяжении его развития, касаются не самих акцентных парадигм, а только их лексического состава. Изменения эти связаны, естественно, с появлением многочисленных новообразований, входящих в ту или иную акцентную парадигму, и выходом из употребления ряда глаголов. Они есть следствие внутреннего перераспределения глаголов между

[1] *Дыбо В. А.* Древнерусские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения (Praesens). — ВЯ, 1969, № 6.

парадигмами, связанного с передвижением глаголов из одной акцентной парадигмы в другую.

Факты показывают, что переходы эти не хаотичны, а определенным образом направлены: большинство изменений в ударении глаголов на *-ить* связано с переходом от неподвижного ударения на флексии к подвижности, или, реже, к неподвижному ударению на основе; случаи обратного перехода сравнительно редки.

Тип взаимодействия глаголов с неподвижным ударением на флексии и глаголов с подвижным ударением наблюдался уже в ранние периоды развития литературного языка с той определенной направленностью, о которой сказано выше. В имеющихся исследованиях по древнерусскому языку отмечаются многочисленные случаи несовпадения с современной акцентуацией, свидетельствующие о более широком распространении флективного ударения в классе глаголов на *-ить*. Ср. отмеченные Стангом [2] ударения: от *будить*: *взбуди́т*; *воротить*: *обвороти́шися*, *обворотя́тся*, *поворотя́тся*; *городить*: *огороди́шь*; *дели́ть*: *раздели́шь*, *раздели́т*, *разделя́т*, *разделя́тся*; *ловить*: *ловя́т*; *-ложить*: *положи́шь*, *положи́т*, *положа́т*, *обложи́т*, *отложи́т*, *приложи́тся*, *приложа́тся*, *уложа́т*; *-лучить*: *получи́т*, *получа́т*; *мутить*: *смутя́т*; *пусти́ть*: *подпусти́т*, *распусти́т*, *упусти́т*; *садить*: *всади́т*; *становить*: *становя́т*; *-стрелить*: *застрели́т*; *учить*: *учи́шь*, *научи́шь*, *учи́т*, *уча́тся*; *ценить*: *ценя́т*; *чинить*: *чини́шь*, *чини́тся*, *чиня́т*.

Т. Г. Хазагеров [3], по данным ряда памятников, отмечает, кроме того, ударения от *валить*: *повали́тся*; *варить*: *свари́т*, *варя́т*; *гасить*: *угаси́т*; *губить*: *погуби́т*; *дарить*: *дари́т*; *делить*: *деля́тся*; *-должить*: *продолжи́тся*; *косить*: *покоси́т*; *кормить*: *кормя́т*; *лечить*: *лечи́т*; *-менить*: *измени́т*, *переменит*; *платить*: *платя́т*; *поить*: *поя́т*; *сушить*: *суша́т*; *солить*: *соля́т*; *-рушить*: *разруши́т*; *тащить*: *притащи́т*; *топить*: *потопи́т*; *явить*: *яви́тся*, *объяви́т* и некот. др.

Показательно, что ряд глаголов, отмеченных с наконечным ударением в памятниках XVII в., в литературной традиции, уже начиная с конца XVIII в., с таким ударе-

[2] *Stang Chr.* La langue du livre «Ученіе и хитрость ратного строенія пѣхотныхъ людей». Oslo, 1952.

Хазагеров Т. Г. Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. М., 1973, с. 130—131.

нием не известен. Это глаголы *лечить*, *ломить* и производные от них; глагол *ловить* и производные; глаголы, производные от *-ложить—положить*, *отложить*, *приложить* и др.; глаголы, производные от *пустить—подпустить*, *распустить*, *упустить* и др.; глаголы, производные от *-стрелить*; глагол *учить* и производные от него.

Каждый из дальнейших периодов развития литературного языка обнаруживает какие-то другие ограничения в использовании флективного ударения и соответственно расширение круга подвижно-ударяемых глаголов. Широкое распространение у ряда глаголов получает вариативное ударение — именно как результат активизации подвижности [4].

В Грамматике Востокова представлены как подвижно-ударяемые следующие глаголы: *бесить*, *блудить*, *бродить*, *будить*, *валить* (с приставками *вз-*, *на-*, *по-*, *пере-*, *раз-*, *с-*), *варить*, *водить*, *возить*, *волочить*, *воротить*, *гасить*, *городить*, *губить*, *давить*, *дарить* (только с приставками *по-*, *раз-*), *делить*, *дразнить*, *душить*, *женить*, *залучить*, *занозить*, *катить*, *клонить*, *колотить*, *копить*, *кормить*, *крестить*, *крошить*, *купить*, *курить*, *-кусить* (с приставками *за-*, *от-*, *при-*, *пере-*, *у-*), *лепить*, *лечить*, *ловить*, *-ложить* (с приставками), *ломить*, *лупить*, *любить*, *манить*, *менить* (с приставками *на-*, *пере-*, *под-*, *с-*), *месить*, *молить*, *молотить*, *мочить*, *носить*, *платить*, *получить*, *поручить*, *пособить*, *просить*, *пустить*, *резвиться*, *-ронить* (с приставками *на-*, *об-*, *про-*, *у-*), *рубить*, *рядить*, *садить* (с приставками), *светить*, *сердить*, *скоблить*, *-скочить*, *служить*, *становить*, *-стрелить* (с приставками *за-*, *про-*), *ступить*, *судить*, *сушить*, *сучить*, *тащить* (только с приставками *вс-*, *в-*, *за-*, *по-*, *при-*, *с-*, *у-*), *теребить*, *топить*, *торопить*, *точить*, *травить*, *трубить*, *тушить*, *тупить*, *тушить*, *учить*, *хвалить*, *хватить*, *ходить*, *хоронить*, *цедить*, *ценить*, *-цепить*, *чертить*, *чинить* (с приставками *за-*, *о-*, *по-*), *шутить*, *щекотить*, *явить*.

---

[4] Вариативность ударения имеет место уже и в древнерусском языке. Ср., отмеченные Стангом, наряду с приведенными, и ударения от *будить*: *збу́дят*; *воротить*: *обворо́тит*, *обворо́тится*, *поворо́тишь* *-ложить*: *полбжишь*; *пустить*: *отпу́стят*; *-стрелить*: *стре́лишь*, *стре́лит* и др. В литературном языке, начиная с конца XVIII в., вариативность не только получает более широкое распространение, но и обнаруживает определенные тенденции в отношении закрепленности нового варианта.

Однако, по другим материалам, ударение ряда глаголов из числа названных не было устойчивым, поскольку наряду с подвижным им было свойственно и ударение на флексии. Так, Я. К. Грот [5] называет в числе глаголов, употребляемых с «двояким» ударением — *блудить*, *варить*, *гасить*, *городить*. *делить*, *душить*, *занозить*, *катить*, *крестить*, *крошить*, *курить*, *манить*, *(за)менить*, *месить*, *(по)ручить*, *резвиться*, *рядить*, *светить*, *становить*, *сушить*, *сучить*, *теребить*, *травить*, *трубить*, *тупить*, *тушить*, *цедить*, *ценить*, *чертить*, *чинить*, *явить*. Грот значительно расширяет круг глаголов, имеющих подвижное ударение (также наряду с флективным), вводя сюда *белить*, *бесить*, *божиться*, *валить* (у Востокова в списках с подвижностью, называются только приставочные), *вопить*, *(за)глушить*, *гнездиться*, *дарить* (у Востокова только приставочные), *золотить*, *клеить*, *коротить*, *косить*, *кружить*, *лениться*, *(об)локотиться*, *(раз)лучить*, *прудить*, *садить*, *тащить* (два последних бесприставочных глагола у Востокова также отсутствуют), *(за)творить*, *трудиться*, *турить*, *удить*, *шевелить*, *щениться*. В числе устойчиво подвижных кроме приведенных у Востокова называются: *(про)глотить*, *гонить* (неупотр.), *дрочить*, *(при)слонить*, *служить*.

Поэтический материал, а также данные словарей XIX в. подтверждают наличие большинства колебаний из числа названных, показывая, что, кроме того, они были свойственны и глаголу *губить*, в связи с употребительностью старого флективного ударения, а также глаголам *крутить*, *лудить*, *пилить*, *поить*, *строчить*, *студить* и др., которые приводятся с подвижным ударением. Таким образом, круг глаголов с колеблющимся ударением оказывается более широким, чем было отмечено у Грота [6].

Степень употребительности с тем или другим ударением каждого из названных глаголов, насколько об этом позволяют судить поэтические материалы, уже и в это время была различной.

Так, для глаголов *гасить*, *губить*, *садить*, *светить*, *становить*, *тушить* наконечное ударение было архаическим, или малоупотребительным для литературного языка

---

[5] *Грот Я. К.* О глаголах с подвижным ударением. — В кн.: Труды, т. 2. Филологические разыскания. СПб., 1899, с. 280—281.
[6] *Грот Я. К.* Указ. соч.

XIX в. в целом. Подобные примеры отмечены почти исключительно у поэтов XVIII в. В литературном языке XIX в. эти ударения чрезвычайно редки и чаще всего встречаются у Крылова, связанного еще с акцентными традициями конца XVIII в. (ср. у него: *погаси́т*, *губи́т*, *сади́т*, *станови́т*, *станови́тся*, *потуши́шь*; в меньшей степени у Батюшкова; только как единичные примеры находим их у Пушкина и у некоторых других поэтов.

Примерно ту же картину изменения ударения этих глаголов дает и сравнение данных Сл. Акад. Рос. 1794 и Сл. 1847: в первом: *губи́шь*, *свети́шь*, *станови́шься* (но *станбвишь*), *туши́шь*; во втором: *гу́бишь*, *све́тишь*, *стан́бвишься*, *ту́шишь*. Глагол *гасить* отмечен с подвижным ударением в том и другом словаре, *садить* с наконечным — в Сл. 1847, но с подвижным в Сл. Акад. Рос. 1794.

Глаголы *валить*, *делить*, *катить*, *кружить*, *манить*, *тащить*, *трубить*, *хоронить*, *ценить* в поэтической речи могли употребляться в течение всего XIX в. как с наконечным, так и с подвижным ударением. О равной до некоторой степени возможности выбора того или другого ударения свидетельствует и частое употребление этих глаголов с тем и другим ударением у одного и того же поэта, при этом чаще у поэтов второй половины века.

При возможности употребления глаголов *валить*, *катить*, *кружить*, *манить*, *трубить* и с наконечным и с подвижным ударением, наконечное ударение в поэтическом языке является у них преобладающим. Случаи употребления глаголов *делить*, *тащить*, *хоронить* и *ценить* с вариативным ударением у одного поэта гораздо более редки, при явном общем преобладании ударения подвижного [7].

Глаголы *варить*, *крутить*, *курить*, *поить*, *чертить* и *трудиться* в поэтических материалах представлены

---

[7] Показания поэтических материалов в отношении этих глаголов несколько не совпадают с показаниями словарей. Сравнение данных словарей. — Сл. Акад. Рос. 1794, с одной стороны, Сл. Акад. Рос. 1822 и Сл. 1847 — с другой, указывает на явное изменение ударения в этих глаголах уже в первой половине XIX в. в сторону преобладания ударения подвижного. Так, Сл. Акад. Рос. 1794 дает: *вали́шь*, *дели́шь*, *кати́шь*, *мани́шь*, *цени́шь*, что уже расходится с указаниями Сл. Акад. Рос. 1822: *де́лишь*, *ка́тишь*, *ма́нишь*, *це́нишь*; в Сл. 1847: *ва́лишь*, *де́лишь*, *ма́нишь*, *це́нишь*, *ка́тишься* (но *кати́шь*). При этом в словарях отмечено только *тащи́шь*, только *труби́шь* и только *кружишь*.

почти исключительно с наконечным ударением, подвижное ударение здесь очень редко и имеет место преимущественно у поэтов второй половины века. Ср.: *варить—ва́ришь* (Кюх., Курочк., Толст.); *крути́ть—кру́тишь* (Дрож. и Сурик.); *курить—ку́ришь* (Язык., Полон.); *пои́ть—по́ишь* (Лерм., Кольц., Курочк.); *трудиться—тру́дишься* (Толст., Майк., Тим.); *черти́ть—че́ртишь* (Полон., Бенед. и Катен.).

Несколько чаще *явить—я́вишь*, *яви́ться—я́вишься* (Кюх., Майк., Гриб., Пушк.) и *крести́ть—кре́стишь*, *крести́ться—кре́стишься*, особенно со второй половины XIX в.: отмечено у Фета, Полон., Майк. и др.[8]

Располагая только (или почти только) данными словарей, поскольку приводимые далее слова редки у поэтов, можно установить колебания в ударении глаголов *крошить*, *скоблить*, *строчить*, *студить*, *сушить*, *травить*, причем в глаголах *студить*, *сушить*, *травить* можно наблюдать то же постепенно вытеснение наконечного ударения, по-видимому, уже в первой половине XIX в.

Кроме названных глаголов, в ударении которых колебания были распространены более или менее широко, можно назвать еще ряд: *божиться*, *глушить*, *голосить*, *дарить*, *дружить*, *калить*, *морить*, *родить*, *шевелить*, *вопить*, *дразнить*, *копить*, *копошиться*, в которых эти колебания наблюдались не часто. Мы располагаем единичными примерами: *бо́жится* (Некр.) и *побо́жишься* (Мей); *заглу́шит* (Фет); *голо́сят* (Жук.) и *поголо́сит* (Дрож.); *да́рит* (Кольц.); *нака́лится* (Некр.); *умо́рит* (Никит. и Полеж.); *уро́дит* (Кольц.); *шеве́лится* (Крыл.), наряду с *шевели́тся*.

Как видно из приведенных примеров, большинство подобных ударений свойственны языку поэтов Южной России и, по-видимому, нетипичны для литературного языка XIX в. Несколько шире были распространены ударения *бо́жится*, *побо́жится*, *шеве́лит*, *пошеве́лит*.

При продолжающихся значительных акцентных колебаниях в классе глаголов на *-ить* сравнение ударений, характерных для литературного языка XIX в., и современных ударений обнаруживает определенную тенденцию

[8] Наконечное ударение в этих глаголах в течение XIX в. удерживается сравнительно устойчиво и по данным словарей; ср., впрочем, *кру́тишь*, *пбишь*, *че́ртишь* в Сл. 1847 — в противоположность показаниям поэтических материалов.

к увеличению доли подвижного ударения. Группа глаголов с устойчивым в литературной традиции подвижным ударением (*бродить*, *будить*, *водить*, *возить*, *волочить*, *воротить*, *давить*, *дразнить*, *женить*, *клонить*, *колотить*, *копить*, *кормить*, *купить*, *-кусить*, *лепить*, *лечить*, *ловить*, *-ложить*, *ломить*, *лупить*, *-лучить*, *любить*, *молить*, *молотить*, *мочить*, *носить*, *платить*, *пособить*, *просить*, *пустить*, *рубить*, *сердить*, *-скочить*, *-стрелить*, *студить*, *ступить*, *судить*, *топить*, *торопить*, *точить*, *тужить*, *учить*, *хвалить*, *хватить*, *ходить*, *-цепить*, *шутить*), акцентная характеристика которых у Востокова и Грота совпадает, а поэтические материалы и данные словарей не обнаруживают отступлений, в современном языке пополняется за счет глаголов с прежде колеблющимся ударением. Так, по данным современных словарей, к подвижно-ударяемым относятся следующие из упомянутых ранее глаголов: *бесить*, *блудить* ‘блуждать’, *валить* ‘обрушивать, сбрасывать’, *варить*, *гасить*, *губить*, *дарить*, *делить*, *душить*, *катить*, *косить* ‘срезывать траву’, *крестить*, *крошить*, *крутить*, *курить*, *лениться*, *-менить*, *месить*, *пилить*, *поручить*, *рядить* ‘одевать’, *садить*, *светить*, *-становить*, *студить*, *сушить*, *тащить*, *травить*, *трудиться*, *тупить*, *тушить*, *удить*, *хоронить*, *цедить*, *ценить*, *чертить*, *явить* [9].

В ряде глаголов ударение продолжает колебаться и до настоящего времени. Это глаголы *кружить*, *манить*, наиболее распространенные в поэтической речи, а также *лудить*, *поить*, *прудить*, *скоблить*, *строчить*, *шевелить*. При возможности употребления этих глаголов как с наконечным, так и с подвижным ударением последнее у них преобладает. Это преобладание в поэтической речи менее значительно. В обычной литературной речи оно очевидно.

Подвижное ударение, распространяясь сейчас все шире, охватывает и другие глаголы, ранее известные в литературной традиции только с наконечным ударением, в результате чего появляется ряд новых колебаний. К группе таких глаголов относится глагол *грузить*, получивший в литературном языке распространение с под-

[9] Некоторые из глаголов с нормализованным подвижным ударением в поэтической речи еще употребительны и с наконечным ударением, чаще всего эти факты имеют место у поэтов начала XX в. Подробнее см.: *Воронцова В. Л.* О нормах ударения в глаголах на *-ить*. . . — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 2. М., 1959.

вижным ударением сравнительно недавно, по-видимому, с 30—40-х годов (это ударение отмечает СУ), глаголы *дружить*, *доить*, *солить*, у которых вариативное ударение допускается словарями как норма.

Число глаголов с известным (зарегистрированным), но не нормализованным подвижным ударением значительно больше. В современной разговорной речи с этим ударением отмечены глаголы: *боронить*, *винтить*, *ворожить*, *долбить*, *кренить*, *кроить*, *мирить*, *повторить*, *-снежить*, *селить*, *сорить*, *сверлить*, а также некоторые производные от *-местить—поместить*, *уместить*; *-разить—заразить*; *-слонить—прислонить*, *заслонить*. Причем у некоторых из них подвижное ударение — явление достаточно распространенное (глаголы *селить*, *повторить*, производные от *-местить*).

Эти ударения, естественно, проникают и в поэтическую речь: *подборо́нил* (И. Рожд.); *заворо́жит* (Есен.); *до́лбит* (Кирс.); *кре́нит* (Прокоф.); *ми́рятся* (Недог.); *заснёжит* (Уткин); *поме́стится* (Симон.); *засло́нит* (Маяк.); *глу́шит* (Алиг.); *умо́ришь* (Жар.); *ро́дится* (Прокоф.), *ро́дятся*, *наро́дится* (Маяк.) и др.

Подвижное ударение в этих и подобных глаголах вряд ли сейчас, на данном этапе развития литературного языка, может быть принято как литературная норма или как допустимый литературный вариант. Все эти ударения, одни из которых более, другие менее часто встречаются в литературной речи, в основном, остаются все же в пределах разговорной речи, просторечия. В языке поэтическом большинство из этих ударений приходится на долю поэтов, в произведениях которых можно отметить наличие просторечных ударений и в других категориях слов.

К числу таких глаголов относится и глагол *звонить*, произношение которого вызывает сейчас большие споры. В литературной традиции XIX в. этот глагол зарегистрирован только с наконечным ударением и в значении ‘церковный звон’ (Пушк., Фет, Полон.) [10].

Глагол *звонить* в современном значении ‘говорить по телефону’ входит в употребление в начале XX в., конку-

[10] Единственный раз данный глагол зафиксирован в значении близком этому, но с другим ударением у Есенина:

Нежно под трепетом ангельских крыл
Звóнят кресты безымянных могил.

Синее небо, цветная дуга...

рируя с ранее известными *телефонить* и *телефонировать*, различающимися в свою очередь зоной употребления. «Телефонить, — отмечал Л. Успенский, — слово издавна характеризовавшее в глазах петербуржца довоенного периода неправильность московского жаргона (петербуржец телефонировал)» [11].

С развитием телефонной связи, вошедшей теперь в самый глубокий быт, глагол *звонить* получил очень широкое распространение в сфере живой разговорной речи.

И здесь, в соответствии с живой языковой тенденцией, начинается известное акцентное перерождение этого глагола. Традиционное литературное ударение *звоню́*, *звони́шь*, установившееся по отношению к глаголу *звонить* ‘подавать сигналы звонком’ и перенесенное на глагол *звонить* в новом значении ‘вызывать звонком телефонного аппарата для разговора по телефону’, конкурирует здесь с ударением *звоню́*, *звони́шь*.

Оценка этого ударения крайне противоречива — от безусловного признания его нормой до категорического неприятия. Известным компромиссом является предложение Пироговой о допущении здесь стилистических вариантов [12].

Некоторые соображения на этот счет были нами высказаны [13]. Не повторяя их, укажем лишь, что поэтический материал, являющийся важным диагностическим признаком, не дает достаточных оснований для пересмотра нормы. Возможно это связано с тем, что ударение *звони́т*, *позвони́т* сразу попало в поле зрения общественно-лингвистической оценки и было квалифицировано как очевидная неправильность. Это препятствовало и препятствует проникновению его в строгую литературную речь.

Большинство приставочных глаголов не отличается от бесприставочных в том смысле, что изменение ударения у них идет в том же направлении.

Так, при колебании ударения в глаголе *валить* (*вали́шь* и *ва́лишь*), его можно наблюдать и во всех производных от него глаголах. Ср., например: *провали́тся*

---

[11] *Успенский Л.* Язык революции. — В кн.: Пять искусств. Л., 1928, с. 12.

[12] *Пирогова Н. К.* О нормах и колебаниях ударения (На материале глагола). — Филолог. науки, 1967, № 3.

[13] *Воронцова В. Л.* Вам звонят по телефону. — Русская речь, 1969, № 4.

(Сум., Держ.), *завали́т*, *завали́тся* (Держ., Лерм.); *свали́т*, *свали́тся* (Крыл., Жук., Лерм., Полеж.); *повали́тся* (Полеж.) и: *сва́лится* (Гриб.); *пова́лит* (Полон., Мих.).

То же можно сказать и о глаголах, производных от *катить*: *закати́тся* (Крыл.), *покатя́тся* (Полеж.), *прокати́мся* (Жук.) и: *зака́тится* (Полон.), *пока́тит*, *пока́тится* (Крыл.), *прока́тится* (Полон.), *раска́тится* (Майк.), *ска́тишься* (Гриб.); *манить*: *заманя́т* (Пушк., Кюх.), *приманя́т* (Лерм., Мих.) и: *зама́нишь*, *зама́нит* (Пушк., Жук., Крыл. и др.); *перема́нит* (Крыл.), *пома́нит* (Мей), а также о глаголах, производных от *варить* (*вари́шь* и *ва́ришь*, *вари́шь* и *ва́ришь*, *вари́шь* и *ва́ришь* и т. д.), *крутить* (*закрути́шь* и *закру́тишь*, *прикрути́шь* и *прикру́тишь*, *скрути́шь* и *скру́тишь*), *студить* (*простуди́шь* и *прости́дишь*, *застуди́шь* и *засту́дишь*, *остуди́шь*, и *осту́дишь*), *сушить* (*иссуши́шь* и *иссу́шишь*, *осуши́шь* и *осу́шишь*), *тащить* (*стащи́шь* и *ста́щишь*, *потащи́шь* и *пота́щишь*), *травить* (*отрави́шь* и *отра́вишь*, *затрави́шь* и *затра́вишь*, *растрави́шь* и *растра́вишь*), *трубить* (*затруби́шь* и *затру́бишь*, *протруби́шь* и *протру́бишь*), *ценить* (*оцени́шь* и *оце́нишь*), *чертить* (*исчерти́шь* и *исче́ртишь*, *начерти́шь* и *наче́ртишь*, *очерти́шь* и *оче́ртишь*), *явиться* (*появи́шься* и *поя́вишься*).

При закреплении в дальнейшем в этих глаголах подвижного ударения, оно устанавливается и во всех производных, т. е. сейчас при ударении *вали́ть—ва́лишь* употребительно и только *зава́лишь*, *нава́лишь*, *прова́лишь*, *сва́лишь* и т. д.[14]; *вари́ть—ва́ришь* и *зава́ришь*, *нава́ришь*, *сва́ришь*; *катить—ка́тишь* и *зака́тишь*, *нака́тишь*, *ока́тишь*, *ска́тишь*; *студить—сту́дишь* и: *засту́дишь*, *осту́дишь*, *прости́дишь*; *сушить—су́шишь* и *засу́шишь*, *насу́шишь*, *иссу́шишь*, *осу́шишь*; *тащи́ть—та́щишь* и *зата́щишь*, *пота́щишь*, *раста́щишь*; *травить—тра́вишь* и *затра́вишь*, *отра́вишь*, *растра́вишь*; *хорони́ть—хоро́нишь* и: *похоро́нишь*, *схо́ронишь*; *ценить—це́нишь* и *оце́нишь*,

[14] Естественно, что в случаях продолжающегося колебания, например, в глаголах *скоблить*, *строчить* ударение остается неустойчивым во всех производных: *наскобли́шь*, *отскобли́шь*, *соскобли́шь*, *застро́чи́шь*, *простро́чи́шь* и т. д. Обычно охватывается все гнездо однокорневых глаголов и в случаях более позднего распространения подвижного ударения, как в *дружить*: *дру́жишь* и *подру́жишься*, *сдру́жишься*; *солить—со́лишь* и *насо́лишь*, *посо́лишь*, *пересо́лишь*, *просо́лишь*; *доить—до́ишь* и *надо́ишь*, *подо́ишь* и под.

расцéнишь, *уцéнишь*; *чертúть—чéртишь* и *зачéртишь*, *начéртишь*, *очéртишь*; *явúть—я́вишь* и *зая́вишь*, *объя́вишь*, *изъя́вишь*, *поя́вишься* и т. д.

Однако некоторые однокорневые глаголы расходятся по ударению между собой и со своим основным глаголом [15].

Наиболее ярким примером такого расхождения могут служить глаголы, производные от *творить*, ср.: *сотворить*, *претворить* и сложные *олицетворить*, *оплодотворить*, *оживотворить*, *одухотворить*, *умиротворить*, *облаготворить* и под., с одной стороны, характеризуемые устойчивым наконечным ударением: *сотворю́шь*, *претворю́шь*, *олицетворю́шь*, *оплодотворю́шь*, *оживотворю́шь* и т. д., и *затворить*, *отворить* — с другой, имеющие преобладающее подвижное ударение на всем протяжении развития литературного языка: *затворúть(ся)* 'закрыть'—*затвóришь(ся)*; *отворить(ся)* 'открыть'—*отвóрит*, *отвóрится*; также *притворúть* 'прикрыть'—*притвóришь*, *приотворить*—*приотвóришь*, *растворить* 'открыть'—*раствóришь*, но при этом *притвориться* 'представляться'—*притворю́шься*, *растворить* (о жидкости)—*растворю́шь*.

Ср., в том же плане производные от *кусить*: *закусúть—закýсишь*, *откусúть—откýсишь*, *раскусúть—раскýсишь*, *укусúть—укýсишь* и др., но: *искусúть—искусúшь*, *покусúться—покусúшься*, а также *вкусить—вкусúшь* у Баратынского:

С семьей своей *вкусúт* он без забот
Своих трудов благословенный плод! —
Осень

Подобное распределение ударения можно видеть в глаголах, производных от *купить*: *закупúть—закýпишь*, *накупúть—накýпишь*, *откупúть—откýпишь* и т. д.; но: *совокупúть—совокупúшь* и *присовокупúшь*, а также *искупúть—искупúшь* (см. СУ).

Подобное расхождение в ударении можно наблюдать еще в ряде глаголов производных от *делить*; ср. глагол *разделить*, зарегистрированный в литературном языке

[15] Известные указания на этот счет можно видеть в Грамматике Востокова. Определенней об этом говорит Грот, прослеживая влияние предлогов. Однако и в том и в другом случае речь идет только об отдельных примерах.

прошлого века с колебанием ударения (*разделю́ишь* и *раздели́шь*), а сейчас характеризуемый подвижным ударением; глаголы *поделить*, *отделить*, отмеченные выше и употребляемые сейчас с ударением подвижным, и глаголы *наделить*, *оделить*, *определить*, *предопределить*, *уделить*, характеризуемые на всем протяжении развития литературного языка ударением наконечным [16].

В глаголах, производных от *менить*: ср. прежнее *замени́шь* и *заме́нишь*, *измени́шь* и *изме́нишь*, *смени́шь* и *сме́нишь* при употребительном сейчас только *заме́нишь*, *изме́нишь*, *сме́нишь* и зарегистрированные только с наконечным ударением глаголы *переменить—перемени́шь* (сейчас не употребляется), *вмени́ть—вмени́шь*, *видоизмени́ть—видоизмени́шь*; *кружить*: *закружить*— прежнее *закружи́шь* и *закру́жишь* и преобладающее сейчас *закру́жишь*, *покружить* также с преобладающим подвижным ударением — *покружи́ть—покру́жишь*, но с преобладающим наконечным ударением глагол *вскружить—вскружи́шь* (обычно в выражении *вскружить голову*) и *окружи́ть—окружи́шь*, в литературе известный исключительно с этим ударением [17]; *светить*: *засветить* ‘зажечь’, старое *засвети́шь* и *засве́тишь*, *осветить* — прежнее *осветишь* и *осве́тишь*, с преобладанием уже у поэтов XIX в. ударения *осве́тишь*; *посветить*, отмеченный и закрепившийся с подвижным ударением — *посве́тишь*, но только *просветить—просвети́шь* ‘сообщить знания’, ср., напротив, только с подвижным ударением *просвети́ть—просве́тишь* ‘пропустить свет’.

Отмеченное различие в ударении некоторых однокорневых глаголов, по-видимому, зависит прежде всего от бытования этих глаголов в разных языковых сферах с разной акцентной традицией — книжной, связанной с церковнославянской акцентовкой и характеризующейся на-

---

[16] В речи устной сейчас можно иногда слышать и *распреде́лишь*, *опреде́лишь*, *уде́лишь*, но и в литературе этих ударений нет, исключая буквально единичные:

Лучше, если б не уезжала,
Где-нибудь тебя *опреде́лим*.

Симонов. Иван да Марья

[17] С подвижным ударением встречается один раз:

Тобою лишь *окру́жит* тонкий стан. . .

Пушкин. Монах

личием в ряде случаев наконечного ударения, и живой разговорной, для которой характерно ударение подвижное.

Рассматривая приведенные разноударяемые однокорневые глаголы, можно заметить, что ударение наконечное обычно как раз и свойственно глаголам, характерным для книжной струи в литературном языке, в то время как глаголы широкого бытового употребления имеют в большинстве случаев ударение подвижное. Ср.: *отворить* ‘открыть’—*отво́ришь*, *затворить* ‘закрыть’—*затво́ришь*, *притворить* ‘прикрыть’—*притво́ришь*, но: *сотвори́ть* ‘создать’—*сотвори́шь*, *олицетворить*—*олицетвори́шь*; *закусить*—*заку́сишь*, *раскусить*—*раску́сишь*, *укусить*—*уку́сишь*, и: *искусить* ‘соблазнить’—*искуси́шь*, *покуситься* ‘попытаться’—*покуси́шься*; *закупить*—*заку́пишь*, *раскупить*—*раску́пишь* и: *искупить* ‘заслужить прощение’—*искупи́шь*, *совокупить* ‘сочетать, соединить’—*совокупи́шь*; *разделить*—*разде́лишь*, *поделить*—*поде́лишь* и: *определить*—*определи́шь*, *распределить*—*распредели́шь*, *уделить*—*удели́шь* и т. д.

Ср. еще в том же плане современное ударение глаголов, производных от *садить*: *засадить*—*заса́дишь*, *посадить*—*поса́дишь*, *пересадить*—*переса́дишь*, *рассадить*—*рассади́шь*, *усадить*—*уса́дишь* и *насадить* ‘внедрять, распространять’—*насади́шь*, соотносимый с *насаждать*, *осадить* ‘подвергнуть осаде’—*осади́шь*, соотносимый с *осаждать*, ср. *насадить* ‘посадить много’—*наса́дишь*—*насаживать*, *осадить* ‘заставить осесть’—*оса́дишь*, *осаживать*; *поить*—*пои́шь* и распространенное сейчас *по́ишь* и *напоить*—*напо́ишь*, *отпоить*—*отпо́ишь*, *перепоить*—*перепо́ишь*, *подпоить*—*подпо́ишь*, но: *напоить* ‘наполнить, насытить чем-н.’—*напои́шь*, *упоить* ‘дать упоение’—*упои́шь*, *белить*—*бели́шь* и распространившееся сейчас *бе́лишь* и *побе́лишь*, *забе́лишь*, *отбе́лишь*, *перебе́лишь*, но *обелить*—*обели́шь*, *убелить*—*убели́шь*; *дарить*—*дари́шь* и преобладающее *да́ришь* и *пода́ришь*, *переда́ришь*, *нада́ришь*, *разда́ришь*, но *одари́ть*—*одари́шь* и в сложных *благодарить*—*благодари́шь* (и *поблагодари́ть*—*поблагодари́шь*); *грузить*—*грузи́шь* и распространенное сейчас *гру́зишь* и *загру́зишь*, *нагру́зишь*, *перегру́зишь*, но *погрузиться* (в мечты, задумчивость)—*погрузи́шься*.

Можно заметить также, что глагол (при наличии колебания в глаголах данного корня) тем устойчивей

удерживает свое наконечное ударение, чем более сохраняет он свой книжный характер, чем уже круг его употребления. При расширении сферы употребления книжного по происхождению глагола, при проникновении его в живую речь, народное употребление, он обычно тоже приобретает ударение подвижное, подобно другим глаголам, производным от того же корня.

Тенденция к установлению в глаголе подвижного ударения тем ясней, чем шире круг его употребления. Это особенно легко проследить на примере глаголов с недавними колебаниями. Так, в глаголах, производных от *-местить*, подвижное ударение характеризует сейчас глаголы *поместить—поме́стишь*, *уместить—уме́стишь*, т. е. глаголы, наиболее употребительные и распространенные, но такое ударение не имеет места в глаголах *возместить* (только *возмести́шь*), *сместить* (только *смести́шь*), *совместить* (только *совмести́шь*).

Точно так же при наличии колебания в *уродить* (*роди́шь* и *ро́дишь*) *народить* (*народи́шь* и *на́родишь*) его нет в *возродить* (только *возроди́шь*); в глаголах, производных от *морить*, подвижное ударение чаще всего отмечается в *уморить*, *изморить*.

Интересно сравнить и глаголы, производные от *-лучить* и *-ручить*. В глаголах, производных от *-лучить*, подвижное ударение распространяется прежде всего в *получить* (*полу́чишь*), ударение, исключительно употребительное уже и в прошлом веке [18], менее в *разлучить*.

Из глаголов, производных от *ручить*, с подвижным ударением раньше всего закрепляется *поручиться—пору́чишься* (см. уже в Сл. Акад. Рос. 1822, в списках Востокова), ср. и производные от него: *препоручить—препору́чишь*, *перепоручить—перепору́чишь*. Это ударение распространяется сейчас (в пределах разговорной речи) и на *заручиться—зару́чишься*, но с ударением наконечным остается *вручить—вручи́шь*, *обручить(ся)—обручи́шь(ся)*.

Если попытаться выяснить словообразовательные признаки однокорневых глаголов, характеризуемых наконеч-

---

[18] Ср. глагол с более старым ударением — *получи́т* (как у всего гнезда глаголов) у Богдановича:

Когда он в будущем добра не *получи́т*.
Полезно будет все, вот только что нас льстит. . .

Поэма на разрушение Лиссабона

ным и подвижным ударением, то можно заметить, что в случае колебания ударения наконечное ударение оказывается свойственным обычно глаголам сложным: *благодарить—благодари́шь* при современном *дарить—да́ришь*, *подарить—пода́ришь* и т. д.; *видоизменить—видоизмени́шь* при *заменить—заме́нишь*, *измени́ть—изме́нишь* и т. д.; *благотворить—благотвори́шь*, *олицетворить—олицетвори́шь*, *оживотворить—оживотвори́шь*; *кровоточить—кровоточи́т*, *слезоточить—слезоточи́т* при *точить—то́чишь*; *руководить—руководи́шь* при *водить—во́дишь*, а также глаголам с книжными префиксами [19]: *пре-*: *претворить—претвори́шь*, ср. и устаревшее *пременить—пременишь*; *о/пре-*: *определи́ть—определи́шь*; *предо/пре-*: *предопределить—предопредели́шь*; *рас/пре-*: *распределить—распредели́шь*; *со-*: *сотворить—сотвори́шь*; *ис-*: *искусить—искуси́шь*, *искупить—искупи́шь* (ср. *вы́купить*); в некоторых случаях *о-*: *оделить—оделишь*, *обелить—обели́шь*, *одарить—одари́шь*; *у-*: *уделить—удели́шь*, *убелить—убели́шь*, в то время как в глаголах с приставками *за-*, *на-*, *от-*, *пере-*, *по-*, *об-*, *раз-*, *при-* в тех же случаях колебания закрепляются с ударением подвижным: *дарить*: *задарить—зада́ришь*, *надарить—нада́ришь*, *подарить—пода́ришь*, *раздарить—разда́ришь*; *делить*: *отделить—отде́лишь*, *переделить—переде́лишь*, *поделить—поде́лишь*, *разделить—разде́лишь*; *белить*: *побелить—побели́шь* и *побе́лишь*, *перебелить—перебели́шь* и *перебе́лишь*; *менить*: *заменить—заме́нишь*, *отменить—отме́нишь*, *переменить—переме́нишь*; *творить*: *затворить—затво́ришь*, *притворить—притво́ришь*, *растворить—раство́ришь* и т. д.

Расхождение в ударении однокорневых глаголов, исторически обусловленное, язык использует в некоторых случаях для разграничения значений: *просветить* ‘сообщить знания’—*просвети́шь*; *просветить* ‘пропустить свет’—*просве́тишь*; *насадить* ‘внедрять, распространять’ *насади́шь*; *насадить* ‘посадить много’—*наса́дишь*.

Тенденция к подобному разграничению наблюдается во многих глаголах, однако реализуется она далеко не всегда.

---

[19] Дело здесь по существу, конечно, не в префиксах, а в самих лексемах, а тот или иной префикс — лишь формальный показатель сферы бытования данного слова.

Так, в прошлом веке существовала тенденция различать глаголы *душить* ‘умерщвлять’ (*души́шь*) и *душить* ‘окроплять духами’—(*ду́шишь*) [20], которая в дальнейшем не закрепилась, и установилось ударение *души́ть—ду́шишь* во всех значениях.

Также существовала тенденция различать посредством ударения разные значения глагола *крестить*. Грот совершенно определенно указывал, что *кре́стишь*, *кре́стишься* говорят, когда дело идет о знамении креста, *крести́шь*, *крести́шься*, когда разумеют обряд крещения [21].

Однако эта тенденция также не получила развития. Она часто нарушалась и в прошлом веке, как правило, за счет употребления в обоих значениях наконечного ударения, ср., например:

Кровь брызнула... Гервец очнулся и вздрогну́л,
Крести́тся... но дрема́ опять его объемлет...

Мицкевич. Пан Тадеуш (пер. Берга)

Интересный пример такого разграничения (впрочем, может быть, случайного) у Блока:

Священник старый, либеральный,
Рукой дрожащей *кре́стит* их...

Возмездие

Его жена звалась Татьяна...
Читатель! С именем таким
Конец швейцарова романа
Давно мы с Пушкиным *крести́м*.

Синий крест

ср. и у Брюсова:

Крестя́т нас огненной купелью,
Нам проба — голод, холод, тьма...

Нам проба

В дальнейшем закрепилось ударение *кре́стишь* — и в том и в другом значении.

Еще Сл. Акад. Рос. 1822 указывал на разное ударение глагола *точить* ‘делать острым’ (*то́чишь*) и *точить*

[20] Интересно отметить, что данные Сл. 1847, указывающего на такое разграничение, не совпадают с данными Сл. Акад. Рос. 1794 г., рекомендующего только *души́ть—души́шь*.

[21] *Грот Я. К.* Указ. соч., с. 326.

'изливать' (*точи́шь*). Это разграничение, не проводившееся последовательно уже и тогда [22], сейчас стирается еще более, однако с наконечным ударением остаются сложные глаголы, о которых упоминалось выше: *кровоточить* (*кровоточи́шь*), *слезоточить* (*слезоточи́шь*), *старое росоточить* и *расточить* 'истратить' (*расточи́шь*), отличающееся, таким образом, от сравнительно нового специального *расточить* 'расширить, обработать резцом' (*растóчишь*); различаются и *заточить* 'подвергнуть заточению' (*заточи́шь*) и *заточить* 'заострить' (*затóчишь*).

Сравнительно устойчиво сохраняется наметившееся также в прошлом веке различение посредством ударения глагола *косить* 'срезывать траву' и *косить* 'направлять вкось' [23]. Из словарей на это разграничение указывает Сл. 1847, где приводится *коси́ть—кóсишь*, но *покоси́ть—покоси́шь*, *раскоси́ть—раскоси́шь* 'сделать косым'. Это разграничение полностью сохраняется и сейчас: *косить* 'срезывать траву' имеет ударение *кóсишь* (и производные *закóсишь*, *подкóсишь*, *прокóсишь* и др.), *косить* 'направлять вкось'—*коси́шь*, *коситься—коси́тся* (о косом взгляде); то же в производных — *перекосить*, *скосить*, *раскосить* 'направить вкось'—*перекоси́шь*, *скоси́шь*, *раскоси́шь*, *покоситься—покоси́шься*.

Нарушения этой нормы возможны в живой речи и здесь, с тенденцией употребить и во втором случае подвижное ударение; ср. например:

Но обер
на барыню
кóсится рабьи. . .

Маяковский. Нордерней

Ах, зима, зима, зима!
Наш Кузьма сошел с ума.

---

[22]

Сидит, молчит, ни ест, ни пьет
И током слезы *тóчит*.

Пушкин. Жених

А смолу, как слезы, тóчит
Сосен старая кора.

Полонский. В хвойном лесу

[23] О том, что это один, а не два разных глагола, совпавших в звучании, см.: *Грот Я. К.* Указ. соч., с. 331.

По деревне носится,
На свинарок *ко́сится*.

Гусев. Сценарий «Свинарка и пастух»

Еще минута — *перекбсит* рот
От сердцераздирающего крика. . .

Дудин. Соловьи

В том же плане идет разграничение разных значений глагола *валить*: *валить—ва́лишь* ‘обрушивать, сбрасывать’ и *валить—вали́шь* ‘идти сплошной массой’, которое, однако, не было абсолютно устойчивым уже и в прошлом веке, ср. у Пушкина:

К ним народ навстречу *ва́лит*,
Хор церковный бога хвалит.

Сказка о царе Салтане

С таким же ударением глагол отмечен у Майкова, Мея и некоторых других поэтов.

Позднее возникает тенденция разграничивать посредством ударения значения глаголов *чинить* и *рядить*. Глагол *чинить*, имея значение ‘исправлять, делать острым, делать, устраивать, производить’, еще в литературном языке XIX в. употреблялся только с наконечным ударением *чини́шь*. К началу или в начале нашего века *чинить* ‘делать острым, исправлять’ устанавливается с ударением подвижным — *чи́нишь* (и производные *очи́нишь*, *зачи́нишь*, *почи́нишь*); малоупотребительный *чинить* ‘делать’ сохраняет наконечное ударение *чини́шь*, *чиниться* ‘церемониться’—*чини́шься* (и производные — *учинить—учини́шь*, *подчинить—подчини́шь*, *причинить—причини́шь*, *сочинить—сочини́шь*).

В глаголе *рядить* тенденция разграничения ударения и значений выражена менее ярко.

В литературном языке этот глагол, имеющий значение ‘наряжать, судить, нанимать’, и производные от него могли употребляться и с тем и с другим ударением, по данным словарей, — с преобладанием наконечного ударения, по данным поэтических материалов, — подвижного, без последовательного разграничения значений. Это смешение наблюдается и сейчас с некоторой тенденцией, однако, к закреплению подвижного ударения в *рядить* ‘наряжать’—ря́дишь (и *нарядить—наря́дишь*, *обрядить—обря́дишь*, *разрядить—разря́дишь*) и наконечного

в *рядить* ‘нанимать’, ‘устанавливать порядок’, которое более устойчиво в производных *подрядить—подряди́шь*, *снарядить—снаряди́шь*, *отрядить—отряди́шь*, *распорядиться—распоряди́шься*, *порядиться—поряди́шься*. Тенденцию к закреплению наконечного ударения обнаруживает и глагол *разрядить* ‘освободить от заряда’—*разряди́шь* (возможно, с целью отграничения от *разря́дишь* ‘разодеть’) и *зарядить—зарядишь*, хотя здесь часто и подвижное ударение.

Следует отметить сохранение старых ударений и в ряде устойчивых выражений. Так, при почти не употребительном сейчас наконечном ударении *вари́шь* ударение имеет место в выражении *голова* (*котелок*) *хорошо вари́т* или *голова не вари́т*; при почти не употребительном наконечном ударении *кати́шь* возможно *пот градом кати́т* — с тенденцией и в том и в другом случае к установлению обычного сейчас здесь ударения подвижного.

Тип изменений, связанный с переходом к наосновному ударению менее интенсивен и менее определен по своим результатам. Можно все же сказать, что основное направление изменения ударения здесь — также замена более старого в литературной традиции флективного ударения ударением накоренным. При этом, однако, возможны, хотя и более редки, изменения противоположного типа.

Среди глаголов, представляющих первый тип изменений, можно выделить:

а) группу глаголов, у которых наконечное ударение в рассматриваемый период либо уже не известно (в древнерусском оно отмечено), либо имеет место только в самом начале рассматриваемого периода;

б) группу глаголов с зафиксированными в литературной традиции колебаниями, но в современном языке известных только с устойчивым ударением на корне;

в) группу глаголов с колеблющимся ударением.

К первой группе должны быть отнесены глаголы *бросить*, *красить*, *кровавить*, *уничтожить*, называемые исследователями древнерусского языка окситонными, но в наших материалах с таким ударением не отмеченные. Только у поэтов XVIII в. отмечен с наконечным ударением глагол *руши́ть* (Ломон.) и производные *разруши́ть* (Ломон., Сум., Держ.) и *наруши́ть* (Ломон.). Ср., с современным ударением эти гла-

голы у Жук., Пушк., Рыл. и др. поэтов. Наконечное ударение позднее возможно только как исключение. Ср., напр., у Брюсова:

И все, о чем с бесплодным жаром
Пугливо спорили века,
Готова *разруши́ть* ударом
Ее железная рука.

Последняя война

Ко второй группе относятся глаголы *княжить*, *-клинить*, *продолжить*, *уменьшить*, *ускорить*. Все эти глаголы в литературном языке XIX в. употребительны исключительно или преимущественно с наконечным ударением. Ср.: *продолжи́ть* (Сл. Акад. Рос. 1794 и 1822, Сл. 1847, у поэтов — Крыл., Барат., Лерм.); *ускори́ть* (Сл. Акад. Рос. 1794 и 1822, Сл. 1847, у поэтов — Держ., Пушк., Кюхельб., Лерм.) при единичном *уско́рить* [24], *уменьши́ть* и *преуменьши́ть* (Сл. Акад. Рос. 1794 и 1822, Сл. 1847, у поэтов — Крыл., Пушк., Толст.).

Глагол *княжить* отмечен с колеблющимся ударением (ср. *княжи́ть* в Сл. Акад. Рос. 1794, Сл. 1847, у поэтов — Толст., но *кня́жить* в Сл. Акад. Рос. 1822). В современном языке наконечное ударение этих глаголов не известно. Литературные примеры с таким ударением воспринимаются как архаизм:

К тому ль, чтоб *ускори́ть* моею казнью злою?
Она и без того свершится надо мною!

Крылов. Филомела

Я *ускори́л* Феодора кончину,
Я отравил свою сестру царицу.

Пушкин. Борис Годунов

Тут он очень *уменьши́лся*
Шмелем князь оборотился.

Пушкин. Сказка о царе Салтане

Глагол *клинить* и производные *вклинить(ся)*, *заклинить*, *расклинить* в литературном языке прошлого века

[24] Ср., однако, церковное *ско́рити* (Сл. 1847) 'действовать скоро, не медлить' и отмеченное у Ломоносова *скори́т*:

Твоя десница, что на пользу нам чинит,
То правит зрел совет и добр успех *скори́т*.

Императрице Елизавете Петровне 29 апр. 1742 г.

также известны только с наконечным ударением (Сл. Ак. Рос. 1794 и 1822, Сл. 1847). Замена этого ударения на корневым — факт сравнительно поздний (40-50-е годы нашего века).

Несколько особое место занимает глагол *клеить*, поскольку традиционное его ударение *клеи́ть* (Сл. Ак. Рос. 1794 и 1822, Сл. 1847, данные поэзии) известно и сейчас, хотя и помечается некоторыми словарями как устаревшее.

Третья группа включает, как сказано, глаголы с живыми, т. е. не завершившимися колебаниями. Эта группа сравнительно многочисленна. Имеющиеся материалы (они могут быть неполными) позволяют назвать здесь глаголы: *ободрить*, *углубить*, *прогневить*, *окрылить*, *рыхлить*, *обострить*, *заострить*, *обобщить*, *упростить*, *облегчить*, *разжидить*, *окислить*, *уплотнить*, *загрязнить*, *разредить*, *запорошить*. Факты употребления этих глаголов с корневым ударением фиксируются, как правило, в речи нелитературной. Поэтический язык разного времени представляет только отдельные примеры подобных ударений. Отмечено, например, *обо́дрись* (Жук.), *угло́билось* (Блок), *окры́лить*, *ры́хлить* и др. (у современных поэтов).

Случаи изменения ударения, связанные с заменой корневого ударения ударением флексийным, как сказано, более редки. Анализируя их, также следует разграничить изменения устойчивые, приведшие к смене литературной нормы, и изменения, не давшие пока стабильных результатов.

Среди фактов изменения ударения первого типа следует назвать прежде всего глагол *защитить*, известный с корневым ударением только в XVIII в., ср. у Ломоносова:

Как бурным вихрем легкий прах
И Ангел твой да не *защи́тит*
Бегущих умножая страх.

Преложения псалма

Как редкое такое ударение встречается у Пушкина в одном из ранних произведений:

Надеялся увидеть вскоре раи́,
Но ни один земли безвестный край
Защи́тить нас от дьявола не может.

Монах, песнь I

В XIX в. (по данным Сл. Акад. Рос. 1822 и Сл. 1847) употребительно ударение *защити́ть*, ср. у Пушкина:

Ярость уняв их
Они *защити́ли* бессилие старца.
Внемли, о Гелиос...

К изменениям более поздним можно отнести закрепление ударения *умали́ть* 'уменьшить, лишить ценности, унизить' вместо *ума́лить*, зарегистрированного в Сл. Акад. Рос. 1794 и 1822, Сл. 1847, у поэтов XVIII в. (Сум., Держ.) и XIX в. (Крыл., Гред., Майк. и др.), а также установление ударения *внедри́ть* вместо *вне́дрить* (Сл. 1847); *слюни́ть*, *заслюни́ть*, *наслюни́ть* вместо *сля́нить* (и *сли́нить*), *наслю́нить*, *заслю́нить* (Там же); *тормози́ть* вместо *то́рмозить* (Грамматика Востокова при ударении *тормози́ть* в Сл. 1847), *уди́ть* вместо *у́дить* (Там же). В этом же ряду следует назвать глаголы, производные от *-полошить—всполошить*, *переполошить*, а также глагол *гнездиться* и производные от него глаголы, в ударении которых в прошлом веке наблюдались колебания, судя по данным Сл. Акад. Рос. 1794, 1822, Сл. 1847 и поэтическим материалам [25]. Замена корневого ударения глагола *увла́жить* (Сл. Акад. Рос. 1794 и 1822, Сл. 1847) связана с изменением словообразовательной связи: в современном языке существует только глагол *увлажни́ть*.

К совсем недавнему времени относится изменение ударения глагола *искриться*, в прошлом веке употребляемого почти без исключения с корневым ударением (Сл. 1847, поэтический материал), в современном — с колеблющимся (это отражено и в рекомендациях $АО_{59}$); распространение ударения *усугуби́ть* наряду с традиционным литературным *усугу́бить* (Сл. Акад. Рос. 1794 и 1822, Сл. 1847, поэтический материал); распространение

---

[25] В последнем случае разница в ударении могла обусловливаться стилистически. Сл. 1847, например, дает *гне́здиться*, *угне́здиться*, но *гнездя́ться*, *угнездя́ться* (церк. 'водвориться'). Поэтический материал, однако, этих различий не демонстрирует. Ср.:

Печаль и грусть скользили словно тень
По сердцу юному, и тягостная лень
Еще не *гне́здилась* в душе моей унылой.
Мей. Секстина

ударения *вихри́ть*, *вихри́ться*, *взвихри́ть*, *взвихри́ться* (сейчас допустимая литературная норма по $АО_{59}$); развитие колебаний в глаголе *решетить* и производных — *изрешетить*, *обрешетить*.

В качестве единичных примеров в поэтической речи отмечены ударения *осведоми́ться* вместо *осве́домиться*, *приспособи́ть* вместо *приспосо́бить* [26]; *тепли́ться* вместо *те́плиться* и *затепли́ть* вместо *зате́плить*, *сгруди́ться* вместо *сгру́диться*, *вьюжи́ть* вместо *вью́жить*, а также: *принуди́ть* вместо *прину́дить*, *надуми́ть* вместо *наду́мить*, *позари́ться* вместо *поза́риться*, *расщедри́ться* вместо *расще́дриться*.

Таким образом, наиболее активный процесс, происходящий в классе глаголов на *-ить* и во многом определяющий особенности современной его акцентовки, — это процесс постепенного уменьшения доли наконечного ударения: замены его либо ударением подвижным (изменения такого рода, как было показано, особенно интенсивны), либо ударением на основе (корне).

Рассмотрим факторы, которые определяют и направляют этот процесс, а также перспективы в развитии ударения класса глаголов на *-ить*.

Как уже отмечалось многие факты изменения ударения связываются исследователями с влиянием внешних по отношению к литературному языку причин — особенностями взаимоотношений литературного языка с северными и южными народными говорами на различных исторических этапах развития русского литературного языка, с одной стороны, и влиянием церковнокнижного произношения — с другой.

Действие этих факторов несомненно и в данном случае, хотя оно, как и в других случаях, представляется недостаточным для подобного рода объяснений; что же касается степени влияния этих факторов, то она для рассматриваемой группы слов явно различна.

Известно, что русские народные говоры в отношении ударения глаголов на *-ить* сильно расходятся. Северорусские говоры, являясь и по ряду других признаков более архаичными, устойчиво сохраняют наконечное

---

[26] Чернышев квалифицирует оба эти ударения как специфически петербургские (см.: *Чернышев В. И.* Русское ударение. Цит. по кн.: *Чернышев В. И.* Избр. труды, т. 1. М., 1970, с. 139.

ударение [27] в большинстве из тех глаголов, которые в литературном языке употребительны с двояким ударением или только с ударением подвижным.

Южнорусские говоры, напротив, характеризуются более широким, чем в литературном языке распространением подвижного ударения [28]. Подвижным ударением характеризуются здесь, как правило, многие глаголы, ударение которых в литературном языке испытывало или испытывает сейчас колебания *ва́лишь*, *та́щишь*, *со́лишь*, *зво́нишь*, *да́ришь* и т. д., но кроме того оно охватывает и ряд глаголов, которые в литературном языке известны только с ударением наконечным: *бро́нимся*, *бро́нются*, *сторо́жит*, *гово́ришь* и др.

Явление это распространено неравномерно, явно указывая на все более широкое распространение подвижного ударения от областей северных к южным. Наибольший размах подвижное ударение приобретает в юго-восточных и юго-западных областях [29].

Очевидно, что тенденция к нарастанию в литературном языке подвижного ударения, на что неоднократно указывалось в литературе [30], идет именно из южнорусских говоров. Северорусское влияние, бывшее первоначально более сильным в плане акцентном, начинает уменьшаться, роль же южнорусских элементов возрастает. Л. А. Булаховский [31] относил активизацию этого процесса ко второй половине XIX в. Это предположение, в основном, подтверждается и приведенным материалом. В дальнейшем влияние это не прекращается, и процесс распространения подвижного ударения в литературном языке продолжает нарастать.

---

[27] См.: например: *Булаховский Л. А.* Акцентологический закон А. А. Шахматова. — В кн.: Академик А. А. Шахматов. М.—Л., 1947.

[28] См. подробнее: *Касвин Г. А.* Основы настоящего времени глаголов 2-го спряжения. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. 3. М.—Л., 1949.

[29] Обобщение данных Атласа русских народных говоров Центральных областей к востоку от Москвы см.: *Пирогова Н. К.* О некоторых тенденциях в развитии типов глагольного ударения.— Вестн. МГУ, 1959, вып. 3.

[30] См. например: *Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX в. М., 1954.

[31] Там же.

Что касается другого фактора — влияния церковнокнижного произношения, то действие его в значительной степени более ограничено. В сущности оно относится только к прошлому: к периоду становления норм литературного произношения. В дальнейшем же (и сейчас) роль фактора книжности, в основном, консервативна: она проявляется в стремлении удержать сложившиеся нормы и препятствовать распространению живых произносительных тенденций.

Отсутствие обобщающих трудов, в которых подробно анализировались бы особенности акцентовки различных памятников письменности, не позволяет сделать каких-либо четких выводов о конкретных фактах влияния церковнокнижного произношения в данном случае. Имеющийся материал позволяет, однако, говорить о наконечном ударении как преобладающем типе акцентовки глаголов на *-ить* в языке церковнокнижном, а борьбу между наконечным и подвижным ударением рассматривать в ряде случаев как борьбу между старой акцентной книжной традицией и традицией живой разговорной [32].

Действие этой тенденции в данном случае оставило заметный след в виде отмеченного расхождения по ударению некоторых однокорневых глаголов, характеризуемых разной сферой бытования, и тенденции, ощутимой и сейчас, к закреплению наконечного ударения в глаголах высокой стилистической окраски, с которыми ассоциируется представление о книжности. Ср., например,

---

[32] Интересно сравнить в этом отношении некоторые однокорневые глаголы на *-ить* с церковнославянской и русской огласовкой. Первые имеют наконечное, вторые, как правило, подвижное ударение, ср.: *влачи́ть—влачи́шь* и *волочи́ть—волочи́шь*; *разврати́ть—разврати́шь* и *развороти́ть—разворо́тишь*; *совраги́ть—совраги́шь* и *своротить—сворбтишь*; *отстрани́ть—отстрани́шь*, *устрани́ть—устрани́шь* и *строни́ться—сторбнишься*, *построни́ться—посторбнишься*; ср. еще *храни́ть—храни́шь*, *сохрани́ть—сохрани́шь* при возможном колебании *хорони́ть—хорони́шь*, *хорбнишь*; *схорони́ть—схорбни́шь* и т. д. Обращая внимание на это обстоятельство и на факт сохранения с наконечным ударением в книгах священного писания глаголов, в живой речи употребляемых только с подвижным ударением (*губи́шь* вместо *гу́бишь*; *клони́шь* вместо *кло́нишь*), Я. К. Грот высказывал предположение о принадлежности вообще подвижного ударения в глаголах народному языку: «. . .перенос ударения во 2-м и последующих лиц. наст. вр. не есть ли исключительно народное свойство русского языка, чуждое древнеславянскому наречию?»(*Грот Я.К.* Указ. соч., с. 328).

такие глаголы, как *упои́ть—упои́шь* ‘дать упоение’, *насади́ть—насади́шь*(знания), *удели́ть—удели́шь*, *определи́ть—определи́шь* и т. д.

Это обстоятельство определяет существование и своеобразного обратного акцентного движения некоторых глаголов на *-ить*, связанного как раз с развитием книжной стилистической оценки.

Очень характерны в данном случае отмеченные как новые (у Востокова и Грота не зафиксированные), более или менее регулярные, ударения типа *побуди́ть*, *побуди́т* ‘склонить к какому-л. действию’, *пробуди́ть*, *пробуди́т* ‘вызвать появление чего-н.’ при обычном ударении *буди́ть*, *бу́дишь*, распространяющиеся ударения *преклони́ть—преклони́шь*, *склони́ть—склони́шь* при обычном *клони́ть—кло́нишь* и т. д.

Приведенные объяснения акцентного развития глаголов на *-ить* вряд ли можно признать достаточными. Если говорить о южнорусском влиянии, то столь же закономерен был бы и вопрос о причинах укрепления ударения этого типа в самих южнорусских говорах. Здесь же в свою очередь вряд ли достаточной будет ссылка на влияние украинского языка, в котором переходы от наконечного к подвижному и накоренному типу ударения гораздо более интенсивны, чем в русском языке, о чем можно судить уже на основании данных старых акцентированных памятников XVI—XVII вв.[33], и где сейчас эти типы занимают большее место в системе ударения глаголов на *-ить*. Хотя эти цепи влияния, несомненно, существуют [34], существуют и какие-то внутренние силы в самой системе глагольного ударения, которыми эти изменения поддерживаются.

Представляется, что такой внутренней движущей силой является в данном случае, с одной стороны, словообразовательно-акцентные связи и ассоциации внутри самого класса глаголов на *-ить*, как фактор более част-

---

[33] См.: *Веселовська З. М.* Зміни в наголосі дієслів 2-ої дієвідміни на -и- в східнослов’янських мовах. — Наукові зап. Харк. пед. ін-ту іноземних мов, 1958, т. 4.

[34] Тенденция к распространению подвижного ударения, как показывает Пирогова, прогрессивно развивается от юго-западных украинских говоров к юго-восточным и дальше к южнорусским и восточно-белорусским говорам. См.: *Пирогова Н. К.* О некоторых тенденциях. . .

ный, и акцентные тенденции во всей глагольной системе — с другой, обусловленные действием общих грамматических факторов.

Рассмотрение глаголов на *-ить* со стороны количественного состава и словообразовательно-акцентных связей показывает, что количественно преобладающей является здесь группа глаголов на *-ить* с неподвижным ударением на основе. Если общее число глаголов на *-ить*, употребительных в литературном языке, примерно 1060 [35], то глаголов с неподвижным ударением на основе 550; неподвижное наконечное ударение имеют примерно 420 глаголов (из них более чем в 50 ударение колеблется); глаголов с подвижным ударением около 80, из них более, чем в 30 на разных этапах развития литературного языка засвидетельствованы колебания в ударении, т. е. их современное подвижное ударение — факт сравнительно новый [36].

Что касается самого состава каждой из акцентных групп, то группа глаголов с неподвижным ударением на основе и здесь занимает особое место. Почти все глаголы, входящие в эту группу, являются по образованию отыменными [37]. По своим словообразовательно-акцентным связям (оцениваемым с точки зрения современных отношений) эти глаголы в большинстве своем соотносятся:

а) с именами существительными муж. рода (двухсложными или трехсложными) с ударением на конечном слоге; *батра́к—батра́чить*, *моро́з—моро́зить*, *балагу́р—балагу́рить*, *партиза́н—партиза́нить*;

б) с именами жен. и ср. рода с неподвижным ударением: *ссо́ра—ссо́рить*, *мысль—мы́слить*, *мы́ло—мы́лить*;

---

[35] Имеются в виду основные бесприставочные глаголы и приставочные, которые без приставок не употребительны, зарегистрированные в обратном словаре Бильфельдта (см.: Rückläufiges Wörterbuch der Russischen Sprache der Gegenwart. Berlin, 1958). Все дальнейшие подсчеты проведены также по этому словарю.

[36] Примерно то же соотношение наблюдается и при сопоставлении разных по ударению приставочных глаголов: общее их число в словаре Бильфельдта примерно 3500, неподвижное ударение на основе имеют 1600; неподвижное наконечное — 1200 (из них в 300 ударение колеблется); подвижное ударение имеют 670 глаголов (примерно в 300 из них подвижное ударение не исконно).

[37] Исключение составляет ряд древних каузативов: *бавить*, *вадить*, *грабить*, *плавить*; см.: *Boyer P.* De l'accentuation du verbe russe. Paris, 1895.

в) с именами прилагательными (в большинстве своем трехсложными, суффиксальными): *косма́тый—косма́тить*, *карта́вый—карта́вить*.

Сравнительно небольшую группу составляют глаголы, соотносимые с односложными существительными: *ёж—ёжиться*, *горб—го́рбиться*, *квас—ква́сить*, *вьюк—вьючить*; и с именами муж. рода с ударением на первом слоге: *у́голь—обу́глить*, *са́хар—са́харить*, *сто́пор—засто́порить*, *бла́говест—бла́говестить*.

Как видно из приведенных примеров, глаголы этого типа обычно сохраняют ударение имени и имеют его в большинстве случаев на гласном перед суффиксом: *партиза́нить*, *батра́чить*, *сбо́рить*, *косма́тить*, *карта́вить* и т. д.; сравнительно редки случаи постановки ударения (в соответствии с ударением производящего имени) на третьем (от конца) слоге: *обу́глить*, *засто́порить*, *са́харить*, *бла́говестить*. Ударение в этом случае обычно менее устойчиво и легко смещается на суффиксальный гласный, вследствие чего появляются отмеченные выше колебания типа: *засто́пори́ть*, *обу́гли́ть*, *заса́хари́ть*, *бла́говести́ть* и под. Такие изменения, как отмечалось, единичны и не представляют собой какой-либо определенной тенденции. Известной неустойчивостью ударения обладают и глаголы, соотносимые с односложными именами.

В группе глаголов с наконечным ударением отыменные по образованию глаголы тоже составляют значительную часть. В отличие от рассмотренной группы здесь имеется и довольно большое число глаголов словообразовательно немотивированных, среди них большое число древних каузативов типа *поить*, *топить*.

Глаголы отыменные, принадлежащие к этой группе, по своей акцентно-словообразовательной соотнесенности можно распределить на группы:

а) глаголы, соотносимые с именами жен. и ср. рода с наконечным ударением: *смола́—смоли́ть*, *сурьма́—сурьми́ть*, *роса́—ороси́ть*, *шелуха́—шелуши́ть*, *крыло́—окрыли́ть*, *серебро́—серебри́ть*;

б) глаголы, соотносимые с односложными именами жен. и муж. рода с наконечным или подвижным ударением: *дождь—дожди́ть*, *мост—мости́ть*, *куст—кусти́ться*; *глубь—углуби́ть*, *ветвь—ветви́ться*; и двухсложными именами муж. рода с подвижным ударением *сто́рож—сторожи́ть*, *по́трох—потроши́ть*, *го́род—городи́ть*;

в) глаголы, соотносимые с большинством бессуффиксных прилагательных: *чёрный—черни́ть*, *кислый—кисли́ть*, *рыхлый—рыхли́ть*, *веселый—весели́ть*, *молодой—молоди́ть*.

Только небольшая группа глаголов с такой соотнесенностью имеет ударение на основе: *те́плить* (*зате́плить*), *по́лнить* (*напо́лнить*), *сла́бить*, *ста́рить*, *уни́зить*. В некоторых из этих глаголов ударение смещается на суффиксальное *-и-*, где оно стоит в большинстве подобных глаголов. Ср. установившееся ударение *умали́ть*, отмеченное колебание ударения в глаголе *затеплить—зате́пли́ть* и др. Переходы эти, однако, широкого распространения не имеют, поскольку, очевидно, более сильной является тенденция к закреплению накоренного ударения, и среди глаголов с наконечным ударением ей подвержены прежде всего глаголы, соотносимые с прилагательными (ср. приведенные колебания типа: *облегчи́ть*, *обо́стри́ть*, *обо́бщи́ть*, *разре́ди́ть*, *оки́сли́ть* и т. д.

Такой же неустойчивостью характеризуется, как видно из приведенных материалов, и ударение глаголов, соотносимых с односложными существительными муж. рода, а также с некоторыми именами жен. и ср. рода.

Глаголы с подвижным ударением в отличие от рассмотренных групп в большинстве своем представляют глаголы непроизводные, словообразовательно немотивированные [38]. Как известно, основу этой группы составляют древние итеративы: *водить*, *носить*, *возить*, *бродить*, *ходить* [39]. Постепенно эта группа пополнялась и увеличивалась за счет некоторых каузативов (*поить*, *топить*, *садить*), а также за счет многочисленных отыменных глаголов, утративших связь со словопроизводственной основой: *женить*, *стрелить*; ср. рассматривавшиеся изменения в ударении глаголов *светить*, *сушить*, *травить*, *трудиться*, *крепить*, *чертить*, *кружить* и др. Переход глаголов с наконечным ударением в группу глаголов с подвижным ударением — процесс живой и интен-

---

[38] Именно эту отличительную примету глаголов с подвижным ударением называл Грот: «. . .глаголы с подвижным ударением, — писал он, — почти все первообразные. Напротив, между глаголами с постоянным ударением на конце первообразных очень мало: *родить*, *решить*, *вратить*, *когтить*, *сулить* — вот чуть ли не все они» (*Грот Я. К.* Указ. соч., с. 325).

[39] См.: *Boyer P.* Op. cit.

сивный, и в перспективе, следовательно, предстоит и дальнейшее увеличение этой группы.

Следовательно, группа глаголов с неподвижным ударением на основе занимает в классе глаголов на *-ить* особое положение. Она больше других групп количественно и, что представляется гораздо более важным, является наиболее сильной с точки зрения словообразовательно-акцентных связей, поскольку она почти целиком состоит из глаголов словообразовательно мотивированных с ясной и прозрачной словообразовательной семантикой. Если об отыменных глаголах можно говорить как о центре класса глаголов на *-ить*, то надо признать, что данная группа глаголов составляет ядро этого центра. Очень важно подчеркнуть и тот факт, что число глаголов с неподвижным ударением на основе очень интенсивно растет. Характерно, например, что среди новообразований последнего времени глаголы с неподвижным ударением на основе значительно преобладают.

Это вполне понятно. Современные глагольные новообразования появляются в большинстве своем уже от имен сложной словообразовательной структуры (основ, осложненных суффиксами или сложных) и имеют закономерное ударение на основе: *бюллете́нить* (*бюллете́нь*), *температу́рить* (*температу́ра*), *комисса́рить* (*комисса́р*), *секрета́рить* (*секрета́рь*), *осовреме́нить* (*совреме́нный*), *отфутбо́лить* (*футбо́л*), *отова́рить* (*това́р*), *пропесо́чить* (*песо́к*), *закавы́чить*, *раскавы́чить* (*кавы́чки*) и т. д.

Учитывая все это, можно предположить наличие определенного влияния в акцентном плане данной группы глаголов на другие группы. Эта группа является в плане акцентном как бы своеобразным ориентиром. Ясные словообразовательно-акцентные связи с производящим словом, характерные для данной группы глаголов, как бы интуитивно устанавливаются и в других группах — с исторически иным типом ударения [40]. Очевидно, это и определяет действие неоднократно отмечаемой исследователями тенденции перенесения ударения на значимую часть слова.

---

[40] Равнение при этом происходит не на всю систему форм, а именно на форму им. падежа — аналогично тому, как это имеет место в процессе словообразования. См.: *Бахтурина Р. В.* Морфонологические условия образования отыменных глаголов с суффиксом *ø-//и(ть)*. — В кн.: Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966.

Рассматривая круг глаголов на *-ить*, способных изменить наконечное ударение, можно заметить, что это в громадном большинстве случаев именно глаголы, соотносимые с именами существительными или прилагательными, особенно, если иметь в виду глаголы с новыми недавними колебаниями: *уме́ньши́ть*, *обо́стри́ть*, *обо́бщи́ть*, *углу́би́ть*, *обле́чи́ть* и т. д.

При всей значительности числа переходов рассматриваемой группы глаголов от наконечного ударения к неподвижному ударению на основе, гораздо более интенсивен переход к подвижному ударению (хотя эта группа глаголов численно менее других). Как объяснить факт более интенсивного сейчас распространения этого типа ударения, а не ударения на основе, что как будто логически вытекает изо всего сказанного выше?

Существует предположение [41], что становление подвижного ударения, присущее всей восточно-славянской группе, не есть конечная точка развития ударения в рассматриваемой группе глаголов; что тенденция к подвижному ударению — только частный случай более широкой и всеобъемлющей тенденции восточнославянского ударения в направлении к корневому типу.

Известен ряд фактов как будто свидетельствующих о таком перерастании подвижного ударения. Ср., например, глагол *грузить* с ударением в настоящем времени *гру́зишь*, что считается допустимым вариантом литературного произношения, и ударения *гру́зить*, *разгру́зить*, *нагру́зить*, *погру́зить* и т. д., широко распространенные в просторечии; ср. также глаголы, производные от *-ложить*, характеризуемые в современном литературном языке подвижным ударением, в просторечии же широко распространенные с ударением накоренным — *поло́жить*, *поло́жил*, *разло́жить*, *разло́жил* (а также и *поло́жу*, *перело́жу* и проч.); глагол *сердиться* с литературным ударением *серж у́сь*, *се́рдишься* и просторечным *се́ржусь*, *се́рдился* и др. Считают, что ступень подвижного ударения можно видеть и в некоторых глаголах уже давно известных в литературном языке с накоренным ударением вместо исконного наконечного, как например, в глаголе *красить*.[42]

---

[41] См.: *Пирогова Н. К.* О некоторых тенденциях. . .

[42] То, что этот глагол прошел стадию подвижного ударения в переходе от наконечного ударения (*краси́ть*), свидетельствует факт

Однако литературные примеры слишком малочисленны, чтобы на их основе можно было сделать какие-либо выводы (к тому же эти факты можно квалифицировать и иначе: как параллельное развитие иного типа колебания). Что касается диалектного материала, на котором и строится гипотеза Пироговой, то, как показывает С. В. Бромлей [43], ударения типа *дбю*, *вáрю*, *кóшу*, *хóжу*, *скáжу* и т. п., известные в говорах, не представляют какого-то нового этапа в акцентном развитии приведенных словоформ, а, наоборот, являются рефлексом старой подвижной акцентной парадигмы. В таком случае, гипотеза Пироговой лишена основания.

Особое акцентное развитие класса глаголов на *-ить* может быть, как представляется, объяснено с тех же позиций функциональной морфологии, о которой все время идет речь. Так, принцип грамматической целесообразности, который в глагольной акцентной системе не имеет большого значения в силу изложенных причин (см. с. 23), может быть существенным для глаголов *и*-класса: подвижное ударение способствует разграничению форм изъявительного и повелительного наклонения: *дружúте—дружи́те*, *грузúте—грузи́те* и т. п.[44] Существенно здесь отметить, что наиболее значительная, как показано, группа глаголов на *-ить* с корневым ударением имеет морфологические средства для разграничения форм изъявительного и повелительного наклонений (*барабáните—барабáньте*, *бросúте—бросьте*); группа глаголов с подвижным ударением — акцентологические; группа глаго-

---

возможной замены в некоторых русских говорах корневого *а* через *о*: *крбсим*. Ср. диалектные *вóлишь* вместо — *вáлишь*, *вóришь*, *сóдишь*, *плбтишь* и др. (См.: *Обнорский С. П.* Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.

[43] *Бромлей С. В.* О следах общеславянской *с* парадигмы в акцентной системе русского глагола. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас 1976. М., 1978.

[44] Факт существующего взаимодействия форм изъявительного и повелительного наклонения (на материале говоров) убедительно показан С. В. Бромлей (см.: *Бромлей С. В.* О взаимодействии форм изъявительного и повелительного наклонений и восточнославянских языковых системах. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас 1975. М., 1977; *Она же*: Форма 2-го лица множественного числа изъявительного наклонения в русских говорах северо-восточной диалектной зоны. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас 1974. М., 1976).

лов с наконечным ударением таких средств не имеет, но она и наиболее неустойчива в акцентном отношении.

Совершенно иное объяснение этих акцентных процессов — с чисто грамматических позиций — предложено Т. Г. Хазагеровым [45]. Расширение подвижности типа *ношу́—но́сишь* рассматривается им как связанное с грамматической категорией числа — как реализация тенденции не только к обобщенному, но и к противопоставленному формальному выражению дистрибутивной и собирательной множественности. Разграничение этих форм множественности идет, по мнению автора, параллельно с усилением акцентной противопоставленности мн. и ед. числа в системе именного склонения.

Акцентные сдвиги в именах и глаголах, идущие параллельно, значительно активнее в белорусском и украинском языках.

---

[45] *Хазагеров Т. Г.* Указ. соч., с. 127.

Глава четвертая

ИЗМЕНЕНИЕ УДАРЕНИЯ В ФОРМАХ ИНФИНИТИВА И ВО ВСЕЙ СИСТЕМЕ ФОРМ

Среди глаголов, испытывающих колебание ударения названного типа, группа на *-ировать* занимает особое место. Здесь нет такой глубокой, устойчивой акцентной традиции и столетиями длящихся колебаний, которые свойственны другим глагольным группам. Акцентные изменения у глаголов на *-ировать* стремительны и совершенно однотипны.

Глаголы на *-ировать* — категория слов сравнительно новая в русском языке. Можно сказать, что нам точно известно время их появления. Это начало XVIII в. В книге «Очерки по исторической лексикологии XVIII века. Языковые контакты и заимствования» [1] и в ранее опубликованной работе Н. Смирнова [2] приводится около 50 глаголов на *-ировать*, отмеченных в различных документах первой трети XVIII в., например: *авансировать*, *аккордировать*, *амбаркировать*, *анатомировать*, *атакировать*, *баллотировать*, *бальзамировать*, *баркировать*, *бомбардировать*, *буксировать*, *гарантировать*, *дефендировать*, *дефилировать*, *диктировать*, *диспутировать*, *зондировать*, *иллюминировать*, *кассировать* и др.

Показательно, что такая публикация, как «Вести-куранты» за 1600—1639 гг. (М., «Наука», 1972) и за 1642—1644 гг. (М., «Наука», 1976), не содержит еще ни одного глагола на *-ировать*.

Как известно, до начала XVIII в. основным проводником западноевропейских заимствований был польский язык. Иноязычные глаголы, переходящие через посредство польского (польские глаголы на *-ować*), имели формант *-ова-*. В рассматриваемый период передача глаголов

---

[1] *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., «Наука», 1972.

[2] *Смирнов Н.* Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху. — Сб. ОРЯС АН, т. 88, № 2. СПб., 1910.

через польское посредство продолжалась (ср. отмеченные в документах того же времени, соотносимые с польскими глаголами на *-ować* *азардовать*, *апробовать*, *арестовать*, *ассистовать*, *гонорovать*, *дезертовать*, *информовать*, *канонизовать*, *обсервовать*, *президовать* и др.), но наряду с этим осуществлялись и непосредственные языковые контакты с западноевропейскими языками, при этом наиболее значительным было влияние немецкого языка. Большинство из отмеченных глаголов на *-ировать*, по данным упомянутого исследования Е. Э. Биржаковой, Л. А. Войновой, Л. Л. Кутиной, соотносится с немецкими (*анатомировать*, *квартировать*, *пломбировать*, *регулировать*, *цензировать*), французскими и немецкими (*авансировать*, *аккомпанировать*, *аккордировать*, *вольтижировать*, *дефилировать*, *зондировать*, *патрулировать*, *репетировать*, *реформировать*, *сальвировать*, *транспортировать*), реже голландскими и немецкими (*буксировать*, *лавировать*, *трактировать*) глаголами. Это позволяет предположить, что начало глаголам на *-ировать* дали именно немецкие глаголы на *-ieren*. Впрочем, суф. *-ирова-* рано, видимо, получил и словообразовательную самостоятельность; с его помощью могли передаваться глаголы и без посредства немецкого. Так, для ряда уже и ранних заимствований указывается только французский (*амбаркировать*, *афронтировать*, *визитировать*, *гравировать*, *дебаркировать*, *инструктировать*, *кроазировать*), итальянский (*бандировать*, *мобилировать*) и некоторые другие источники, хотя в целом это характерно все же для более поздних заимствований — второй половины XVIII в. (*анализировать*, *анролировать*, *вальсировать*, *дезавуировать* и др.).

Поскольку продолжается передача глаголов и через польское посредство, возникает вариативность в оформлении заимствуемых глаголов по немецкому и польскому образцу. Отмечены, например, среди новых заимствований глаголы: *абордировать* и *абордовать*, *атакировать* и *атаковать*, *бальзамировать* и *бальзамовать*, *бомбардировать* и *бомбардовать*, *гарантировать* и *гарантовать*, *дебаркировать* и *дебарковать*, *декламировать* и *декламовать*, *дефендировать* и *дефендовать*, *диктировать* и *диктовать*, *диспутировать* и *диспутовать*, *догматизировать* и *догматизовать*, *иллюминировать* и *иллюминовать*, *командировать* и *командовать*, *организировать* и *организовать*,

репетировать и *репетовать*, *реформировать* и *реформовать*, *сальвировать* и *сальвовать*, *транспортировать* и *транспортовать*, *экзаменировать* и *экзаменовать*. Вариативность в оформлении подобных глаголов продолжается. Многие десятилетия спустя и в небольшой уже степени она свойственна и современному языку. Ср.: *нормализовать* и *нормализировать*; *централизовать* и *централизировать*; *стабилизовать* и *стабилизировать* и др.

Бóльшая часть глаголов на *-ировать*, проникавшая в русский язык в XVIII в., принадлежала к тому или иному виду терминологии. Однако в какой-то мере эти глаголы были употребительны и в светской речи образованного дворянства. Здесь они, наряду с другими языковыми особенностями, могли служить известным «знамением времени». «Западнические тенденции Петровской эпохи выражаются не только в заимствовании множества слов для обозначения новых предметов, процессов, понятий в сфере государственной жизни, быта и техники, но они сказываются и в разрушении внешних форм церковнокнижного и общественно-бытового языка такими варваризмами, в которых не было прямой нужды. Западноевропейские слова привлекали как мода. На них лежал особый стилистический отпечаток новшества. Они были средством отрыва от старых традиций церковнославянского языка и старозаветного бытового просторечия»[3]. Эта линия языкового поведения продолжалась и дальше, будучи, очевидно, частью новой нормы в сфере бытового поведения, которая сделалась, по словам Ю. М. Лотмана, после петровской реформы маркированной. «Вторая половина XVIII в. ознаменовалась не только созданием новой, европеизированной иерархии поведения, но и созданием новой категории в „поэтике поведения — стилистике поведения“. Последнее означало, что в рамках одной и той же нормы социального поведения возможна была и синонимия жеста, различные способы высказывания одного и того же семантического содержания»[4].

---

[3] *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., Учпедгиз, 1938, с. 59.

[4] *Лотман Ю. М.* Бытовое поведение и типология культуры в России XVIII в. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. М., «Наука», 1976.

В шаржированном виде новая речевая манера (с использованием иноязычных элементов) изображена А. П. Сумароковым в комедии «Пустая ссора»:

Деламида: Вы так *флатируете* (льстите) мне, что уже невозможно. . .

Дюлиш: Вы не поверите, что я вас *адорирую* (обожаю).

Деламида: Я этого, сударь, *не меретирую* (не заслуживаю).

Дюлиш: Я думаю, что вы достаточно *ремаркированы быть могли* (могли заметить), что я *апрэ* (около) вас в конфузии. . .

Деламида: Я этой *пансэ* (мысли) не имею, чтобы в ваших глазах *эмабль* имела (чтобы вам могла понравиться). . .[5]

Как известно, Сумароков был убежденным противником заимствования слов:

Вовек отеческим языком не гнушайся,
И не вводи в него
Чужого ничего,
Но собственной своей красою украшайся.

Притча «Порча языка»

Естественно, что одним из предметов осуждения являются глаголы на *-ировать*. Отрицательно в ряде случаев к ним относились и филологи того времени, которые рассматривали глаголы на *-ировать* как неполноценные, отдавалось предпочтение глаголам на *-овать* [6].

Возможно, поэтому глаголы на *-ировать* очень скупо представлены в Сл. Акад. Рос. 1794 : *баллотировать*, *бальзамировать*, *блокировать*, *бомбардировать*, *вольтижировать*, *гравировать*, *дезертировать*, *дистиллировать*, *командировать*, *конвоировать*, *копировать*, *лакировать*, *лавировать*, *маршировать*. Однако постепенно глаголы на *-ировать* все более укрепляются в языке. Число их растет, и это видно из показаний словарей. Так, Сл. 1847 представляет почти в 5 раз больше глаголов на *-ировать*, чем Сл. Акад. Рос. 1794.; Сл. Даля — в 2,5 раза больше, чем Сл. 1847; Сл. Акад. 1891 и СУ — в 3 раза больше, чем Сл. Даля.

[5] См.: *Сумароков А. П.* Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. X.

[6] *Горбачевич К. С.* Изменение норм русского литературного языка. Л., «Просвещение», 1971, с. 52.

Следует отметить здесь и такой факт, как вытеснение целого ряда глаголов на *-овать* и закрепление вместо них глаголов на *-ировать*, ср. в старых словарях: *апробовать* и современное *апробировать*; *ратификовать* и современное *ратифицировать*; *скандовать* и современное *скандировать*; *суммовать* и современное *суммировать*; из отмечаемых словарями прошлого века вариантов — *таксировать* и *таксовать* закрепляется *таксировать*; *акцентировать* и *акцентовать* — *акцентировать*; *компилировать* и *компилевать* — *компилировать*; *концентрировать* и *концентровать* — *концентрировать*; *цитировать* и *цитовать* — *цитировать*. В современных словарях (см.: Обратный словарь русского языка. М., «Сов энциклопедия», 1974) содержится более 800 глаголов на *-ировать* (не считая приставочных).

Каковы же были нормы ударения глаголов на *-ировать* и как они изменялись?

Есть основания предполагать, что первоначально образцом для произношения глаголов на *-ировать* служили заимствованные же глаголы на *-овать*, имеющие обычно наконечное ударение: *арестова́ть*, *аресту́ю*, *аресту́ешь*. Об этом свидетельствуют те очень немногочисленные глаголы на *-ировать*, которые в обследованных в книге «Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века» документах снабжены знаком ударения: *бомбардирова́ть*, *буксирова́ть* (но, впрочем, и *атаки́ровать*, если это не ошибка), нормы произношения глаголов в словарях XVIII в. (Сл. Акад. Рос. 1794), где они зафиксированы почти исключительно с ударением *-ирова́ть* (*баллотирова́ть*, *бальзамирова́ть*, *блокирова́ть*, *бомбардирова́ть*, *вольтижирова́ть*, *гравирова́ть*, *дезертирова́ть*, *дистиллирова́ть*, *командирова́ть*, *конвоирова́ть*, *копирова́ть*, *лакирова́ть*, *лавирова́ть*, *марширова́ть*); некоторые стихотворные материалы. Последние относятся, правда, к несколько более позднему периоду — началу XIX в., но тем более они должны свидетельствовать о традиционном произношении глаголов на *-ировать* с ударением на конечном слоге:

Комар не *блокиру́ет*
Его ушей и щек,
Он с мошкой не воюет. . .

Языков. Чувствительное путешествие в Ревель

Пускай же мальчики болтают и танцуют,
Потомки воинов всю жизнь *провальсиру́ют*

Воейков. Сатира к Сперанскому об истинном благородстве

Не еду ль я мутить Вандею?
Коню троянскому под стать,
В карете, может быть, имею
Бивакиру́ющую рать?

Вяземский. Проезд через Францию в 1851 г.

Доверье полное имея
К игре и знанью казначея,
Он *понтиру́ет*, как велят —
и этой чести очень рад.

Лермонтов. Тамбовская казначейша

Можно думать, что и сумароковский Дюлиш в приведенном диалоге говорил *адориру́ю*, *ремаркиро́ваны быть могли*, а Деламида — *флатиру́ете*, *не меретиру́ю*.

Однако в дальнейшем, по мере освоения русским языком глаголов на *-ировать*, увеличения их числа, укрепляется и отличное от глаголов на *-овать* их произношение (по немецкому образцу) — на слоге *-ир-*. Так, из глаголов, освоение которых относится к первой половине XIX в. (их впервые отмечает Сл. 1847), ударение *-и́ровать* имеет две трети глаголов и одна треть характеризуется ударением *-ирова́ть*.

Среди глаголов на *-ировать*, которые впервые отмечают словари более позднего издания, преобладание глаголов с ударением на слоге *-ир-* становится все более значительным. В словаре Даля, например, глаголы с ударением на *-ирова́ть* вместе с глаголами с колеблющимся ударением составляют уже только примерно пятую часть; среди глаголов, впервые отмечаемых Сл. Акад. 1891, они составляют седьмую часть; глаголы же, получившие распространение в 20—30-х годах нашего столетия (они впервые приведены в СУ), зарегистрированы уже почти исключительно с ударением на *и́ровать* (глаголы с другим ударением составляют только двадцать пятую часть, причем это почти все глаголы с колеблющимся ударением); глаголы, зарегистрированные позже, имеют только ударение *-и́ровать*. Характерно, что число слогов в глаголе, что, по мнению некоторых лингвистов важно для

постановки ударения в этих глаголах [7], не всегда является фактором определяющим. Так, многие глаголы, отмеченные с наконечным ударением в Сл. Акад. Рос. 1794, одном из наиболее старых словарей, пятисложны (*баллотирова́ть*, *бальзамирова́ть*, *бомбардирова́ть*, *командирова́ть*, *дезертирова́ть* и др.); пять слогов имеет и большинство глаголов, приведенных с наконечным ударением в Сл. 1847 (*абонирова́ть*, *англизирова́ть*, *гарантирова́ть*), а часть — даже и шесть слогов: *аккомпанирова́ть*, *кристаллизирова́ть*, *литографирова́ть*.

Значительная часть новых глаголов, появившихся сравнительно недавно и характеризующихся ударением *-и́ровать*, имеет четыре слога: *бази́ровать*, *вибри́ровать*, *дози́ровать*, *лиди́ровать*, *мини́ровать* и др.[8]

Ударение глаголов этого типа в период XIX—нач. XX в. неустойчиво: одни из них произносятся с ударением на *-ирова́ть*, другие на *-и́ровать*. Тип глаголов на *-ирова́ть* все более укрепляется в языке, и параллельно этому процессу происходит процесс закрепления ударения *-и́ровать*.

Тенденция к установлению ударения на *-и́ровать* распространяется и на глаголы, вошедшие в русский язык в разное время и закрепившиеся (в силу разных причин) с ударением на *-ирова́ть*. Это обстоятельство является причиной существования множества колебаний в данной группе глаголов, колебаний, которые охватывают, возникая в разное время, почти всю группу глаголов с ударением на *-ирова́ть* и в подавляющем большинстве случаев вытесняют его, заменяя ударением *-и́ровать*.

Так, уже Сл. 1847 указывает на изменение ударения у ряда глаголов по сравнению с более ранними словарями,

---

[7] См., например: *Boyer P.* De l'accentuation du verbe russe. Paris, 1895.

[8] Это не значит, что число слогов не имеет вообще в данном случае значения. Показательно, что ударение на слоге *-ир* скорее проникает в глаголы на *-изировать* (более длинные). Ср. у Лермонтова, наряду с отмеченным *понтирова́ть* и *магнетизи́ровать*:

Иль, вместо пламенных лобзаний,
Магнетизи́ровать начнет —
И счастлив муж, коли заснет!..

Тамбовская казначейша

отмечая ударение *дезерти́ровать*, вместо *дезертирова́ть*; *конвои́ровать* вместо *конвоирова́ть*; *дистилли́ровать* вместо *дистиллирова́ть*. Появление же большинства колебаний в этой группе глаголов относится, как показывают данные словарей, ко второй половине XIX в. Именно в этот период [9], наряду со старым произношением *бальзамирова́ть*, появляется и *бальзами́ровать*, *абонирова́ть* и *абони́ровать*, *аккомпанирова́ть* и *аккомпани́ровать*, *англизирова́ть* и *англизи́ровать*, *балансирова́ть* и *балансси́ровать*, *вольтижирова́ть* и *вольтижи́ровать*, *гарантирова́ть* и *гаранти́ровать*, *окулирова́ть* и *окули́ровать*, *рецензирова́ть* и *реценэи́ровать*, *таксирова́ть* и *таксси́ровать*, *формирова́ть* и *форми́ровать*, *форсирова́ть* и *форси́ровать*, *цензирова́ть* и *цензи́ровать*. В ряде глаголов Сл. Даля указывается только ударение *-и́ровать*: *галопи́ровать* вместо *галопирова́ть*, *костюми́ровать* вместо *костюмирова́ть*, *кристаллизи́ровать*, вместо *кристаллизирова́ть*, а также *литографи́ровать*, *нивели́ровать*, *скальпи́ровать*. Более поздние словари, указывая на сохранение большинства отмеченных и раньше колебаний (*абони́рова́ть*, *балансси́рова́ть*, *бальзами́рова́ть*, *гаранти́рова́ть*, *дистилли́рова́ть*), приводят и ряд новых: *бомбарди́рова́ть*, *группи́рова́ть*, *копи́рова́ть*, *лави́рова́ть*, *маски́рова́ть*. Это касается старых глаголов. Кроме того, почти все вновь отмечаемые словарями в это время глаголы, из того небольшого числа, которые зарегистрированы не с ударением *-и́ровать*, имеют тоже колеблющееся ударение: *дати́рова́ть*, *дипломи́рова́ть*, *дисциплини́рова́ть*, *крои́рова́ть*. Изменяется ударение и в слове *гофрировать*—появляется *гофри́ровать*, *декатировать* — появляется *декати́ровать*, *демаскировать—демаски́ровать*.

В 20—30-х годах нашего столетия, судя по данным СУ, бо́льшая часть этих колебаний разрешается закреплением ударения на *-и́ровать*. Так, здесь находим уже только рекомендацию произносить *аккомпани́ровать*, *англизи́ровать*, *балансси́ровать*, *вольтижи́ровать*, *дати́ровать*, *демаски́ровать*, *дисциплини́ровать*, *кристаллизи́ровать*, *лави́ровать*, *нивели́ровать*, *реценэи́ровать*, *скальпи́ровать*, *форси́ровать*. Изменяется норма произношения и многих других слов: *буксировать*, *зондировать*, *шаржировать* и др.

[9] Сравниваются показания Сл. 1847 и Сл. Даля.

В меньшей части глаголов колебание ударения продолжается: *абони́ровать*, *ангажи́ровать*, *аранжи́ровать*, *бальзами́ровать*, *бомбарди́ровать*, *гарантѝровать*, *декати́ровать*, *дипломи́ровать*, *копи́ровать*, *крокѝровать*, *литографи́ровать*, *манки́ровать*, *марки́ровать*, *пики́роваться*, *таксѝровать*, *экипи́ровать*. К этим колебаниям присоединяется еще несколько новых — за счет изменения ударения ряда глаголов, употреблявшихся до сих пор с ударением на *-ирова́ть*: *баллоти́ровать*, *блоки́ровать*, *вальси́ровать*, *плани́ровать*, *понти́ровать*, *коти́роваться*, и за счет появления нескольких новых глаголов, которые (кроме двух — *нормировать* и *премировать*) отмечены СУ с колеблющимся ударением: *асфальти́ровать*, *брони́ровать*, *гази́ровать*, *гуммѝровать*, *инсцени́ровать*, *проекти́ровать*, *третѝровать*.

Следует отметить, что в этот период в язык входит ряд новых глаголов, этимологически общих с ранее заимствованными, которые получают уже новую акцентовку. Вследствие этого возникает разграничение по ударению и значению таких глаголов, как *планирова́ть* ‘составлять план постройки; размечать, разбивать место под что-либо’; и *планировать* ‘составлять план’, ‘постепенно снижаться на летательном аппарате’ (фр. planer); *пикирова́ть* ‘пересаживать сеянцы огородных растений и дичков’ (фр. piquer), *пики́роваться* ‘говорить друг другу колкости’ и *пикирова́ть* ‘лететь с большой скоростью вниз’ (соотносимые с фр. piquer une tête); *крокирова́ть* ‘ударить своим шаром в шар другого игрока’ (в игре в крокет) и *крокѝровать* ‘делать, набрасывать кроки’.

Это разграничение не является, однако, устойчивым, поскольку и в старых заимствованиях постепенно побеждает ударение на *-и́ровать*.

Норма ударения, которая отражена в словарях более поздних, указывает на реализацию большей части из упомянутых колебаний. Твердое ударение на *-и́ровать* устанавливается в глаголах: *акцентѝровать*, *аранжи́ровать*, *асфальти́ровать*, *бальзами́ровать*, *гарантѝровать*, *дипломи́ровать*, *инсцени́ровать*, *коти́роваться*, *литографи́ровать*, *манки́ровать*, *понти́ровать*, *проекти́ровать*, *таксѝровать*.

В большинстве случаев продолжающегося колебания ударения (в пределах литературной нормы, отраженной словарями): *ангажи́ровать*, *абони́ровать*, *баллоти́ровать*,

блоки́рова́ть, *вальси́рова́ть*, *гази́рова́ть* преобладающим является ударение на *-и́рова́ть*; у некоторых из этих слов ударение на *-ирова́ть* воспринимается как совершенно устаревшее: *абонирова́ть*, *ангажирова́ть*, *вальсирова́ть*.

В глаголе *бронировать* возможность двоякого ударения связывается с различием смысла: глагол *бронировать* 'покрывать броней' употребителен обычно с наконечным ударением, *бронировать* 'представлять броню на что-л.' с ударением на *-и́ровать*. Соответственно различается и *брониро́ванный*, *заброниро́ванный* 'покрытый броней' и *брони́рованный*, *заброни́рованный* 'закрепленный по броне'. Это разграничение приводится в языке очень последовательно, хотя и не исключает отдельных случаев смешения ударения. Ср. один из таких примеров:

Не брат ли твой?
— Нет, брат мой на Урале. В почете среди
лучших кузнецов.
На фронт хотел — его *бронирова́ли*,
Задумчиво ответил Молодцов.

Равич, Рядовой

Таким образом, из всей довольно большой группы глаголов на *-ировать*, употребительных в литературном языке конца XVIII, XIX и нач. XX в. с наконечным ударением *-ирова́ть*, к настоящему времени остается сравнительно небольшое их число. Из более чем 800 глаголов на *-ировать*, зарегистрированных, как упоминалось, словарями, ударение *-ирова́ть* имеют только около 40 глаголов. Среди них *бомбардирова́ть*, *гофрирова́ть*, *гравирова́ть*, *гримирова́ть*, *группирова́ть*, *декотирова́ть*, *драпирова́ть*, *дрессирова́ть*, *колирова́ть*, *командирова́ть*, *костюмирова́ть*, *лакирова́ть*, *меблирова́ть*, *маркирова́ть*, *марширова́ть*, *маскирова́ть*, *никелирова́ть*, *нормирова́ть*, *полирова́ть*, *пломбирова́ть*, *плиссирова́ть*, *премирова́ть*, *рокирова́ть*, *сортирова́ть*, *тренирова́ть*, *фарширова́ть*, *формирова́ть*, *экипирова́ть*, *эмалирова́ть*. При этом в пределах разговорной речи ударение в некоторых из этих глаголов испытывает колебание: имеют распространение, например, ударения *гими́ровать*, *гофри́ровать*, *костюми́ровать*, *марки́ровать*, *маски́ровать* *норми́ровать*, *пломби́ровать*, *преми́ровать*, *экипи́ровать* и др. В некоторых

случаях подобные ударения можно отметить и у поэтов:

Густыми ветвями ореха лесного,
Маски́руя острый винтовочный блеск . . .
Горбань. Слово о пограничнике

В глаголах *нормировать* и *премировать* ударение на *-и́ровать* получает сейчас особенно широкое распространение. Высказываются мнения о возможности принять его в качестве допустимого варианта литературной нормы [10].

С устойчивым, нерасшатанным традиционным ударением (*-ирова́ть*) остаются, таким образом (из употребительных в современном языке), единичные глаголы: *драпировать*, *командировать*, *лакировать*, *маршировать*, *никелировать*, *сортировать*, *эмалировать* и некоторые другие — все глаголы старые, часто употребляемые и прочно закрепившиеся в языке.

Характерной особенностью таких глаголов является наличие у них форм видовой соотнесенности, что свидетельствует о прочном вхождении их в русскую глагольную систему: *командировать—откомандировать*, *прикомандировать—откомандировывать*, *прикомандировывать*; *сортировать—рассортировать-рассортировывать*; *драпировать—задрапировать*; *лакировать—отлакировать*; *никелировать—отникелировать* [11].

Известным отклонением от общей линии акцентного развития глаголов на *-ировать* является глагол *стажироваться*. В 30-х годах нашего столетия в русском языке появляется глагол *стажировать* ‘проходить стаж’. Ср.: Монтэнь в это время, на одном из старших курсов медицинской школы, работал у Гартмана в качестве ассистента, *стажируя* интерном в его клинике (Нов. мир. 1935, № 5); Он был рад повышению, несмотря на то, что еще тогда «*стажировал*», получая за свою работу старую оплату (Рост. 1931, VI). Несколько позднее появляется глагол *стажироваться* — с тем же значением: Пилоты-исландцы, как правило, вначале обучаются в авиации в Рейкьявике, а *стажируются* либо на английских, либо на американских аэролиниях (Первенцев. В Исландии).

[10] См., например: *Горбачевич К. С. Премирова́ть* или *премирова́ть*.— В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 7. М., «Наука», 1966.

[11] На это обращал уже внимание И. И. Огиенко (см.: *Огиенко И. И.* Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915).

Интересно, что СУ характеризует глагол *стажироваться* как неправильно употребляемый вместо *стажировать*. Как и в большинстве глаголов на *-ировать* позднего образования, глагол *стажировать* (и *стажироваться*) получает ударение на *-и́ровать*. С таким ударением — *стажи́ровать*, *стажи́роваться* приводит СУ и все другие словари. В обычном же употреблении глагол *стажироваться* (он преобладает в речи) имеет наконечное ударение. Говорят обычно: я *стажиру́юсь* там-то (или у того-то); он у нас недавно *стажирова́лся* и т. д. Трудно объяснить определенно такое необычное движение ударения в этом глаголе. Ясно, однако, что произношение *стажирова́ться* завоевывает «права гражданства» (как и сам глагол *стажироваться*), хотя это изменение и не находится в русле сложившейся акцентной тенденции.

Ударение в группе глаголов на *-овать* отличается в литературном языке значительной устойчивостью. Колебания ударения наблюдаются только у отдельных глаголов. Направление акцентных изменений в этих глаголах различно.

Ударение глаголов с инфинитивом на *-овать* четко разграничивается в зависимости от исконной их принадлежности к заимствованной или русской (славянской) лексике.

Глаголы первой группы имеют, как правило, наконечное ударение, которое оказывается устойчивым и колебаниям не подвергается.

Как отмечалось, еще в первой половине XVIII в. оформление заимствованных глаголов с помощью суф. *-ова-* продолжало быть продуктивным, хотя суф. *-ова-* и начинает «сдавать позиции».

В XIX в. оформление заимствованных глаголов с помощью суф. *-ова-* становится менее активным, но в целом глаголы на *-овать*, разные по времени появления, составляют значительную по числу группу слов, в которой преобладают глаголы (терминологического характера), прочно вошедшие в словообразовательную систему: соотносительные с знаменательными существительными (т. е. выделившие живую производящую основу) и развившие приставочные образования [12].

[12] Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Глагол, наречие, предлоги, союзы. М., 1964, с. 130 и след.

Таким образом, устойчивость ударения характеризует большую и сильную в словообразовательном отношении группу слов. Отклонения в ударении здесь редки.

К числу их принадлежат глаголы *командовать* и *салютовать*. Глагол *командовать* (от фр. commander через нем. commandiren) известен в русском языке с начала XVIII в. и с обычным ударением — *командова́ть* [13]. В литературном языке XIX в. он уже употребляется, однако, с ударением на основе — *ко́мандовать* и в дальнейшем ударение его колебаний не испытывает.

Глагол *салютовать*, тоже упоминаемый в исследовании Биржаковой и др., устойчивого ударения не имеет до сих пор. В первой половине XIX в. глагол *салютовать* имел ударение на суффиксе (см.: Сл. 1847, Сл. Даля). В какой-то период ударение глагола *салютовать* изменилось, он стал употребляться и с ударением на основе — *салю́товать* (это ударение отмечает СУ).

Что касается распространенности того и другого ударения в наше время, то она неодинакова, как это следует из показаний словарей и поэтических материалов. Так, ударение *салю́товать* отмечает только СУ. $АО_{59}$ — только *салютова́ть*.

Поэтический материал дает очевидное преобладание ударения *салютова́ть*:

И я был весел.
Ежедневно в полдень
Над городом *салютова́ла* пушка. . .
Сельвинский. Севастополь

Вот он, наш эшелон, *салю́тует* гудками.
Ветер дальних дорог зашумел, заколол. . .
Ошанин. Наша Оля

Группа незаимствованных глаголов не отличается таким же единообразием ударения: оно бывает на основе (*сове́товать*) и на суффиксе (*волнова́ть*). Это обстоятельство может служить причиной колебаний ударения, но они наблюдаются здесь только в нескольких глаголах — *баловать(ся)*, *даровать*, *соболезновать* — и имеют, видимо, индивидуальные причины. Так что мы наблюдаем в этом случае не только малочисленные, но и обособленные факты изменения ударения.

---

[13] *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Указ. соч., с. 370.

Глагол *баловать* в литературной традиции известен с наконечным ударением, однако в говорах представлены значительные колебания, свидетельствующие о том, что варьирование ударения началось здесь уже в прошлом столетии, и сейчас употребление акцентных вариантов ни территориально, ни семантически не закреплено [14]. Отдельные примеры употребления глагола *баловать* с ненормативным ударением на основе можно отметить и у поэтов XIX в:

Не любит *ба́ловать* народа своего;
Он виноватых ест: а на суде его
Нет правых никого. . .
Крылов. Лягушки, просящие царя

Старик Андрей нежнее в обращеньи был со мною
И *ба́ловал* меня, при мне порою
Андрей ребенком становился сам. . .
Кюхельбекер. Сирота

Что касается современного языка, то сейчас ударение *ба́ловать*, как и многие другие просторечные ударения, получает широкое распространение в литературной речи, в частности, и в речи поэтической:

Просто *ба́луются* парни.
Мол, сердце —
Это мускулов комок. . .
Алтаузен. Любовь

В этот раз верна метеосводка —
Небо вновь грозит земле дождем,
Балтику не *ба́лует* погода:
Пал туман, хоть режь его ножом. . .
Соколов. Вновь туман

Да что же я! *Поба́луйтесь* с мороза
Чайком. Оно и водки не грешно.
И. Рождественский. Ангарские встречи

Вариант *ба́ловать(ся)*, как отмечает Горбачевич, весьма употребителен, о чем говорят и данные его анкетирования: *ба́ловать* сына — 195, *балова́ть* — 52. Словари современного языка, однако, не санкционируют этого ударения. Все они указывают как норму лишь *балова́ть* и *ба-*

[14] *Горбачевич К. С.* Вариативность ударения в формах инфинитива. — РЯШ, 1974, № 5.

лова́ться. Только словарь «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» (Л., 1973) дает вариант *ба́ловать(ся)* с пометой *разг.*

Глагол *даровать* по своему происхождению связан с языком церковнокнижным и уже в самом церковнокнижном языке имел, видимо, возможность двоякого произнесения — с ударением на суффиксе и на основе.

Можно заметить еще, что ударение на основе было распространено неодинаково во всех формах; оно характерно главным образом для формы повелительного наклонения — *да́руй*. Реже встречается в формах наст. времени и совсем не отмечено в инфинитиве.

В русской литературной традиции глагол *даровать* известен почти исключительно с наконечным ударением. Это ударение характерно как для литературного языка XVIII в. (отмечено у Сум., Держ. и др.), так и для литературного языка XIX в. (Жук., Барат., Дельв., Рыл., Тютч. и др.). Ср. с тем же ударением в Сл. Акад. Рос. 1794, Сл. 1847, Сл. Даля.

Случаи употребления глагола *даровать* с ударением на основе единичны, и обычно это ударение в формах повелительного наклонения по образцу, видимо, церковнокнижного ударения.

Совсем редко это ударение можно встретить в других формах.

Что касается современного языка, то в литературном употреблении глагол *даровать* сохраняется с традиционным наконечным ударением. В разговорной же речи *даровать* часто можно слышать с ударением на основе — *да́ровать*, *да́ровал*, *да́рует* и т. д., причем это ударение, по всей вероятности, не связано со старым, а представляет собой новое явление того же порядка, что и перенос ударения в разговорной речи в ряде других глаголов, типа *разре́дить*, *обле́гчить*, *заснé́жить* и т. д. В речь литературную эти ударения почти не проникают. Последнее связано, вероятно, с тем, что глагол этот вообще более употребителен в книжной речи, вследствие чего разговорная струя не может оказать здесь существенного влияния.

Причиной, вызвавшей колебание в ударении глагола *соболезновать*, может быть возможность разной словообразовательной и смысловой соотнесенности.

Первоначальная соотнесенность этого глагола с существительным *болезнь* свидетельствуется следующим по-

яснением Сл. Акад. Рос. 1794: *боле́зную* ‘нахожусь в болезни’ и ‘имею великое о ком попечение, старание и привеликую любовь’. На основе этого глагола возник глагол *соболезновать* ‘тужить, сожалеть, печалиться’. В просторечии же этот глагол может соотноситься с просторечным прилагательным *болезный* ‘ласковый, жалостливый’ и войти уже в другую по ударению группу как *милый—милова́ть*, *пустой—пустова́ть*, *свежий—свежева́ть* и т. д. Ударение *соболезнова́ть*, впрочем, почти не имеет распространения в литературе, оставаясь в пределах просторечия.

Колебания неопределенного по результатам направления представлены в группе глаголов на *-нуть*. Глаголы на *-нуть* совершенного вида (со значением однократности, мгновенности действия) могут иметь ударение как на корневой части: *а́хнуть*, *бры́знуть*, так и на суффиксальной: *блесну́ть*, *бодну́ть*, *дерзну́ть* и т. д. Место ударения в современном языке у большинства этих глаголов находится в соответствии с ударением глаголов несовершенного вида; ср.: *а́хать—а́хнуть*, *бры́згать—бры́знуть*, но *блесте́ть—блесну́ть*, *бода́ть—бодну́ть*, *маха́ть—махну́ть* и т. д.[15].

Современное ударение глаголов этой группы сравнительно устойчиво. Наблюдающиеся в литературной традиции немногочисленные колебания представляют собой отголоски старых колебаний.

К глаголам, ударение которых было неустойчивым в литературном языке начала рассматриваемого периода, относятся: *громыхнуть*, *дрогнуть* (и *вздрогнуть*), *кувыркнуть* (и *перекувыркнуть*), *порхнуть* (*вспорхнуть* и другие производные), *прыгнуть* (и призводные *вспрыгнуть*, *отпрыгнуть*, *спрыгнуть* и др.), *вспыхнуть*, *вспрянуть*, *тронуть*, *черпнуть*. Приведем имеющиеся фактические данные, свидетельствующие о наличии колебаний у названных глаголов и степени употребительности вариативных ударений: *громы́хнуть* (Сл. 1847, Грамматика Востокова, из поэтов — у Каменск.); *громыхну́ть* (Сл. Акад. Рос. 1822, из поэтов — у Полон.); *дрогну́ть*, *вздрогну́ть*

[15] Указанное соотношение отсутствует только в небольшой группе непродуктивных глаголов: *ма́зать*, но *мазну́ть*, *нюха́ть*, но *нюхну́ть*; *сова́ть*, но *су́нуть*, *хрусте́ть*, но *хру́стнуть* и др. Всегда имеют ударение на суффиксе глаголы с суф. *-ану-*: *сада́нуть*, *руба́нуть* и т. д.

(Сл. Акад. Рос. 1822, Грамматика Востокова, из поэтов — у Богд., Барат., Гриб., Кюх., Венев., Дельв., Лерм., Пушк., Фета, Некр., Толст.), *дро́гнуть*, *вздро́гнуть* (Сл. Акад. Рос. 1794, Сл. 1847, из поэтов — у Жук., Кюх., Гриб., Бенед., Лерм., Майк., Курочк., Пушк.); *кувы́ркнуть*, *перекувы́ркнуть* (Сл. 1847, Сл. Даля, из поэтов — у Жук., Вяз.); *кувыркну́ть* (у Жук., Крыл.); *по́рхнуть*, *вспо́рхнуть* (Сл. Акад. Рос. 1794), ср. также *упо́рхнуть*, *перепо́рхнуть*, *пропо́рхнуть* (Грамматика Востокова, из поэтов — у Держ., Жук., Дельв., Фета, Тютч.); *порхну́ть*, *вспорхну́ть* (Сл. Акад. Рос. 1822, из поэтов — у Сум., Жук., Майк., Гриб., Полон., Полеж., Курочк.); *прыгну́ть*, *вспрыгну́ть*, *перепрыгну́ть*, *спрыгну́ть* (Сл. Акад. Рос. 1822, Сл. 1847, Грамматика Востокова, из поэтов — у Чулк., Изм., Крыл., Жук., Гриб., Лерм., Язык., Фета, Мих., Мея, Некр., Плещ., Толст.); *пры́гнуть*, *вспры́гнуть*, *спры́гнуть* (Сл. Даля — с двояким ударением; из поэтов — у Жук., Полон., Некр., Толст.); *вспыхну́ть* (Чулк., Ломон., Крыл.); *вспы́хнуть* (Сл. Акад. Рос., 1822, Сл. 1847, Сл. Даля); *вспряну́ть* (Сл. 1847, из поэтов — у Ломон., Мурав., В. Майк., Рад., Хераск., Держ., Шаховск., Глин., Бест.); *вспря́нуть* (*воспря́нуть*), *спря́нуть* (Сл. Акад. Рос. 1794, Сл. Даля, из поэтов — у Бест.); *трону́ть* (Богд., Сум., Хемн., Чулк., Рад., Озер., Крыл., Жук., Глин., Аксак., Долгор., Плещ., Огар., Некр., Добр.); *тро́нуть* (Сл. Акад. Рос. 1794); *тро́нуть* (Сл. 1847 и во всех других словарях, из поэтов — у Озер., Крыл., Пушк., Рыл., Полеж., Бенед., Курочк., Плещ.); *почерпну́ть*, *зачерпну́ть* (Сл. Акад. Рос. 1822, Сл. 1847, Сл. Даля, из поэтов — у Тред., Карамз., Толст.); *сче́рпнуть* (Сл. Акад. Рос. 1822); *зачерпну́ть* (Пушк., Глин.); *почерпну́ть* (Дельв., Кюх., Катен.).

Анализ глаголов на *-нуть* с колеблющимся ударением, с точки зрения тенденций их дальнейшего акцентного развития, показывает, что среди них следует различать две группы с разной причиной колебаний и разными результатами. Неустойчивость ударения в таких глаголах (и производных от них), как *порхнуть*, *кувырнуть*, *громыхнуть* в литературной традиции оказывается связанной с ударением в соответствующих глаголах несов. вида. Ср. колебания *по́рхну́ть* и *по́рхать* (Сл. Акад. Рос. 1794, из поэтов — у Карамз.), *порха́ть* (Сл. 1847, Сл.

Даля, из поэтов — у Карамз., Держ., Сум., Полон., Тютч.); *ку́выркнуть* и *кувы́ркать* (Сл. Акад. Рос. 1822, Сл. 1847, Сл. Даля, из поэтов — у Крыл., Жук., Полон.); *кувыркáть*; *громы́хнуть* и *громы́хать*, *громыхáть* (оба ударения отмечает Сл. Даля) [16]. К настоящему времени во всех этих глаголах несов. вида устанавливается ударение на суффиксе — *порхáть*, *кувыркáть*, *громыхáть*; в соответствующих глаголах на *-нуть* — также на суффиксе — *порхнýть*, *кувыркнýть*, *громыхнýть* (ударение отмечают все современные словари, начиная с СУ). В поэзии старые ударения еще иногда встречаются, но случаи эти единичны.

Существование различным образом акцентированных глаголов, производных от *черпать* (ср. известные в литературной традиции *чéрпать*, *исчéрпать* и *исчерпáть*, но *почерпáть*) является, по-видимому, причиной отмеченных колебаний в соответствующих глаголах на *-нуть* — *зачерпнуть*, *почерпнуть*.

Эти колебания отличаются тем, что они не имели широкого распространения и не имеют по существу определенных перспектив движения.

Что касается другой группы колебаний, не связанных непосредственно с колебанием ударения глаголов несов. вида, то здесь изменение ударения идет в определенном направлении — закрепления ударения на основе, вместо более старого ударения на суффиксе. Так, уже из приведенных материалов видно, что, например, ударения *вспыхнýть*, *вспрянýть*, распространенные еще в конце XVIII в., уже почти не употребительны в литературном языке первой половины XIX в. Как очень редкое можно охарактеризовать ударение *тронýть*, также отмеченное главным образом у поэтов XVIII в., хотя встречающееся еще иногда и в XIX в. Что касается ударений *прыгнýть*, (и *вспрыгнýть*, *спрыгнýть*, *подпрыгнýть* и т. д.), *дрогнýть* (и *вздрогнýть*), то они были еще достаточно широко употребительны, особенно в поэтическом языке, на всем протяжении XIX в. наряду с *пры́гнуть*, *дрóгнуть*, и т. д. Показательно частое употребление этих глаголов с двоя-

[16] Ср. еще *хлобы́стнуть* (Грамматика Востокова), *хлобыстнýть* (Сл. 1847, то и другое ударение у Даля) и *хлобыстáть* (Сл. Даля); *дрыгнýть* (Сл. Акад. Рос. 1822, Сл. Даля), *дры́гнуть* (Сл. Акад. 1891 — оба ударения) и *дрыгáть* (Сл. Акад. Рос. 1822, Сл. Даля) и *дры́гать* (Сл. Акад. 1891).

ким ударением у одного и того же поэта. К началу XX в. и эти ударения были совершенно вытеснены. У поэтов начала XX в. они уже чрезвычайно редки, у современных — просто единичны, например:

Смолистый норд столицею взмыл
Лес на́ город *прыгну́л*, залил
И в камень когти запустил.
Тихонов. Нашествие леса

Чем объясняется отмеченное направление изменения ударения в этой группе глаголов? По отношению к некоторым глаголам можно предположить, что данное изменение связано в какой-то степени с изменением соотношения между глаголом на *-нуть* и глаголом несов. вида, а в связи с этим — изменением акцентных ассоциаций. Так, старое ударение однократного глагола *вспыхнуть* было вполне нормальным по соотношению со старым глаголом *пыша́ть* или *пыха́ть* 'сильно дышать; испускать сильный жар' и 'раздражаться, ожесточаться' (см.: Сл. Акад. Рос., Сл. 1847). Существовал к тому же и глагол *вспыха́ть*, непосредственно соотносящийся со *вспыхнуть*. Наличие же другого соотношения *вспыхнуть—вспыхивать* определяет возможность иного ударения — *вспы́хнуть*. Это ударение закрепляется в связи, вероятно, еще и с тем, что глаголы *пыхать*, *вспыхать* выходят из употребления [17]. Другой пример. По соотношению с глаголом *дрожать* в однократном глаголе *дрогнуть* вполне законно ударение на суффиксе — *дрогну́ть*, отсюда и *вздрогну́ть* (ср. и старый глагол *вздрожа́ть*). При соотношении же *вздрогнуть—вздрагивать* ударение также «законно» переходит на основу — *вздрбгнуть*. Поскольку закрепляется соотношение *вздрогнуть—вздрагивать*, то и побеждает ударение *вздрбгнуть*. Это изменение могло оказать влияние и на глагол *дрогнуть*, тем более, что этот глагол, совмещая в себе значение обоих видов, различающихся в зависимости от значения, издавна имел в несов. виде ударение на основе — *дрбгнуть* (ср. *продрбгнуть*). Примечательно, что изменение ударения и здесь не распро-

[17] Подобное изменение ударения не распространилось на другой глагол того же корня — *пропыхну́ть* 'скоро прогореть' (см.: Сл. Акад. Рос. 1794). В диалектном употреблении сохраняется и *вспыхну́ть*, но только со значением 'отдохнуть, перевести дух' (см. Сл. Даля).

странилось на глагол с другим соотношением — *содрогну́ться—содрога́ться* [18].

Отмеченную зависимость, однако, можно установить не для всех глаголов. Ср. *прыгну́ть* при всегда существовавшем соотношении — *прыга́ть* (и *вспрыгну́ть—вспры́гивать*, *перепрыгну́ть—перепры́гивать*, *спрыгну́ть—спры́гивать*), *трону́ть—тро́гать* (*дотрону́ться—дотра́гиваться*, *притрону́ться—притра́гиваться*), *вспряну́ть*, *спряну́ть—пря́дать* 'делать скачки без большого напряжения' (Слов. Акад. Рос.), *вспрядывать*. Наличие этих глаголов заставляет предположить, что тенденция соответствия по ударению глаголам несов. вида развивается позднее и постепенно ограничивает несоответствия.

Интересно отметить в связи с этим и еще ряд ударений на суффиксе в поэзии прошлого столетия, однако, очень ограниченных или даже индивидуальных, единичных; ср. употребление глаголов *скрипну́ть*, *свистну́ть*, *воскликнуть*:

Дверь *скрипну́ла* «Милый, милый,
Наконец вернулся ты!

Тургенев. Похищение

Свистну́ла тетива, — и отрешившись,
Летит жужжа крылатая стрела.

Шевырев. Седьмая песня освобожденного Иерусалима

О царь! — *воскликну́л* вдохновенный Эгил, —
Позволь, чтоб прощаясь с миром и пеньем,
Пред смертью я песни свои повторил. . .

Веневитинов. Освобождение скальда

В связи с анализом последней группы глаголов остановимся на рассмотрении изменения ударения в глаголе

---

[18] В литературном языке прошлого века подобное изменение ударения намечалось, видимо, по аналогии с *вздрбгнуть*, *дрбгнуть*. Ср.:

От гнева Бога тьма восстала,
Содрбгнулись сердца в горах.

Крылов. Подражание псалму

Ты видишь кровь мою, любезная Прогнея —
Содрбгнись и познай свирепости Терея. . .

Он же. Филомела

Рука *содрбгнулась*, удар его скользит. . .

Пушкин. К Жуковскому

минуть. Глагол этот представляет ту особенность, что изменение ударения здесь касается не всех форм в равной степени и что колебания окончательно не реализуются до настоящего времени.

В литературном языке XIX столетия глагол *минуть* равно мог употребляться как с наконечным ударением, так и с ударением на основе, причем эти колебания касались преимущественно форм прош. времени:

Еще *мину́л* годок, еще уплыл год целый;
К ней свах никто не шлет.
Крылов. Разборчивая невеста

Так говорил Ручей, так думал в самом деле
И что ж? Не *ми́нуло* недели.
Он же. Ручей

Мину́ли же и годы заточенья:
А думал я: конца не будет им!
Кюхельбекер. Послание к брату

Нет! *ми́нула* пора мечтаний,
Пора надежды и любви:
Он же. Любовь узника

В меньшей степени колебания касаются форм наст. времени. Здесь уже и в литературном языке XIX в. ясно преобладание ударения на основе [19]. *Минуть* — один из немногих глаголов на *-нуть*, где колебания не установились и до нашего времени. Естественно, что в формах наст. времени колебания эти почти не распространены.

Что же касается форм прош. вр., то здесь, как и раньше, продолжают употребляться оба ударения:

Ей сколько лет? *Мину́ло* восемнадцать
То возраст, чтоб шутить, мечтать, влюбляться.
Эренбург. Свобода

---

[19] Интересно отметить, что у поэтов XVIII в., напротив, только наконечное ударение:

Оставь боязнь: в сей час *мине́т* судьбина гнева;
Весь страх, мне кажется, при самом быть конце.
Ломоносов. Тамира и Селим

И жизнь без них скучна. Живи хотя сто лет;
Пока твой век *мине́т*, беда
Коль денег нет.
Богданович. Деньги

Я вздохнул с тоской, и ты вздохнула
Много ясных дней с тех пор *мину́ло*,
Алтаузен. На юге

Все-таки ты старишься, река.
Человек мудрит с твоей водою.
Ми́нули не годы, а века.
Алигер. Твоя победа

Двоякое ударение допускают здесь и современные словари [20].

Изменение ударения в этом глаголе почти не коснулось формы инфинитива (возможно, здесь дело в редкой употребительности самой этой формы).

В современной поэзии это ударение не отмечено, хотя в разговорной речи оно встречается. Не коснулось колебание и всех производных от *минуть* глаголов: *размину́ться—разминётся—размину́лся*, *премину́ть—преминёт—премину́л*.

---

[20] СУ ударение *минýл* отмечает при этом как более частое; $АО_{59}$ связывает различие в ударении с разным значением: *минýл* 'миновал', *ми́нул* 'исполнился'. Практически же такое разграничение проводится далеко не всегда, что можно видеть из приведенных материалов.

III

СОВРЕМЕННЫЕ АКЦЕНТНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СВЕТЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Настоящий раздел представляет особый аспект рассмотрения вопросов акцентуации — социолингвистический. Введение его имеет своей целью дополнить проведенное исследование изменений в области именного и глагольного ударения картиной современного акцентного варьирования — в пределах рассмотренных групп именных и глагольных словоформ.

Материалом для раздела служат данные 6000 ответов на «Вопросник по современной русской морфологии» (М., 1963), полученные Институтом русского языка АН СССР в течение 1964—1965 г.

Акцентные факты, рассматриваемые в настоящем разделе, сгруппированы таким образом, чтобы выявить степень реализации отмеченных акцентных тенденций у современных носителей литературного языка в зависимости от разных социальных факторов: 1) возраста, 2) образования, 3) социального положения, 4) территориальной принадлежности (места наиболее длительного пребывания) [1].

Здесь рассматривается: 1) ударение в формах имен существительных: а) акцентная вариативность имен существительных жен. рода на *-а-* в формах мн. числа, которая прослеживается на примере слов *волна* и *река* в форме местн. падежа (анализируется распределенность вариантов *в волна́х—в во́лнах*, *в река́х—в ре́ках*); б) акцентная вариативность формы вин. падежа ед. числа той же группы имен, которая прослеживается на примере слово-

[1] Анкета по ударению, включенная в свое время в Вопросник, была ориентирована на иные задачи и содержит сравнительно небольшое число слов, показательных для данного исследования. Поэтому во всех случаях речь идет только о некоторых лексемах — представителях той или иной группы словоформ, что позволяет, однако, хотя и в общем виде, охарактеризовать определенное акцентное явление с социологической точки зрения.

форм *борозду*, *реку* и *доску* (анализируется распределенность вариантов *бо́розду—борозду́*, *ре́ку—реку́*, *до́ску—доску́*); в) акцентная вариативность имен. жен. рода на *-ь* в формах мн. числа, которая прослеживается на примере слова *ведомость*, *отрасль* и *прибыль* в форме род. падежа (анализируются варианты *ведомосте́й—ве́домостей*; *отрасле́й—о́траслей* и *прибыле́й—при́былей*); г) конкуренция ударенного и безударного окончания *-и* в форме местн. падежа имен на *-ь* прослеживается на примере словоформы *в шерсти* (анализируется распределенность вариантов *в шерсти́—в ше́рсти*); д) акцентная вариативность имен существительных муж. рода в форме ед. числа анализируется на примере словоформы *к мосту* (рассматриваются варианты *к мо́сту—к мосту́*) и *угля* (рассматриваются варианты *у́гля—угля́*); в формах мн. числа на примере слова *приз* (обследуются варианты *при́зы—призы́*) и *фронт* (обследуются варианты *фро́нтов—фронто́в*).

В области глагольного ударения рассматриваются: а) распределенность акцентных вариантов в глаголах *и*-класса в формах наст. времени: *дружи́шь—дру́жишь*, *подружи́шься—подру́жишься*, *поместя́тся—поме́стятся*, *зарядя́т—заря́дят*, *распредели́т—распреде́лит*; в форме инфинитива и всей системе форм: *и́скрится—искри́тся*; б) распределенность акцентных вариантов, в формах прош. времени непродуктивных классов глаголов *лить*, *быть*, *пить*, *ждать* в формах муж. рода: *на́лил—нали́л*, *о́тпил—отпи́л*, *при́был—прибы́л*; формах мн. числа: *за́дали—зада́ли*; в) распределенность акцентных вариантов в группе глаголов с частицей *-ся* в форме муж. рода: *обнялся́—обня́лся*; в формах ср. рода: *создало́сь—созда́лось*; в форме мн. числа *дождали́сь—дожда́лись*, *напили́сь—напи́лись*, *подняли́сь—подня́лись*, *придрали́сь—придра́лись*, *собрали́сь—собра́лись*.

В Вопроснике названные словоформы были включены в следующие фразы: Группа всадников приблизилась *к мосту*. Ты *дружишь* с ним не первый год. *В реках* нашей области много крупной рыбы. Лучшие бегуны получили *призы*. Мы знали, что он правильно *распределит* работу. Развитие некоторых *отраслей* промышленности замедлилось. Поезд *прибыл* ровно в час. Они *придрались* к мелочам. Мы *напились* крепкого чаю. Он крепко *обнялся* с другом. В топке уже мало *угля*. Я *налил* ему стакан

теплого молока. Трактор прорыл глубокую *борозду*. *Создалось* безвыходное положение. Не сомневаюсь, что ты с ним *подружишься*. Все *собрались* на площади. Лодки исчезли *в волнах*. Снег *искрится* на солнце. У них не было отчетных *ведомостей*. Все книги *поместятся* на полках. Щенок весь извалялся *в шерсти*. Черек *реку* переброшен мост. Мы *дождались*, наконец, хорошей погоды. Эту *доску* надо распилить пополам. Со всех *фронтов* прибывают радостные вести. Он *отпил* только несколько глотков. На экзамене мне *задали* трудные вопросы. Осенью опять *зарядят* дожди. Всходы после дождя *поднялись*. Это приводит к сокращению *прибылей*.

Факт существования зависимости между использованием акцентных вариантов и социальной характеристикой говорящих хорошо известен. Предпринятое обследование помогает представить эту зависимость более точно и полно.

Как же влияют социальные факторы на распределение акцентных вариантов?

Прежде чем это влияние будет выявлено, необходимо представить себе, в каких пределах вообще осуществляется акцентное варьирование в избранных для рассмотрения словоформах.

В самом общем виде такая характеристика может быть дана на основе сравнения средней величины частостей, характеризующих употребление каждого из акцентных вариантов. Но поскольку эти величины взаимозависимы, здесь, как и во всех других случаях, достаточно ограничиться рассмотрением одного из вариантов. Мы избираем в данном случае акцентные варианты, охарактеризованные как н о в ы е в л и т е р а т у р н о й т р а д и ц и и. В таком случае общее задание может быть сформулировано так: показать, как влияют социальные факторы (возраст говорящего, его социальное положение, образование и место наиболее длительного пребывания) на степень употребительности новых в литературной традиции акцентных вариантов.

Сравнение средней величины частостей, характеризующих употребление этих вариантов в каждой из взятых для рассмотрения словоформ, показывает, что степень акцентной вариантности очень различна. По этому признаку все рассматриваемые словоформы могут быть разделены на группы, в которых колебания осуществляются

в следующих пределах:

I 0,010—0,100 (новый акцентный вариант имеет очень малое распространение либо, напротив, он имеет настолько широкое распространение, что более старый вариант фактически вытеснен.

II. 0,101—0,200

III 0,201—0,300

IV 0,301—0,400

V 0,401—0,500

Соответственно акцентные варианты всех словоформ в зависимости от их средних частостей распределяются таким образом:

I	*распредéлит*	— 0,060	*фронтóв*	— 0,942
	прибы́л	— 0,072	*дрýжишь*	— 0,944
II	*в вóлнах*	— 0,140	*обня́лся*	— 0,800
	доскý	— 0,140	*призы́*	— 0,801
	создáлось	— 0,150	*отпи́л*	— 0,846
	задáли	— 0,119	*прúбылей*	— 0,857
	подня́лись	— 0,188	*подрýжишься*	— 0,869
III			*придрáлись*	— 0,714
			в шéрсти	— 0,725
			вéдомостей	— 0,748
			в рéках	— 0,761
			налúл	— 0,789
			искрúтся	— 0,770
IV	*собрáлись*	— 0,341		
	рéку	— 0,360	*угля́*	— 0,530
V	*бороздý*	— 0,431	*заря́дят*	— 0,506
	напúлись	— 0,481	*óтраслей*	— 0,514
	к мостý	— 0,420	*дождáлись*	— 0,541
			помéстятся	— 0,545

Очевидно, что группы I и V представляют наибольший контраст. Если в словоформах группы V наибольший размах акцентных колебаний, то словоформы I группы в значительной степени лишены акцентной вариативности. Естественно, что они представляют и наименьший интерес для предпринимаемого обследования.

В о з р а с т. Табличные данные (табл. 1) указывают на весьма определенную и в целом однотипную количественную расслоенность ответов в зависимости от возрастной характеристики информантов.

Как и следует ожидать, традиционные литературные варианты в большей степени оказываются свойственными старшим по возрасту информантам; чем моложе информанты, тем в большей степени они отходят от традиционных акцентных норм.

I — группа родившихся до 1909 г.;
II — 1910—1919 гг.;
III — 1920—1929 гг.;
IV — 1930—1939 гг.;
V — 1940—1949 гг.
1 — варианты *ве́домостей, бтраслей, при́былей*;
2 — варианты *дру́жишь, подру́жишься, заря́дят, поме́стятся распреде́лит*;
3 — средняя употребительность вариантов;
4 — варианты *в во́лнах, в ре́ках*;
5 — варианты *нали́л, отпи́л, прибы́л, зада́ли, обня́лся, созда́лось, дожда́лись, напи́лись, подня́лись, придра́лись, собра́лись*;
6 — варианты *борозду́, доску́, реку́*

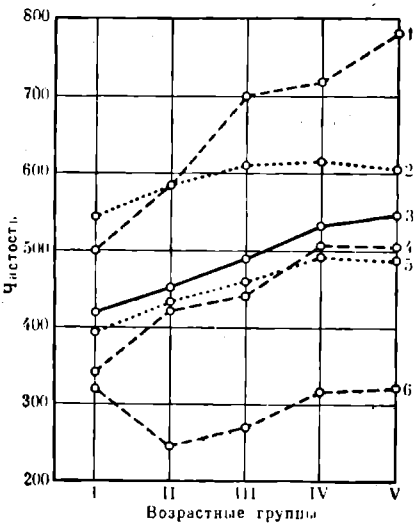

Рис. 1. Употребительность акцентных вариантов в зависимости от возрастной характеристики информантов

Распределение ответов, содержащих конкретные словоформы, специфично, судьба акцентного варианта в этом смысле индивидуальна, однако в большинстве случаев, как видно из табл. 1 (см. акцентные варианты *в ре́ках, ве́домостей, при́былей, в ше́рсти, фронто́в, нали́л, отпи́л, зада́ли, обня́лся, дожда́лись, напи́лись, подня́лись, собра́лись, дру́жишь, подру́жишься, заря́дят, засне́женный, нагру́женный, раздро́бленный*), каждая следующая возрастная группа (считая точкой отсчета I группу) дает некоторый прирост в частности нового акцентного варианта, хотя этот прирост осуществляется и в очень разных, как было показано выше, количественных пределах.

Характер такой зависимости в самом общем виде наглядней всего может быть показан на графике (см. рис. 1).

Таблица 1 Распределение акцентных вариантов в зависимости от возраста информантов

Группа по году рождения	Вариант и его частость										
	всего ответов	*в волнах*	*в реках*	$\bar{p}_1$	всего ответов	*борозду*	*доску*	*реку*	$\bar{p}_2$	всего ответов	*ведомостей*
До 1909	354	0,100	0,580	0,340	350	0,462	0,138	0,360	0,320	334	0,451
1910—1919	183	0,128	0,720	0,424	179	0,344	0,100	0,290	0,244	171	0,571
1920—1929	433	0,112	0,770	0,441	423	0,355	0,125	0,330	0,270	414	0,713
1930—1939	1288	0,166	0,830	0,498	1254	0,405	0,147	0,385	0,312	1240	0,788
1940—1949	1668	0,137	0,855	0,496	1650	0,455	0,145	0,370	0,323	1623	0,890
Общая сумма; вариации	3926	0,066	0,275	0,158	3856	0,118	0,047	0,095	0,079	3782	0,439

Группа по году рождения	Вариант и его частость												
	отраслей	*прибылей*	$\bar{p}_3$	всего ответов	*в шерсти*	всего ответов	*к мосту*	всего ответов	*угля*	всего ответов	*тризн*	всего ответов	*фронтов*
До 1909	0,565	0,620	0,545	354	0,657	359	0,256	355	0,513	356	0,820	355	0,851
1910—1919	0,485	0,680	0,578	178	0,608	187	0,342	181	0,565	184	0,815	178	0,921
1920—1929	0,547	0,839	0,699	423	0,716	441	0,352	427	0,552	436	0,780	420	0,949
1930—1939	0,485	0,906	0,726	1278	0,737	1301	0,410	1283	0,646	1297	0,795	1271	0,961
1940—1949	0,485	0,961	0,778	1651	0,770	1669	0,520	1661	0,528	1672	0,805	1649	0,962
Общая сумма; вариации	0,080	0,341	0,233	3884	0,162	3957	0,264	3907	0,133	3945	0,040	3873	0,111

Группа по году рождения	Вариант и его частость													
	всего ответов	налил	отлил	прибил	забил	обвился	создалось	дождались	напился	поднялись	придрались	собрались	$\bar{p}_4$	всего ответов
До 1909	352	0,577	0,640	0,079	0,133	0,705	0,145	0,519	0,300	0,192	0,720	0,325	0,394	349
1910—1919	178	0,710	0,752	0,054	0,147	0,690	0,160	0,511	0,445	0,198	0,718	0,335	0,429	179
1920—1929	426	0,775	0,831	0,060	0,231	0,780	0,152	0,532	0,445	0,202	0,693	0,344	0,458	426
1930—1939	1262	0,826	0,893	0,075	0,222	0,850	0,146	0,549	0,515	0,358	0,695	0,358	0,498	1268
1940—1949	1699	0,875	0,926	0,080	0,218	0,860	0,131	0,564	0,540	0,166	0,710	0,330	0,490	1665
Общая сумма; вариации	3917	0,298	0,286	0,026	0,098	0,170	0,029	0,053	0,240	0,192	0,027	0,033	0,104	3887

Группа по году рождения	Вариант и его частость													
	дружились	подружились	заработал	поместятся	распределит	$\bar{p}_5$	всего ответов	искрится	всего ответов	застенчивый	нагруженный	разработанный	$\bar{p}_6$	общая средняя частость ($\bar{p}$)
До 1909	0,865	0,634	0,469	0,459	0,085	0,502	355	0,453	350	0,856	0,450	0,835	0,713	0,484
1910—1919	0,915	0,835	0,517	0,550	0,086	0,580	179	0,581	175	0,910	0,550	0,880	0,780	0,518
1920—1929	0,955	0,863	0,600	0,489	0,059	0,593	414	0,771	424	0,939	0,700	0,910	0,849	0,560
1930—1939	0,956	0,915	0,570	0,589	0,060	0,618	1278	0,897	1266	0,963	0,650	0,930	0,847	0,597
1940—1949	0,980	0,938	0,486	0,547	0,045	0,599	1662	0,884	1660	0,962	0,690	0,930	0,860	0,598
Общая сумма; вариации	0,115	0,304	0,131	0,130	0,041	0,116	3888	0,444	3875	0,107	0,250	0,095	0,147	0,114

Расположение кривых позволяет определить характер акцентно-возрастной зависимости по отношению к каждой из групп словоформ. По этим данным можно представить графически и некоторую среднюю величину, характеризующую в этом плане все рассмотренные словоформы в целом. Большим недостатком анализируемого материала является то, что группы аналогичных словоформ слишком малочисленны, а потому выведенные средние весьма условны, тем не менее они все же показательны и дают некоторое представление об общем характере (т. е. относящемся уже не к отдельным словоформам, а к определенному акцентному явлению) зависимости между степенью освоенности новых акцентных вариантов и возрастом информантов.

Сравнение кривых, представляющих эти средние величины, позволяет видеть очень сходное их расположение, еще раз наглядно указывающее на однотипный в целом характер акцентно-возрастной зависимости: частота новых акцентных вариантов обратно пропорциональна возрасту говорящих, т. е. чем старше информанты, тем меньше они склонны употреблять новые в литературной традиции акцентные формы. Обращают на себя внимание данные, характеризующие ответы лиц V (самой молодой) возрастной группы: в некоторых случаях частость новых форм у них ниже, чем у предыдущего поколения. Это можно объяснить, по-видимому, тем, что речевые навыки лиц, составляющих V возрастную группу, складываются в период, характеризующийся систематической работой по нормализации речи. Большое внимание к нормам (к нормам ударения в особенности, поскольку произносительные ошибки такого рода наиболее заметны), стремление управлять речевой практикой, очищать речь от ошибок, осуществляемое по разным каналам, естественно, ведет к определенному затормаживанию некоторых акцентных процессов.

Разные группы слов и даже отдельные слова поддаются этому в разной степени. Многое здесь зависит от общественно-лингвистической оценки самих акцентных фактов. Одни из них больше привлекают внимание «инспектирующих» органов, другие меньше.

2. О б р а з о в а н и е. Как показывает наш материал (табл. 2), этот социальный признак тоже значим в распределении акцентных вариантов.

Таблица 2

Распределение акцентных вариантов в зависимости от образования информантов

Группа по образованию	Вариант и его частость						
	всего ответов	*в волнах*	*в реках*	P_1	всего ответов	*бороздў*	*доскў*
Высшее	1842	0,132	0,810	0,471	1827	0,448	0,133
Среднее	2055	0,149	0,621	0,385	2023	0,407	0,144
Общая сумма; вариации	3897	0,017	0,189	0,086	3850	0,041	0,011

Таблица 2 (продолжение)

Группа по образованию	Вариант и его частость						
	реҳў	P_2	всего ответов	*вёдомостей*	*бтраслей*	*прйбылей*	P_3
Высшее	0,336	0,305	1780	0,780	0,478	0,865	0,707
Среднее	0,387	0,312	2001	0,790	0,541	0,908	0,743
Общая сумма; вариации	0,051	0,007	3781	0,010	0,063	0,043	0,036

Таблица 2 (продолжение)

Группа по образованию	Вариант и его частость						
	всего ответов	*в шёрсти*	всего ответов	*к мостў*	всего ответов	*угля*	всего ответов
Высшее	1837	0,759	1861	0,424	1824	0,508	1864
Среднее	2058	0,712	2115	0,444	2012	0,560	2105
Общая сумма; вариации	3895	0,047	3976	0,020	3836	0,052	3969

Таблица 2 (продолжение)

Группа по образованию	Вариант и его частость							
	приятель	всего ответов	*фронтов*	всего ответов	*налил*	*отпил*	*прибыл*	*задвиг*
Высшее	0,802	1839	0,963	1843	0,794	0,856	0,070	0,188
Среднее	0,787	2030	0,950	2004	0,836	0,886	0,085	0,231
Общая сумма; вариации	0,015	3869	0,013	3847	0,042	0,030	0,015	0,043

Таблица 2 (продолжение)

Группа по образованию	Вариант и его частость							
	обиделся	*содрогнулось*	*дождались*	*напились*	*поднялись*	*приврались*	*собрались*	F_4
Высшее	0,793	0,139	0,521	0,454	0,147	0,700	0,326	0,453
Среднее	0,847	0,140	0,570	0,520	0,191	0,707	0,351	0,487
Общая сумма; вариации	0,054	0,001	0,049	0,066	0,044	0,007	0,025	0,034

Таблица 2 (продолжение)

Группа по образованию	Вариант и его частость							
	всего ответов	*вружились*	*подружились*	*аредат*	*поместятся*	*распределит*	F_8	всего ответов
Высшее	1866	0,953	0,880	0,511	0,566	0,056	0,593	1817
Среднее	2118	0,954	0,895	0,545	0,534	0,061	0,597	2007
Общая сумма; вариации	3984	0,001	0,015	0,034	0,032	0,005	0,004	3824

Таблица 2 (окончание)

Группа по образованию	Вариант и его частота						
	искри́тся	всего ответов	*засне́женный*	*нагру́женный*	*раздро́бленный*	P_o	общая средняя частота (p)
Высшее	0,750	1810	0,951	0,663	0,915	0,843	0,566
Среднее	0,864	2030	0,945	0,638	0,915	0,832	0,574
Общая сумма; вариации	0,114	3840	0,006	0,025	0,000	0,011	0,008

Большинство словоформ (две трети из числа рассматриваемых) показали однотипные расхождения в показаниях лиц с высшим образованием и с образованием средним: лица со средним образованием более склонны употреблять новые акцентные варианты, чем лица с высшим образованием. Последовательнее всего такое различие проводится в группе глагольных словоформ. Глагольные словоформы прош. времени не представили во всяком случае ни одного примера отступления, хотя количественные различия в показаниях двух социальных групп по этим словоформам самые разные, от статистически незначимых величин 0,001—0,015 (формы *созда́лось*, *придра́лись*, *прибы́л*) до 0,066 в распределении формы *напи́лись*. В распределении большей части глагольных словоформ наст. времени — те же различия и тоже с разными количественными расхождениями.

Именные словоформы единства в этом отношении не представляют. Акцентные варианты в *во́лнах*, *доску́*, *реку́*, *при́былей*, *о́траслей* несколько больше предпочитают лица со средним образованием; *в ре́ках*, *борозду́*, *в ше́рсти*, *призы́*, *фронто́в* — напротив, лица с высшим образованием.

Сделанные наблюдения вполне согласуются с социально-профессиональным распределением акцентных вариантов и, по-видимому, не нуждаются в особом комментарии. Понятно, что высшее образование, при всех частных отступлениях, предполагает большую степень выученности акцентным нормам, большую степень фиксирован-

ности внимания на этом. Естественно, что доступ новым акцентным фактам в такую речь несколько более затруднен.

Чтобы выяснить влияние социального положения говорящих на степень употребительности новых акцентных вариантов, обратимся к данным табл. 3.

Первое место по употребительности новых акцентных вариантов принадлежит группе студентов и рабочих (ср. величину $\bar{p}$ в табл. 3), следующее место занимают служащие, затем идет группа «нефилологи»; наибольшее соблюдение традиционных норм характеризует журналистов и писателей (они занимают последнее место в этом ряду) и группу филологов.

Распределение отдельных групп акцентных вариантов представляет некоторые отступления от общих данных, преимущественно за счет выхода на первые места по употребительности новых вариантов студентов — нефилологов и филологов (ср. распределение вариантов *в рéках*, *прúбылей* и др.). Не всегда определенно место служащих. В распределении вариантных форм наст. времени глаголов на *-ить* служащие оказываются большими «традиционалистами», чем журналисты и писатели. Особое, отличное от других групп распределение обнаружили варианты *бороздý и рекý* [2]. В целом же основное противопоставление — филологов, журналистов и писателей всем остальным группам выявляется и здесь (см. рис. 2).

В этих выводах нет ничего неожиданного. Важно, однако, что наши материалы могут не только определить места этих социальных групп по степени их подверженности влиянию акцентных новшеств, но и представить определенные количественные характеристики расхождений между этими группами и на этой основе полнее выяснить их взаимоотношения. Сравнивая средние показатели по употреблению новых акцентных вариантов во всех словоформах для каждой из социально-профессиональных групп:

Рабочие	— 0,589	Филологи	— 0,533
Служащие	— 0,562	Журналисты и писатели	— 0,499
Нефилологи	— 0,550		

[2] Это может свидетельствовать в пользу неисконности у данных слов подвижного ударения. Ср. также возрастное распределение и территориальное.

видим, что более значительные количественные расхождения характеризуют две крайние группы: рабочие, с одной стороны, журналисты, писатели — с другой. Расхождения выражаются здесь величиной 0,090 (т. е. они около 10%), в то время как расхождения в показаниях групп «рабочие» и «служащие» выражаются величиной 0,027, т. е. меньше

I — филологи;
II — нефилологи;
III — журналисты, писатели;
IV — служащие;
V — рабочие;
VI — студенты-филологи;
VII — студенты-нефилологи
1 — варианты *ведóмостей, отраслей, прúбылей*;
2 — варианты *дружúшь, подружúшься, зарáдят, помéстятся, распредéлит*;
3 — средняя употребительность вариантов;
4 — варианты *в вóлнах, в рéках*;
5 — варианты *налúл, отпúл, прибы́л, задáли, обнялся, создáлось, дождáлись, напúлись, поднялись, придрáлись, собрáлись*;
6 — варианты *борозды́, доскý, рекý*

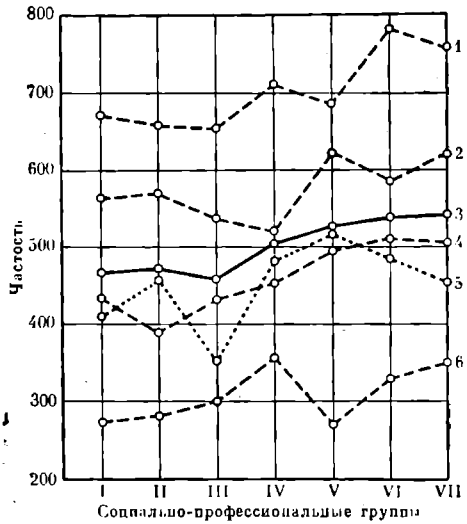

Рис. 2. Употребительность акцентных вариантов в зависимости от социально-профессиональной характеристики информантов

3%, что свидетельствует о значительной близости акцентных традиций в этих социальных группах [3].

4. Территориальная характеристика. В распределении акцентных вариантов важным оказывается и такой фактор, как место наиболее длительного пребывания говорящего. Известно, что те или иные акцентные тенденции получают различное выявление в пределах литературного языка и говоров, в свою очередь — говоров разных групп. Так, в южнорусских диалектах развитие некоторых акцентных тенденций идет в целом более быстрыми темпами, чем в литературном

[3] Констатируя сравнительно небольшие расхождения даже и между крайними группами, следует иметь в виду, что рассматриваются общеупотребительные слова.

Таблица 3

Распределение акцентных вариантов в зависимости от социально-профессиональной характеристики информантов

Социально-профессиональная группа	Вариант и его частость					
	всего ответов	*в вдлнах*	*в рёках*	P_1	всего ответов	*боровбй*
Филологи	341	0,099	0,760	0,429	337	0,402
Нефилологи	478	0,151	0,625	0,388	776	0,425
Журналисты, писатели	63	0,145	0,715	0,430	62	0,484
Служащие	896	0,142	0,765	0,453	872	0,578
Рабочие	424	0,195	0,810	0,502	412	0,365
Студенты-филологи	677	0,140	0,875	0,507	671	0,465
Студенты-нефилологи	171	0,135	0,880	0,507	170	0,448
Общая сумма; вариации	3050	0,096	0,255	0,119	3300	0,213

Таблица 3 (продолжение)

Социально-профессиональная группа	Вариант и его частость					
	воскў	*ретў*	P_2	всего ответов	*вёдомостей*	*отраслей*
Филологи	0,110	0,320	0,277	329	0,681	0,495
Нефилологи	0,126	0,294	0,281	754	0,700	0,485
Журналисты, писатели	0,122	0,290	0,298	62	0,599	0,615
Служащие	0,124	0,394	0,365	854	0,740	0,515
Рабочие	0,138	0,294	0,266	394	0,718	0,490
Студенты-филологи	0,155	0,397	0,339	659	0,890	0,495
Студенты-нефилологи	0,140	0,465	0,351	166	0,895	0,460
Общая сумма; вариации	0,045	0,175	0,099	3218	0,296	0,155

Таблица 3 (продолжение)

Социально-профессиональная группа	Вариант и его частость					
	прибылей	β_3	всего ответов	*в шерсти*	всего ответов	*к мосту*
Филологи	0,850	0,675	338	0,715	341	0,308
Нефилологи	0,800	0,661	771	0,759	794	0,395
Журналисты, писатели	0,760	0,658	63	0,681	62	0,210
Служащие	0,871	0,708	884	0,671	1111	0,495
Рабочие	0,880	0,696	415	0,752	433	0,398
Студенты-филологи	0,969	0,784	673	0,791	676	0,544
Студенты-нефилологи	0,941	0,765	168	0,739	171	0,550
Общая сумма; вариации	0,209	0,126	3312	0,120	3588	0,340

Таблица 3 (продолжение)

Социально-профессиональная группа	Вариант и его частость						
	всего ответов	*угол*	всего ответов	*приз*	всего ответов	*фронтов*	всего ответов
Филологи	338	0,460	343	0,815	334	0,955	336
Нефилологи	782	0,550	789	0,815	774	0,935	779
Журналисты, писатели	62	0,467	63	0,860	62	0,936	62
Служащие	887	0,583	900	0,765	875	0,931	880
Рабочие	418	0,642	429	0,810	412	0,943	416
Студенты-филологи	676	0,505	680	0,805	674	0,970	669
Студенты-нефилологи	171	0,488	170	0,835	173	0,951	167
Общая сумма; вариации	3134	0,182	3374	0,095	3304	0,039	3309

Таблица 3 (продолжение)

Социально-профессиональная группа	Вариант и его частость						
	напйл	*отпйл*	*прибйл*	*задйл*	*обнйлся*	*создйлось*	*дождйлись*
Филологи	0,720	0,789	0,043	0,155	0,762	0,094	0,487
Нефилологи	0,760	0,813	0,058	0,168	0,770	0,179	0,578
Журналисты, писатели	0,684	0,726	0,030	0,079	0,600	0,064	0,349
Служащие	0,832	0,871	0,088	0,222	0,825	0,130	0,581
Рабочие	0,842	0,898	0,077	0,232	0,900	0,166	0,636
Студенты-филологи	0,875	0,914	0,100	0,262	0,845	0,142	0,539
Студенты-нефилологи	0,870	0,928	0,076	0,147	0,840	0,122	0,497
Общая сумма; вариации	0,191	0,202	0,070	0,183	0,300	0,115	0,287

Таблица 3 (продолжение)

Социально-профессиональная группа	Вариант и его частость						
	напйлись	*поднйлись*	*прибрйлись*	*собрйлись*	$\bar{p}_i$	всего ответов	*дружились*
Филологи	0,400	0,135	0,630	0,290	0,409	339	0,923
Нефилологи	0,460	0,191	0,745	0,367	0,462	776	0,815
Журналисты писатели	0,335	0,048	0,725	0,226	0,351	62	0,888
Служащие	0,505	0,191	0,715	0,344	0,482	885	0,952
Рабочие	0,580	0,265	0,730	0,378	0,518	419	0,960
Студенты-филологи	0,545	0,141	0,705	0,338	0,491	678	0,935
Студенты-нефилологи	0,480	0,178	0,660	0,324	0,465	169	0,990
Общая сумма; вариации	0,245	0,217	0,115	0,152	0,167	3328	0,175

Таблица 3 (продолжение)

Социально-профессиональная группа	Вариант и его частость						
	подружится	*зарядят*	*поместятся*	*распределит*	$\bar{p}_5$	всего ответов	*искрится*
Филологи	0,840	0,484	0,521	0,070	0,567	340	0,681
Нефилологи	0,836	0,535	0,597	0,056	0,567	779	0,701
Журналисты, писатели	0,695	0,491	0,620	0,015	0,541	62	0,661
Служащие	0,885	0,195	0,500	0,063	0,519	881	0,858
Рабочие	0,920	0,600	0,544	0,074	0,619	419	0,888
Студенты-филологи	0,930	0,450	0,589	0,048	0,590	678	0,871
Студенты-нефилологи	0,940	0,570	0,556	0,041	0,619	170	0,851
Общая сумма; вариации	0,245	0,405	0,120	0,059	0,100	3329	0,227

Таблица 3 (окончание)

Социально-профессиональная группа	Вариант и его частость					
	всего ответов	*заснеженный*	*нагруженный*	*разворбленный*	$\bar{p}_6$	общая средняя частость ($\bar{p}$)
Филологи	340	0,958	0,605	0,900	0,821	0,533
Нефилологи	771	0,936	0,645	0,910	0,830	0,550
Журналисты, писатели	61	0,887	0,485	0,840	0,737	0,499
Служащие	879	0,941	0,635	0,910	0,828	0,562
Рабочие	410	0,939	0,633	0,914	0,828	0,589
Студенты-филологи	675	0,967	0,730	0,950	0,882	0,598
Студенты-нефилологи	168	0,941	0,652	0,930	0,841	0,587
Общая сумма; вариации	3304	0,080	0,245	0,110	0,145	0,099

языке. Северорусские говоры, напротив, в большей степени, чем литературный язык, сохраняют архаические акцентные черты. Свои особые акцентные системы имеют языки украинской и белорусский. Особенности акцентовки определенных разрядов слов, свойственные этим языкам, постоянно дают себя знать в речи русских лиц, живущих в этих или смежных языковых областях. Влияние украинских ударений на речь жителей южных областей России хорошо известно и неоднократно комментировалось в различных лингвистических работах.

Посредством Вопросника обследовалась речь лиц, владеющих литературным русским языком. Ответы на Вопросник по пункту «Место наиболее длительного пребывания» показывают, что особенности местной акцентовки достаточно живучи, они сохраняются и в речи людей, которых принято считать носителями русского литературного языка.

Данные табл. 4 демонстрируют, несмотря на наличие отдельных частных отклонений, достаточно определенную количественную распределенность ответов о предпочитаемом акцентном варианте в зависимости от территориальной принадлежности информанта. Наибольшая степень употребительности акцентных вариантов, объединенных по признаку «Новое в литературной традиции», характеризует речь лиц, местом наиболее длительного пребывания которых является Украина. Затем следует Белоруссия, Прибалтика, Юг России, Московская обл., Москва, Ленинград. Ряд замыкают области, объединенные под названием Север России. Ср.:

Украина	— 0,636	Московская обл.	— 0,561
Белоруссия	— 0,605	Москва	— 0,567
Прибалтика	— 0,604	Ленинград	— 0,548
Юг России	— 0,597	Север России	— 0,511

По этим данным обследованные информанты легко объединяются в три группы. В одну из них входят лица с Украины, из Белоруссии, Прибалтики и с Юга России; в другую — из Московской обл., Ленинграда и Москвы, третью составляют жители севернорусских городов. Эти различия в территориальном распределении акцентных вариантов вполне согласуются с отмеченными в литературе особенностями акцентного развития рассматриваемых словоформ в данных языковых областях.

Таблица 4

Распределение акцентных вариантов в зависимости от территориальной характеристики информантов

Территориальная группа	Вариант и его частость						
	всего ответов	*в облáх*	*в рéках*	$\bar{p}_1$	всего ответов	*борозды́*	*доскý*
Москва	952	0,122	0,815	0,468	940	0,425	0,095
Московская обл.	248	0,109	0,785	0,447	245	0,375	0,081
Ленинград	95	0,125	0,790	0,457	93	0,505	0,150
Север России	324	0,127	0,750	0,438	323	0,273	0,122
Юг России	694	0,132	0,815	0,473	691	0,425	0,140
Украина	305	0,200	0,915	0,557	303	0,570	0,340
Белоруссия	75	0,198	0,830	0,514	75	0,406	0,160
Прибалтика	206	0,160	0,742	0,451	204	0,565	0,220
Общая сумма; вариации	2899	0,091	0,173	0,119	2874	0,297	0,259

Таблица 4 (продолжение)

Территориальная группа	Вариант и его частость						
	рекý	$\bar{p}_2$	всего ответов	*ведóмостей*	*отрáслей*	*прúбылей*	$\bar{p}_3$
Москва	0,134	0,218	928	0,704	0,430	0,869	0,667
Московская обл.	0,164	0,206	239	0,768	0,406	0,926	0,700
Ленинград	0,244	0,299	88	0,561	0,665	0,658	0,628
Север России	0,635	0,343	313	0,761	0,448	0,860	0,689
Юг России	0,408	0,324	677	0,798	0,555	0,901	0,751
Украина	0,636	0,515	293	0,877	0,640	0,889	0,802
Белоруссия	0,382	0,316	72	0,789	0,548	0,890	0,742
Прибалтика	0,362	0,382	199	0,940	0,500	0,940	0,793
Общая сумма; вариации	0,502	0,309	2809	0,379	0,259	0,282	0,174

Таблица 4 (продолжение)

Территориальная группа	Вариант и его частость						
	всего ответов	*в шерсти*	всего ответов	*к мосту*	всего ответов	*угол*	всего ответов
Москва	945	0,759	974	0,285	952	0,590	969
Московская обл.	248	0,751	290	0,235	248	0,520	248
Ленинград	94	0,725	98	0,287	95	0,555	94
Север России	324	0,557	329	0,240	328	0,495	329
Юг России	693	0,785	695	0,553	695	0,505	699
Украина	305	0,668	306	0,588	307	0,530	308
Белоруссия	75	0,829	76	0,593	75	0,550	74
Прибалтика	203	0,829	206	0,720	206	0,610	206
Общая сумма; вариации	2887	0,272	2974	0,485	2906	0,115	2927

Таблица 4 (продолжение)

Территориальная группа	Вариант и его частость						
	призы	всего ответов	*фронтов*	всего ответов	*нами*	*отпил*	*привыл*
Москва	0,900	945	0,939	945	0,805	0,846	0,065
Московская обл.	0,870	245	0,962	244	0,825	0,927	0,083
Ленинград	0,840	94	0,850	93	0,580	0,663	0,053
Север России	0,740	324	0,957	325	0,585	0,718	0,052
Юг России	0,815	684	0,971	696	0,885	0,911	0,088
Украина	0,800	305	0,960	298	0,910	0,948	0,052
Белоруссия	0,810	75	0,961	75	0,810	0,869	0,143
Прибалтика	0,865	203	0,900	204	0,930	0,936	0,063
Общая сумма; вариации	0,160	2875	0,121	2880	0,350	0,285	0,091

Таблица 4 (продолжение)

Территориальная группа	Вариант и его частость							
	завели	обнялся	создалось	вождались	напились	поднялись	привыкались	собрались
Москва	0,123	0,845	0,104	0,648	0,500	0,179	0,750	0,356
Московская обл.	0,147	0,845	0,069	0,540	0,485	0,137	0,593	0,270
Ленинград	0,109	0,760	0,260	0,674	0,505	0,206	0,925	0,521
Север России	0,123	0,745	0,128	0,400	0,315	0,111	0,635	0,226
Юг России	0,340	0,835	0,127	0,563	0,575	0,199	0,690	0,376
Украина	0,138	0,780	0,214	0,629	0,645	0,258	0,850	0,495
Белоруссия	0,368	0,868	0,384	0,573	0,565	0,320	0,805	0,395
Прибалтика	0,315	0,805	0,256	0,574	0,650	0,194	0,845	0,378
Общая сумма; вариации	0,259	0,123	0,315	0,274	0,335	0,209	0,332	0,295

Таблица 4 (продолжение)

Территориальная группа	Вариант и его частость							
	p_i	всего ответов	дружились	подружились	заработал	поме-стятся	распре-делит	p_i
Москва	0,475	960	0,950	0,885	0,511	0,611	0,049	0,601
Московская обл.	0,447	246	0,965	0,923	0,611	0,585	0,045	0,625
Ленинград	0,478	94	0,885	0,828	0,344	0,630	0,100	0,557
Север России	0,367	325	0,960	0,788	0,583	0,338	0,040	0,541
Юг России	0,508	697	0,960	0,900	0,511	0,571	0,105	0,609
Украина	0,538	305	0,965	0,921	0,611	0,711	0,050	0,651
Белоруссия	0,554	75	0,990	0,935	0,414	0,489	0,080	0,581
Прибалтика	0,540	206	0,982	0,930	0,266	0,455	0,043	0,535
Общая сумма; вариации	0,187	2908	0,105	0,147	0,345	0,373	0,065	0,116

Таблица 4 (окончание)

Территориальная группа	Вариант и его частость							
	всего ответов	*искри́тся*	всего ответов	*засте́женный*	*назру́женный*	*раздро́бленный*	P_i	общая средняя частость (p)
Москва	953	0,780	945	0,956	0,680	0,930	0,855	0,567
Московская обл.	246	0,811	248	0,960	0,713	0,935	0,869	0,561
Ленинград	93	0,591	91	0,846	0,528	0,925	0,766	0,548
Север России	327	0,797	325	0,933	0,527	0,895	0,785	0,511
Юг России	694	0,815	690	0,960	0,680	0,910	0,850	0,597
Украина	306	0,935	302	0,957	0,595	0,860	0,804	0,636
Белоруссия	74	0,880	75	0,960	0,588	0,815	0,787	0,605
Прибалтика	206	0,770	205	0,922	0,820	0,940	0,894	0,604
Общая сумма; вариации	2999	0,344	2881	0,114	0,293	0,125	0,128	0,125

Так, известно [4], что тенденция к подвижному ударению в классе глаголов на *-ить*, (*дру́жишь*, *подру́жишься* и т. д.) наиболее отчетливо проявляется именно в южновеликорусских говорах, отсюда она медленно продвигается к северу, все более захватывая среднерусские говоры (подвижный тип, в частности, становится постепенно преобладающим в говорах Московской обл.). В северных диалектах основным остается тип с постоянным наконечным ударением.

В белорусском языке подвижный тип ударения развивается так же, как и в русском, шире распространено подвижное ударение по белорусским говорам.

В украинском языке эта тенденция развивается интенсивнее, чем в русском и белорусском.

Подобным же образом идет развитие тенденции к накоренному ударению и в формах прош. времени непродуктивных групп глаголов.

---

[4] Имеем в виду сведения Пироговой (см.: *Пирогова Н. К.* О некоторых тенденциях в развитии глагольного ударения. — Вестн. МГУ, 1959, № 3), обобщающей материалы Диалектологического атласа АН СССР и других источников.

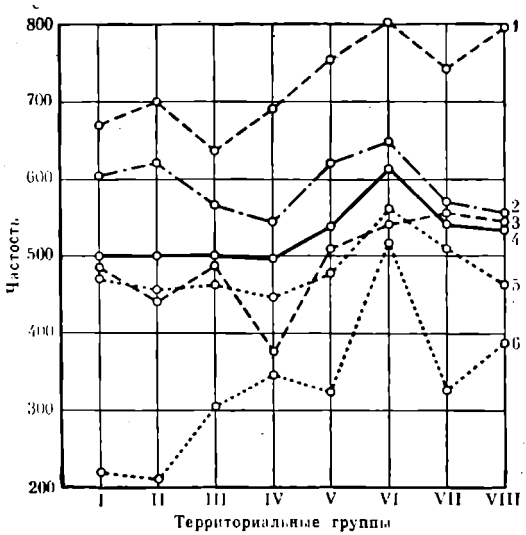

Рис. 3. Употребительность акцентных вариантов в зависимости от территориальной характеристики информантов

I — Москва; II — Московская обл.; III — Ленинград; IV — Север России; V — Юг России; VI — Украина; VII — Белоруссия; VIII — Прибалтика 1 — варианты *вёдомостей, бтраслей, прибылей*; 2 — варианты *дружишь, подружишься, зарядят, поместятся, распределит*; 3 — варианты *налил, отпил, прибрал, задали, обнялся, создалось, дождались, напились, поднялись, придрались, собрались*; 4 — средняя употребительность акцентных вариантов; 5 — варианты *в вблнах, в рёках*; 6 — варианты *бороздý, доскý, рекý*

Тенденция к накоренному ударению возникла, по мнению Пироговой, за пределами русского языка. «Все восточнославянские языки представляют в этом отношении связанную органически цепь, тенденция прогрессивно развивается от юго-западных украинских говоров к юго-восточным и дальше — к южнорусским и восточнобелорусским говорам» [5].

Москва и Московская обл., судя по нашим данным, составляют особую акцентную зону, достаточно удаленную и от зон с оптимальным развитием акцентных тенденций и от зон, предельно в этом смысле консервативных. Показательно, что к этой же зоне принадлежит Ленинград, обнаруживающий значительную общность в акцентовке рассматриваемых словоформ с Москвой (см. рис. 3).

[5] *Пирогова Н. К.* Указ. соч.

Мы говорим сейчас о территориально-акцентной зависимости в самых общих чертах. Очевидно, владея соответствующим диалектным материалом, ее можно проследить и во всех конкретных проявлениях, т. е. по отношению к каждой из словоформ, находя объяснения и для разного рода исключений в общем распределении акцентных вариантов. Но это особая задача.

Подчеркнем лишь важность полученных сведений для установления самого факта диалектного влияния на акцентную систему литературного языка. Известно, что в постоянном взаимодействии южнорусских и севернорусских акцентных особенностей в пределах литературного языка большая степень влияния [6] принадлежит сейчас именно южнорусским элементам. Это понятно, если учесть, что южнорусские говоры характеризует наиболее активное развитие акцентных тенденций, и это способствует в свою очередь быстрейшему развитию «точек роста» и в акцентной системе литературного языка. В таких условиях многие традиционно-литературные акцентные черты вытесняются. В какой степени это вытеснение можно допустить в литературном языке — дело языковой политики, которая, делая прогнозы относительно развития норм языка, должна учитывать, в частности, характер и зоны диалектного влияния на литературный язык.

Для более полного определения роли территориального фактора в распределении акцентных вариантов важно было бы проследить степень устойчивости местных акцентных черт в речи литературно говорящих людей, имея в виду длительность пребывания их в определенной языковой области и влияние семейных акцентных традиций.

Вопросником возможность изучения морфологических и, в частности, акцентных фактов с этой стороны предусмотрена. Здесь наряду с вопросом о месте наиболее длительного пребывания информанта содержится вопрос и о месте, где прошло его детство, а также вопрос о том, из какой местности происходят его родители (или воспитатели).

Этих данных, по-видимому, достаточно, чтобы определить, как влияют на складывание акцентных норм того

---

[6] Хронологически влияние южнорусских говоров начало преобладать со второй половины XIX в. (см.: *Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX в. М., 1954, с. 218).

или иного лица местные акцентные особенности: меняются ли акцентные нормы, усвоенные в детстве, с переменой места жительства и в какой степени меняются; что оказывает более сильное влияние на складывание этих норм — семейные акцентные традиции (в данном случае речь идет о влиянии языковых привычек матери) или местные.

К сожалению, при статистической обработке ответов на морфологический вопросник полученные данные были представлены в огрубленном виде. Ответы сопоставлялись только по признаку совпадения или несовпадения территориальной характеристики, при этом самый факт несовпадения никак не комментировался. Между тем очевидно, что в одном случае изменение языковой области может иметь своим результатом разрушение местных акцентных черт в речи информанта, если это языковые области с разными акцентными особенностями и разными тенденциями акцентного развития (например, Север России и Юг России), и усиление их, если это области со сходными акцентными признаками, но в одной из них эти признаки развились больше, чем в другой (Юг России и Украина).

Поскольку в имеющихся материалах характер изменения языковой области для информанта не указан, представленные в нем расхождения в ответах трудно интерпретировать точно. Однако и этот материал, как нам кажется, представляет известную ценность для решения поставленного вопроса.

Мы рассматриваем с этой точки зрения только группу глагольных словоформ прош. и наст. времени (включая в последнюю группу соответствующие причастия), территориальная акцентная характеристика которых представлена в лингвистической литературе более полно.

Обе группы словоформ обнаружили весьма сходное распределение ответов в зависимости от названных факторов.

Так, по признаку «совпадает/не совпадает место, где прошло детство информанта и место наиболее длительного его пребывания» в глагольных словоформах прош. времени ответы о предпочитаемом акцентом варианте распределились следующим образом [7]:

---

[7] Здесь, как и ранее, приведенные частости характеризуют употребление новых в литературной традиции акцентных вариантов.

	Место наиболее длительного пребывания	Место детства и место наиболее длительного пребывания совпадают	Место детства и место наиболее длительного пребывания не совпадают
Москва	0,476	0,490	0,486
Московская обл.	0,449	0,444	0,470
Ленинград	0,480	0,485	0,399
Север России	0,360	0,360	0,380
Юг России	0,505	0,511	0,486
Украина	0,540	0,540	0,460

То же явление можно отметить в глагольных словоформах наст. времени:

	Место наиболее длительного пребывания	Место детства и место наиболее длительного пребывания совпадают	Место детства и место наиболее длительного пребывания не совпадают
Москва	0,694	0,710	0,694
Московская обл.	0,717	0,720	0,695
Ленинград	0,635	0,655	0,600
Север России	0,633	0,641	0,679
Юг России	0,699	0,696	0,660
Украина	0,709	0,710	0,645

Эти данные свидетельствуют о том, что при совпадении территориальных признаков «место детства» и «место наиболее длительного пребывания информанта» величина частости либо совпадает с величиной, приведенной в графе 1 (место наиболее длительного пребывания информанта), либо несколько ее превосходит. При несовпадении признака эти величины различны. По ряду территорий несовпадения величины частости однопланов и легко могут быть объяснены, исходя из характеристики местных особенностей акцентовки. Так, при несовпадении территории Север России и в той и в другой группе словоформ (глаголы прош. времени и глаголы наст. времени) можно видеть увеличение частости. Это будет понятно, если учесть, что области Севера России характеризуются наибольшей консервативностью акцентных норм и, следовательно, несовпадение территориального признака, сви-

детельствующее о том, что детство информанта прошло в какой-то иной языковой области, означает для него в любом случае большую возможность усвоения новых акцентных черт. Напротив, несовпадение таких территорий, как Юг России и Украины [8], отличающихся наибольшей частостью употребления новых акцентных вариантов, должно в этих условиях означать для информанта меньшую возможность усвоения новых акцентных черт.

Влияние этого фактора очевидно, однако, лишь при сопоставлении языковых областей, резко отличающихся нормами акцентовки.

Такие же территории, как Ленинград, Москва, Московская обл., представляющие, как было показано выше, одну акцентную зону, не обнаруживают столь же очевидных различий при совпадении/несовпадении территориального признака.

Итак, приведенные данные не позволяют выявить роль территориального фактора в распределении акцентных вариантов с одинаковой точностью для всех территориальных групп. Однако они позволяют судить о том, что такое понятие, как территориальное акцентное влияние, вполне реально. Этот фактор оказывает воздействие на использование акцентных вариантов.

[8] Территории Белоруссии и Прибалтики в данное рассмотрение не включались.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный материал подтверждает выдвинутые выше предположения о грамматическом факторе как главной движущей силе акцентуационных перемещений в кругу форм словоизменения. Принцип грамматической целесообразности, постепенно формирующийся в языке, является, несомненно, основным ориентиром в сложном и неустойчивом состоянии современного ударения, о чем свидетельствует весь материал, приведенный в книге. Влияние грамматического фактора особенно отчетливо проявляется в именном словоизменении, где диахронически продуктивным оказывается подвижное ударение, способствующее созданию акцентно-числовой противопоставленности. Вместе с тем случаи особой акцентовки в пределах полупарадигмы ед. числа и мн. числа, которые не несут грамматической нагрузки, постепенно вытесняются. Таким «обреченным» в какой-то степени фактом является корневое ударение в полупарадигме ед. числа имен жен. рода на -а (избу), ударение на флексии в формах косвенных падежей мн. числа (горам, горами, горах), ударение на флексии в формах местн. падежа имен жен. рода с основой на мягкий согласный (в горсти, в степи) и др. Конечно, речь идет об очень далекой языковой перспективе, поскольку литературная традиция достаточно устойчива, к тому же есть возможность эти «нецелесообразные» грамматические формы использовать в какой-то мере для семантических и иных разграничений. Правда, это последнее обстоятельство не может быть гарантией долгой жизни вариативных ударений. Как показывают исследования [1], акцентные варианты маркированы главным образом по временной шкале (устарелое, устаревающее, новое). Стилевая же их маркированность не отличается ни регулярностью, ни контрастностью. Роль семантической и сочетаемостной дифференциации в современном языке тоже оказывается незначительной.

---

[1] *Горбачевич К. С.* Вариантность слова и языковая норма. Автореф. докт. дис. Л., 1975, с. 22—23.

Признавая роль грамматического фактора наиболее существенной, нельзя отрицать действие других факторов, имеющих более ограниченное выявление [2].

К языковым факторам, определяющим особенности акцентуации слова и ограничивающим в определенных случаях действие грамматического фактора, относится, как показывают исследования, морфонологический фактор (число слогов, место ударения в исходной словоформе, характер конечной согласной, беглость или небеглость гласной в основе), морфологический (наличие определенных суффиксов) и семантический [3].

Отмечалось, например, что переход к подвижности (усвоение схемы с) в кругу односложных имен существительных мужск. рода осуществляется в пределах слов, обладающих определенным морфонологическим признаком, (начальное ударение в исходной словоформе: (колокол, мастер, бал) и определенным семантическим признаком: названия нерасчлененных однородных масс — абстрактных понятий, пространств, поверхностей, направлений (семантические группы, «сильно склонные к с»), названия коллективов, оград, четко отграниченных территорий, помещений, больших вместилищ, термины родства (семантические группы, «умеренно склонные к с») и т. д.

Было отмечено также, что среди акцентных изменений, имевших место у имен существительных муж. рода достаточно часты случаи перехода к ударению на флексии (схема *в*). (В группе односложных имен существительных муж. рода эти изменения даже преобладают). Очевидно, в подобной замене ударения нет грамматической целесообразности. Она осуществляется под влиянием морфонологического фактора, определяющего процесс формального уподобления. Переход к флексийному ударению характерен, например, для некоторых групп непроизводных (и заимствованных) имен с суффиксами или суффиксоподобными элементами типа -ак (-як), -ун, -ык и др., которые уподобляются соответствующим русским суф-

---

В этом смысле можно согласиться с утверждением К. С. Горбачевича, что изменение ударения и появление акцентного варьирования не имеет универсальной причины (*Горбачевич К. С.* Указ. соч., с. 17).

Зализняк А. А. Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода. — В кн.: Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. Изд-во МГУ, 1977.

фиксам, определяющим акцентный тип с ударением на флексии.

Действие морфонологического фактора имеет место и в кругу односложных имен существительных муж. рода. Ударение на флексии (схема в) получают имена существительные с исходом основы на согласную +т, на щ.

В изменении глагольного ударения, как было показано, принцип грамматической целесообразности выявляется слабо. В глагольном ударении наиболее активным оказывается именно воздействие аналогии, формального уподобления, что наблюдается и в кругу форм одного глагола (выравнивание ударения по инфинитиву) и разных глагольных групп. Как правило, последние изменения не имеют единого направления (ср. уменьши́ть → уме́ньшить, но усугу́бить → усугуби́ть). Определенную роль играют здесь семантико-словообразовательные связи и слоговая структура.

Было показано также, что не все изменения, «запрограммированные» системой языка, реализуются и что это в значительной степени определяется явлениями узуального порядка. Поэтому в числе факторов, определяющих судьбу акцентных вариантов, необходимо назвать и такой, как диапазон стилистической окрашенности.

Этим обусловлены колебания, различия в акцентуации слов, употребительных в разных речевых сферах, и те различные типы конфликтов, которые наблюдаются между индивидуальной и нормативной акцентуацией.

Таким образом, действие тенденции грамматикализации оказывается осложненным действием ряда факторов. Поэтому эта тенденция не всегда очевидна.

В заключение можно сказать, что в таком сложном явлении, как современное русское ударение, многое с течением времени нам становится более ясным. И это происходит, кажется, не только потому, что мы лучше знаем русское ударение, лучше изучили его закономерности, но и потому, что сами эти закономерности выявляются отчетливей, в результате действия вполне определенных проанализированных в работе причин.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И. Ударение в современном русском литературном языке. М., 1955, 2-е изд. М., 1958.

Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка, ч. I. Фонетика и морфология. М., 1945.

Агрель С. Наблюдения над колебанием ударения в русском глаголе. Стокгольм, 1917.

Арапова Н. С. Вóззриться или воззри́ться. Рус. яз. в нац. школе. 1965, № 1.

Афанасьева А. С. Структура акцентуационной парадигмы двухсложных существительных женского рода на *-а(-я)* в городском просторечии. — Изв. Воронежского пед. ин-та, 1968, т. 81.

Афанасьева А. С. О развитии перемещающегося ударения односложных существительных мужского рода в устной речи (На материале речи жителей Воронежа). — Учен. зап. Курского пед. ин-та, 1970, т. 72.

Афанасьева А. С. Перемещающееся ударение двухсложных существительных женского рода с морфонологической финалью — мягкий согласный в устной речи городского населения (На материале речи жителей Воронежа). — Изв. Воронежского пед. ин-та, 1972, т. 116.

Бромлей С. В. Форма 2-го лица множественного числа изъявительного наклонения в русских говорах северо-восточной диалектной зоны. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. 1974. М., 1976.

Бромлей С. В. О следах общеславянской *с* парадигмы в акцентной системе русского глагола (на материале говоров). В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. 1976, М., 1978.

Будде Е. Ф. Опыт грамматики языка А. С. Пушкина. — Сб. ОРЯС, АН СПб., 1904, т. 77.

Булаховский Л. А. Восточнославянские языки как источник реконструкции общеславянской акцентологической системы. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1946, т. 5, вып. 6.

Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка, т. 2 (Исторический комментарий). Киев, 1953.

Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX в. М., 1954.

Булаховский Л. А. Сравнительно-исторический комментарий к восточнославянскому ударению. Ударение множественного числа имен существительных. — Труды филолог. фак. Харьковского ун-та, 1958, т. 6.

Булаховский Л. А. Сравнительно-исторические заметки к ударению русского глагола. Возвратные глаголы. — В кн.: Доклады и сообщения Ин-та рус. яз. АН СССР, М.—Л., 1948, вып. 1.

Ван-Вейк Н. К формам *родила́, родился́* и т. д. — Изв. Отд. рус-

ского языка и словесности Академии Наук, 1921, т. XXIII, вып. 1.
Васильев Л. Л. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв. Л., 1929.
Васильев Л. Л. Заметка об акцентовке несклоняемого причастия на *-л*. Журн. Министерства народного просвещения, 1905, авг.
Веселовская З. Н. Особенности восточнославянского ударения конца XVI—начала XVII веков. — Учен. зап. Харьковского пед. ин-та ин. языков, 1959, т. 5.
Воронцова В. Л. О нормах ударения в глаголах на *-ить* в современном русском литературном языке. — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 2, М., 1959.
Воронцова В. Л. Ударение в глаголах на *-ировать*. — Русский язык за рубежом, 1967, № 2.
Воронцова В. Л. О тенденциях развития современного русского литературного ударения. — Рус. яз. в нац. школе, 1968, № 4.
Востоков А. Х. Русская грамматика. СПб., 1831.
Гомон-Дзюбанова Н. М. Колебания в области современного русского ударения (На материале поэзии 1935—1955 гг.). — Научн. зап. Нежинского пед. ин-та, 1958, т. 6, вып. 2.
Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971.
Горбачевич К. С. Вариантность ударения в предложных сочетаниях (энклитика и проклитика). — РЯШ, 1972, № 6.
Горбачевич К. С. Вариантность ударения в форме инфинитива. — РЯШ, 1974, № 5.
Горбачевич К. С. Отбор и характеристика акцентологических вариантов в словарях современного русского языка. — В кн.: Современная русская лексикография. Л., 1975.
Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.
Грамматика русского языка, т. 1, Морфология, М., 1952.
Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
Грот Я. К. О русском ударении вообще и об ударении имен существительных. — В кн.: Труды, т. 2. Филологические разыскания. СПб., 1899.
Грот Я. К. О глаголах с подвижным ударением. В кн.: Труды, т. 2. Филологические разыскания, СПб., 1899.
Грот Я. К. О спряжении русского глагола и важности в нем ударения. — В кн.: Труды, т. 2. Филологические разыскания. СПб., 1899.
Дыбо В. А. О реконструкции ударения в праславянском глаголе. — Вопросы славянского языкознания, 1962, вып. 6.
Дыбо В. А., Иллич-Свитыч В. М. К истории славянской системы акцентуационных парадигм. — В кн.: Славянское языкознание. М., 1963.
Дыбо В. А. Древнерусские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения (Praesens). — ВЯ, 1969, № 6.
Дыбо В. А. Закон Васильева-Долобко и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском. — ВЯ, 1971, № 2.
Дыбо В. А. О фразовых модификациях ударения в праславянском. — Советское славяноведение, 1971, № 6.
Дыбо В. А. Реконструкция ударения *l*-причастия от глаголов на *-nQ* и *-i* в праславянском (южнославянские и восточнославянские

акцентные системы). — В кн.: Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.

Еськова Н. А. Картотека по современному русскому ударению. — В кн.: Лингвистические источники. Фонды Института русского языка. М., 1967.

Зализняк А. А. Ударение в современном русском склонении. — Рус. яз. в нац. школе, 1963, № 2.

Зализняк А. А. Условное ударение в русском словоизменении. — ВЯ, 1964, № 1.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967.

Зализняк А. А. Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода. — В кн.: Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.

Иванова Т. А. Из истории именного склонения (К вопросу о происхождении именительного-винительного падежа множественного числа мужского рода на *-а* в русском языке). — ВЯ, 1957, № 6.

Иванова Т. А. Именительный множественного на *-á* (*родá*, *тенорá*, *госпиталя́*) в современном русском языке. — В кн.: Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1967.

Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963.

Ирачек И. Ударение существительных с суффиксом *-аж* в современном русском литературном языке. — Русский язык за рубежом, 1969, № 2.

Кипарский В. Р. О колебаниях ударения в русском литературном языке. 1. Односложные имена существительные. Хельсинки, 1950.

Касвин Г. А. Основы настоящего времени глаголов 2-го спряжения. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. 3. М.—Л., 1949.

Колесов В. В. Ударение Neutra *о*-основ в древнерусском языке. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1968, т. XVIII, вып. 1.

Колесов В. В. Развитие словесного ударения в современном русском произношении. — В кн.: Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1967.

Колесов В. В. История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л., 1972.

Кривопустова З. Н. Ударение в русском литературном языке начала XVIII в. («Ведомости» 1703—1707 гг.). Автореф. канд. дис. Куйбышев, 1954.

Кривопустова З. Н. Из истории ударения русского глагола. («Ведомости» 1703—1707 гг.). — Учен. зап. Куйбышевского пед. ин-та, 1959, вып. 26.

Кривопустова З. Н. Особенности ударения имен существительных в русском литературном языке начала XVIII века («Ведомости» 1703—1707). — Учен. зап. Куйбышевского пед. ин-та, вып. 40, 1963.

Курилович Е. Система русского ударения. — В кн.: *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962.

Маевская Н. Ударение как средство различения слов и их грамматических форм. — Рус. яз. в нац. школе, 1965, № 6.

Матвеева Н. А. Ударение в глаголах в современном русском языке. — Русский язык за рубежом, 1967, № 1.

Матвеева Н. А. Ударение имен существительных и категория рода в современном русском языке. — Русский язык за рубежом, 1967, № 4.

Молчанова С. Ф. Нормы ударения в стихотворном языке Пушкина и их отношение к современным (Ударение в системе глагола). — Автореф. канд. дис. Ярославль, 1954.

Молчанова С. Ф. Ударение подвижного типа в формах прошедшего времени глагола. — Учен. зап. Ярославского пед. ин-та, 1958, вып. XXVIII (XXXVIII).

Молчанова С. Ф. Нормы ударения «односложных» форм прошедшего времени глаголов в языке советских поэтов. — В кн.: Доклады на научных конференциях, т. 3, вып. 2. Ярославль, 1964.

Молчанова С. Ф. О нормах и стилевых функциях ударения (На материале глагольного ударения Пушкина и поэтов, его современников). — В кн.: Вопросы русского языка, вып. 2, Ярославль, 1969.

Музыченко А. С. Имена существительные с ударением колеблющимся или отступающим от норм современного литературного языка в стихотворном языке Н. А. Некрасова. — В кн.: Вопросы русского языка, вып. 3, Ярославский гос. пед. ин-т, 1969.

Музыченко А. С. Ударение в склонении имен существительных женского и мужского рода на *-а(-я)* в поэтическом языке Н. А. Некрасова. Там же.

Музыченко А. С. Перенос ударения с существительных на предлоги в поэтическом языке Н. А. Некрасова. — В кн.: Вопросы русского языка, вып. 6, Ярославский гос. пед. ин-т, 1969.

Музыченко А. С. Перенос ударения с существительных на предлоги в русском языке. — РЯШ, 1971, № 5.

Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке, вып. 1. Единственное число. Л., 1927; вып. 2. Множественное число. Л., 1931.

Огиенко И. И. Русское литературное ударение. — Словарь ударений в русском языке и правила русского ударения. Киев, 1914.

Ожегов С. И. Существительные на *-аж* в русском языке. — В кн.: *Ожегов С. И.* Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.

Пирогова Н. К. О некоторых тенденциях в развитии типов глагольного ударения. — Вестн. МГУ, 1959, № 3.

Пирогова Н. К. Развитие типов ударения в глаголах первого непродуктивного класса. — Филолог. науки, 1959, № 2.

Пирогова Н. К. Акцентологические процессы в системе глаголов с тематическим *-и-*. — В кн.: Славянская филология, вып. 5, М., 1963.

Пирогова Н. К. О нормах и колебаниях в ударении (На материале глагола). — Филолог. науки, 1967, № 3.

Прокопович-Антонский А. А. Замечания о русском ударении. — В кн.: Труды общества любителей российской словесности, ч. IV. М., 1812.

Раздорова Н. П. Глаголы с подвижным ударением в поэтическом языке Н. А. Некрасова. — В кн.: Вопросы русского языка, вып. 3, Ярославский гос. пед. ин-т, 1969.

Редькин В. А. Акцентология современного русского литературного языка. М., 1971.

Редькин В. А. Об акцентных соотношениях имени и глагола в современном русском литературном языке. — ВЯ, 1965, № 3.
Редькин В. А. О понятии продуктивности в акцентологии. — Русск. яз. в нац. школе, 1965, № 2.
Русский язык по данным массового обследования, опыт социально-лингвистического исследования. М., 1974.
Суперанская А. В. О произношении студенческой молодежи. — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 5. М., 1964.
Федянина Н. А. Ударение в современном русском языке. М., 1976.
Фидровская А. С. К вопросу о процессе и факторах новообразования на *-а* в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода. — Учен. зап. Казанского гос. ун-та, 1952, т. 112, кн. 6.
Фидровская А. С. Имена существительные мужского рода с формами на *-а* в именительном падеже множественного числа. Казань, 1961.
Хазагеров Т. Г. О дистрибуции типов ударения в системе именного склонения общеславянских Neutra (по материалам русских акцентуированных памятников). — Вестн. МГУ, 1960, № 3.
Хазагеров Т. Г. Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. М., 1973.
Хазагеров Т. Г. Ударение как средство дифференциации грамматических форм. — ВЯ, 1973, № 4.
Хамм И. Оппозиция ударения в славянских языках. — В кн.: IV Международный съезд славистов, т. 2. Проблемы славянского языкознания. М., 1962.
Хренова Н. И. Ударение имен существительных мужского рода в русском языке XVII—XVIII вв. — В кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971.
Чернышев В. И. Законы и правила русского произношения. СПб., 1908.
Чернышев В. И. Русское ударение. СПб., 1912.
Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи. Части речи. СПб., 1915.
Черных П. Я. Язык Уложения 1649 г. М., 1953.
Шелюто Г. А. Русское ударение. ч. 1. Ужгород, 1962.
Шахматов А. А. К истории ударений в славянских языках. — Сб. ОРЯС, 1901, т. 67, № 8.
Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957.
Beaulieux L. L'extension du pluriel masculin en *-á*, *-ú* en russe moderne. — Mémoires de la Société de linguistique de Paris, 1913, t. XVIII, fasc. 3.
Boyer P. De l'accentuation du verbe russe. Paris, 1895.
Garde P. Accentuation et morphologie. — La linguistique, 1965, N 2.
Garde P. Pour une théorie de l'accentuation russe. — Slavia, 1965, N 4.
Garde P. L'évolution de l'accent russe: quelques tendances. — Institut de linguistique générale et d'études orientales et slaves. Cahiers de linguistique, d'orientalisme et de slavistique, N 3—4. Université de Provence. Отд. оттиск.
Hingley R. F. The stress of Russian Nouns in *a*/*-ja* under Inflection. — The Slavonic and East European Review. London, 1952, XXXI, N 76.

Jakobson R. The relationship between genitive and plural in the declension of Russian nouns. — In: *Jakobson R.* Selected Writings, v. 2. The Hague, 1971.
Kiparsky V. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962.
Nickolson J. G. Russian Normative Stress Notation. Montreal, 1968.
Olechnowicz M. Tendencje rozwojowe akcentu rosyjskiego. — Rozprawy komisji językowej. Łódźkie t-wo naukowe. Łódź, 1965, t. XI.
Olechnowicz M. Teoretyczne zasady dystrybucji rosyjskiego akcentu wyrazowego. Łódź, 1974.
Stang Chr. La langue du livre «Ученіе и хитрость ратного строенія пѣхотныхъ людей». Oslo, 1952.
Stang Chr. Slavonic accentuation. Oslo, 1957.
Tesniére L. Petite grammaire russe. Paris, 1945.
Tesniére L. L'opposition morphologique de l'accent dans le substantif russe. — Travaux publ. par L'Institut des ètudes slaves. Paris, 1953, N 17.
Wan Wijk N. Zur Betonung der Verba mit Stammbildenden *-i-*. — Archiv für slavische Philologie, 1918, t. XXXVII.
Worth Dean S. Grammatical Functions and Russian stress. — Language, 1968, N 4.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ*

Авдон. — *Авдонин А.*	Хорошие знакомые. Калуга, 1958.
Акс. — *Аксаков И.*	Стихотворения и поэмы. Б-ка поэта. Л., 1960.
С. Акс. — *Аксаков С.*	Собрание сочинений в 4-х т. Т. 3. М., 1955—1956. Избранные стихотворения. М., 1956.
Алекс. — *Алексеев Н.*	Поэмы и стихотворения. Новосибирск. 1956.
Алиг. — *Алигер М.*	Избранное. М., 1947; Стихотворения. М., 1958.
Алтауз. — *Алтаузен Дж.*	Избранные стихи. М., 1936; Избранное. М., 1957.
Алым. — *Алымов С.*	Стихи и песни. М., 1953; Избранное. М., 1953.
Анненск. — *Анненский И.*	Стихотворения и трагедии. Б-ка поэта. Л., 1959.
Анток. — *Антокольский П.*	Избранные сочинения в двух томах. М., 1956.
Апухт. — *Апухтин А.*	Сочинения в 2-х т. Т. 1. СПб., 1895.
Ас. — *Асеев Н.*	Памяти лет. Сборник стихов. М., 1956. Собрание стихотворений в 4-х т. Т. I—IV. М.—Л., 1931.
Ахмат. — *Ахматова А.*	Стихотворения. М., 1961.
Багр. — *Багрицкий Э.*	Собр. соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1938; Избранное. М., 1948.
Барат. — *Баратынский Е.*	Полное собрание стихотворений в 2-х т. Т. I—II. Б-ка поэта. Л., 1936.
Бат. — *Батюшков К.*	Сочинения в 3-х т. Т. 1. СПб., 1885—1887; Сочинения. М., 1955.
Бакалд. — *Бакалдин В.*	Моим друзьям. Краснодар, 1952.
Бедн. — *Бедный Д.*	Собрание сочинений в 5-ти т. Т. I—V. М., 1953—1954. Избранное. М., 1935.
Безым. — *Безыменский А.*	Избранные произведения в 2-х т. Т I—II. М., 1958.
Бенед. — *Бенедиктов В.*	Стихотворения в 3-х т. Т. I—III. СПб. — М., 1884; Стихотворения. Б-ка поэта, Л., 1948.
Бест. — *Бестужев—Марлинский А.*	Собрание стихотворений. Б-ка поэта. Л., 1948.

* В список включены произведения только тех авторов, на которых имеются ссылки в тексте.

Блок — *Блок А.*	Собрание сочинений в 12-ти т. Л., 1932—1936.
Богд. — *Богданович И.*	Собрание сочинений и переводов в 4-х частях. Ч. I—III. М., 1818.
Бок. — *Боков В.*	Заструги. Стихи. М. 1958; Яр-Хмель. Стихи, 1958.
Брюс. — *Брюсов В.*	Избранные сочинения в 2-х т. Т. I—II. М., 1955; Избранные стихотворения. М., 1945. Стихотворения. Б-ка поэта. Л., 1952.
Бун. — *Бунин И.*	Собрание сочинений в 5-ти т. Т. I—V. М., 1956. Стихотворения. Б-ка поэта. Л., 1956.
Вас. — *Васильев П.*	Избранные стихотворения и поэмы. М., 1957.
С. Вас. — *Васильев С.*	Избранное. М., 1950.
Винок. — *Винокуров Е.*	Военная лирика М., 1956.
Венев. — *Веневитинов Д.*	Полное собрание сочинений. М.—Л., 1934.
Возн. — *Вознесенский А.*	Парабола. Стихи. М., 1960; Мозаика. Стихи и поэмы. М., 1960.
Вост. — *Востоков А.*	Стихотворения. Б-ка поэта. Л., 1935.
Вяз. — *Вяземский П.*	Полное собрание сочинений, в 12-ти т. Т. III, IV. СПб., 1880; Т. XI. СПб., 1887; Т. XII. СПб., 1896; Стихотворения. Б-ка поэта. Л., 1958.
Глин. — *Глинка Ф.*	Избранные произведения. Б-ка поэта. Л., 1957.
Гнед. — *Гнедич Н.*	Полное собрание поэтических сочинений и переводов, в 3-х т. Т. I—III. СПб., 1905.
Гог. — *Гоголь Н.*	Ганц Кюхельгартен (Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 1. М., 1950).
Гриб. — *Грибоедов А.*	Сочинения. Л., 1945.
Грибач. — *Грибачев Н.*	Стихотворения и поэмы в 2-х т. Т. I—II. М., 1958.
Григ. — *Григорьев А.*	Избранные произведения. Б-ка поэта. Л., 1959.
Гус. — *Гусев В.*	Сочинения в 2-х т. Т. I—II. М., 1955.
Давыд. — *Давыдов Д.*	Стихотворения. Б-ка поэта. Л., 1950.
Дельв. — *Дельвиг А.*	Полное собрание стихотворений. Б-ка поэта. Л., 1934.
Держ. — *Державин Г.*	Сочинения в 6-ти т. Т. I—III. СПб., 1864—1883; Стихотворения. Б-ка поэта. М., 1947.
Дмитр. — *Дмитриев И.*	Сочинения в 2-х т. Т. 1, СПб., 1895; Н. Карамзин, И. Дмитриев. Избранные стихотворения. Б-ка поэта. Л., 1953.
Добр. — *Добролюбов Н.*	Стихотворения. Б-ка поэта. Л., 1941.
Дрож. — *Дрожжин С.*	Стихотворения. Б-ка поэта. Л., 1949.
Друн. — *Друнина Ю.*	Ветер с фронта. Лирика. М., 1958.

Дуд. — *Дудин М.*	Цветам цвести! Избранные стихотворения и поэмы. Л., 1958; Соловьи. М., 1956.
Евтуш. — *Евтушенко Е.*	Стихи разных лет. М., 1959; Обещание. Стихи. М., 1957; Книга лирики. М., 1955.
Есен. — *Есенин С.*	Собрание сочинений в 4-х т. Т. I—IV. М.—Л., 1926—1927.
Ерш. — *Ершов П.*	Конек-горбунок. Стихотворения. Б-ка поэта. Л., 1961.
Жар. — *Жаров А.*	Избранные произведения в 2-х т. Т. I—II. М., 1954.
Жук. — *Жуковский В. А.*	Полное собрание сочинений в 12-ти т. Т. I—XII. СПб., 1902.
Зах. — *Захарченко В.*	Кровью этой земли. М., 1943; С открытым сердцем. М., 1947.
Ивн. — *Ивнев Р.*	Избранные стихотворения. Тбилиси, 1945.
Изм. — *Измайлов А. Е.*	Полное собрание сочинений в 3-х т. Т. 1, М., 1890.
Инб. — *Инбер В.*	Избранные произведения в 3-х т. Т. 1. М., 1958; Избранное. М., 1950.
Исак. — *Исаковский М.*	Сочинения в 2-х т. Т. I—II. М., 1956.
Каменск. — *Каменский В.*	Поэмы. М., 1958; Избранное. Стихи. М., 1934.
Капн. — *Капнист В.*	Собрание сочинений, в 2-х т. Т. I—II. М.—Л., 1960.
Карамз. — *Карамзин Н.*	Сочинения в 13-ти т. Т. 1. Стихотворения. Пг., 1917; Карамзин Н., Дмитриев И. Избранные стихотворения. Б-ка поэта. Л., 1953.
Катен. — *Катенин П.*	Стихотворения. Б-ка поэта. Л., 1954.
Кедр. — *Кедрин Д.*	Избранное. М., 1957.
Кирс. — *Кирсанов С.*	Стихотворения и поэмы. М., 1951.
Княж. — *Княжнин Я.*	Избранные произведения. Б-ка поэта. Л., 1961.
Козл. — *Козлов И.*	Стихотворения. СПб., 1892.
Кольц. — *Кольцов А.*	Полное собрание сочинений. СПб., 1909.
Крыл. — *Крылов И.*	Полное собрание сочинений в 4-х т. Т. I—IV. СПб., 1904—1905.
Курочк. — *Курочкин В.*	Собрание стихотворений. Б-ка поэта. Л., 1947.
Кюх. — *Кюхельбекер В.*	Лирика и поэмы. Б-ка поэта. Л., 1939; Стихотворения. Л., 1952.
Леб.-Кумач. — *Лебедев-Кумач В.*	Стихотворения и песни. Л., 1950.
Лерм. — *Лермонтов М.*	Полное собрание сочинений в 4-х т. Т. I—II. Л., 1939; Полное собрание сочинений, в 4-х т. Т. I—III, М.—Л., 1947.
Ломон. — *Ломоносов М.*	Сочинения в 5-ти т. Т. 1. СПб., 1891.

Луг. — *Луговской В.* Избранные произведения в 2-х т. Т. I—II. М., 1956.

Майк. — *Майков А.* Полное собрание сочинений в 4-х т. Т. I—IV. СПб., 1901.

В. Майк. — *Майков В.* Поэты XVIII в. Б-ка поэта. Л., 1958.

Март. — *Мартынов Л.* Лукоморье. Стихи. М., 1945; Стихи. 1957; Лирика. М., 1958.

Маяк. — *Маяковский В.* Полное собрание сочинений в 13-ти т. Т. I—XIII. М., 1955—1958.

Мей — *Мей Л.* Стихотворения и драмы. Б-ка поэта. Л., 1947.

Мерзл. — *Мерзляков А.* Стихотворения. М., 1867; Стихотворения. Б-ка поэта. Л., 1958

Мин. — *Минаев Д.* Собрание стихотворений. Б-ка поэта. Л., 1947.

Мих. — *Михайлов М.* Собрание стихотворений. Б-ка поэта, Л., 1953; Стихотворения. Б-ка поэта. Л., 1950.

Молчан. — *Молчанов И.* Сборник стихотворений. Б-ка поэта. Л., 1953. Золотой полдень. Стихи. М., 1954.

Мурав. — *Муравьев М.* Поэты XVIII века. Б-ка поэта. Л., 1958.

Мятл. — *Мятлев М.* Сочинения в 3-х т. Т. I—III. М., 1894.

Недог. — *Недогонов А.* Избранное. М., 1955.

Некр. — *Некрасов Н.* Полное собрание стихотворений. Л., 1934. Сочинения в 3-х т. Т. I—III. М., 1953.

Никит. — *Никитин И.* Полное собрание сочинений. М., 1912.

Огар. — *Огарев Н.* Избранные произведения в 2-х т. Т. I—II. М., 1956. Стихотворения и поэмы. Б-ка поэта. Л., 1956.

Одоевск. — *Одоевский А.* Полное собрание стихотворений и писем. М.—Л., 1934.

Озер. — *Озеров В.* Трагедии. Стихотворения. Б-ка поэта. Л., 1960.

Ошан. — *Ошанин Л.* Стихи, баллады, песни. М., 1959.

Павл. — *Павлова К.* Полное собрание стихотворений. Б-ка поэта. Л., 1939.

Паст. — *Пастернак Б.* Стихотворения. М., 1936; Стихотворения и поэмы. М.—Л., 1965.

Петр. — *Петров В.* Поэты XVIII века. Б-ка поэта. Л., 1958.

Плет. — *Плетнев П.* Сочинения и переписка в 3-х т. Т. 3. СПб., 1885.

Плещ. — *Плещеев А.* Стихотворения. СПб., 1905

Полеж. — *Полежаев А.* Полное собрание стихотворений. Б-ка поэта. Л., 1939.

Полон. — *Полонский Я.* Полное собрание стихотворений в 5-ти т. Т. I—V. СПб., 1896.

Прокоф. — *Прокофьев А.* Стихи. М.—Л., 1950.

Пушк. — *Пушкин А.*	Полное собрание сочинений в 16-ти т. М., 1937—1949.
Рад. — *Радищев А.*	Полное собрание стихотворений. Б-ка поэта. Л., 1940.
Раевск. — *Раевский В.*	Стихотворения. Б-ка поэта. Л., 1952.
И. Рожд. — *Рождественский И.*	Мои друзья. Красноярск, 1954.
В. Рожд. — *Рождественский В.*	Стихотворения 1920—1955. М., 1956.
Р. Рожд. — *Рождественский Р.*	Дрейфующий проспект. Стихи. М., 1959; Испытание. Стихи и поэмы. М., 1956; Необитаемые острова. М., 1962.
Рыл. — *Рылеев К.*	Полное собрание сочинений. М.—Л., 1934; Стихотворения. Б-ка поэта. Л., 1947.
Сельв. — *Сельвинский И.*	Баллады и песни. М., 1943; Лирика. М., 1934; Пушторг. М.—Л., 1929.
Симон. — *Симонов К.*	Стихи и поэмы. М., 1955.
Случ. — *Случевский К.*	Сочинения в 6-ти т. Т. I—III. СПб., 1898. Стихотворения. Б-ка поэта. Л., 1941.
Слуц. — *Слуцкий Б.*	Память. Книга стихов. М., 1957; Сегодня и вчера. Книга стихов. М., 1963.
Сум. — *Сумароков А.*	Стихотворения. Б-ка поэта. Л., 1935.
Сурик. — *Суриков И.*	Стихотворения. Б-ка поэта. Л., 1939; Собрание стихотворений. Б-ка поэта. Л., 1951.
Сурк. — *Сурков А.*	Стихотворения. М., 1950; Сочинения в 2-х т. М., 1954.
Тим. — *Тимофеев А.*	Сочинения, в 2-х т. Кн. 1, 2. СПб., 1878.
Тих. — *Тихонов Н.*	Избранные произведения в 2-х т. Т. I—II. М., 1955.
Толст. — *Толстой А.*	Полное собрание стихотворений. Б-ка поэта. Л., 1937; Полное собрание сочинений в 4-х т. Т. I—II. СПб., 1886.
Тред. — *Тредьяковский В.*	Сочинения в 3-х т. Т. 1. СПб., 1849; Стихотворения. Б-ка поэта. Л., 1935.
Твард. — *Твардовский А.*	Стихотворения и поэмы в 2-х т. М., 1954; Собрание сочинений в 4-х т. Т. I—III. М., 1954—1960.
Треф. — *Трефолев Л.*	Стихотворения. Б-ка поэта. Л., 1951.
Тург. — *Тургенев И.*	Полное собрание сочинений, в 12-ти т. Т. 9. СПб., 1898.
Тушн. — *Тушнова В.*	Память сердца. Книга стихов. М., 1958.
Тютч. — *Тютчев Ф.*	Полное собрание стихотворений в 2-х т. Т. I—II. М.—Л., 1934. Полное собрание сочинений. СПб., 1913.
Уткин — *Уткин И.*	Стихи и поэмы. М., 1956.

Фет — *Фет А.*	Полное собрание стихотворений в 2-х т. Т. I—II. СПб., 1912.
Хлебн. — *Хлебников В.*	Стихотворения и поэмы. Б-ка поэта. Л., 1960.
Хемн. — *Хемницер И.*	Полное собрание басен и сказок, 3-е изд. СПб.,
Хераск. — *Херасков М.*	Избранные произведения. Б-ка поэта. Л., 1961.
Хомяк. — *Хомяков А.*	Полное собрание сочинений в 5-ти т. Т. 4, М., 1909.
Цвет. — *Цветаева М.*	Избранное. М., 1961.
Чулк. — *Чулков М.*	Поэты XVIII века. Б-ка поэта. Л., 1958.
Шаховск. — *Шаховской А.*	Комедии. Стихотворения. Б-ка поэта, Л., 1961.
Шевыр. — *Шевырев С.*	Стихотворения. Б-ка поэта. Л., 1939.
Шумах. — *Шумахер П.*	Стихотворения и сатиры. Б-ка поэта. Л., 1937.
Эрен. — *Эренбург И.*	Я живу. Стихи. СПб., 1921; Стихи 1938—1958. М., 1959; Дерево, 1938—1945, М., 1946.
Язык. — *Языков Н.*	Полное собрание стихотворений. М.—Л., 1934.
Якуб. — *Якубович П.*	Стихотворения в 2-х т. Т. 1. СПб., 1902; Стихотворения. Б-ка поэта. Л., 1960.
Яш. — *Яшин А.*	Советский человек. Стихи. М., 1952; Годы жизни. Избранные стихи. М., 1961.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ *

абонировать 243, 244, 245, 246
абордировать 238
абордовать 238
авансировать 237, 238
автобус 15
ад 109
адорировать 240, 242
адрес 93, 94, 100
аз 109, 110, 111
азардовать 238
аккомпанировать 238, 243, 244
аккордировать 237, 238
акцентировать 241, 245
акцентовать 241
альт 93, 100 106, 107
амбаркировать 237, 238
анализировать 238
анатомировать 237, 238
ангажировать 245, 246
англизировать 243, 244
анролировать 238
апробировать 241
апробовать 238, 241
аптекарь 93, 100
арба 54, 55
аранжировать 245
арбитраж 115
арбуз 114
арестовать 238, 241
асессор 93, 99
ассистовать 238
асфальтировать 245
атакировать 237, 238, 241
атаковать 238
афронтировать 238
ахнуть 252

баба 60
бавить 204
багаж 26, 114
бадья 59
базировать 243
байбак 26, 113
бакен 95
бал 25, 89
балагурить 230
балансировать 244
балл 89, 90
баллотировать 237, 240, 241, 243, 245
баловать 249, 250, 251
баловаться 249, 250, 251
бальзамировать 237, 238, 240, 241, 243, 244, 245
бальзамовать 238
бандаж 114
бандировать 238
бант 106, 107
барабанить 235
баркировать 237
бас 93, 106, 107
баснь 65
батрачить 230, 231
бег 81, 85, 93, 95
беглец 113
беда 12, 48, 49, 50, 51, 52, 53
бедро 124, 125
белить 207, 216, 218
бельмо 124
бензель 93
берег (брег) 81, 85, 93, 94, 99, 146
(из) берегу 155
(на) берег 138, 143, 144, 164
(о) берег 153
(по) берегу; (по) брегу 140, 159
береза 60
берцо 125

* В указателе слова приведены в исходной форме. Отдельно даны формы, входящие в состав предложно-именных сочетаний; последние помещены по алфавиту основного слова, внутри — по алфавиту предлога.

Автор приносит благодарность А. С. Дерябиной, А. Ф. Журавлеву и Е. И. Голановой, принимавшим участие в работе над указателем.

бес 28, 81, 85, 97, 98
бесить 206, 207, 210
бивакировать 242
бинт 106, 107
битва 61
бить 194
биться 186
бич 110, 111
благо 121
благовестить 231
благодарить 216, 218
благотворить 218
блеснуть 252
блиндаж 26, 114
блокировать 240, 241, 245, 246
блоха 35, 36, 37, 39, 40, 46
блуд 101, 111
блудить 206, 207, 210
блюдо 118, 121
боб 101
бог 20, 81, 85, 86
(на) бога 146, 165
(под) богом 161
(у) бога 157, 165
богач 113
боднуть 252
божество 15
божиться 209
бой 101, 102
бок 81, 84, 85, 93, 94
(за) бок 138, 150
(на) бок 138, 145, 146
(о) бок 142, 153, 166
(по) боку 138, 142, 159
(под) бок 152, 164
(под) боком 138, 143, 160
болезновать 252
болото 121, 122
болт 106, 108
боль 78
бомбардировать 238, 240, 241, 243, 244, 245, 246
бомбардовать 237, 238
бор 81, 85, 97
боров 93, 94, 99
борода (брада) 35, 36, 37, 39, 40, 41, 46, 54
борозда (браада) 35, 36, 37, 39, 40, 46, 54, 260, 261, 269, 270
борона 37, 44
(под) борону 152
боронить 211
борт 79, 93, 94, 109
(за) борт 138, 143, 150, 165
(на) борт 138, 143
(о) борт 138, 143, 153, 166
борть 66
борщ 101, 115
бот 89
боцман 93, 95
бражераж 115
брань 66, 67
(на) брань 140
брат 109
брать 13, 170, 171, 173, 174, 185, 186
браться 188, 193
бревно 124
бритва 61
бровь 66, 68, 70, 73, 74, 76
(на) брови 137
брод 81, 97, 98
бродить 206, 210, 232
бронированный 246
бронировать 245, 246
бронироваться 227
броня 64, 65
бросить 222, 235
брустверь 95
брызгать 203
брызнуть 252
(за) брюхом 160
(по) брюхо 154
(под) брюхо 152
будить 206, 210, 229
буер 94
буй 89
буксировать 237, 238, 241, 244
бункер 94
бунт 89, 106, 109, 115
бурлак 113
буря 60
буфер 93, 94
бухгалтер 95
бык 101
быстрина 56
быстрота 56
быть 168, 170, 171, 182, 184, 185
бюллетенить 233

вал 81, 84, 85
(по) валу 159
валить 205, 206, 207, 208, 210, 212, 213, 221, 227, 235
валун 114
вальсировать 238, 245, 246
ван 81, 97

вар 81, 97
варить 14, 25, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 213, 222
вахтер 93, 94, 99
вдаться 188, 189, 190
вдова 48, 51, 53
ведомость 76, 79, 260, 261, 262, 263
ведро 123, 125
веер 93, 94
век 20, 81, 85, 86, 93, 94
(до) века 140
(за) веком 160
(от) веку 156
вексель 93, 95
величина 57
вензель 93, 95
вервь 66, 68, 76
веред 93, 99
веретено 125
верблюд 114
верить 204, 235
верста 35, 36, 37, 45
(за) версту 137, 142
(на) версту 137
вертел 93, 94, 99
вертло 124, 126
верх 94, 102
(до) верху 155
(по) верху 159
вершь 66
вес 81, 85, 94, 100
(на) вес 163
веселить 204, 232
весло 123, 124
весна 35, 36, 37, 45, 46
вестись 191
весть 66, 76, 79
(без) вести 137, 157, 162
весь 66, 67
ветвиться 231
ветвь 21, 66, 72, 73, 76, 78
ветер (ветр) 87, 88, 92, 93, 100, 109
(на) ветер 138, 146, 147, 165
вечер 93, 94
(до) вечера 140
(на) вечер 138, 140, 148
(о, об) вечер 153
(по) вечеру 160
(под) вечер 138, 140, 153
вещь 66, 67, 76
взбудить 205
взвить 182
взвиться 188, 189, 190, 192
взвихриться 225
взглянуть 200
вздохнуть 199
вздрагивать 255
вздрогнуть 252, 253, 254, 255, 256
взодрать 173
взойти 196
взорвать 174, 175, 183
взять 185, 195
взяться 188, 189, 190, 191, 192, 193
вибрировать 243
вид 81, 85, 86, 97, 98
(из) виду (-а) 138, 154
видоизменить 215, 218
вина 35, 48, 49, 50, 51, 53
винкель 95
вино 123, 124
винт 106, 107, 115
винтить 211
вираж 115
вист 109
витраж 114
вить 170
виться 188, 189, 190, 191, 192
вихрь 109
вихрить 226
вклинить 223
вклиниться 223
вкусить 29, 214
вкуснота 57
власть 66, 68, 76
влачить 29, 228
влиться 188, 189, 190, 192
вменить 215
внедрить 225
внити 196
внять 182
вода 11, 12, 19, 21, 31, 35, 37, 39, 40, 41, 42, 43, 46, 146
(за) воду 137, 151
(на) воду 137, 141, 143, 144, 145, 164, 166
(на) воды 144, 164
(о) воду 143, 153
(по) воду 137, 154
(под) воду 143, 152
водить 206, 210, 218, 232
вождь (вож) 101, 111, 112
воз 81, 85, 94, 100
(на) воз 138, 146, 165
возглас 13

воздать 177, 178, 180, 182
воззвать 181, 182
воззреть 196, 197
воззриться 196, 197
возить 206, 232
возлить 177, 180
возместить 217
возраст 93, 95, 99
возродить 217
война 48, 49, 50, 51, 53, 60
войско 20, 118, 120, 121
войти 194, 195
волк 12, 20, 81, 85, 86
волна 35, 36, 37, 42, 43, 44, 46, 61, 259, 261, 262, 269
волновать 249
волокно 124
волос 81, 93, 100
(за) волос 138
(за) волосы 138, 150, 166
(на) волос 138, 142
(на) волосы 138
волость 76
волочить 206, 210, 228
волхв 101
вольтаж 115
вольтижировать 238, 240, 241, 244
вонь 66
вопить 207, 209
вопль 101, 111
вор 20, 81, 85, 86
(у) вора 157, 165
ворваться 188, 190, 192, 193
ворона 60
(за) ворот 143, 150, 166
(по) ворот 138, 153, 154, 164
воротить 205, 206, 210, 211
ворох 93, 94
воск 101, 111
воскликнуть 256
воспринять 173, 180
воссоздать 183
воткнуть 195
вошь 66
впиться 188
вратить 232
врать 170
время 117, 121, 131, 132
(во) время 135, 141, 162, 163
(на) время 163
врач 101
вручить 217
всадить 205
вскружить 215
всполошить 225
вспомянуть 199, 200
вспорхнуть 252, 253
вспрыгивать 256
вспрыгнуть 252, 253, 254, 256
вспрядывать 256
вспрянуть 252, 253, 254, 256
вспыхивать 255
вспыхнуть 252, 253, 254, 255
вчера 129
выборы 95
выговор 95
выкупить 218
вымпел 93, 95, 99
выпас 95
выпись 76
высокий 15
высота 56
высь 70, 72
выть 66
выход 95
вьюга 61
вьюжить 226
(-)вьючить 231

газировать 245, 246
галдеж 115
галопировать 244
гамак 26, 113
гарантировать 237, 238, 243, 244, 245
гарантовать 238
гараж 114
гасить 205, 206, 207, 210
гать 66, 76
гвоздь 81, 85, 103, 104
геолог 15
гетман 93, 99
герб 106
гладильный 13
глаз 84, 93, 94
(без) глазу 157
(на) глаз 145
(от) глаза 156
глина 60
глотать 203
глубина 56
глубь 66, 72, 77
глума 35
глушить 207, 209, 211
глянуть 200
гнать 170, 173, 183, 185
гнаться 188, 189, 192

гнев 81, 97
гнездиться 207, 225
гнездо 123, 124, 125
гнить 170
гной 81, 97
говорить 227
год 81, 85, 86, 93, 94, 100
(без) году 138, 157, 165
(за) год 138, 143, 151
(за) годом 160
(из) года(-у) в год 138, 154
(на) год 138, 147, 148
(от) году(-а) 156
гол 89, 90
голень 66
голова (глава) 14, 20, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 46, 54, 55
(за) голову 127, 138, 149, 150, 164
(на) голову 137, 152, 164
(под) голову 137, 152, 164
голос (глас) 81, 87, 93, 94, 98
(на) голос 163
голосить 209
голубь 20, 103, 104
гон 101, 111
гонить 207
гора 35, 36, 37, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 146
Гора (собств. имя) 41
(за) году 137, 149
(за) горы 149
(на) гору 137, 140, 143, 144, 164
(на) горы 144, 164
(под) гору 137, 143, 152
горб 101, 102, 110
гоноровать 238
горбиться 231
горе 117, 122
горы 101, 111
город (град) 20, 28, 29, 81, 87, 88, 93, 94, 98, 109
(за) город 138, 149, 163, 165
(за) городом 138, 143, 160, 163, 165
(из) города(-у) 155
(по) городу 159
(под) город 152
(у) города 157
городить 205, 206, 207, 231
горсть 66, 70, 73, 74, 76
госпиталь 86, 92
господин 84
господь 103
гость 81, 85, 87, 103, 104
гофрировать 244, 246
гравировать 238, 240, 241, 246
грань 66, 67, 68, 76
графа 55
грач 110, 111
гребло 124
грейдер 95
грех 101
гриб 110, 111
грива 11, 60
гримировать 246
гриш 90
грифель 93, 100, 101
гроб 20, 25, 81, 85, 86, 87, 93, 100
гроза 35, 36, 37, 42, 45
гром 81, 85, 86, 101
громыхать 254
громыхнуть 252, 253, 254
грош 106, 107, 108, 109
грудь 21, 66, 69, 70, 62, 73, 76, 78, 79
(из) груди 155
(от) груди 156
(по) груди 159
груздь 104
грузить 24, 216, 234, 235
группировать 244, 246
гряда 35, 36, 37, 39, 40, 46, 47
грязь 66, 67, 70, 75
(по) грязи 159
губа 12, 37, 38, 61, 62
губить 205, 206, 207, 208, 210, 228
гульба 59
гуммировать 245
гумно 122, 124, 125, 128
гурт 106, 109, 115
гусь 103, 104, 105

давить 208, 210
даль 72
дань 66
далекий 15
дар 18, 20, 81, 84, 85
дарить 205, 206, 207, 209, 210, 216, 218, 227
даровать 249, 251
датировать 244
дать 22, 170, 171, 183, 185
даться 168, 187, 188, 189
дверь 21, 66, 67, 68, 70, 72, 73, 74, 76, 78

(за) дверь 137, 150, 165
(за) дверью 160
(из) двери 154, 166
двор 11, 101
(по) двору 138, 158
дебаркировать 238
дебарковать 238
дебрь 66
дед 79, 109
дезавуировать 238
дезертировать 240, 241, 243, 244
дезертовать 238
декламировать 238
декламовать 238
декатировать 244, 246
делить 205, 206, 207, 208, 210, 214, 218
дело 118, 121
демаскировать 244
день 103
(за) день 138, 151
(изо) дня 154
(на) день 138, 147, 148, 149
(ото) дня 156
деньга 48
дерево (древо) 117, 118, 121, 132, 133, 134
(на) древе 140, 161
деревце 121
дерзнуть 23, 25, 198, 199, 252
десна 35, 36
десть 72, 73, 76
дети 66
дефендировать 237, 238
дефендовать 238
дефилировать 237, 238
джемпер 95
дизель 95
диктировать 237, 238
диктовать 238
дипломировать 244, 245
директор 93, 95
дискант 93, 100
диспутировать 237, 238
диспутовать 238
дистиллировать 240, 241, 244
дисциплинировать 244
дичь 72
длиннота 57
длинный 13
дневать 203
дно 125
(ко) дну 164
(со) дна 158
добыть 176, 177, 178, 179, 180, 183
добро 123
доведь 76
(до) верху 162, 163
догматизировать 238
догматизовать 238
договор 94, 100
додать 179, 180
дождаться 188, 260, 261, 262, 263
дождить 231
дождь 101
дожить 176, 178, 180
дозировать 243
доить 211, 235
дойти 194, 195
доктор 93, 94
дол 81, 84, 85
долбить 211
долг 81, 85
долгота 57
(-)должить 205
должность 76
долото 124
дом 12, 20, 81, 84, 85, 86, 93, 94
(до) дому 138, 140, 155, 165
(за) дом 150, 165
(из) дому 138, 143, 154, 165
(на) дом 138, 146, 163, 165
(от) дому 156
(по) дому 158
(у) дому 156
(за) Дон 150
(из) Дону 155
(от) Дону 156
донять 180, 181
допить 176, 178, 179, 180
доплыть 177, 179, 180, 185
дора 35
дорваться 192, 193
доска 21, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 44, 46, 260, 261, 262, 269
(на)доску 137, 146, 165
дотрагиваться 256
дотронуться 256
доха 54, 55
дохнуть 23, 199
дразнить 206, 209 210
драпировать 246, 247
драть 170

древность 78
дренаж 115
дрессировать 246
дробь 21, 66, 73, 76, 79
дрова 123
дрогнуть 252, 253, 254, 255, 256
дрожать 255
дрозд 101
друг 81, 84, 85, 86
(на) друга 135, 146, 165
(у) друга 157
дружить 24, 209, 211, 235
дуб 12, 81, 85, 96
(на) дуб 146
дуга 48, 49, 51, 52, 53
дума 60
дупель 93, 95
дупло 124, 125
дурнота 56
дуть 202
дух 28, 81, 85, 97, 98
(на) дух 149
(по) духу 159, 163
душа 35, 36, 37, 39, 40, 41, 42, 44, 46, 47
(за) душу 137, 150, 151

егерь 93, 95, 100
егоза 55
еж 110, 111
ежиться 231
ель 72, 77
емкость 78
ересь 66, 71
ество 121
ефрейтор 93, 100

жажда 60
жар 81, 85
ждать 170, 183, 185
жезл 101, 102
железа 35, 36, 37, 46
желоб 81, 93, 94
желчь 66
жемчуг 93, 94
жена 45, 47, 48, 49, 51, 52, 43
женить 206, 210, 232
жердь 72, 73, 76
(по) жеребью 159
жерло 124
жернов 81, 93, 94
жизнь 66
жилье 126
жито 121
жить 22, 168, 169, 170, 185
жнивье 125, 126
жрать 170, 185
жук 109, 110, 111

забелить 216
забрать 174, 175, 183, 185
забронированный 246
завалить 213
заварить 213
завес 93
зависть 77
завить 173, 177, 182
завиться 189, 190
заворожить 211
завраться 188, 192
заглушить 209
заглянуть 200
загнать 181
заготовитель 13
загрузить 216
загрязнить 224
зад 101
задарить 218
задать 176, 177, 179, 180, 182, 260, 261, 262, 263
задаться 188, 190
задохнуться 200
задрапировать 247
задрать 183
зажить 176, 178, 180, 185
зажиться 188, 190
зазвать 174, 175
зайти 195, 196
закавычить 223
закатиться 273
заклинить 223
заклясть 180
заклясться 188, 190, 192
закосить 220
закром 93, 94
закружить 215
закрутить 213
закупить 214, 216
закусить 214, 216
залить 172, 176, 178, 180, 185
залиться 188, 189, 190
залучить 206
заманить 213
замахнуться 198
заменить 215, 218
замереть 180, 181, 182, 184, 185

замуж 162
занозить 206
занять 173, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 186
заняться 14, 137, 187, 188, 189, 190, 192
заострить 224
запереть 179, 180, 181
запереться 188, 189, 190, 195
запись 71, 75, 76, 77
запить 176, 178, 179, 180, 181
заплыть 177, 179, 180, 182
заповедь 71, 77
запорошить 224
заразить 211
зарево 122
заручиться 217
заря 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 47
зарядить 222, 260, 261, 262, 263
засадить 216
засветить 215
заслюнить 225
заснеженный 13, 263
заснежить 13, 211, 251
заспать 183
заспаться 192
застопорить 231
застрелить 205
застудить 213
засушить 213
затащить 213
затворить 214, 216, 218
затеплить 226, 232
заткнутый 13
заткнуть 13
заточить 220
затравить 213
затрубить 213
зачать 172, 176, 180, 195
зачаться 168, 187, 195
зачерпнуть 253, 254
зачертить 214
зачинить 221
защитить 224, 225
звать 170, 183, 184, 185
зваться 188, 189, 190, 192
звезда 35, 36, 37, 42, 43, 45, 46
звено 124, 125, 126
зверь 81, 85, 103, 104
звон 81, 97
звонить 211, 212, 227
звук 109
зелье 121
земля 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 46, 47
(до) земли 155
(на) землю 137 140, 144
(о) землю 153
зеркало 20, 121, 126, 127, 133
зерно 124
зима 35, 36, 37, 38, 39, 40, 46
Зима (собств. имя) 41
(за) зиму 137, 143, 151
(на) зиму 137, 143, 147, 148
(под) зиму 153
(на) зло 138, 147
злоба 61
змей (змий) 101, 111
змея 48, 49, 50, 51, 53
знамя 119, 131, 132, 133
знать (сущ.) 72
зной 81
зола 25, 35, 36, 37, 38, 39, 40
золотить 207
золото 117
зонд 90
зондировать 237, 238, 244
зонт 109
зуб 20, 81, 85, 86
(за) зуб 138, 151
(на) зуб 138, 145
зыбь 72, 73, 76

игла 35, 36, 37, 42, 43, 45
игра 17, 45, 49, 50, 51, 52, 53
играть 23, 203
идти 23, 25, 195, 196, 200, 201
изба 13, 20, 21, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 42, 43, 44, 45
(под) избу 152
избранный 12
избрать 13, 172, 173, 174, 175, 181, 182
избыть 177, 179, 183
извихнуть 198
изгнать 174, 181
издали 162
издать 172, 176, 177, 178, 180
изжить 173, 177, 180
излить 173, 176, 177, 178, 180, 182
излиться 191, 192
изменить 205, 215, 218
изморить 217
изодрать 183
изойти 195

изолгаться 192
изорвать 181, 182
изорваться 192
изрешетить 226
изъявить 214
икать 203
икра 35, 36, 42
иллюминировать 237, 238
иллюминовать 238
имя 117, 132
(на) имя 135
инспектор 93, 95
инструктаж 115
инструктор 95
инструктировать 238
информовать 238
инсценировать 245
искривиться 225
искриться 260, 261, 262
искушить 214, 216, 218
искусить 29, 214, 216, 218
испить 176, 177, 180, 182
иссушить 213
исчерпать 254

кабала 59
кадь 66
казна 59
казнь 66
кайла 55
кайло 125, 126
калить 209
камка 48
канонизовать 238
капля 60, 61
картавить 231
картуз 114
кассировать 237
катер 93, 94
катить 206, 207, 208, 210, 213, 222
каша 60
квартировать 238
квас 81, 85
квасить 231
кедр 109
кивер 93, 94
кий 106, 109
кизяк 26, 113, 114
километраж 115
кирка 54
кислить 232
кислота 57
кисть 21, 66, 76, 79
кит 106, 107, 109
китель 93, 95
кишка 55
клевать 23, 201, 202, 203
клевер 94
клеить 207, 224
клеймо 124, 126
клеть 66, 70, 73, 76
клешня 58
кливер 94
(из) Клину 155
(за) Клином 160
клинить 223
клинкер 94
клипер 94
клич 109
клонить 206, 210, 228, 229
клюка 61
ключ 101
клясть 170, 185
клясться 188, 189, 190, 191
кнут 106, 107
княжить 223
кобура 54, 55
ковать 202, 203
ковш 101
коготь 104
когтить 232
коза 35, 36, 37, 39, 40, 45
козырь 104
кокиль 95
кол 101, 110
(на) кол 146, 165
колбаса 54, 55
колер 93
колесо 14, 124, 133
колировать 246
коллектор 95
коло 117, 133
колоб 94
колокол 25, 81, 85, 93, 94
колотить 206, 210
колыхать 203
колыхнуть 199, 200
колыхнуться 200
кольцо 124, 125, 137
командировать 238, 240, 241, 243, 246, 247
командовать 238, 249
комиссарить 233
компилевать 241
компилировать 241
(на) кон 138, 146, 165
конвоировать 240, 241, 244

кондуктор 95
конструктор 95
консул 92, 93
концентрировать 241
концентровать 241
конура 54, 55
конь 101, 105, 106
коньяк 26, 114
конюх 93, 100
копировать 240, 241, 244, 245
копить 206, 209, 210
копна 37
копошиться 209
копье 125
кора 37
корень 104
(за) корень 151
(на) корень 163
корм 81, 85, 100, 101
(по) корм 154
корма 60
кормить 205, 206, 210
короб 93, 94
(-)коротить 207
корпус 93, 94
корректор 93, 95
корчма 61
коса (волосы) 35, 37, 38, 39, 40, 41, 44, 46, 48
(за) косу 150, 151, 166
(за) косы 150
косить 205, 207, 210, 220, 235
коситься 221
косма 35, 36, 37, 39, 40
косматить 231
коснуться 199
кость 66, 67, 68, 70, 73, 74, 76
(о) кость 153
костюмировать 244, 246
кот 101, 106
котироваться 245
кош 101, 111
кошма 54, 55
край 87, 89, 93, 94, 109
красить 222, 234, 235
красота 56
крейсер 92, 94
кремль 101
крендель 92, 93, 95
кренить 211
крепить 232
крепость 75, 76, 79
крест 101
(без) креста 157
(на) крест 138, 146, 165
крестить 206, 207, 209, 210, 219
креститься 209
крик 109
(на) крик 135
кристаллизировать 243, 244
кроазировать 238
кров 101, 111
кровавить 222
кровоточить 218, 220
кровь 66, 67, 68, 69, 72, 73, 76, 79
(до) крови 155, 162, 163
кроить 211
крокировать 244, 245
кросно 121
кротость 71
кроха 35, 36, 37, 40, 46
крошить 206, 207, 209, 210
кругляш 115
кружево 121, 126
кружить 207, 208, 210, 215, 232
крутизна 56
крутить 207, 208, 209, 213
крыж 106, 107
крыло 123, 124, 125
крыльцо 124, 127, 129
крюк 106
ксендз 106
кувыркать 254
кувыркнуть 252, 253, 254
кудерь 104
кузнь 66
кузов 93, 94
куль 106
кум 81
кума 35, 36
кумыс 114
купить 206, 210, 214
купол 93, 94
кур 109
кураж 114
курить 206, 207, 209, 210
кус 81
(по) кус 154
(-)кусить 206, 210, 214
куст 109, 110, 111
куститься 231
кут 101
куча 60
кучер 93, 94, 100

лавировать 238, 240, 241, 244
лагерь 95, 100

ладья 54
лакировать 240, 241, 246, 247
лапоть 104
ларь 106
лгать 170, 185
лебедь 104
лев 101
лед 81
(ко) льду 164
(об) лед 153
(по) льду 138, 158
(со) льду 158
леер 94
лезвие 124, 126
лекарь 92, 93, 100
лектор 93, 95, 100
лемех 94, 95
лениться 207, 210
лепить 206, 210
лес 81, 84, 85, 93, 94, 95
(за) лес 149
(за) лесом 160
(из) лесу (-а) 138, 143, 154
(на) лес 146, 147, 165
(по) лесу 138, 143, 158, 159
(под) лесом 161
(у) леса 156
лесть 66, 67
лета́ 20, 119, 120
лето 118
(за) лето 138, 143, 151
(на) лето 149
летопись 78
летун 113
лечить 205, 206, 210
лидировать 243
лик 81, 97, 98
лиса 48, 49, 50, 51, 53
лисель 94
лист 81, 84, 103
листаж 114
литмонтаж 115
литографировать 243, 244, 245
лить 13, 22, 170, 185
литься 186, 188, 189, 190, 192
лихтер 94, 100
лицо 123, 124, 125
лоб 101
(на) лоб 138, 145, 163
(по) лбу 138, 159, 166
лобзать 203
лов 81, 101, 111
ловить 205, 206, 210
лог 94, 100
ложе 117, 118
(-)ложить 205, 206, 210, 234
ложь 66
лоза 35, 36, 37, 39, 40, 45
локоть 103, 104, 105
(об) локоть 153, 166
(по) локоть 154
(под) локоть 152
ломить 206, 210
лопасть 77
лосось 103
лоцман 93, 95, 100
лошадь 66, 71, 72, 73, 75, 76
(на) лошадь 146
(у) лошади 157
луг 81, 85, 93, 94
(на) луг 144, 164
(по) лугу 138, 158
лудить 207, 210
лук 81, 97, 109
(из) лука 155
лука 48, 49, 50, 53
лукно 125
луна 35, 36, 49
лунь 110, 111
лупить 206, 210
луч 101
(-)лучить 205, 207, 210, 217
любить 206, 210
люди 66
(на) люди 135, 146, 165
(по) людям 159
люфт 109, 115
лях 101, 111

магнетизировать 243
мазь 66
мак 109
маклер 93, 95
манить 206, 207, 208, 210, 213
манкировать 245
маркировать 245, 246
маршировать 240, 241, 246, 247
маскировать 244, 246, 247
масло 121, 122, 123
мастер 25, 81, 93, 94
масть 66, 73, 76
махать 23
махнуть 252
маяк 26, 114
меблировать 246
мед 81, 85, 93
медь 66, 72
межа 35

мел 81, 97
мель 72, 73, 76, 78
мелочь 77
(-)менить 205, 206, 207, 210, 218
меньшинство 125, 126
меретировать 240, 242
(-)мереть 170
мерзлота 57
месить 206, 207, 210
мессер 95
(-)местить 211, 217
местность 78
место 118, 121
месть 66
месяц 95
метла 35, 37
метраж 114
мех 81, 85, 94
меч 101
мечта 54
миловать 252
минировать 243
минуть 257, 258
минуться 198
мир 81, 85
(по) миру 138, 143, 158
мирить 211
мичман 92, 93, 94, 100
мобилировать 238
мов 101
мозг 81, 85
молва 61
молить 206, 210
молодить 232
молот 81
молотить 206, 210
монтаж 114
мор 81, 97
морж 101, 106, 107
море 117, 118, 121, 161
(до) моря 155
(за) море 138, 143, 149
(за) морем 138, 143, 160
(из) моря 155
(из-за) моря 164
(на) море 138, 140, 143, 144, 161
(над) морем 164
(от) моря 156
(при) море 140
(по) морю 138, 158
(под) морем 161
(у) моря 138, 143, 156, 157
морить 209
морозить 230
мост 81, 84, 103, 260, 262
(за) мост 138, 150, 165
(за) мостом 138
(на) мост 138, 144
(по) мосту 138, 158
(под) мостом 138, 161
(у) мосту 157
мостить 231
мох 101
мочить 206, 210
мочь 168
мощность 78
мощь (мочь) 66, 67, 68
мудрость 77
муж 81, 84, 85
(без) мужа 157
(на) мужа 146, 165
(от) мужа 156
(по) муже 135
(при) муже 164
(у) мужа 165
мутить 205
мылить 230
мыло 121, 122, 123
мыслить 230
мысль 66, 77
мытарь 13
мычать 203
мышь 66, 76
мясо 117, 118, 122

набрать 173, 174, 175, 183
навалить 213
навек 138, 149
навеки 149
наверх 138, 147, 162, 163
наврать 173
нагнать 174
нагруженный 263
нагрузить 216, 234
надарить 216, 218
наддать 180
наделить 215
надоумить 226
надпись 78
надрать 173
нажить 172, 176, 178, 180
нажиться 190
назвать 173, 174, 175, 183
назваться 188, 189, 190, 192
наземь 162
назло 162
назначение 13

найденный 13, 14
найти 23, 195, 196
накалиться 209
накатить 213
накупить 214
налить 22, 25, 172, 176, 178, 179, 180, 182, 186, 260, 262, 263
налиться 189, 190, 191
нанять 176, 178, 180, 181
наняться 188, 189, 190, 192
напиться 188, 189, 190, 192, 260, 262, 263, 269
наплевать 202
напоить 216
наполнить 232
народить 211
народиться 217
нарушить 222
нарядить 221
насадить 216, 218, 221
насаждать 216
насдать 180
наслюнить 225
насмерть 162
настежь 162
насушить 213
наткать 183
научить 205
начать 169, 172, 173, 176, 178, 179, 180, 181, 182, 195
начаться 14, 137, 169, 188, 190, 193
н чертить 213, 214
небо 117, 121, 146, 161
(до) неба 155
(на) небе 138, 161
(на) небо 138, 144, 164
(по) небу 138, 158
(под) небо 152
(под) небом 161
невод 93, 94
немота 56
немощь 71, 76
нести 14, 137, 168
нефть 66
нива 61
нивелировать 244
низ 81
(до) низу 155
(по) низу 159
никелировать 246, 247
нишель 95
нить 66
новизна 57
новость 14, 21, 76, 78, 79
новь 70, 72
нога 12, 35, 36, 37, 39, 40, 41, 46
(за) ноги 137, 150
(за) ногу 137, 150, 165
(на) ноги 137, 145, 146, 164, 165
(на) ногу 137, 145, 146, 164
(под) ноги 137, 152, 164
(под) ногу 137
ноготь 103, 104
нож 101
(за) нож 151
ноздря 35, 36, 42
номер (нумер) 93, 94
нора 35, 37, 38, 39, 40, 41, 43, 45, 46, 47
нормализировать 239
нормализовать 239
нормировать 245, 246, 247
норот 94
нос 81, 85
(без) носу 157
(за) нос 138, 150
(за) носом 160
(из) носу 138, 154
(на) нос 138, 154, 164
(по) носу 138, 142, 159, 163, 166
(под) нос 152, 164, 165
(под) носом 138, 160, 164
носить 204, 206, 210, 232, 236
ночь 21, 66, 67, 69, 70, 72, 73, 76
(до) ночи 137, 155
(за) ночь 137, 151
(на) ночь 137, 146, 147, 148, 165
нужда 25, 37, 38, 60, 62
нуль 106
нутро 123, 126

обвить 177, 182, 185, 186
обвиться 189, 190, 193
обдать 176, 177, 179, 180, 185
обелить 216, 218
обжить 180
обжиться 190
облако 81, 120, 121, 133, 134
область 14, 76, 78, 79
облачко 121
облегчить 224, 232, 234, 251
облить 176, 179, 184
облиться 188, 189, 190, 191
обложить 205

облокотиться 207
обмануть 198, 199
обмереть 180, 181
обнять 173, 177, 178, 179, 180
обняться 185, 188, 189, 190, 192, 260, 262, 263
обобщить 224, 232, 234
обогнать 185
ободрать 183
обозвать 183
обойти 196
оборвать 182, 185
оборваться 192, 193
оборотить 206
оборотиться 205, 206
обострить 224, 232, 234
образ 93, 94
обрешетить 226
обручиться 205, 214
обрядить 221
обсервовать 238
обуглить 231
обух 114
обшлаг 94, 95
объявить 205, 214
обыск 81, 98
овод 94, 100
овца 35, 36, 37, 38, 39, 40, 42, 45
оглянуться 200
огонь (огнь) 103
огородить 205
одарить 216, 218
оделить 215, 216
одобрить 224
озеро 117, 118, 121, 132, 133, 134
(за) озером 160
одр 101, 102
оживотворить 214, 218
ожить 176, 178, 180, 182, 185
озерцо 125
озимь 77, 153, 162
окатить 213
окислить 224, 232
окно 124, 125, 127, 128
око 117, 120, 128
около 162
окорок 93, 94,
округ 94
окружить 215
окрылить 224, 231
окулировать 244
окунь 104
олень 103
олицетворить 214, 216, 218
олово 117
ольха 62, 63
омуль 104
омут 94, 100
опереть 179
опереться 188, 189, 193
опись 76, 77
опиться 190
оплодотворить 214
ополдень 153, 162
определить 215, 216, 218
оратор 92, 94
организировать 238
организовать 238
орда 48, 54, 55
орден 93, 94
ордер 94
оросить 231
оса 35, 36, 37, 39, 40, 45
осадить 216
осаждать 216
осведомиться 226
осветить 215
осень 66
(под) осень 153
осовременить 233
осока 61
остров 81, 85, 93, 94
острога 55
острота 24, 57, 58
остудить 213
осушить 213
ось 70, 72, 73, 74 76, 79
отбелить 216
отбить 194
отбыть 176, 177, 179, 180, 183
отвернуть 23, 198, 199
отвиться 189
отворить 214, 216
отдать 14, 172, 173, 176, 177, 178, 179, 180, 182, 185
отдаться 187, 188, 189, 190, 193
отделить 215, 218
отдохнуть 199
отжить 176, 178, 180
откомандировать 247
откуп 93, 94
откупить 214
откусить 214
отлакировать 247
отлить 176, 180
отложить 205, 206
отмель 79
отменить 218

отникелировать 247
отнять 173, 177, 178, 179, 180, 182, 185, 186
отняться 190, 192
отобранный 14
отобрать 14, 183
отоварить 233
отогнать 173, 183
отозвать 181
отозваться 188, 189, 190, 191, 192, 193
отойти 194
отомкнуть 194
оторвать 183
оторваться 190, 192
отоспаться 192
отпереть 179, 180, 181
отпереться 145, 195
отпить 176, 178, 179, 180, 260, 261, 262, 263
отплыть 177, 179, 180
отпоить 216
отпрыгнуть 252
отпуск 94, 100
отпустить 206
отравить 213
отрасль 78, 260, 262, 269
отречься 191
отроду 156, 162
отруб 94, 100
отрядить 222
отстранить 228
отфутболить 233
офицер 92, 94, 95, 100
оценить 213
очередь 72, 77, 79
очертить 213, 214
очинить 221

паз 106
память 71, 77
пан 89, 101
пар 81, 85
(у) парня 157
парильный 13
парильня 13
парильщик 13
парильщица 13
парить 13
пароход 95
партизанить 230, 231
парус 81, 93, 94
паршь 76
паспорт 94
пастила 54, 55
пасть 66, 67, 76, 78
патрулировать 238
пашня 61
пекарь 93, 95, 99, 100
пена 61
пень 101
перебелить 216, 218
перебить 195
перебрать 183
перевиться 188
перегнать 183
перегнутый 14
перегнуть 14
перегрузить 216
перед 95
передарить 216
передать 176, 178, 180
передаться 188, 189, 190
переделить 218
пережить 176, 178, 180
перекосить 220, 221
перекувыркнуть 252, 253
переложить 234
перелить 176, 180
переманить 213
переменить 216, 218
перемереть 180
перенять 180, 182
перепел 93, 94
перепить 180
перепиться 188
переплыть 180
переполошить 225
перепоручить 217
перепорхнуть 253
перепрыгивать 256
перепрыгнуть 253, 256
пересадить 216
(-)переть 170
перо 123, 124
перси 66
перст 101, 110, 112
перстень 104
персть 66
пес 101
(по) песку 159
петля 64
печень 66, 71
печь 66, 67, 69, 70, 73, 74, 76
(из) печи 155
(на) печь 146, 165
(по) печи 159
(у) печи 159

пиала 54, 55
пиво 117, 118, 121, 122
пикировать 245
пикироваться 245
пила 48, 49, 50, 51
пилить 207, 210
пилотаж 115
пир 81, 84, 85
писарь 93, 95
писать 23, 194, 203
письмо 123, 124
пить 170, 182
питье 126
плавление 13
плавить 245
пламя 132
планировать 245
пласт 110
платить 205, 210, 235
платье 121
плач 109
плевать 23, 201, 202, 203
племя 117, 132
плесо 121
плестись 191
плеть 66, 73, 76, 79
плечо 124, 128, 129
(за) плечи 138, 149, 150, 164, 166
(на) плечи 138, 145, 164
(по) плечи 154
плинтус 95
плиссировать 246
плита 62, 63
плод 81, 103
пломбировать 238, 246
плоскость 77
плот 101, 102, 110
плоть 66, 67
площадь 66, 71, 72, 73, 74, 76, 79
(на) площадь 144, 164
плуг 89, 93
плыть 170
плющ 110, 111, 115
побаловаться 250
побелить 216, 218
побить 195
поблагодарить 216
побожиться 216
побрать 174, 175
побудить 29, 229
побужденный 29
побыть 172, 176, 178, 179, 180
повалить 205, 213
повалиться 213
повар 81, 93, 94
повернуть 198, 199
поверху 162, 165
повесть 77
повинтить 13
повинченный 13
повить 177
повод 81
(за) повод 151
поворотиться 205
повторить 211
погасить 208
поглотить 29
поглощенный 29
погнать 173, 181, 183, 185
погнаться 192
погреб 81, 93, 94
погрузить 234
погрузиться 216
погубить 216
подарить 216, 217, 218
подать 76, 79, 172, 176, 177, 180
податься 190
подборонить 211
подвиг 81, 98
поддать 179, 180
поддаться 188, 189, 190
поделить 215, 216, 218
подкосить 220
подлить 178, 180
поднять 173, 177, 178, 179, 180, 182, 185
подняться 168, 188, 189, 190, 192, 260, 261, 262, 263
подобрать 183
подойти 196
подорвать 185
подослать 195
подпереть 179, 180
подпись 77
подпоить 216
подпрыгнуть 254
подпустить 205
подрез 94, 100
подружиться 260, 261, 262, 263
подрядить 221
подчинить 221
поезд 94
пожить 176, 178, 180
пожрать 173, 181
позариться 226

позвать 173, 174, 175, 183, 185
позвонить 212
поить 205, 207, 208, 209, 210, 216, 231, 232
пойло 121
пойнтер 94
пойти 194, 195, 196
покатиться 213
поклясться 188, 189
покосить 220
покоситься 214, 216
покружить 215
покуситься 214, 216
пол 81, 85
(до) полу (-а) 138, 143, 155
(на) пол 138, 144
(об) пол 138, 153, 166
(по) полу 138, 158
пола 35, 36, 37, 38, 39, 40, 45
(за) полу, (за) полы 150, 166
(под) пол 138, 152
(под) полом 143, 160
(за) полдень 138, 152
поле 11, 116, 117, 121, 134, 146
(за) полем 138, 160
(из) поля 155
(на) поле 138, 140, 141, 143, 144, 147, 161, 164
(по) полю 138, 140, 143, 158
(у) поля 157
полировать 246
полить 176, 179, 180, 182, 185, 186
политься 188, 189, 190, 192
полк 101, 102, 106, 107
(из) полку 155
полковник 87
(за) полночь 151
полог 93, 100
положенный 14
положить 205, 206, 225, 234
полоса 35, 36, 37, 39, 40, 44, 46
полость 77
полотно 124
полсть 66, 76
полуостров 95
получить 169, 205, 217
полюс 95
полок 113
поманить 213
помереть 179, 180, 181, 195
поместить 260, 261, 262
поместиться 211, 217
помянуть 169, 198, 199
понизу 162, 165
понтировать 242, 243, 245
понять 173, 177, 178, 179, 181
поп 101
попечитель 94
попить 178, 179, 180
поплыть 172, 177, 178, 179, 180, 182, 186
пора 35, 36, 37, 39, 40
порвать 175
порваться 192, 193
(об) порог 153
породить 169
порох 94
пороша 61
поручить 210
поручиться 217
порт 20, 86, 89, 90, 92, 94, 109
порхать 253, 254
порхнуть 252, 253, 254
порядиться 222
посадить 216
посветить 215
послать 195
пособить 210
пост 101, 106, 109, 115
постав 95
посторониться 228
посягнуть 199
пот 81
(до) поту 143, 155
потащить 213
потопить 205
потрох 93, 94, 95
потрошить 231
потушить 208
поутру 130, 131, 162
поход 87
похоронить 213
похоть 71, 77
почать 168, 173, 180, 185, 195
почерпать 254
почерпнуть 253, 254
почесть 77
починить 221
появиться 213, 214
пояс 93, 94
(за) пояс 138, 150
(за) поясом 160
(по) пояс 143, 153, 154, 164
право 118, 120, 121
пребыть 177, 179
превзойти 196

предать 172, 176, 177, 178, 179, 180, 185
предаться 188, 190, 191
предопределить 215, 218
предпринять 173, 180
президовать 238
презреть 196, 197
преклоненный 29
преклонить 29, 229
прелесть 71
преминуть 258
применить 215, 218
премировать 245, 246, 247
преплыть 177
препоручить 217
прервать 173, 174, 175, 181, 182, 195
прерваться 192, 193
пресс 95
претворить 214, 218
преуменьшить 223
прибрать 174, 175
прибыль 78, 79, 260, 261, 263, 269, 270
прибыть 172, 176, 177, 178, 179, 180, 260, 262, 269
привод 95
привязь 71
приглянуться 200
приговор 95
придать 176, 177, 178, 179, 180
придраться 260, 262, 269
придти 194, 195, 196
прижить 176, 178, 180
прижиться 189, 190
приз 89, 260, 262, 269
призвать 173, 174, 175
призреть 196, 197
прииск 94, 95, 100
приковать 202
прикомандировать 247
прикоснуться 199
прикрутить 213
приложить 205, 206
примус 94, 100
принудить 226
принести 168
принять 173, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 185
приняться 188, 189, 190, 192
припереть 179, 180
припить 180
приплыть 172, 177, 180, 182
приподнять 177, 179, 185
приподняться 190, 192
прислать 195
прислонить 211
прислониться 207
присовокупить 214
приспособить 226
пристав 93, 94
пристань 77
притащить 205
притворить 214, 216, 218
притрагиваться 256
притронуться 256
прихоть 77
причинить 221
пробудить 229
пробыть 176, 177, 179, 180
провалить 213
провалиться 212
провальсировать 242
провод 94
проглотить 207
проглянуть 200
прогнать 14, 173, 174, 181
прогневить 224
продать 22, 172, 176, 178, 180
продаться 189, 192
продлить 195
продолжаться 205
продолжить 223
продрогнуть 255
проектировать 245
прождать 183
прожектор 95
прожить 22, 172, 176, 178, 180, 182
прожиться 188
прозвать 173, 174, 175
пройти 196
прокатиться 213
проклясть 176, 180, 181, 182, 185
(за) прокорм 135
прокосить 220
пролить 14, 176, 178, 179, 180, 182, 184, 185, 195
пролиться 189, 190, 193
промысел 93, 94
пронять 180, 181
пропасть 77
пропесочить 233
пропись 77
пропить 172, 176, 178, 179, 180, 182

проплыть 177, 178, 180
проповедь 76, 78
пропорхнуть 253
пропуск 94, 100
прорвать 174, 175, 185
прорваться 190, 192, 193
прорубь 78
просветить 215, 218
просвира 54, 55, 59
пролить 172
просить 210
прослыть 183, 185
просо 121, 122
проспать 174, 175
проспаться 192
простудить 213
простыня 59
протрубить 215
профессор 93, 95
пруг 81, 97
пруд 101, 102
прудить 207, 210
прыгать 256
прыгнуть 252, 253, 254, 255, 256
прыщ 101
прядать 256
прясть 170
псалм 101
(во) Пскове 136
(во) Псков 136, 164
(изо) Пскова 136
птица 61
пуд 89, 109
пудель 95, 100
пульман 95
пульт 109
пуп 109, 111
пустить 205, 206, 210
пустовать 252
пустота 57
пустошь 71, 77
путло 125
путь 103
пух 109
пчела 35, 36, 42, 45
пыль 66, 69, 72
пыхать 255
пышать 255
пядь 66, 73, 76, 79
пясть 66
пята 35, 36
пятак 113
пятно 120, 124
раб 101
рай 102
раз 81, 85, 94
разбить 194
развернуть 199
развить 177
развиться 188, 189, 190, 191, 193
развратить 29, 228
разгрузить 234
раздарить 216, 218
раздать 172, 176, 177, 178, 180, 182
раздаться 187, 188, 189, 190, 192
разделить 205, 214, 215, 216, 218
раздробленный 263
разжидить 224
разжиться 188, 189, 190
разить 211
разлить 176, 178, 179, 180, 182
разлиться 188, 189, 190, 191, 192, 193
разложить 234
разлучить 217
разминуться 169, 258
разнять 180
разобрать 173
разорвать 181, 186
разорваться 192, 193
разредить 224, 232, 251
разрушить 205, 222, 223
разрядить 221, 222
рак 109
рамо 119, 131, 132
рапорт 95
раскавычить 233
раскатиться 213
расклинить 223
раскосить 220
раскупить 216
раскусить 214, 216
распить 178, 180
расплыться 192
распорядиться 222
распределить 215, 216, 218, 260, 262
распродать 179, 180
распустить 205, 206
рассадить 216
рассортировать 247
растащить 213
растворить 214, 218
расточить 220

растравить 213
расценить 214
расщедриться 226
ратификовать 241
ратифицировать 241
рать 66
рвать 170, 173, 183, 185
рваться 188, 189, 190, 192, 193
ребро 123, 124, 125
ревность 71
регулировать 238
редактор 92, 94, 95, 100
редуктор 95
развиться 206, 207
река 48, 49, 50, 51, 52, 53, 59, 259, 260, 261, 262, 263, 269, 270
(за) реку 137, 149
(на) реку 137, 144, 147
ректор 93, 99, 100
ремаркировать 240, 242
ремесло 124
репа 61
репетировать 238, 239
репетовать 239
реформировать 238, 239
реформовать 239
рецензировать 244
речь 66, 73, 76
(-)решетить 226
решето 124, 125
решить 232
ров 101
рог 81, 84, 85, 86, 93, 94
(по) рогу 159
род 81, 85, 86
(от) роду 143
родить 169, 170, 209, 232
родиться 188, 211
рожь 66
рой 101, 102
рокировать 246
роль 77
(-)ронить 206
роса 35, 36, 37, 38, 39, 40, 42, 43, 44, 45, 46
росоточить 220
рост 81, 95
(без) росту 135
(до) рту 155
(изо) рта(-у) 138, 154, 166
(ко) рту 164
(у) рта
ротмистр 93, 99, 100
роща 61
ртуть 66
руб 81, 97
рубить 206, 210
рубль 101
руда 35, 36, 37, 39, 42, 45
ружье 124, 128
рука 35, 36, 37, 39, 40, 41, 46
(за) руку 137, 140, 143, 150, 166
(за) руки 137, 150, 166
(из) рук 156, 166
(на) руку 137, 140, 144, 146, 164, 166
(на) руки 137, 140, 145, 146
(об) руку 137, 143, 153, 165, 166
(под) руку 137, 143, 152, 164, 165
(под) руки 137, 152
рукав 93, 95
руководитель 218
рукомесло 125
рукопись 77
руль 106
руно 123, 125
рупор 93, 95, 99, 100
Русь 66, 67, 72
(по) ручью 159
(-)ручить 206, 207
(-)рушить 205, 222
рысь 66
рыхлить 224, 232
рычать 203
рюкзак 26, 114
ряд 81, 84, 85
(из) ряду 154, 155, 165
рядить 206, 207, 210, 221, 222
рядно 125

сабля 60
сад 81, 84, 85
(из) саду 155, 164
(по) саду 138, 158
садить 205, 206, 207, 208, 210, 216, 232, 235
сальвировать 238, 239
сальвовать 239
салютовать 249
сани 66
сахарить 231
сбыться 188, 191, 192, 193
свалить 213
свалиться 213

сварить 205, 213
сват 89, 109
свежевать 252
сверлить 211
сверло 125
свет 81, 97
(до) свету(-а) 140, 155
(на) свет 163
(по) свету 158
(со) свету(-а) 138, 157
светить 206, 207, 208, 210, 215, 232
свеча 48, 49, 50, 51, 53, 60
свинство 15
свинья 35, 36, 37, 38, 39, 40, 45, 46
свистнуть 256
свитер 95
свить 182
свиться 189, 190
связь 72, 73, 74, 76, 78
сгрузиться 225, 226
сдать 182
сдаться 188, 189, 190, 191
седло 123, 124
сейнер 95
секретарить 223
сектор 94, 100
селезень 66
селить 211
село 116, 117, 123, 124, 125
сельдь 66, 76, 79
семейство 15
семья 35, 36, 37, 38, 39, 40, 45, 47
семя 119, 131
сени 66
сено 111, 118, 122
(от) сена 156
(по) сено 154
(под) сеном 161
сень 66, 72
сера 60
серб 101
сердить 206, 210
сердиться 234
сердце 121
(до) сердца 155
(за) сердце 138, 150
(на) сердце 138, 143, 145, 161
(от) сердца 156
(по) сердцу 138, 159
(под) сердце 152
серебрить 231
середа (среда) 35, 36, 37, 39, 40, 41, 46, 49
серп 101
серьга 54, 55
сестра 19, 24, 48, 49, 50, 51, 52, 53
сеттер 94, 100
сеть 66, 73, 74, 76, 78, 79
сжечь 194, 195
сжиться 189, 190, 191, 192
сиг 106, 107
сило 125
сильный 13
сито 122
сирота 14, 20, 56
сказать 235
скала 37, 38, 45, 48, 49, 51, 52, 53
скальпировать 244
скамья 54, 55, 59
скандировать 241
скандовать 241
скатерть 76
скатить 213
скатиться 213
скирд 106, 107
скит 106, 109, 111
склоненный 29
склонить 29, 229
скоба 20
(за) скобу 151
скоблить 206, 209, 210
сковорода 35, 36, 37, 39, 40, 45
скорбь 66, 67, 68, 77
скорлупа 48, 49, 50, 51, 53
скорость 21, 77, 79
скосить 206, 210, 220
скот 101, 106
скребло 125
скрипнуть 256
скрутить 213
скула 48, 49, 50, 51, 53, 60
скутер 94
слабить 232
слана 35
сласть 66, 76
слеза 35, 36, 37, 42, 45, 53
слезоточить 218, 220
слесарь 94, 95
слить 182, 185, 186
слиться 188, 189, 190, 192
слобода 35, 36, 37, 39, 40, 42, 46

слово 117, 121
(за) слово 138
(на) слове 161
(на) слово 138, 147
(по) слову 159, 163
слог 94, 100
слон 106, 107
(-)слонить 211
слуга 48, 49, 50, 51, 53
служитель 94, 100
служить 204, 206, 207
слух 81, 97
слыть 170, 183, 185
слюда 61
слюна 61
слюнить 225
сменить 215
смерд 101, 111
смерть 66, 67, 68, 76
(до) смерти 137, 142, 143, 155, 162, 163
(на) смерть 137, 143, 147, 163
(при) смерти 137
(у) смерти 157
сместить 217
(на) смех 138, 147
(со) смеху 138, 143, 157
смола 35, 36, 37, 45
смолить 231
смутить 205
снайпер 95
снарядить 222
снасть 66, 76, 78
снег 81, 85, 86, 93, 94
(до) снегу 155
(по) снегу 138, 158
(со) снегу 158
(-) снежить 211
снити 196
сноп 101
сноха 35, 36
снять 185
сняться 193
соболезновать 249, 251, 252
соболь 92, 95, 100, 103, 104
собрать 14, 173, 174, 175, 181
собраться 260, 261, 262, 263
сова 48, 49, 50, 51, 53
совать 23, 201, 202, 203
совершить 169
советовать 249
совместить 217
совокупить 214, 216
совратить 228
совратиться 188
согнать 181
содрать 173
содрогаться 256
содрогнуться 256
сожрать 181
созвать 14, 174, 175, 181, 183, 186
создать 170, 173, 174, 175, 176
создаться 260, 261, 262, 269
сойти 23, 196
сойтись 194
сок 81, 85, 97, 98
сокол 95
солгать 173, 181, 194
солить 205, 211, 227
солнце 122
соль 66, 67, 76
(без) соли 157
(за) соль 151
(на) соль 149
(по) соль 154
сом 101
сон 101
сопло 125
сорвать 173, 174, 175, 181, 185
сорваться 190, 192
сорить 211
сорт 89, 94
сортировать 246, 247
сосна 62, 63
сотворить 214, 216, 218
соткать 183
соткаться 193
соус 95
софа 54, 55
соха 35, 36, 37, 39, 40, 45, 46
(за) соху 151
сохранить 228
сочинить 221
(у) спаса 157
спасаться 191
спать 170, 174, 183, 185
спаться 192
спина 37, 62, 63
(за) спину 137, 149, 164
(на) спину 137, 145, 146, 164
(об) спину 137
(под) спину 152
спирт 89, 90
спиться 188, 190, 192
сплыться 188
спрыгивать 256
спрыгнуть 252, 253, 254, 256

прянуть 253, 256
редство 121
ссорить 230, 231
стабилизировать 239
стабилизовать 239
стадо 118, 119, 121
стажировать 247, 248
стажироваться 247, 248
стан 28, 81, 84, 85, 97, 98
(-)становить 205, 206, 207, 210
становиться 208
стапель 95, 100
старить 232
стать 76
стащить 213
стебло 125
стегно 124
стекло 124, 128
стеллаж 114
стена 13, 37, 38, 42, 43, 44, 59
(за) стену 137, 150, 151, 165
(на) стену 137, 138, 146, 165
(об) стену 137, 153, 166
стень 66
степь 21, 24, 66, 69, 73, 74, 76, 78, 79
(из) степи 155
(по) степи 159
стерлядь 76, 79
степень 76
стих 101, 106, 107
стог 93, 94, 101, 102
стол 101
(о) стол 153
(по) столу 138, 143, 159
столп 101
стопа 37, 38, 48, 49, 50, 51, 53, 59
сторож 81, 93, 94
сторожить 227, 231
сторона 35, 36, 37, 38, 39, 40, 46
(на) сторону 137, 147
(на) стороны 137
сторониться 228
страдать 203
страна 54, 55
страсть 66, 67, 68, 76
стрекоза 48, 49, 50, 51, 53
стрела 35, 36, 37, 42, 43, 44, 45
(-)стрелить 205, 206, 210, 232
стрелка 61
стрельба 59
стремя 117, 132
стрепет 94, 100
строка 35, 36, 37, 38, 39, 40, 43, 44, 46
строчить 207, 209, 210
струг 28, 81, 85, 93, 97, 98, 100
струна 62, 63
струп 81, 97
струя 48, 49, 50, 51, 52, 53
студ 101
студить 207, 209, 210, 213
ступа 60, 61
ступень 77
ступить 206, 210
стыдиться 168
суд 'судно' 81, 94
суд 101
судить 204, 206
судно 121
судьба 48, 49, 50, 51, 53
судья 48, 49, 50, 51, 53
суета 54
сукно 123, 124, 128
сулить 232
сума 55
суммировать 241
суммовать 241
суп 89
сурьмить 231
сучить 206, 207
сушить 205, 206, 209, 210, 213, 232
схоронить 213, 228
счерпнуть 253
счет 94
сын 81, 84, 85
(за) сына 135
(на) сына 146, 165
(от) сына 156
(у) сына 157
сыр 109
сыть 66

табель 94
тавро 129
такелаж 115
таксировать 241, 244, 245
таксовать 241
тать 28, 81, 85, 97, 98, 104
тащить 205, 206, 207, 208, 210, 213, 227
тварь 66, 68

твердь 66
(изо) Твери 136
твист 109, 115
(-)творить 207, 214, 218
телефонить 212
телефонировать 212
тело 117, 121
(из) тела 155
тельцá 122
темнота 57
температурить 233
тендер 95
тенето 124, 126
тенор 93, 94, 100
тень 66, 73, 76
(-)теплить 232
теплиться 226
тепло 123
теребить 206, 207
терем 81, 93, 94
термометр 15
термос 95
терн 101, 111
тесло 125
теснота 57
тесто 117, 122
тесть 103
тетерев 93, 94
тигр 109
тина 60
типаж 115
тираж 114
тиф 90
тишина 57
ткань 72
ткать 170, 173, 181, 185
ткаться 192, 193
ток 94, 100
токарь 95, 100
(без) толку 138, 143, 157, 162
толпа 48, 49, 50, 51, 52, 53
том 89, 94, 100
тон 89, 94, 100
тоннаж 115
тонуть 194, 198
топить 205, 206, 210, 231, 232
тополь 94, 95, 100, 103
торбас 94
торг 81, 85
торгаш 113
тормоз 93, 94, 100
тормозить 225
торока 95
торопить 206, 210
тост 109, 115
точить 206, 210, 218, 219, 220
трава 48, 49, 50, 51, 52, 53, 59, 60
травить 206, 207, 209, 210 213, 232
трактировать 238
трактор 94, 100
транспортировать 238, 239
транспортовать 239
тренаж 115
тренировать 246
третировать 245
треть 76
трогать 256
тронуть 200, 252, 253, 254, 256
тропа 48, 50, 51, 53, 60
трость 66, 73, 76
труба 48, 49, 50, 51, 52, 53
трубить 206, 207, 208, 213
труд 101
трудиться 207, 208, 209, 210, 232
труп 81, 97
трус 81, 85, 97, 98
трюм 90
трюфель 92
туес 94, 100
тужить 206, 207, 210
туз 106, 107
тук 81, 97
тулово 121
тушить 206, 207, 210
тура 55
турить 207
туча 60
тушить 206, 207, 208, 210
тюк 106, 108
тюрьма 48, 49, 50, 51, 52
тягло 125, 126
тягота 56
тянуть 198

убелить 216, 218
убить 194
облаготворить 214
убрать 174, 175, 183, 185
убыть 176, 179, 181
уварить 213
увиться 190
увлажить 225
угасить 205
углубить 224, 231, 234
угнездиться 225

(за) угол 138, 150
(из) угла 154
(на) угол 138
(под) угол 152
уголь (угль) 103, 104, 105, 260, 262
угорь 104
уда 62, 63, 64
удаться 188, 189, 190
уделить 215, 216, 218, 229
удило 121
удить 207, 210, 225
удрать 183
уж 101
ужиться 188, 189, 190
уза 48, 49, 50, 51, 53
узреть 196, 197
уйти 194, 196
уклониться 29
укусить 214, 216
улей 94, 100
улечься 191
улить 180
улиться 190
уложить 205
ум 101
умалить 225, 232
уменьшить 27, 223, 234
умереть 180, 181, 182, 195
уместить 211, 217
умиротворить 214
уморить 209, 211, 217
унизить 232
уничтожить 222
унтер 95
унять 180
униться 187, 190, 192, 193
упереть 180
упереться 188, 189
упиться 193
уплотнить 224
уплыть 178, 180, 182
упоить 216, 229
упомянуть 199
упорхнуть 253
упростить 224
упустить 205, 206
уродить 209, 217
урюк 114
ус 101, 102
усадить 216
ускорить 223
устранить 29, 228
усугубить 27, 225
уста 123
утешитель 13
утро 117, 129, 130, 131
(по) утру 159, 160
ухо 128
(до) уха 155
(за) ухо 138, 143, 150, 164, 166
(за) уши 150
(за) ухом 160
(на) ухо 145, 166
(на) уши 145
(по) уху 138, 159, 166
(по) уши 138, 143, 153, 154, 164
(под) ухо 152
(под) ухом 161
уценить 214
учинить 221
учитель 93, 95, 100
учить 128, 205, 206, 210
учиться 205
ушко 125

фазан 114
фактор 93, 100
фаршировать 246
фельдфебель 93, 100
фельдшер 93, 94, 100
фельдъегерь 94
финт 109, 115
флагман 93, 100
флатировать 240, 242
флигель 93, 95, 100
флот 90
флюгер 93, 94
формировать 244, 246
форсировать 244
форт 89, 90
фронт 20, 86, 89, 90, 260, 261, 262, 263, 269
фунт 109
фураж 26, 114
фурман 93, 99, 100
фухтель 92
фыркать 203

хайло 125
хвалить 206, 210
хватить 206, 210
хвост 101
хвоя 61
хип 109
хитрость 77
хлеб 93, 94, 95
(за) хлеб 151

(на) хлеб 149
(по) хлебу 159
(у) хлеба 157
хлев 93, 94, 100, 101
хлопота 37
хлыст 110, 111
хлюст 110, 111
хлябь 66
ход 94, 100, 101
ходить 23, 206, 210, 232, 235
холм 101, 106, 107, 108
холод 93, 94
холст 115
хор 89
хоронить 206, 208, 210, 213
хранить 228
хронометраж 115
хула 61
хутор 94, 100

цвет 81, 84, 85, 93, 94
цедить 206, 207, 210
цеж 101
целина 57
цель 78
цена 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 45, 46
цензировать 238, 244
цензор 93, 100
ценить 205, 206, 207, 208, 210, 213
централизировать 239
централизовать 239
(-)цепить 206, 210
цепь 66, 69, 70, 73, 76, 79
(на) цепь 137, 146
(по) цепи 159
цех 89, 94, 100
циркуль 93, 95, 100
цитировать 241
цитовать 241

час 102
(от) часу 138, 143, 156
частота 57
часть 66, 68, 73, 74, 76
чаща 61
челн 81, 85, 103
чело 123, 124, 125
челюсть 77
червь 81, 85, 103, 104
череп 93, 94, 99
чернить 232
черпать 203, 254
черта 35, 36, 48, 50, 51, 53
чертить 206, 207, 208, 209, 210, 213, 214, 232
честь 66, 67, 73, 74, 76
(на) честь 149
четверть 66, 71, 76
(без) четверти 157
чин 81, 84, 85
(по) чину 159
чинить 205, 206, 207, 221
число 12, 125
чрево (черево) 117, 121, 123
чугун 26, 114
чудо 119, 121
чучело 121, 122
чудь 66

шаль 77
шантаж 114
шар 81
шаржировать 244
шарф 90, 109
шафер 93, 94
шевелить 209, 210
шевелиться 207, 209
шелеп 93
шелк 94
шелохнуть 199, 200
шелушить 231
шенкель 95
шерсть 66, 73, 74, 76, 260, 261, 262, 263, 269
(без) шерсти 157
(по) шерсти 159
шинель 79
широта 57
ширь 66
шкаф 89
шкипер 93, 94, 100
шлих 109
шлюз 90
шницель 95
шнур 10, 107
шомпол 93, 94, 100
шофер 95
шпик 106
шприц 90, 109
шпунт 106
шрифт 89, 90, 109, 115
штаб 89, 90
штабель 94, 100
штемпель 93, 95, 100
штепсель 95, 100
шторм 95

штрих 106
штурман 93, 94, 100
штуцер 94, 100
штык 106
шулер 94, 100
шум 81
шурф 90
шут 108, 109
шутить 206, 210

щегла 37
щеголь 94, 100
щека 35, 36, 37, 39, 40, 46
(за) щеку 137, 150, 164
(на) щеке 161
(на) щеку 137
щекотить 206
щель 66, 72, 74, 77
щемло 124, 126
щениться 207
щепа 48, 49, 50, 51, 53
щеть 66
щит 101

экзаминировать 239
экзаменовать 239
экипаж 115
экипировать 245, 246
эмалировать 246, 247
этаж 26, 114

юг 109
юнкер 93, 94, 100
юпитер 95

ядро 123, 124
язык 26, 114
яйцо 124, 127
якорь 93, 95, 100
яма 60
ярмо 125
ярость 71
ярус 95
ястреб 93, 94, 100

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

I

АКЦЕНТНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ИМЕННОМ СЛОВОИЗМЕНЕНИИ 30

Глава первая

Изменение ударения имен существительных женского рода на *-а(-я)* 30

Глава вторая

Изменение ударения имен существительных женского рода с основой на мягкий согласный 66

Глава третья

Изменение ударения имен существительных мужского рода 80

Глава четвертая

Изменение ударения имен существительных среднего рода 116

Глава пятая

Изменение ударения в предложно-именных сочетаниях . . . 135

II

АКЦЕНТНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ГЛАГОЛЬНОМ СЛОВОИЗМЕНЕНИИ 167

Глава первая

Изменение ударения в формах прошедшего времени 168

Глава вторая

Изменение ударения в формах настоящего времени 194

Глава третья

Глаголы *и*-класса. Изменение ударения в формах настоящего времени, в формах инфинитива и во всей системе форм . . . 204

Глава четвертая

Изменение ударения в формах инфинитива и во всей системе форм 237

III

СОВРЕМЕННЫЕ АКЦЕНТНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В СВЕТЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ 259

Заключение 286
Литература 289
Принятые сокращения и источники 295
Указатель слов 301